

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2024 Volume 28 No. 2

**Founded in 1997
by the RUDN University**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г. **Учредитель:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

DOI: 10.22363/2687-0088-2024-28-2

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

ISSN 2687-0088 e-ISSN 2686-8024

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

---

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 15.04.2024. Выход в свет 28.05.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 618. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. LARINA, RUDN University, Russia
e-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, USA
e-mail: ikecskes@albany.edu

ASSOCIATE EDITORS

Douglas Mark PONTON, University of Catania, Italy
Olga A. LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, RUDN University, Russia
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (UNED), Spain
Steven A. BEEBE, Texas State University, USA
Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University, Russia
Donal CARBAUGH, University of Massachusetts, USA
Vadim DEMENTYEV, Saratov State University, Russia
Jean-Marc DEWAELE, Birkbeck, University of London, UK
Yulia EBZEEVA, RUDN University, Russia
Cliff GODDARD, Griffith University, Australia
Svetlana IVANOVA, Saint-Petersburg State University, Russia
Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University, Russia
Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Hungary
Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute, Russia
Eleonora LASSAN, Vilnius University, Lithuania
Carmen MAÍZ-ARÉVALO, Complutense University of Madrid, Spain
Sara MILLS, Sheffield Hallam University, UK
Andreas MUSOLFF, University of East Anglia, UK
Etsuko OISHI, Tokyo University of Science, Japan
Aneta PAVLENKO, University of Oslo, Norway
Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau, Germany
Klaus SCHNEIDER, University of Bonn, Germany
Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Olga A. SOLOPOVA, South Ural State University (National Research University), Russia
Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages, China
Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University, India
Rafael Guzman TIRADO, University of Granada, Spain
Maria YELENEVSKAYA, Technion, Israel Institute of Technology, Israel
Anna ZALIZNIAK, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Franco ZAPPETTINNI, University of Liverpool, UK

Review editor *Konstantin V. Zenkin*
English language editor *Julia B. Smirnova*
Computer design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАРИНА Татьяна Викторовна, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

КЕЧКЕШ Иштван, Университет штата Нью-Йорк, США
e-mail: ikecskes@albany.edu

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

ПОНТОН Дуглас Марк, Катанийский университет, Италия

ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Испания

БИБИ Стивен А., Университет штата Техас, США

БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

ГОДДАРД Клифф, Университет Гриффит, Австралия

ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадский университет, Испания

ДЕВАЕЛЕ Жан-Марк, Лондонский университет, Великобритания

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт, Израиль

ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН, Россия

ЗАПЕТТИНИ Франко, Ливерпульский университет, Великобритания

ИВАНОВА Светлана Викторовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ИРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Россия

КАДАР Дэниел, Институт лингвистики Венгерской академии наук, Венгрия

КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия

КАРБО Донал, Массачусетский университет, США

ЛАССАН Элеонора, Вильнюсский университет, Литва

МАИС-АРЕВАЛО Кармен, Университет Комплутенсе де Мадрид, Испания

МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания

МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии, Великобритания

ОИСИ Эцукэ, Токийский исследовательский университет, Япония

ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло, Норвегия

ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау, Германия

СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии, Греция

СОЛОПОВА Ольга Александровна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Россия

СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков, КНР

СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, Делийский университет, Индия

ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет, Германия

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Россия

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Редактор англоязычных текстов **Ю.Б. Смирнова**

Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Alan CIENKI	
Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting	227
Jean Mathieu TSOUMOU	
Facework in teacher-student email interactions	243
Valery D. SOLOVYEV and Anna I. IVLEVA	
The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach	266
Masha NIKABADI, Ahmad Reza LOTFI and Bahram HADIAN	
Fictive motion categories in modern Persian: A cognitive semantic approach	294
Andrey G. FOMIN and Nadezhda S. KARACHEVA	
Modern forms of a prophecy: From written word to audiovisual Internet product	321
Liliya R. KOMALOVA	
Structure and dynamics of communicative interaction between a potential patient and a doctor during written medical Internet consultation	338
Olga S. CHESNOKOVA, Roberta ALONZI and Luiza N. GISHKAEVA	
Song and poetic text <i>Bella ciao</i> in a mosaic of languages, cultures and arts	365
Lyubov A. KOZLOVA and Anna V. KREMNEVA	
Polymodality of perception and its reflection in fiction text: Cognitive and semiotic perspectives	391
Sergei V. AGEEV, Evgeny A. PUSHKAREV and Natalia V. ANTONENKO	
Cognitive underpinnings of misperceptions in morphed humor	415
Svetlana L. KUSHNERUK	
Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus	439
BOOK REVIEWS	
Yuqing FENG	
Review of Eleonora Esposito. 2021. <i>Politics, Ethnicity and the Postcolonial Nation: A Critical Analysis of Political Discourse in the Caribbean</i> . Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins	466
Rushengul URAYIM	
Review of Zhao Ming. 2023. <i>Cultural Semantics in the Lexicon of Modern Chinese</i> . Leiden: Brill	470
In remembrance of Jurij D. APRESJAN	475
Igor MEL'ČUK . An epoch has ended: to Apresjan's dear memory	480

СОДЕРЖАНИЕ

Alan CIENKI

- Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting
Самофокусировка и диалогичность жестикуляции в синхронном переводе 227

Jean Mathieu TSOUMOU

- Facework in teacher-student email interactions
Сохранение лица в электронной переписке преподавателей и студентов 243

Valery D. SOLOVYEV and Anna I. IVLEVA

- The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach
Различие позитивности в лексиконах русского и английского языков: подход, основанный на больших данных 266

Masha NIKABADI, Ahmad Reza LOTFI and Bahram HADIAN

- Fictive motion categories in modern Persian: A cognitive semantic approach
Категории фиктивного движения в современном персидском языке: когнитивно-семантический подход 294

Andrey G. FOMIN and Nadezhda S. KARACHEVA

- Modern forms of a prophecy: From written word to audiovisual Internet product
Современные формы пророчества: от письменной формы до аудиовизуального интернет-продукта 321

КОМАЛОВА Л.Р.

- Структура и динамика коммуникативного взаимодействия в паре «потенциальный пациент – врач» в рамках письменной консультации на интернет-форуме 338

ЧЕСНОКОВА О.С., АЛОНЦИ Р., ГИШКАЕВА Л.Н.

- Песенно-поэтический текст *Bella ciao* в мозаике языков, культур и искусств 365

КОЗЛОВА Л.А., КРЕМНЕВА А.В.

- Полиmodalность восприятия и ее отражение в художественном тексте: когнитивно-семиотический аспект 391

АГЕЕВ С.В., ПУШКАРЕВ Е.А., АНТОНЕНКО Н.В.

- Когнитивные механизмы ошибочной интерпретации юмора морфных единиц 415

КУШНЕРУК С.Л.

- Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат 439

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ**Yuqing FENG**

- Рецензия на книгу Eleonora Esposito. 2021. *Politics, Ethnicity and the Postcolonial Nation: A Critical Analysis of Political Discourse in the Caribbean*.
Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins 466

Rushengul URAYIM

- Рецензия на книгу Zhao Ming. 2023. *Cultural Semantics in the Lexicon of Modern Chinese*. Leiden: Brill 470

- Памяти Ю.Д. АПРЕСЯНА 475

- Igor MEL'ČUK. An epoch has ended: to Apresjan's dear memory 480

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34572>

EDN: CNYOFQ

Research article / Научная статья

Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting

Alan CIENKI

Vrije Universiteit Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

 a.cienki@vu.nl

Abstract

The present study considers an implicit debate in the field of gesture studies as to whether gestures are produced primarily for the speaker or for the addressee. It considers the unique monologic setting of simultaneous interpreters working in a booth in which there is no visible audience present and where they only hear and do not see the speaker whose words they are interpreting. The hypotheses (H) are that the interpreters might produce more representational gestures, to aid in their own idea formulation (H1), and self-adapter movements, to maintain their self-focus (H2), rather than pragmatic gestures, which are known to serve interactive functions. Forty-nine interpreters were videorecorded as they interpreted two portions of popular science lectures, one from either English or German (their L2) into Russian (their L1) and one from Russian into their respective L2. The results showed that a vast majority of the gestures produced were either pragmatic in function or self-adapters. H2 was thus supported, but H1 was not. The frequent use of pragmatic gestures is interpreted in terms of the internalized dialogic nature of talk and gesturing itself. Both beat gestures expressing emphasis and reduced forms of presentation gestures can facilitate the interpreters' speaking by prompting the presentation and emphasis of ideas. Though focused on their own process of speech production, simultaneous interpreters may embody elements of the lecturer of the source text engaging with the audience, blended with their own dialogic speaking behaviors, aspects of which we may see in their gesturing.

Keywords: *simultaneous interpreters, gesture, self adapters, pragmatics, dialogism, cognition, interaction*

For citation:

Cienki, Alan. 2024. Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 227–242. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34572>

© Alan Cienki, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Самофокусировка и диалогичность жестикуляции в синхронном переводе

А. ЧЕНКИ

Свободный университет Амстердама, Амстердам, Нидерланды

 a.cienki@vu.nl

Аннотация

Данное исследование посвящено рассмотрению вопроса о продуцировании жестов: жестикулирует ли говорящий в первую очередь для себя или для адресата? В статье рассматривается уникальная монологическая ситуация, характерная для синхронных переводчиков, которые работают в кабине, где они слышат, но не видят аудиторию и оратора, чью речь переводят. Гипотезы заключаются в том, что переводчики будут использовать больше репрезентирующих жестов, которые помогут им сформулировать идеи (гипотеза 1), и самоадаптеры, чтобы сохранить концентрацию внимания (гипотеза 2), а не прагматические жесты, которые выполняют интерактивные функции. Сорок девять переводчиков были записаны на видео в процессе перевода двух научно-популярных лекций: одной с английского или немецкого (не родного для них языка) на русский (их родной язык) и одной с русского на соответствующий иностранный язык. Результаты показали, что подавляющее большинство произведенных жестов либо выполняли прагматическую функцию, либо являлись самоадаптерами. Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась, а первая — нет. Частое использование прагматических жестов интерпретируется с точки зрения интернализированной диалогической природы речи и самой жестикуляции. Как ритмичные жесты, использующиеся для акцентуации вербальной информации, так и редуцированные формы репрезентирующих жестов могут облегчить устную речь переводчиков, стимулируя процесс изложения и акцентирования идей. Несмотря на то, что переводчики-синхронисты сосредоточены на собственном процессе речепроизводства, они могут воспроизводить аспекты взаимодействия автора исходного текста с аудиторией, совмещенные с их собственным диалогическим поведением, аспекты которого проявляются в их жестикуляции.

Ключевые слова: *переводчики-синхронисты, жесты, самоадаптеры, прагматика, диалогизм, познание, общение*

Для цитирования:

Cienki A. Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 227–242. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34572>

1. Introduction

There is a long-standing debate in the field of gesture studies about whether gestures primarily serve the person producing them—as an aid in formulating and expressing their ideas—or whether they mainly serve the goal of facilitating communication with others (Iverson & Goldin-Meadow 1998). In some ways, this dichotomy is artificial, since the two views are not mutually exclusive. However, the distinction highlights two main directions that gesture research has taken over the past decades: on the one hand, involving work mainly in the field of cognitive psychology dedicated to studying the relation of gesture to the gesturer’s presumed

thought processes; and, on the other hand, research in interaction analysis of various kinds examining the roles that gestures play in interaction. The two views can be further characterized as follows.

The cognitive view grew significantly along with the interest in gesture studies generated to a large degree by the publication of McNeill's (1992) book *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. This research put a spotlight on issues such as how speakers' idea units (which McNeill called "growth points") develop and are unpacked into speech and gesture on a moment-by-moment basis during talk. The attention in this research is therefore on internal processes of conceptualization leading to gesture production. In addition, this work considers how descriptions of spatial configurations and movements relate to the lexical and grammatical means that speakers have in their language for expressing spatial events (e.g. Kita & Özyürek 2003). This line of inquiry was related to Slobin's (1987, 1996) work on thinking for speaking and it expanded to include consideration of gesture in this process (e.g. McNeill & Duncan 2000, see also Boutet et al. 2016). There was a particular focus on representational gestures, given the attention to the expression of spatial concepts and especially movement events. Others (e.g. Rauscher et al. 1996) homed in more on the potential role of gesturing in lexical retrieval during speaking. In general, these lines of research consider gesture from the perspective of how it is used by an individual speaker—from conceptualization of an idea to the "performance" of the gesture.

The other area of interest, which we can call the interactional view, is associated by many with the work of Kendon, an overview of which appears in his (2004) book *Gesture: Visible Action as Utterance*, but which has much earlier roots (e.g. Kendon 1973, 1980). This perspective could be characterized as an external one, taking into consideration the role of gestures in interaction. The use of gestures to serve pragmatic functions has played a prominent role here (Payrató & Teßendorf 2014), including in discovering what kinds of gestures recur across speech events in a given community with such functions (e.g. Bressemer & Müller 2014, Ladewig 2014). It has been influential in the study of face-to-face interaction, helping to expand the field of conversation analysis in the direction of taking the visual side of communication into account (e.g. Mondada 2013, Streeck 2009). Certain strands of research in social psychology (on the interactional role of gestures (e.g. Bavelas 1992, Clark 2003) share some areas of interest with this research, but from their own perspective. Studies from cultural anthropology have also contributed to our knowledge of the pragmatic and interactional roles of gesture (see Brookes & Le Guen 2019). Some have even extended this into the analysis of political discourse (e.g. Cienki & Giansante 2014, Ponton 2016, Way 2021).

Most of the existing research has naturally entailed contexts involving two or more interlocutors, even if the context only entails one person speaking monologically to another (especially in experimental settings). Much less research has considered situations of monologic talk in which the addressee is not present, and indeed, when the person may only be speaking to an imagined audience. Such

contexts include people talking on the phone when it is only an audio (not a video) call and even less interactive settings, such as simultaneous interpreters working in a booth where they may not see the audience hearing them.

These contexts provide fertile ground for raising the question as to how gestures are used. Previous research on simultaneous interpreters' gestures has primarily focused on the context in which they can see the person whose speech they are interpreting. For example, Zagar Galvão (2015, 2020) and Galhano-Rodrigues & Zagar Galvão (2010) found that the degree to which interpreters imitate the gestures of the speaker they are interpreting varies widely from one interpreter to another. Stachowiak-Szymczak (2019), by contrast, compared the gesturing of interpreters seeing a blank screen versus seeing images congruent or incongruent with a written source text they were interpreting, but she only analyzed their use of beat gestures—small down-and-up or out-and-in movements that often align with prosodic stress.

When interpreters only hear and do not see the speaker, they do not know what gestures the latter is producing. One might expect that in such contexts, the interpreter would only be producing gestures for their own thinking for speaking. Taking that perspective, one could hypothesize a high frequency of representational gestures, to aid the interpreter in their lexical retrieval. Representational gestures, even if schematic in how they depict referents in the speech, might also help interpreters maintain concepts for the short intervals required to interpret them, by serving as a form of external memory (cf. Kita 2000 on how representational gestures help speaking). We therefore hypothesize that simultaneous interpreters working in a booth might use a larger amount of representational gestures when performing their task (to help themselves with lexical retrieval in the target language or to literally hold on to concepts as a form of externalized memory), rather than interactive, pragmatically oriented gestures. This should be especially true in the context where the interpreters are not facing an audience, or even do not have any audience physically present. But is that what one encounters in practice?

In addition, it is worth considering another type of gestures, i. e. self adapters. These are self-oriented movements that involve “fixing” oneself in some way. As pointed out by (Freedman 1972), this can involve discrete body-focused movements—such as briefly pushing one's hair back from one's face or adjusting one's eyeglasses, as well as sustained, continuous body-focused movements—e. g. rubbing one's fingers together or scratching oneself. Such (mainly manual) actions were of particular interest during the early years of modern gesture studies (e.g.; Condon & Ogston 1966, Freedman 1972, Kendon 1972) because of the way the analysis could be applied in clinical psychology, e.g. in examining correlations between the way patients mentioned certain subjects and used correlated self-touching movements. This was of interest because of the functions attributed to such movements, such as controlling stress or self-comforting (Ekman & Friesen 1969). However, such movements have been ignored in much subsequent research

in the field of gesture studies that developed from the 1990s onward.¹ This is because the emphasis turned to the role of gestures in two domains outlined above: in depicting concepts that speakers were trying to express and in engaging in interaction with interlocutors. The known functions of such self-adapters (self-soothing and maintaining one’s mental focus) mean that they can be expected to be commonly used by simultaneous interpreters to regulate the stress of the task they are engaging in. Therefore, considering them in the current study gives rise to a second hypothesis, namely that self-adapters will also be expected to be used during interpreting in larger quantities than pragmatic gestures, given the self-orientation of the former versus the kinds of communicative functions that the latter are associated with. This would also be in line with the expectation behind the first hypothesis, that, while working in the interpreting booth, interpreters will not be employing as many interactionally oriented gestures.

2. Data

The present study used a simulated setting of simultaneous interpreting to study the interpreters’ use of gestures during their work. It involves data collected between 2019 and 2021 at Moscow State Linguistic University, employing an interpreting booth used in training simultaneous interpreters. All the participants were native speakers of Russian (which we will call their first language, or L1), trained in interpreting from and into either English or German as a second language (L2). Data were collected from 29 simultaneous interpreters interpreting from Russian into English and vice versa (called the ENG-RUS dataset) and from 20 interpreters interpreting from Russian into German and vice versa (called the GER-RUS dataset). Each interpreter heard a ten-minute portion of each of two popular science lectures, one in Russian (from the website PostNauka) that they had to interpret into L2 and one from their respective L2 (either a TED Talk in English or a lecture in German from the ARD Mediathek) that they had to interpret into Russian. In each case, the lecture dealt with topics related to evolution, biodiversity, and the extinction of species. Each participant was provided with a vocabulary list beforehand that suggested translation equivalents for uncommon discipline-specific terms used in the lecture. Each session began with one minute of practice interpreting from a portion of the lecture that was not part of the ten minutes in the actual interpreting task; this allowed them to warm up to the speaker and to the conditions of the recording session.

For the purposes of our study, participants were not allowed to bring any paper, pens, or phones into the interpreting booth. While this does differ from their regular practice, this intervention was introduced in order to examine interpreters’ behavior using only their own ‘natural media’ (Gibbon 2005)—their own minds and

---

¹ Notable exceptions to this include the research connected with the NEUROGES system of gesture coding (e.g. Lausberg 2013, Lausberg & Sloetjes 2016) and related to the guide for “Annotating multichannel discourse” (Kibrik & Fedorova 2020, Litvinenko et al. 2018).

bodies—and not any kind of external memory (such as written notes). In addition, the interpreters only listened to the audio of the lectures with headphones, but were not shown the videos of the talks. This was done in order to see how the interpreters gestured on their own, without any potential influence from seeing the gestures of the original lecturers.

The set-up for recording the interpreting sessions was as follows. Interpreters sat at a table in an interpreting booth, looking at an empty classroom in front of them through the booth window. The audio recording was played from a laptop out of their view. Their interpreting sessions were recorded with three cameras: one on a tripod behind their right shoulder, providing a bird's-eye view on their hands on the desk; a small GoPro camera placed at the edge of the desk, facing them, allowing for a close-up frontal view of their hands; and a camera inside the Tobii eye-tracking glasses that participants wore, showing where they looked during the task. The videos from the three cameras were then synchronized and edited into one composite video for analysis, as shown in Figure 1. The present study used the views from the first two cameras for the gesture analysis.

Figure 1. The three angles from which the videorecording was performed

3. Methods

Each composite video from each interpreting session was analyzed in its own file created in the software ELAN (ENA, March 13, 2024)². Given the overall amount of the recorded data (980 minutes = 10 minutes × 2 rounds each × 49 interpreters), two minutes were chosen from each video for analysis: minutes 3:00–3:59 and 8:00–8:59. These were selected since they provided moments from the

² <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

first and second halves of each interpreting session, yet not the very first minutes (when the interpreters were becoming accustomed to the task) nor the last minute (when they might have experienced more fatigue).

These portions of the videos were coded for the functions of the gesture strokes; the identification of gesture strokes and their possible functions in context were defined in detail over four pages of the coding manual we devised. The gesture functions under consideration can be briefly characterized in the following way.

Representational gestures depict the content of the speech in one of five ways – acting, molding, holding, tracing, or embodying the referent that was mentioned in speech or that can be inferred from the context (building on Müller’s 1998, 2014 inventory of gestural modes of representation). For example, when a person in a restaurant asks the waiter if they can pay the bill by pretending to write something in the air, with their hand pursed as if holding a pen, this would be an example of acting out writing. Molding involves moving one’s hands as if touching a surface, and holding is the static version of that mode of representation. Tracing involves drawing with one’s finger, while in embodying, the hand becomes the referent referred to (as when one might use one’s other hand as a flat piece of paper being written on in the example of asking the waiter for the bill).

Deictic gestures involve pointing to an object with a finger or hand, or touching the desk in front of oneself to identify a spatial or temporal location.

Pragmatic functions presuppose using any one of a set of gestures known to be common in European cultures (see Bressemer & Müller 2014), and particularly in Russian culture (Grishina 2017), for showing a stance towards what is being said, such as negating (e.g. with a sweeping away gesture), presenting an idea (e.g. with a palm-up open hand), expressing uncertainty (e.g. with a wavering flat hand), emphasizing one’s point with beats, etc.

Adapters³ involve self-adaptor (SAD) movements (gripping one’s own hands, scratching oneself, etc.) and other adaptors (OAD) (e.g. rubbing the desk); the former are oriented towards oneself (see Ekman & Friesen 1969] for details), while the latter are directed away from oneself.

The sub-categories mentioned for each main category above were intended to provide reference points for making distinctions between the main functions based on more concrete characteristics. The analysis here focused on the main categories rather than the sub-categories, with the exception of adapters, which were analyzed as separate sub-categories for reasons described below.

The videos were distributed among three teams of three coders each. The coding of gesture functions was performed in ELAN, with cross-checking among members of the team assigned to each video to produce a consensus ELAN file for each video by one team. Subsequently, another round of cross-checking involved exchanging the ELAN files and videos with another team who then performed a cross-check. Instances of disagreement in coding were then discussed and resolved

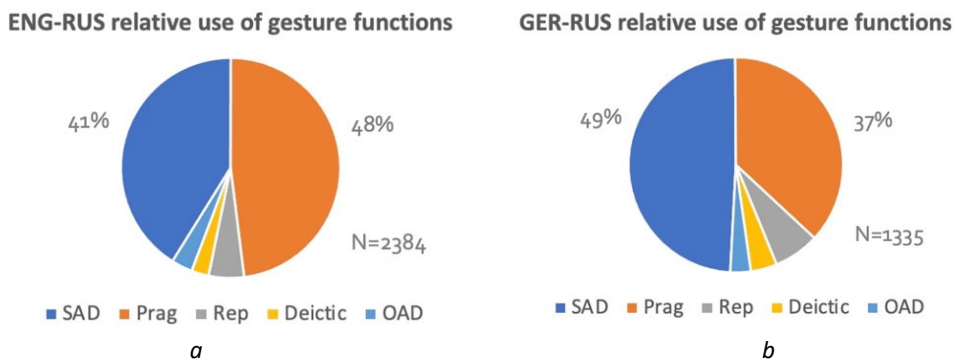
---

³ Since this article is written using American English, the American spelling ‘adapter’ will be used, but it is worth noting that much research on this type of gesture appears under the term ‘adaptor’.

at regular data sessions held with all members of all teams plus the project coordinator. Any resolutions of disagreements that resulted in changes to the coding manual were then applied to previously coded files. However, since the coding manual derived from a previous project in which it had been developed in detail for gesture function coding, such amendments in the manual for this project were few. The results from ELAN were then exported to Excel files for quantitative analysis.

4. Results

The percentages of the different functions of gestures are given in Figures 2a and 2b.

Figures 2a and 2b. The relative use of gesture functions in the two datasets

The majority of the gestures produced in the portions of the data analyzed were either serving a pragmatic or adapter function, and among adapters, the proportion was greatly skewed towards self-adapters. Therefore, the distinction between SADs and OADs was maintained for the analysis. The first hypothesis posed at the beginning of this study was thus not supported, neither for the English-Russian study nor for the German-Russian study. Gestures were not used by the interpreters primarily to represent ideas that they were trying to express. They also served a deictic function in a small percentage of cases. The second hypothesis, however, concerning SADs, was supported; many of the interpreters produced many self-adaptive movements while performing their task.

These findings will be considered further in the Discussion below, but first it is worth considering a few of the details that became apparent during the coding of the pragmatic gestures and SADs. One is that the coding of the gestures with pragmatic functions involved recognizing variations from the standard types of examples that are (understandably) used as illustrations of different pragmatic gesture functions in the literature. The best example here is the category of gestures used to present a point. The classic example for this is the palm up open hand gesture, described in detail in Müller (2004). However, this function was accomplished in our dataset with a great deal of variation in the effort exerted. The rotation of the upper arm needed to truly turn one's palm up requires an effort, and

the participants in our study could rarely afford to exert such effort for one gestural movement, given the fast pace of their speaking task in performing simultaneous interpreting. Their position, sitting with their hands on a desk, is also a contextual factor in their normal work in an interpreting booth that constrains their movement in certain ways. Consequently, the function of presenting a point was accomplished by a variety of kinds of hand turn-outs, sometimes with the palm only moving slightly outward, and sometimes with a movement as small as a finger extension outward. See Cienki (2021) for a detailed analysis of the variations on these forms.

Another point concerned the great variety possible in the forms of SAD movements. Fortunately, the placement of the GoPro camera directly in front of the participants allowed for a detailed, close-up view of their hands in a way that is rarely possible in gesture research, where the camera is normally placed further away, so as to provide a view of a larger space. The range in types of self-adapters was great, from rubbing one's fingers or pulling the skin on one's arm, to wringing one's hands or rubbing one's face or head. The use of these different types also varied widely between individuals. This relates to the overall individual variation in the degree to which participants gestured: while some were more active and made movements more frequently, others kept their hands folded on the desk and gestured less frequently.

Finally, while the interpreters sometimes produced strings of SADs one after another, or sequences of pragmatic gestures, they also many times alternated between SADs and pragmatic gestures. That is, they sometimes broke a pattern of producing SADs by making small outward beat movements or turn-outs of the hand, serving a pragmatic function of making emphasis with stressed syllables in their speech. See Figure 3 for an illustration.

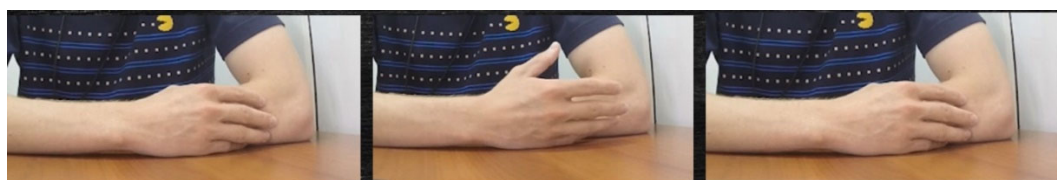

Figure 3. Pragmatic gesture interspersed between SADs (a “gesture matryoshka”)

Given the way in which these pragmatic gestures appeared to pop out of a string of surrounding SADs, we informally referred to such occurrences as “gesture matryoshki”, reminding one of the nested wooden dolls in which a small doll in the center appears to pop out when the tops of the dolls surrounding it are removed. This phenomenon will be considered further in the following Discussion section.

5. Discussion

The low amount of use of representational gestures by the interpreters did not support our original hypothesis that gestures might facilitate their thinking for interpreting by helping them maintain concepts that they needed to interpret, that is as a form of external memory. This finding is consonant with that of Leonteva et

al. (to appear) who considered a different interpreting situation in which the interpreters did see a video of the original speaker. In that context, it was found that metaphoric gestures used by the original speaker to depict abstract concepts were only minimally copied by the interpreters. Instead, the interpreters largely used pragmatic gestures, such as a palm up open hand to present ideas. The iconicity of the metaphors in such gestures was argued in Leonteva et al. (2023) to be minimal, because the as-if holding of an idea on the palm of one's hand (as argued in Müller 2004, for example) could apply to any idea; the form of the gesture is not related iconically in any obvious way to specific source domains of different metaphors by which ideas can be objectified. Leonteva et al. (2023) also argued that interpreters are under such time pressure to produce their utterances that they do not have the luxury of creating concept-specific imagery in a variety of representational gestures. The thinking for gesturing that would be involved to do so could, in fact, increase their cognitive load, given the effort needed to produce various distinct manual forms related to the concepts they are interpreting.

While deictic gestures were not a focus of this study, the small amount of them produced in this context also raises questions. One might have expected them to be used as a means of reference tracking, as when one indicates different spaces to stand for different ideas (see McNeill et al. 1993 on abstract deixis). However, in line with the minimal use of representational gestures, deictic gestures were not employed very frequently either to keep track of referents. This suggests that this type of gesturing also entails a kind of conceptual complexity for which there is no time, or for which there is no need, during the fast-paced task of simultaneous interpreting.

The extensive use of different types of pragmatic gestures raises several points for consideration. One is that there is a way in which the use of certain pragmatic gestures, and especially beat gestures (Lucero et al. 2014), might actually be facilitating speech production after all. For example, some participants in the study used presentation gestures (turning one's open hand outward toward a palm up position) in a serial fashion, as they presented one point after another in their renditions. This resulted in a kind of "revving up" motion, whereby the repeated action might have helped in keeping the participant producing interpretations. Thus, what might typically be considered gestures for others (pragmatic gestures of presenting or emphasizing ideas with a palm up open hand, hand turn-out, or beats) can also function for oneself. As Iverson and Thelen (1999) argue, gesture and speech can function as coupled oscillators in terms of how the movement of each is related to the other; see also Pouw et al. (2021) on voice-gesture biomechanical coupling.

There is also another point to consider here regarding the role of pragmatic gestures in monologic speech with no audience present. The use of such gestures could simply arise from the fact that we sometimes cannot help but produce them, e.g., in contexts in which we are talking on the phone and cannot see our addressee. Our ability to speak inherently develops ontologically in dialogic contexts, and so

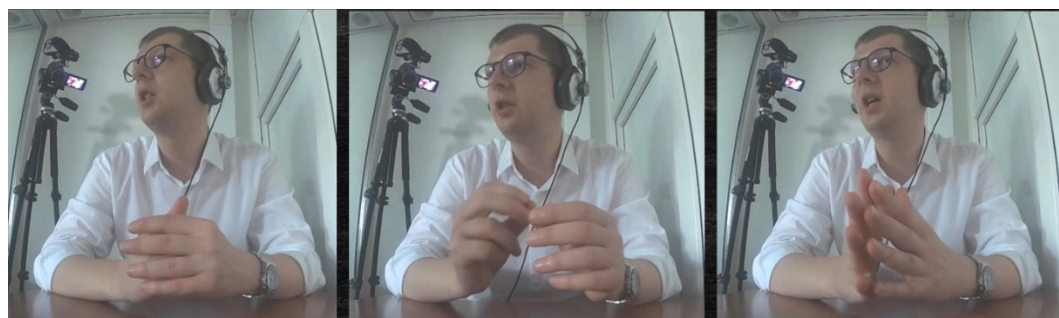

language at its core is dialogic in nature (viz. Bakhtin et al. 1981). The notion of a “private language” is problematic (Wittgenstein 1953), since even thinking to ourselves in verbal form is based on a given language that developed historically in interactive contexts. In a similar way, pragmatic gesturing is inherently part of what adult speakers do when they talk, performing speech acts (witness the performative function of gestures discussed in Kendon (2004) and Müller (1998)), showing one’s stance (Andries et al. 2023, Debras 2013), etc. They are built in our speaking routines. Children acquiring their first language do so in dialogic contexts, and we also acquire gestures from the interactional contexts of the culture of our first language. It is also interesting to note that the finger lifts when presenting a point, considered in Cienki (2021) as miniature versions of the palm up open hand, are different qualitatively from what have classically been studied as pragmatic or interactive gestures. Whereas the latter are often oriented toward the interlocutor and are performed further out from the speaker, in the interactive space, the former type, involving small finger lifts, remain close to the speaker and consist of a simple movement outward and back, rather than appearing to be oriented deictically in any particular direction. This is another way in which these gestures appear to have a pragmatic function that has become speaker-internal—that is, it has been internalized as part of the speaker’s talking behavior, regardless of the context.

A third point to consider is that there is another way in which ‘dialogicity’ comes into play in the interpreting context. Interpreters are dual speakers—uttering their own words which are derived from the original speaker’s ideas, and uttering them as if being the original speaker. (See Vranjes & Brône’s (2021) on interpreters as laminated speakers, picking up on Goodwin and Goodwin’s (2004) characterization of laminated speakers). In the present study we see how this is the case even beyond their speech. That is, some of the pragmatic gestures present a viewpoint on the utterance that the interpreter is rendering, but it is not clear whether the viewpoint is that of the interpreter or an imagined viewpoint of the lecturer whose speech is being interpreted. For example, in one instance, a participant uttered the following statement in his interpretation from German into Russian: “За последние десять тысяч лет мы потеряли почти половину площади дождевых лесов на Земле” (*In the last ten thousand years we’ve lost almost half of the rain forests on Earth*). When stating the number “ten thousand years” in Russian he separates his hands to produce a small grasping motion with the thumb, index finger, and middle finger of his right hand, as shown in Figure 4.

With this “precision grip” gesture, as Morris (2002) calls it, it appears as if the hand is “delicately taking hold of an imaginary, small object” (p. 79). This gesture is known to be used in various European cultures when speakers want to show that they are emphasizing a precise point (Kendon 2004: ch. 12). Here it could be an instance of the interpreter mentally simulating the speaker of the source text and personifying his imagined gesture in that moment. However, it could also be the interpreter’s own reaction as to how he might utter that point that was being rendered. Indeed, the two viewpoints can be blended in the interpreter at that

moment, as part of his bi-faceted role as the animator of another author’s words, to use Goffman’s (1981) categories of footing. (See Cienki & Iriskhanova (2020) for more on viewpoint blending in simultaneous interpreting.)

Figure 4. The interpreter highlights the number with a precision grip gesture (right hand) in the second image

Finally, the extensive use of self-adapters did support our second hypothesis. This finding makes sense in terms of stress management and focusing function that these movements have, as discussed earlier (see also Iriskhanova et al. 2019). However, the blended nature of pragmatic gestures embedded in SADs—the so-called “gesture matryoshki”—illustrates how it is not simply a matter of using SADs in one section of talk and pragmatic gestures in a different one. To put it another way, it is not just an issue of the speaker gesturing just for himself versus for others, as the original debate posed in the introduction to this article would have it. Rather, the dialogic nature of gesture plays out here in another way, with the interpreters’ rapid alternation between SADs and gestures with pragmatic functions. We see a kind of vacillation happening on a micro-timescale between movements that are oriented toward the self (SADs) and ones that extend outward (with pragmatic gestures), perhaps to an imagined interlocutor. This is another way in which the nature of the interpreters’ gesturing is dialogic, with a dialogue between internal versus external functions of gestures.

6. Conclusion

The interpreters in the present study did not primarily produce gestures to represent the concepts they were rendering, but rather made ones which are known to serve pragmatic functions, or made movements known as self-adapters. The context of the interpreter working in a booth without an audience might seem to be one that would be conducive to the production of gestures that would facilitate one’s own thinking for speaking, via the (partial) depiction of the concepts that one is rendering. However, this was not found to be the case; this can be attributed to the kind of speaking that is involved. In contrast to someone in a conversation who is spontaneously developing their own ideas and having to formulate them verbally, the interpreter is already provided with the ideas of another through their words in one language, which they then conceptualize and speak in another language. This

context of speaking, combined with the time pressure and cognitive load experienced by the interpreter, can help account for the low amount of gestures serving to represent ideas.

In contrast, the large amount of SADs can be related to the self-adaptive function of these movements, which can aid interpreters in their concentration and help them manage the stress that is part of their job. The frequent use of pragmatic gestures appears related to the dialogic nature of the role of the interpreter in several senses: being engaged in a communicative task, which is inherently an interactive process, and doing so in the role of an intermediary, potentially reflecting not only their own stance towards the ideas being uttered, but also the imagined stance of the person whose speech is being interpreted.

Acknowledgment

The research was supported by Russian Science Foundation grant number 19-18-00357 for the project “Verbal and co-verbal behavior under cognitive pressure: Analyses of speech, gesture, and eye gaze” carried out at Moscow State Linguistic University.

References

- Andries, Fien, Katharina Meissl, Clarissa de Vries, Kurt Feyaerts, Bert Oben, Paul Sambre, Myriam Vermeerbergen & Geert Brône. 2023. Multimodal stance-taking in interaction—A systematic literature review. *Frontiers in Communication* 8. 1187977. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2023.1187977>
- Bakhtin, Mikhail, Michael Holquist & Caryl Emerson. 1981. *The Dialogic Imagination: Four Essays by M. M. Bakhtin*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Bavelas, Janet B., Nicole Chovil, Douglas A. Lawrie & Allan Wade. 1992. Interactive gestures. *Discourse Processes* 15. 469–489. <https://doi.org/10.1080/01638539209544823>
- Boutet, Dominique, Aliyah Morgenstern & Alan Cienki. 2016. Grammatical aspect and gesture in French: A kinesiological approach. *Russian Journal of Linguistics* 20 (3). 132–151.
- Bressem, Jana & Cornelia Müller. 2014. The family of Away gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva Ladewig, David McNeill & Jana Bressem (eds.), *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*, 1592–1604. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Brookes, Heather & Olivier Le Guen. 2019. Gesture studies and anthropological perspectives. *Gesture* 18 (2–3). 119–141. <https://doi.org/10.1075/gest.00040.bro>
- Cienki, Alan. 2021. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions. *Languages and Modalities* 1. 17–30. <https://doi.org/10.3897/lamo.1.68914>
- Cienki, Alan & Gianluca Giansante. 2014. Conversational framing in televised political discourse: A comparison from the 2008 elections in the United States and Italy. *Journal of Language and Politics* 13 (2). 255–288. <https://doi.org/10.1075/jlp.13.2.04cie>
- Cienki, Alan & Olga K. Iriskhanova. 2020. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: An analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 1. 5–11. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-5-11>
- Clark, Herbert H. 2003. Pointing and placing. In Sotaro Kita (ed.), *Pointing: Where language, culture, and cognition meet*, 243–268. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

- Condon, William S. & W. D. Ogston. 1966. Soundfilm analysis of normal and pathological behavior patterns. *Journal of Nervous and Mental Disease* 143 (4). 338–347.
- Debras, Camille. 2013. *L'Expression Multimodale du Positionnement Interactionnel (Multimodal Stance-taking)*. Paris: Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3.
- Ekman, Paul & Wallace V. Friesen. 1969. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. *Semiotica* 1 (1). 49–98.
- Freedman, Norbert. 1972. The analysis of movement behavior during the clinical interview. In Aron Wolfe Siegman & Benjamin Pope (eds.), *Studies in dyadic communication*, 153–175. New York, NY: Pergamon Press.
- Galhano-Rodrigues, Isabel & Elena Zagar Galvão. 2010. The importance of listening with one's eyes: A case study of multimodality in simultaneous interpreting. In Jorge Díaz-Cintas, Anna Matamala & Josélia Neves (eds.), *New insights into audiovisual translation and media accessibility*, 241–253. Amsterdam: Rodopi.
- Gibbon, Dafydd. 2005. Prerequisites for a multimodal semantics of gesture and prosody. *Proceedings of the International Workshop on Computational Semantics* 6. 2–15.
- Goffman, Erving. 1981. *Forms of Talk*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Goodwin, Charles & Marjorie H. Goodwin. 2004. Participation. In Alessandro Duranti (ed.), *A companion to linguistic anthropology*, 222–243. Oxford: Basil Blackwell.
- Grishina, Elena A. 2017. Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya: korpusnye issledovaniya (*Russian gesticulation from a linguistic point of view: Corpus studies*). Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
- Iriskhanova, Olga K., Andrei A. Petrov, Alina I. Makoveeva & Anna V. Leonteva. 2019. Kognitivnaya nagruzka v usloviyakh sinkhronnogo perevoda: opyt polimodal'nogo analiza (Cognitive load in the context of simultaneous interpreting: An experiment in multimodal analysis). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* 38. 100–115. (In Russ.).
- Iverson, Jana M. & Susan Goldin-Meadow. 1998. Why people gesture when they speak. *Nature* 396. 228.
- Iverson, Jana M. & Esther Thelen. 1999. Hand, mouth and brain. The dynamic emergence of speech and gesture. *Journal of Consciousness Studies* 6 (11–12). 19–40.
- Kendon, Adam. 1972. Some relations between body motion and speech: An analysis of an example. In Aron Wolfe Siegman & Benjamin Pope (eds.), *Studies in dyadic communication*, 177–210. New York, NY: Pergamon Press.
- Kendon, Adam. 1973. The role of visible behaviour in the organization of social interaction. In Mario von Cranach & Ian Vine (eds.), *Social communication and movement: Studies in interaction and expression in man and chimpanzee*, 29–74. New York, NY: Academic Press.
- Kendon, Adam. 1980. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance. In Mary R. Key (ed.), *The relation of verbal and nonverbal communication*, 207–227. The Hague: Mouton
- Kendon, Adam. 2004. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, Andrei A. & Olga V. Fedorova (eds.) 2020. *Annotating Multichannel Discourse: A Guide Book*. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
- Kita, Sotaro. 2000. How representational gestures help speaking. In David McNeill (ed.), *Language and gesture*, 162–185. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kita, Sotaro & Aslı Özyürek. 2003. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal: Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking. *Journal of Memory and Language* 48. 16–32.
- Ladewig, Silva H. 2014. Recurrent gestures. In Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva Ladewig, David McNeill & Jana Bressemer (eds.), *Body – language – communication:*

- An international handbook on multimodality in human interaction*, 1558–1574. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Lausberg, Hedda. 2013. *Understanding Body Movement. A Guide to Empirical Research on Nonverbal Behaviour – with an Introduction to the NEUROGES Coding System*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Lausberg, Hedda & Han Sloetjes. 2016. The revised NEUROGES-ELAN system: An objective and reliable interdisciplinary analysis tool for nonverbal behavior and gesture. *Behavior Research Methods* 48. 973–993. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0622-z>
- Leonteva, Anna V., Alan Cienki & Olga V. Agafonova. 2023. Metaphoric gestures in simultaneous interpreting. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 820–842. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-36189>
- Litvinenko, Alla O., Andrei A. Kibrik, Olga V. Fedorova & Yuliya V. Nikolaeva. 2018. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science* 5 (2). 4–17.
- Lucero, Ché, Holly Zaharchuk & Daniel Casasanto. 2014. Beat gestures facilitate speech production. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society* 36. 898–903.
- McNeill, David. 1992. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago, IL: Chicago University Press.
- McNeill, David & Susan D. Duncan. 2000. Growth points in thinking for speaking. In David McNeill (ed.), *Language and gesture*, 141–161. Cambridge: Cambridge University Press.
- McNeill, David, Justine Cassell & Elena T. Levy. 1993. Abstract deixis. *Semiotica* 95 (1/2). 5–19. <https://doi.org/10.1515/semi.1993.95.1-2.5>
- Mondada, Lorenza. 2013. Multimodal interaction. In Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke & David McNeill (eds.), *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*, 577–589. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Morris, Desmond. 2002. *Peopewatching*. London: Vintage.
- Müller, Cornelia. 1998. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag A. Spitz.
- Müller, Cornelia. 2004. Forms and uses of the Palm Up Open Hand: A case of a gesture family? In Cornelia Müller & Roland Posner (eds.), *The semantics and pragmatics of everyday gestures*, 233–256. Berlin: Weidler.
- Müller, Cornelia. 2014. Gestural modes of representation as techniques of depiction. In Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva Ladewig, David McNeill & Jana Bressemer (eds.), *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*, 1687–1702. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Payrató, Lluís & Sedinha Teßendorf. 2014. Pragmatic gestures. In Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva Ladewig, David McNeill & Jana Bressemer (eds.), *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*, 1531–1539. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Ponton, Douglas M. 2016. Movements and meanings: Towards an integrated approach to political discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 122–139. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15152>
- Pouw, Wim, Shannon Proksch, Linda Drijvers, Marco Gamba, Judith Holler, Christoher Kello, Rebecca S. Schaefer & Geraint A. Wiggins. 2021. Multilevel rhythms in multimodal communication. *Philosophical Transactions of the Royal Society B* 376: 20200334. <https://doi.org/10.1098/rstb.2020.0334>
- Rauscher, Frances H., Robert M. Krauss & Yihsiu Chen. 1996. Gesture, speech, and lexical access: The role of lexical movements in speech production. *Psychological Science* 7 (4). 226–231

- Slobin, Dan I. 1987. Thinking for speaking. In Jon Aske, Natasha Beery, Laura Michaelis & Hana Filip (eds.), *Proceedings of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 435–445. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society.
- Slobin, Dan I. 1996. From ‘thought and language’ to ‘thinking for speaking.’ In John Gumperz & Stephen C. Levinson (eds.), *Rethinking linguistic relativity*, 70–96. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stachowiak-Szymczak, Katarzyna. 2019. *Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting*. Cham: Springer.
- Streeck, Jürgen. 2009. *Gesturecraft: The Manufacture of Meaning*. Amsterdam: John Benjamins.
- Vranjes, Jelena & Geert Brône. 2021. Interpreters as laminated speakers: Gaze and gesture as interpersonal deixis in consecutive dialogue interpreting. *Journal of Pragmatics* 181. 83–99. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.05.008>
- Way, Lyndon C. 2021. Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 789–809. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809>
- Wittgenstein, Ludwig. 1953. *Philosophical Investigations*. Oxford: Basil Blackwell.
- Zagar Galvão, Elena. 2015. *Gesture in Simultaneous Interpreting from English into European Portuguese: An Exploratory Study*. Porto: University of Porto, Portugal.
- Zagar Galvão, Elena. 2020. Gesture functions and gestural style in simultaneous interpreting. In Heidi Salaets & Geert Brône (eds.), *Linking up with video: Perspectives on interpreting practice and research*, 151–179. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Article history:

Received: 03 October 2023

Accepted: 17 February 2024

Bionote:

Alan CIENKI has a PhD in Slavic linguistics and is Professor of Language Use & Cognition and English Linguistics in the Department of Language, Literature and Communication at the Vrije Universiteit Amsterdam, Netherlands. His research interests include cognitive linguistics, semantics, gesture studies, metaphor studies and political discourse analysis.

e-mail: a.cienki@vu.nl

<https://orcid.org/0000-0003-2951-9722>

Сведения об авторе:

Алан ЧЕНКИ имеет степень PhD по славистике и является профессором лингвистики Амстердамского Свободного университета, Нидерланды. В сферу его научных интересов входят когнитивная лингвистика, семантика, исследование жестов, метафорология и анализ политического дискурса.

e-mail: a.cienki@vu.nl

<https://orcid.org/0000-0003-2951-9722>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35650>

EDN: CXPOZR

Research article / Научная статья

Facework in teacher-student email interactions

Jean Mathieu TSOUMOU

Universidad Europea de Madrid, Madrid, Spain

 190589jeanmathieu@gmail.com

Abstract

Two trends have become prominent in higher education worldwide. On the one hand, globalization has favored the expansion and influence of the English language. On the other hand, email has become one of the main forms of communication in academic settings, especially in teacher-student out-of-class correspondence. While these facts have increasingly attracted scholarship attention, studies in education seem to focus more on the students' display of face(work) alone, while neglecting the teacher's counterpart. To redress this imbalance, the present study aims to examine face(work) as displayed in students' email requests for consideration (e.g., on late assignments submission and class attendance) and teachers' responses. A qualitative analysis of 20 sets of teacher-student interactions reveals different strategies opted for by the students and the teacher in face(work) management. Drawing on face-constituting theory, the findings show that whilst the students are concerned with their own face alone, the teacher is concerned with how to avoid classroom conflicts in the way that attends to one's own face, the students' face and the classroom harmony. In this way, the management of face(work) operates in a complex and dynamic way that allows the co-construction and reaffirmation of their respective identities. For example, whilst the students' actions overlook the relevance of the interdependence relation between them, their peers and the teacher, which is critical for the harmony of the classroom, the teacher's actions privilege connectedness over separateness. Furthermore, the findings suggest that cultural specificities governing the backgrounds of both the teacher and the students are not always influential in the management of face in email interactions.

Keywords: *facework, im/politeness, requests, emails, teacher-student interaction*

For citation:

Tsoumou, Jean Mathieu. 2024. Facework in teacher-student email interactions. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 243–265. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35650>

© Jean Mathieu Tsoumou, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Сохранение лица в электронной переписке преподавателей и студентов

Жан Матье ЦУМУ

Европейский университет Мадрида, Мадрид, Испания

 190589jeanmathieu@gmail.com

Аннотация

В современном высшем образовании можно отметить две важные тенденции: (1) вызванное глобализацией расширение и влияние английского языка и (2) широкое использование электронной переписки, ставшей одной из основных форм общения в академической среде, особенно среди преподавателей и студентов. Хотя электронная коммуникация в сфере образования является объектом многих исследований, в центре внимания находятся в основном нацеленные на поддержание лица стратегии студентов. Чтобы устранить этот дисбаланс, в данной статье ставится цель проанализировать как стратегии студентов (в электронных письмах, содержащих запросы о поздней сдаче заданий, посещениях занятий и т. д.), так и стратегии преподавателей (в ответных письмах). Качественный анализ 20 примеров взаимодействия преподавателя и студента, проведенный с использованием теории конституирования лица, выявил различия в стратегиях, используемых студентами и преподавателями для поддержания лица. Результаты показывают, что студентов главным образом заботит их собственное лицо, в то время как преподаватель стремится избегать конфликтов в учебном процессе, проявляя заботу о своем лице, лице студентов и сохранении гармонии в классе. Таким образом, «управление лицом» является сложным и динамичным процессом, позволяющим совместно создавать и утверждать идентичности участников коммуникации. Например, если действия студентов не учитывают важности отношений взаимозависимости между ними, их однокурсниками и преподавателем, которые имеют решающее значение для гармонии в учебном процессе, преподаватель отдает предпочтение единению, а не разобщенности. Кроме того, результаты показывают, что культурные различия между преподавателем и студентами не всегда влияют на стратегии сохранения лица при общении по электронной почте. **Ключевые слова:** работа по сохранению лица, (не)вежливость, запрос, электронные письма, взаимодействие между преподавателем и студентом

Для цитирования:

Tsoumou J.M. Facework in teacher-student email interactions. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 243–265. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35650>

1. Introduction

In the past three decades, two facts have become prominent in higher education worldwide. On the one hand, globalization has favored the expansion and influence of the English language. On the other hand, email has become one of the main forms of communication in academic settings, especially in teacher-student out-of-class correspondences. The common denominator of these two realities is that they both revolve around and involve communicative strategies, discursive practices as well as the style of interaction predetermined by both situational and cultural contexts of interaction (Codina-Espurz 2021, Alemi & Maleknia 2023, Eslami et al. 2023). Because of this, the teaching process becomes an opportunity for face(work) to

operate as a sensitive matter for both the students and the teachers (Gordon & Luck 2012, Economidou-Kogetsidis 2016). Conceptually, face is defined in one of the following standpoints. From a cognitive perspective, face is “the public self-image that every member wants to claim for himself/herself” (Brown and Levinson 1987: 61). From a sociopsychological standpoint, face is “the positive social value a person effectively claims for himself/herself by the line others assume he has taken during a particular contact” (Goffman 1982: 5). Face(work) can be understood as a process where one’s face ascription can be contested and altered in a given interaction (Haugh 2009). It involves a myriad of interactional concerns, including self-face identity, sense of worth, dignity, and is associated with issues such as respect, honor, status, reputation, and competence (Ting-Toomey 2005, Spencer-Oatey 2008). Accordingly, and depending on the context, face(work) is sensitive and can be gained, lost, threatened, saved, preserved, enhanced or challenged (Holtgraves 1992, Eslami & Ko 2015). Because of these concerns, it is often argued that face(work) is constitutive of interaction in that (a) it materializes in the evaluation by others of the behavior of individuals as well as groups (Arundale 2006) and (b) it constitutes a joint accomplishment of interlocutors in a given interaction (Huagh 2009).

The present study aims to examine face(work) as displayed by both the students and the teacher in email interaction in students’ requests for consideration (e.g., on the late assignments submission and non-attendance). To this end, it analyzes face(work) in 20 sets of teacher-student interactions. *Set of interactions* is used here to refer to the emails that are shared between the student and the teacher in one instance of interaction. These emails were initiated by second-year Business Administration students. The students were enrolled in English for specific purposes (ESP, hereafter) a subject within the Business Administration Bachelor’s degree program at Universidad Europea de Madrid (UEM, hereafter). The students’ average English level was a B2. Based on their backgrounds, the group involves national and international students. The international students came from different countries, including Italy, Venezuela, Colombia, Argentina, Ecuador, Peru, Panama, Morocco, and China. The teacher, on the other hand, has been teaching ESP for over 5 years of experience. The 20 sets of emails were sent in the following order. 3 sets were initiated by Peruvian students; 5 sets – by Spanish students; 2 sets – by Italian students; 6 sets – by Venezuelan students, 1 set – by a Chinese student, and 3 sets – by Panamanian students. The multicultural nature of the data allows for an analysis that combines face1 (i.e., the way the participants show sensitivity to face concerns) with face2 (i.e., the theoretical interpretation of what face(work) is), as well as an exploration of how cultural differences play a role (if any) in the management of face(work). In terms of face1, the analysis focuses on the way the participants themselves invoke face concerns in the interaction. In terms of face 2, the analyst provides an interpretation of face(work) against the backdrop of face-constituting theory.

The highlight in the literature is the fact that different cultures involve different approaches to face concerns in teacher-student email communication (Sifianou 2013, Lü 2018, Bou-Franch 2011). Studies often approach face(work) as related to both politeness and impoliteness. It has, for example, been shown that whereas Chinese students avoid confronting directly the face of their western teachers as a way to show respect, their actions are misunderstood by their western teachers as backstabbing or secretive manipulation (Lü 2018). Furthermore, depending on the level of imposition of their emails, the students may opt for directness or indirectness (Bou-Franch 2011, Salazar-Campillo 2023). For example, it has been indicated that Spanish students may initiate emails in a formal way, but tend to decrease the level of formality in their responses to the teachers in the follow-up emails. The growing preference for the use of *tú* (instead of *usted*) has been observed in student-to-teacher emails (Salazar-Campillo 2023). Similarly, it has been demonstrated that Greek students are less likely to use informal language with faculty (Sifianou 2013). Bjorge (2007) uncovers the cultural role of power differences and asymmetric relationship in the use of formality in emails, asserting that students with high power distance culture origins would employ more formal opening strategies than those from low power distance ones. Comparative studies on native and non-native students' emails to teachers have questioned the argument that computer-mediated communication is a lean medium in which it is difficult to achieve interpersonal communication, arguing that students attend to relational goals in their email communication in the same way they do in face-to-face communication (Eslami & Ko 2015). Gordon and Luke (2012:113), for example, identify discursive strategies that play a role in building professional identity for supervisees via accomplishing facework. These strategies, as the authors contend, are “productive because they honor both positive and negative face – which [is understood] as competence and connections to others, as well as individual autonomy”.

The issue with previous studies exploring face(work) in education is, however, that they put focus on the students' display of face(work) alone, while neglecting the teacher's counterpart, which the present paper intends to redress. It may be argued that because teachers and students are the two main actors in the teaching process, the display of face(work) by the students through emails sent to the teacher will likely prompt the enactment of face(work) by the teacher, since face(work), as has been evidenced, is inherent in human interaction (Goffman 1982, Spencer-Oatey 2008, Arundale 2013, Ting-Toomey 2015).

What is specific about the present paper is that it analyzes face(work) in interaction dealing with issues directly connected to the guideline governing the subject as described below. The guideline is a document that provides the students with specific dates to submit assignments carried out at home. It also requires the students to attend at least 50% of the classes in order to have the right to take the final exam at the ordinary call. Failure to abide by this guideline may lead to the loss of the right to do the ordinary final test, leaving the extraordinary call as the

last and only option to pass the subject. This paper analyzes emails revolving around the issues regarding class attendance and assignment submission deadlines. These emails are sent either on the wake or the aftermath of assignment submission deadlines and/or the exam. To comply with the University ethics commission guidelines, personal information related to the participants stays confidential, and S and T will be used to refer to student and teacher, respectively.

Drawing on face-constituting theory, the paper examines how face concerns arise from teacher-student interaction as well as how face(work) is managed by the students as opposed to the teacher. Thus, this paper intends to provide an answer to the following question:

- How is face(work) managed in the teacher–student interaction?

The remainder of this paper is organized as follows. Section two reviews literature on teacher–student relationship in the classroom. Section three contextualizes face-constituting theory. Section 4 describes the unit of analysis. The results are analyzed in section 5. The last section discusses the findings before providing concluding remarks.

2. Note on teacher–student relationship and classroom practices

Teacher–student relationship is not just critical for the success or failure of the teaching and learning process, but it is also a form of relationship in which interaction revolves around power asymmetry (Sudzina et al. 1997, Eslami et al. 2023). As an educator, the teacher holds an institutional power that turns him/her into a leader of the activities in the classroom and an authority responsible for the students' feelings, wellbeing, transparency as well as conflict management and adequate treatment. The student, on the other hand, is not just expected to carry out their actions according to the norms of the institution (which are usually reinforced by the teacher in the classroom), but also, the student expects the teacher to be supportive, understanding, caring and fair (Sudzina et al. 1997, Lü 2018, Salazar-Campillo 2023, Alemi & Maleknia 2023). Thus, the teaching process has to be negotiated through interaction. In this asymmetric and interpersonal relationship, any interaction, however, becomes an opportunity for face(work) to operate as a sensitive matter for both the students and the teachers in the sense that any activity or action that is involved in the teaching and learning process (i.e., rules enforcement, classroom management, lectures, feedback, announcement) revolves around self-presentation, competing identities, competence, etc., all of which are key in the success or failure of teaching practices (Eslami & Ko 2015).

Moreover, it is also important to point out that student-teacher interaction revolves around the premises of *community of practice*, defined by Eckert & McConnet-Ginet (1992: 464) as “an aggregate of people who come together around mutual engagement in an endeavor. Ways of doing things, ways of talking, beliefs, values, power relations – in short, practices emerge during this mutual endeavor”. In and out of the classroom, both the students and the teacher are actors responsible for a positive or negative teaching and learning atmosphere (Economidou-

Kogetsidis 2016). Teaching/learning activities are often carried out under the understanding of shared values and practices. Fairness in the education process is often the collected good for both the teacher and the student. As any community of practice, teaching/learning is a practice conditioned by time as academic modules are often taught in a semester period (Gordon & Luke 2012). This creates a temporal community or practice. This is why, following Arundale (2006, 2013), this paper relies on both first- and second-order understandings of the interactions so as to interpret face(work) as an emergent outcome arising in the student and the teacher's producing and interpreting not just sequences of emails, but situated their interpretation within the context of the interaction.

3. Note on face-constituting theory

Face-constituting theory grounds the analysis of face(work) in the ethnomethodology and conversational analysis in a way that allows researchers to study face(work) as something accomplished by individuals within interaction (Arundale 2013). Face(work) is what individuals have a fairly good understanding of and their turns in interaction become determinant in the display of face(work). It is in this sense that face-constituting theory is often seen as a social constructivist approach that explains face(work) as “the product of a process by which social actors negotiate the meanings for actions and situations” (Haugh 2009: 16). In other words, any manifestations of face(work), including face threatening, face saving, face enhancing, face loss or face redressing, come to existence not as an interactional prerequisite, but as the result of social engagement in which individuals evaluate one another. These manifestations are emergent outcomes of the production and interpretation of sequences of turns. The implication of this is that face(work) involves evaluation and is an evaluative outcome of social interaction, accomplished interactively by the interactants.

The issue with face-constituting theory is, however, that its focus on interaction alone disregards not just the idea that interaction is always dependent on a myriad of factors, including context, time, background, the relation between interactants, etc., but also the fundamental role of social norms such rights and obligations which often shape the way interactants manage face concerns (Locher 2013, Spencer-Oatey 2008). As will be argued, when a student writes an email to the teacher, he/she relies on the context of the interaction as well as the existence of teacher-student relationship in the projection of their image. All of this happens under the framework of rights and obligations that govern students' and teachers' actions in a teaching/learning environment.

4. Data and methodology

The lack of research on teacher's and students' interaction in the language department at UEM, where the students are mostly international, is a matter of concern in that it hides a good understanding of the different ways both the students

and the teachers approach interaction which is key in the teaching/learning process. As explained earlier, the corpus analyzed here is composed of 20 sets of email interaction between the teacher and the students. While the present paper focuses on the data gathered from one teacher, the long-term goal in the future is to expand knowledge and explore data from more than one teacher. The paper is therefore exploratory in nature. The conclusions are drawn to the extent to which the corpus allowed, thus avoiding speculation and extrapolation. This is also the reason why this study is merely qualitative research that relies on the ethical approval from the university ethics committee.

As pointed out earlier, the students' English level was B2. This level is determined by the university policy which requires the students to possess a B2 level in English in order to attend the ESP subject, which is a subject taught in the second year of a four-year bachelor's degree program. Evidently, having a B2 level in English may not imply that the students are fully proficient in English, which explains the mistakes found in some emails.

The unit of analysis adopted in this paper is every email in its entirety regardless of its length. This is in tune with previous studies (Bou-Franch 2011, Salazar-Campillo 2023). Accordingly, I differentiate between the emails that deal with issues regarding assignment submission deadlines from the emails that deal with the final test. The first category, which represents 20% of the data, includes emails in which the students describe and explain the reason behind the delay in the submission of the assignment and argue over why the teacher should grant them an extension. This category also includes emails in which the students request a change to the schedule of interventions for oral presentation assignments. The second category, which represents 80% of the data, includes emails that deal with the issue regarding attendance to class. These emails are designed to explain the reason why the students failed to meet the requirement. The teacher's emails are responses to the students' requests.

In order to examine this teacher-student dynamics, the study draws on a conversation analysis approach (Haugh 2009, Arundale 2013). The mere idea is that participants attend to talk not for the talk's propositional content, nor as a simple medium of information, but because the participant always care about (a) the fact that their actions are done through talks and (b) the real consequences of those actions. Accordingly, no utterance is inherently face threatening or face enhancing, rather, any threat or support to face is both (a) achieved by the interpretation and evaluation of utterance in a particular interaction and (b) is therefore co-constituted in that given moment. It is in this sense that face(work) involves among other things (a) the awareness of one's position within a network of relationships, (b) the association with groups as well as individuals, (c) face may be given or gained as well as sacrificed in interaction (Haugh 2007).

Another aspect of conversation analysis is the importance of the context of the interaction. An examination of any talk must therefore account for not just the interaction in which the talk occurs, but also the importance of the context in which

the whole interaction takes place (Nikleva 2018). This is why face-constituting practitioners often see conversation analysis as a suitable approach to prioritize emic (first order) interpretation over etic (second order). This allows researchers to explore the relations among participants not as a summative property as often assumed in other theories (Spencer-Oatly 2008), but as a non-summative property that is created in situated interaction. In this sense, face(work) manifests as an “individual’s interpretation of our-relationship-at-this-moment” (Arundale 2013: 110). In other words, the interpretation of face(work) shall match the participants’ own understanding of their actions and the actions of their peers in interaction (Arundale 2006, Haugh 2009). Bearing this in mind, I analyze the student email and the teacher’s responses as two turns of interaction so as to provide a sequential analysis that takes into account “aspects of the currently invoked identity of the participant’ and ‘the history of their particular relationship, not only within the course of, but also prior to the conversation being examined” (Haugh 2007: 311). Finally, I also rely on Gordon and Luck’s (2012) approach which consists of repeatedly reading the data to identify strategies oriented toward facework.

5. Results of analysis

A data-driven examination of the 20 sets of emails allows to quantitatively categorize them in three different groups (Cf. table 1). The first group includes emails that expose emotional circumstances. Accordingly, the students highlight circumstances such as an illness or death to be the reason for their absence or delay in fulfilling an academic task in accordance with the guideline. The second group includes emails in which the students opt for self-promotion as an approach to make their case and justify their disregard for the guideline. The last group revolves around emails in which the students engage in deception where, for example, a fake document is sent to the teacher to justify the delay in the assignment submission or the absence to class.

Table 1. Motives behind the students’ requests

Emotional circumstances	Self-promotion /self-validation and excuses	Fake documentation
8	7	5

In what follows, I will zero in on the qualitative analysis of face(work) in each of these categories. For the sake of space, 4 illustrative excerpts will be analyzed. The analysis of the excerpt is provided as follows. First, the initial email from the student is provided. Then, the reply from the teacher is displayed. Finally, when there is another reply from the student, this is displayed last.

5.1. Dealing with emotional circumstances

Context: The schedule of the presentations corresponding to assignment 4 was made public by the teacher. After consulting the list, a student from Spain found out that their group was scheduled as the last to be presenting. As a result, the

student initiates an email in which he asks the teacher to rearrange the schedule and allow this student and his group to be the first to make the presentation. Face(work) in this interaction arises in terms of the student's approach to presenting their plea and the teacher's approach to providing an appropriate response.

Excerpt 1

S. Tomorrows presentation 11 Mayo 2023 en 18:14

Good afternoon, XX,

I write this message to ask you if my group (X & me) could be the first ones presenting because I need to go by 6 pm because I have to go visit my grandfather who is ill to the hospital in Toledo. Thanks in advance for your comprehension.

Your sincerely, XX

T. 11 Mayo 2023 en 18:56

Dear XX,

Thank you for your email. As much as I understand your case, I cannot make you present first at this point because the official schedule has been made available and all the students are already aware of their interventions. It would not be fair to the rest of the classmates.

The only option left is that you talk to your class who are scheduled to present first and if they agree to let your group present first, let me know and I will grant the change.

Best,

XX,

In this exchange, the relevance of facework is notable. The student projects an image of an individual in need of the teacher's favor. He/she wants to make the presentation as quickly as possible so as to be able to go visit the sick grandfather. The mention of his/her grandfather's illness is strategic in that it foregrounds emotion and projects an image of someone whose life circumstances require a special treatment from the teacher. Perhaps in the student's culture it is normal for a student to miss class due to a loved one's illness. The university attendance regulations, however, do not contemplate this. On the grounds that the teacher has the responsibility to be fair to not just one, but all of the students, the request could be seen as challenging the teacher's face, especially after the list of interventions has already been released. One may argue that the request here intends to test the teacher's authority in the sense that for the change to happen, it requires the teacher to review the premises on which the original list was issued.

In the response to the request, the teacher attempts to preserve face, first, by denying the student's request on the grounds that the program of the presentations has already been made public and that the class as a whole is aware of it. This rejection and refusal to grant the request, however, while preserving the teacher's authority face, may be outright face threatening to the student. Second, the teacher invokes the idea that any change made to the program after its publication would not be fair to the class as a whole. Third, the teacher offers a remedy to the student's request by allowing the student to seek the classmates' approval of the request. The image projected by the teacher here is threefold. First, the teacher creates a sense of understanding of the student's case (i.e., *as much as I understand your case*). The

teacher attempts to be sensitive to the student's face. Second, the teacher wants their authority to go unchallenged regardless of the circumstances, thus preserving and saving face. Third, by allowing the student to make a case before the rest of the classmates, the teacher diverts the responsibility and allows the rest of the class to have a say so as to restore credibility and faith in the teacher's decision. The harmony in teaching and learning activities resides in the teacher's ability to make balanced decisions for the students. The loss of trust in the teaching and learning process can be detrimental for both the teacher's and the students' faces. By giving the student the opportunity to make a case before the classmates, the teacher attempts to preserve harmony, save face and enhance mutual understanding and fairness among the students. It may be argued that the teacher is here aware that changing the schedule because of one student's request may create a negative atmosphere and potentially threaten the rest of the students' mood.

In this student-teacher interaction, face is more a sociopsychological property than a cognitive one (Goffman 1982, Arundale 2006). It shows the positive social values that the student and the teacher effectively and respectively claim. Another way to look at this exchange is an exploration of the relevance of connectedness and separateness dialectic (Arundale 2013). Drawing on grandfather's illness, the student engages in separateness and exhibits an attitude that shows differentiation, independence, detachment, autonomy, dissociation, divergence and distance to the rest of the class. It also implies to some extent that if it was not for the grandfather's illness, the student would go along with the original schedule. By allowing the students to consult with peers, the teacher engages in connectedness and exhibits an attitude that shows integration, interdependence, involvement, solidarity, association, congruence, closeness, and so on among relational partners.

5.2. Dealing with students' self-promotion, self-validation and excuses

Context: The following interaction comes about as a student from Venezuela becomes aware that he/she had failed to reach the 50% attendance record required to partake in the final exam. As such, the student initiates an email asking the teacher whether there is any alternative to overcome the low-attendance record and take the final exam. Although not all requests are face-threatening acts (Spencer-Oatey 2005), any request that implies a modification of the guidelines in the wake of the final exam can be perceived as face threatening in the sense that it requires the teacher to do something exceptional for the pleasure of the student.

In this interaction, the student recognizes that their attendance record does not allow them to partake in the exam. This projects an awareness and understanding of the norms guiding the teaching activities and a way to boost face in front of the teacher. Furthermore, the inability to formulate a justifiable reason leads the student to put up an offer, which is to do extra work so as to make up for poor attendance record before the exam date. The offer comes as a way to save face, assuming that not showing up to class throughout the semester is seen as the lack of consideration towards the teacher and the subject. It can also be seen as a marker of determination

if the offer is taken as implying that even though the student failed to attend a number of classes, he/she remains determined to do whatever it takes to amend the teacher's perception of them. However, even though the student indicates that there is no justification for missing the classes in the first line, he/she nevertheless gives an explanation to justify the request in a way that provides some background to the failure to show up to class. The student formulates their explanation around their English learning history (i.e., *I felt unmotivated throughout the course because of being doing english all my life 6 hours a week in a private school and I find the level a bit low in this class*). This is face threatening in that it implies that the English course taught throughout the semester was not worth the student's while.

Excerpt 2

S. Final Exam 17 Mayo 2023 en 20:09

Hi XX,

I am writing to you because i only have a 42% of attendance and i dont have any justification. I would like to know if i could any extra work to do the exam on may 26. I felt unmotivated throughout the course because of being doing english all my life 6 hours a week in a private school and I find the level a bit low in this class. Thats why i ve been missing to a lot of the classes. I understand that you cannot make any exceptions but i would like to know if i could do anything to take the exam on may 26.

T. 18 Mayo 2023 en 8:16

Dear XX,

Thank you for your email. Unfortunately, there is no thing I can do with respect to the attendance. According to the university norms, there no alternative rule with respect to attendance. The attendance cannot be compensated by any other work. The only provision when it comes to attendance is to go straight to extraordinary call (*convocatoria extraordinaria*). There is no thing I can do at this point. I do not think going to English class since one was 6 years old means that one has better level than others. I think we have done both difficult and easy stuff throughout the semester that could have allowed you to write much better, to speak more fluently, to listen more carefully, and to use English more adequately. Many of your classmates did exactly that. Look, for example, at the email you have just sent me, there is a couple of mistakes there that can be identified as B1 mistakes. That is why I do not think that the level of course was that low and yours was that high so that you can single-handedly decide not come to class. That is not how things work in academic settings.

I hope you understand,

Best wishes,

XX

S. 18 Mayo 2023 en 10:41

Okey XX,

¿Cuándo será la convocatoria extraordinaria? (When is the *extraordinay* call)

What is notable about this justification is twofold. On the one hand, there is a shift in terms of the projected image in the first sentence of the email. Even though the student seems to have a fair understanding of the norms of the subject, he/she quickly relies on their competences while attacking class level to justify the absence to class. The student values their competence positively and the class level negatively. This is consistent with Ting-Toomey's (2015: 325) argument that "the meaning of face is generally conceptualized as how we want others to see us and treat us and how we actually treat others in association with their social self-conception expectations". The attack on the contents of the subject can be

interpreted as a way to assert some sort of freedom of action. Arguably, what the student foregrounds is the idea that the teaching guideline can be overlooked on the basis of language competences. In other words, competent students would have the right to decide when to come to class, which in Brown and Levinson's (1987) model would be seen as both positive face, which is the desire to be appreciated and approved based on their competence, and negative face claim, which is the wish to be unimpeded by others, to be free to act as he/she chooses and not be imposed upon. However, the student ends the email recognizing the teacher's right and authority to grant or deny the request (i.e., *I understand that you cannot make any exceptions but i would like to know if i could do anything to take the exam on May 26*). Here, the student recognizes the teacher's power in terms of decision-making (see Bjorge 2007). In doing this, the student turns the table and relies on the teacher's decision. This is in a way a challenge that can threaten the teacher's face insofar as granting the request would imply overlooking and disregarding the guideline whereas granting it would show signs of favoritism toward potential high-flying students. A breach of the guideline by the teacher can be face threatening to the entire classroom. Moreover, foregrounding self-claimed competence as the reason for the absence to class brings face concerns for both the student and the teacher for the following reason. Self-promotion can become both a way to be vulnerable to any teacher's criticism and an opportunity to criticize the teaching planning, implying that if the teacher had designed high-level teaching contents, the students would have attended the classes. In this sense the student's stance here can be taken as not just a challenge to the teacher's teaching ability and planning, but that the course contents were inadequately designed and failed to meet the needs of all the students.

As can be seen in the teacher's response, the first paragraph reviews the extent to which the teaching guideline contemplates the attendance issue in order to formulate the denial to the student's request. The teacher points out that the guideline does not allow the attendance (or the lack thereof) to be compensated by any other way than showing up for class. The reliance on the guideline in the production of the rejection as well as the highlight of the extraordinary call can be interpreted as a way to show concerns to the student's face in a way that foregrounds the idea that the teacher's decision does not preclude the student's opportunity to pass the subject.

In the second paragraph, the teacher disputes the student's fundamental reason to have missed classes. The teacher asserts that going to private classes does not imply single-handedly deciding not to follow the norms of the institution. To avoid face loss inherent to the student's challenging the contents of the subject, the teacher argues that both easy and difficult contents were taught throughout the semester. This statement can be seen, at least in part, as an acceptance of the student's statement which pointed to the low-level contents.

Notably, however, the teacher's choice of words in the last lines of the email appears to challenge the student's claim about their English competence. The teacher pinpoints the student's email as evidence that the claim of having a high English level is not substantiated in the view of the mistakes found in the student's email. This explicit evaluation of the student's email can be seen as face threatening as it shows disagreement between what the student asserts to have and what the teacher believes the student has. This student-teacher interaction underscores the importance of evaluation in the manifestation of face(work). The student evaluates the contents of the subject and relies on that evaluation to justify their absence from class. The teacher, on the other hand, evaluates both the student's actions to formulate the response. Even though email is considered as an asynchronous medium that offers affordances such as time to reflect and plan what to say and how to manipulate linguistic cues to optimize self-presentation and self-expression, the student did not seem to have taken the time to proofread the email before sending it, which allows the teacher to use language competence against the students. This may point to the absence of seriousness in writing (i.e., the lack of linguistic competence) can contribute to the effect of facework.

In the follow-up email, the student is brief. The use of okey, which is here interpreted as denoting approval and agreement, in this follow-up email is not just an acceptance, but can also arguably be an indication of face loss. It shows both an understanding of the teacher's point and the student's lack of counterargument to further support their earlier point. The student's question about the date of the extraordinary call here (i.e., *¿Cuándo será la convocatoria extraordinaria?*) becomes an opportunity to recover from the painful experience of face loss. Having failed to convince the teacher through self-promotion, the only way left is to reclaim their identity and recognize that, as a student who has failed to meet the requirements, he/she has the obligation to take the exam at the extraordinary call. It is also important to point out the role of codeswitching here. The use of Spanish here is indexical of the shared multilingual context in which Spanish is another mutual language of interaction between the student and the teacher besides English. Codeswitching is often seen as a verbal strategy by which multilingual speakers change a linguistic code within the same speech event as a claim to culture and sociolinguistic identity. The student may have resorted to Spanish because it is their L1 resorting to which can play an effective role and allow an individual to regain confidence in themselves after face loss, often seen as a painful and emotional experience (Spencer-Oatey 2008).

A similar case of self-validation is described below. The interaction was initiated by a student from Peru upon realizing their failure to reach the 50% attendance record required to take the final exam. The student engages in other-blaming so as to avoid taking responsibility for failure to comply with the 50% attendance requirement.

Excerpt 3

S. 24 Mayo 2023 en 19:40

Good evening, Teacher,

I'm writing you this email because I am not on the list of the people that can do the exam. I want to ask you to take into consideration please, I'm missing the 50% by one class that I thought we had today; my grades are good and I can assure you that I can communicate better than most of the class. Please Teacher, I need to go back home in June because I have squash tournaments.

Sincerely, XX.

T. 25 Mayo 2023 en 8:24

Dear XX,

Thank you for your email. First of all, the classes at university are taught with a starting and finishing dates. That is what is called an academic organization. You cannot assume or think that one class will be taught on just a day that pleases you or favors your attendance record. Last week, it was clearly announced that because of language exams this week, we cannot have class any more. Everyone knew these two weeks ago when the dates of language exams were made public. It was even reiterated throughout last week sessions. If you did not show up to class or did not read the announcement, that is your own responsibility.

Second, trashing your classmates as having lower English level than you is not an appropriate manner to conduct in an academic setting. That is unacceptable and it does not give a reason to have missed as many classes as you have. You are responsible for your own actions and I do not think having a better English level gives anyone the right to miss classes. It is unfair to drag your classmates' English level into this.

Third, there is nothing I can do at this point. The attendance is the requirement to do the exam. It is clearly mentioned in the "Guía de Aprendizaje". It would be unjust to go against what is written in the "Guía". Of course, there is an extraordinary exam in July, which you can always do.

Finally, throughout the semester, I have constantly sent out reminders about the risk of not showing up to class. Back on March 10, I expressed the concerns I had about you not attending as regularly as everyone did. Throughout April, I showed the percentages of attendance to all of you in classroom. Of course, I would understand if you did not see any of my email since you did not care about any of this.

Best wishes,

XX

S. 25 Mayo 2023 en 8:52

Good morning, Teacher,

I didn't know that and yes is my responsibility to know it. Please Teacher tell me in wich part I'm trashing my classmates level of english. I'm just saying that I speak better than most and that's true. I'm not saying anything bad or insulting them, please Teacher, you are taking my email the wrong way. I'm not trying to complain. I just want you to understand me because I can't stay in July for sports matter and the university knows. Please take me into consideration, I'm missing the 50% by one class.

I am not writing you this email to complaint if not to ask for compassion and I don't know why your email felt like an attack, like I said I'm not complaining, I'm asking you if I can take the exam on friday or if there is something I can do. Please don't taje this as a complaint, I'm just asking.

Sincerely, XX.

In the first email, the student makes reference to the class attendance. He/she recognizes the fact that their name not appearing on the list is an indication that the student will not be allowed to sit for the final exam. As a result, the student exhorts the teacher to consider their case in two different ways. On the one hand, the student points out that he/she is only short of one class to reach the 50% minimum attendance, implying that the student has clearly done the math as to how many classes are left for him/her to reach 50%. On the other hand, the student blames the academic institution for not allowing one more class to be taught. The projected image here entails showing the teacher that the student's failure to reach 50% was underpinned by factors external to the student's willingness to attend class. In other words, the student is not the one to blame for what happens. As a way to enhance

face and project a positive self-image, the student brings up their academic record and performance. He/she points to how good their grades have been and how much better at communicating he/she is in comparison to the rest of the classmates (i.e., *I can assure you that I can communicate better than most of the class*). This shows the extent to which the student relies on the notion of valence, often described as “the degree of attraction or aversion that an individual feels towards a given self-aspect” (Spencer-Oatey 2005: 641). In this sense, self-promotion can be face-threatening in the sense that it puts a focus on and evaluates more *self* than *others*. Finally, in order to reinforce the plea, the student brings up the pending trip back home and explains that he/she is expected to partake in the squash tournament.

What is interesting about this email is that (a) nowhere in the email does the student take responsibility for their actions, (b) nowhere in the email does the student mention the academic norms governing the subject from which the clause about attending at least 50% of the classes comes. What the student does, instead, is implicitly challenge the teacher’s face in the sense while the student boosts their face as a good student whose circumstances have disfavored him/her to reach the minimum required, he/she implicitly threatens the teacher’s ability to reinforce academic norms and objectively examine the student’s request. This tests the validity of academic norms governing teaching activities in that the student’s plea intends to persuade the teacher to address the request on an emotional basis rather than on the normative basis.

In the first paragraph of the email addressing the student’s request, the teacher attempts to restore their academic face through a reminder that teaching activities are regulated by the university norms. Additionally, the teacher highlights the student’s irresponsibility for not being able to read the relevant announcements. The teacher points out that the decision not to have any more classes was made based on the provision of the university. By doing this, the teacher attempts to save face and prevent the student from putting the blame on the teacher or the university, protecting both the teacher’s reputation and academic integrity.

Moreover, the teacher seems to have taken offense from the student’s mention of communication skills, as the teacher contends that self-validation claims do not only go against good academic conduct, but they do not give reasons to miss out classes. The teacher’s use of metadiscursive labels (i.e., *trashing, not an appropriate manner to conduct in an academic setting. That is unacceptable*) imply poor evaluation of the student’s claim. Resorting to these metadiscourse items is, in other words, a signal that that the student’s claim is seen as impolite and face threatening by the teacher. The teacher’s metapragmatic discourse here constructs the facework as the teacher relies on their authority to call the student to order. Such an order stems from the expectation of moral normality, which implicitly or explicitly shapes the understanding of what should be obligatory, permissible, or forbidden under the circumstances (Haugh 2009). The comparison the student draws between their abilities and the rest of the classmates’ is seen by the teacher as an attack on the integrity of the class as a whole. What the teacher does here is

take the student to account for having threatened the class's face by promoting self-centered behavior. The teacher's action shows the desire to hold the student responsible for their actions on the grounds of what is morally (in)acceptable or (in)appropriate in an academic setting.

In the third paragraph, the teacher issues a response to the student's plea to the exam. The teacher denies the student's request, pointing to the subject guideline which provisions 50% of attendance as a requirement to take the exam at the ordinary call. The teacher also points out that the student still rightfully has the option to make up in the extraordinary call. The teacher's face(work) revolves around the idea of fairness and the desire to enforce the guideline.

What is notable in the teacher's response is that it is designed in a way that shows the management of the different facets of their image as a teacher. First, as an employee of the university, the teacher stands as a representative of the university. Any activities and decisions are made and designed according to the university norms and planning. Any modification to the teaching activities must be motivated by these norms. Any attack to the integrity of the university's face is in a way an attack to the teacher's face. Second, as an educator of all the students, the teacher is driven by the idea of fairness. Any rule that applies to one, shall be applied to all. A face attack targeting some students (i.e., self-validation in the student's email) is to a larger extent an attack to the integrity of the class as whole. Finally, the idea of fairness is also projected by constantly reminding the student of the importance of attending classes not just at the end, but throughout the semester so that the students receive all necessary information before the final exam. These facets of the teacher's face can be seen as a driving force in the teacher's face management in the response.

In the follow-up email to the teacher, the student starts off by assuming their responsibility (i.e., *I didn't know that and yes is my responsibility to know it*). This ownership of fault is a mark of face loss which comes from the teacher's rejection of the plea. Additionally, the student seems to have taken offense at the teacher's use of "*trashing the classmates level of English*". Using metadiscourse, the student disputes the teacher on the grounds that what the student had written in the previous email was not meant as an insult in any way and that the teacher must have taken the email the wrong way. Here again, the student, who seems to have lost face as a result of what the student refers to as an attack from the teacher's email (i.e., *please teacher tell me in which part I am trashing my classmates' level of English*), tries to reclaim and save face by defending their earlier comments, insisting that the assertion about how good he/she communicates in English is a fact. Face concern is salient in the student's response as the student projects an image of a self-sufficient individual who is neither complaining nor in need of any favor from the teacher. Furthermore, the student wonders why he/she was being attacked (i.e., *I don't know why your email felt like an attack*). The way the student manages face(work) here is in line with the argument that face as image that must be "internally consistent" (i.e., what I think of me) and "supported by judgments"

displayed by others (i.e., what I think you think of me) (Goffman 1982). The student draws on the idea that the teacher may have an erroneous image of him/her. As a result, the student wants to keep what he knows about himself/herself consistent with what he wants the teacher to know about what the student really is. Metadiscourse in both the teacher's response and the student's follow-up email play a substantial role in the way both parties manage and project facework.

Both the teacher and the student take offense based on their readings of each other's emails reveals the different face concerns.

5.3. Dealing with deceitfulness and deceptiveness

Context: The interaction analyzed below comes about as the student from Panama, concerned with the lack of attendance record, attempts to justify their absences to classes throughout the semester. Face(work) concerns become relevant in terms of both the reason the student gives to justify the absences, the date put in the email as well as the discovery by the teacher of the discrepancies between what is asserted by the student and what is actually mentioned in the attachment.

EXCERPT 4

S. 24 Mayo 2023 en 0:00

Good night, professional

Sorry if I disturb you; excuse for my recent inactivity; I'm not having a good moment.

I wrote to you to explain why I was absent from class this semester from February 9 to March 7: I was homebound due to a knee injury I had while playing basket in my hood.

Today I connected as well, but I had a difficulty with the internet and my microphone, so I was unable to make myself known or communicate with anyone.

I've attached the document here.

P.S. Sorry if the document is in Spanish, I was unable to do anything.

T. 24 Mayo 2023 en 8:50

Dear XX,

Thank you for your email. It is my understanding that the justification you sent only reflects the fact that you were discharged from the hospital the same day you were admitted. That day is February 09 2023.

Nowhere is it said that you were ill from February 09 to March 07. One justification cannot cover the absences of the entire month. More importantly, you had the option to follow the classes online.

If you want, we can arrange a virtual meeting today at 10h00 so that we can talk about this.

Please confirm as soon as possible,

Kind regards,

XX

S. 24 Mayo 2023 en 8:57

ok prof for sure! on the same link of our course?

T. 24 Mayo 2023 en 9:01

Great!

Let's meet through the same link of the subject at 10h00. I will you see on there.

XX

In this interaction, the request is formulated by the student who starts the email by recognizing their inactivity in the course of the semester. This recognition entails understanding of the bad behavior as well as a way to open an explanation for why this had happened. Eventually, the student points to health issues as the motive for missing classes. This explanation intends to appeal to the teacher's knowledge and understanding that the student did not miss class willingly. The absence is the result

of factors affecting the student's physical, mental and emotional conditions. This is a rather positive image that the student projects. On the surface, this is common sense in that anyone sick is often unable to fulfill certain duties, including going to class, especially if the health issues have lasted over a month. Health issues are not, however, the only factors that affected the student's attendance. The student highlights further factors that had prevented them from attending classes as frequently and normally as possible. The student names, for example, the lack of good internet connection and the issue with the microphone to have affected their ability to follow classes. The student materializes their request by providing the teacher with an attachment that intends to be the physical proof of alleged health issues.

A request as issued requires the teacher to take actions beneficial to the student. In the email responding to the student's request, the teacher starts by recognizing receipt of the student email (i.e., *Dear XX, thank you for your email*), before elaborating on the resolution of the request. The teacher appears to have noted discrepancies between the alleged dates in the email and the date appearing on the attached document. The teacher thus confronts the student and sets grounds for distrust. Furthermore, the teacher elaborates on the different options available to the student (i.e., *More importantly, you had the option to follow the classes online*). However, the teacher offers the student an opportunity to meet up so as to discuss the issue further. This offer could be seen as an indication of face concerns in that by doing this, the teacher projects an image of someone willing to address the issue in a way that preserves teacher-student relationship. This meeting would thus be a prospect to face repair and a way forward for both the teacher and the student. This offer can also be seen as a way to redress a potential confrontation with the student. As Brown and Levinson (1987: 125) contend, "in order to redress some potential threat of some FTAs, a speaker may choose to stress their cooperation with the hearer in another way".

What is notable about this interaction is that face(work) is differently projected and displayed by both the teacher and the student. While the underlying motive of the student's email is to justify a whole month of absences to class and take the final test, the discrepancies in terms of the dates challenge the student's face and the teacher's face. The compassion around illness in earlier email lost its value by the discovery by the teacher of the student's willingness to exaggerate the dates in the email.

In the follow-up email, rather than addressing the issues raised by the teacher, the student picks up on the teacher's offer and agrees to a meeting. The absence of any contention in the student's email can be seen as a sign of face loss which can only be perceived when there is a mismatch between an attribute claimed and an attribute perceived as being ascribed by others. The claimed attribute here is the projection of the difficult time the student had had homebound suffering from an illness. The attribute ascribed to the student by the teacher revolves around the idea that the student has engaged in deception by purposefully exaggerating the dates in the email.

6. Discussion

The research question that guided the paper was: how is face(work) managed in the teacher-student interaction? The study allowed us to provide the following answers to this question. To begin with, face(work) plays an important role in the teacher-student communicative dynamics and it is managed differently by the students and the teacher. The emails analyzed are initiated in the form of requests which makes the students' emails potentially face-threatening acts at their face value in the sense that the requests may potentially impinge on another person's autonomy (Brown and Levinson 1987, Holtgraves 1992). In excerpt 1, for example, when the student asks the teacher to amend the schedule of an assignment, the teacher reacts by informing the student that any change to an already-published schedule would affect the harmony of the classroom.

From face-constituting theory, there is an emerging dialectical pattern in the management of face(work). On the one hand, students' actions privilege separateness over connectedness in the sense that their actions are carried out in complete disregard of both the teacher's face and the other students' face. They are only concerned about what is beneficial for themselves. In doing this, they are willing to self-praise (excerpt 1) or/and even deceive (excerpt 4). The students' actions here overlook the relevance of the interdependence relation between them, their peers and the teacher, which is critical to the harmony of the classroom. On the other hand, the teacher's actions tend to privilege connectedness over separateness. This opposition does not just characterize the relation that exists between the teacher and the student, it also shows the relevance of power and social distance in the interaction. The power invested in the teacher requires them to act in a way that upholds their authority as well as the norms of the university. Against any attempts to break the rules, the teacher uses their power as a social action to uphold the guideline and thus establish the rule of conduct. In other words, whilst the students are only concerned about their own face (in disregard of the course guideline), the teacher's face concerns revolve around the ability to cope with students' requests, upholding the course guideline and addressing student's concerns in the way that attends to their own face, the students' face and the classroom harmony.

The theoretical implication of these findings rests on the idea that the interaction alone is not the only factor affecting the manifestation of face(work). In formulating their emails, the students rely on the teacher-student relationship that underscores the background of the interaction. This interpersonal relationship allows the students in some cases to resort to emotional circumstances in their requests for a favor. It also allows them to codeswitch in the interaction. One may argue, as pointed out by one reviewer of this paper, that this happens because email interaction is a type of correspondence that occurs at the crossroads of a changing university culture in general, due to the interplay between the incoming global culture of therapeutic emotionalization and neoliberal educational practices. The awareness of the existence of such a relationship is constantly reflected in the

justifications put forward in the plea formulation (Excerpts 1 and 4). For their part, the responses from the teacher also rely on the importance of preserving the teacher-student dynamics. Arguably, the reason the students bring emotional circumstances is the need to rely on a personal teacher-student relationship, rather than on the policies of the university. The point here is that although the interaction is the center of face concerns, it is the relational work and the management of interpersonal relationships that play out in the background of the interactants. Even though some authors see the limits of relational work to explain face concerns (Haugh 2009), together face-constituting theory and relational work jointly used can portray a full picture of the basis, manifestation and implications of face(work). In the view of the findings presented in this paper, I agree with Locher (2013: 147) that “interactants do not approach other interactants in a particular speech event with a tabula rasa mind. They make analogies to previously experienced interactions and draw on expectations derived from their knowledge of these frames”. There is an interdependence of the students’ and the teacher’s face emerging in the interaction in the way the students (as individuals in need of the teacher’s favor) design their requests and the way the teacher formulates their decision.

7. Concluding remarks

This paper set out to examine the display of face(work) by both the student and the teacher. The findings show how critical face(work) is in the teacher-student interaction. Face(work) management training can provide better tools for conflict management, face concerns as well as self-presentation, especially now that teaching practices at the UEM are increasingly involving actors in intercultural interaction. Since fairness, upholding the class face, and harmony are critical in the student-teacher interrelation, good face management strategies can allow for a good teaching experience for both students and the teacher in a way that favors commitment to the goal of teaching. Good management of face(work) can also become a teaching tool that allows the teacher to get across to the students the importance of interpersonal relationships as well as the need for mutual consideration and respect.

To put it in perspective, the findings in this paper do not completely corroborate nor completely reject previous studies that have observed the absence of politeness in the student-teacher interaction (Nikleva 2018, Lü 2018, Salazar-campillo 2023). In excerpts 1 and 2, for instance, the teacher is addressed in an informal way through the use of *hi* plus the teacher’s first name. However, in excerpts 3 and 4, the teacher is addressed in a rather formal way through the use of good morning plus the teacher’s title. The presence or the absence of formality may be linked to the students’ limited awareness of the politeness rules or the struggle over what is appropriate in writing emails to a teacher as suggested by Almoaily (2018), Economidou-Kogetsidis (2018) and Alemi & Maleknia (2023). The presence or absence of formality does not, however, impede the manifestation of face(work). In itself, the language used did not seem to affect the understanding

between the teacher and the students even in the emails where grammatical errors were visible, as in excerpt 4. Furthermore, while there is a variation in the use of politeness strategies in the students' emails, there is consistency in the employment of politeness strategy in the teacher's responses as can be observed in the use of *Dear* in all the emails sent by the teacher. This favors the argument of the interdependence between face(work) and politeness since face(work) can clearly occur in the context or interaction in which politeness is present or absent.

Furthermore, the findings suggest that cultural specificities governing the backgrounds of both the teacher and the students did not seem to have any direct effect on face(work) as analyzed, which goes against Pham & Yeh's (2020) findings that show that Vietnamese language pragmatic knowledge is deeply ingrained and has tremendous influence on students' English email writing skills. The interaction in this paper revolves around face needs as related to the rights and obligations within the norms of the university. This is inconsistent with the argument that face(work) is always a cultural-specific phenomenon (Ting-Toomey 2015).

Future research should contrast these findings by analyzing other teachers' interactions with the students both in and out of the classroom.

References

- Alemi, Mino & Zahra Maleknia. 2023. Politeness markers in emails of non-native English speaking university students. *Russian Journal of Linguistics* 1 (27). 67–87. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33334>
- Almoaily, Mohammad. 2018. Greetings as a Politeness Strategy in EFL Distance Learning Students' Official Emails. *Linguistics and Literature Studies* 6 (6). 259–266.
- Arundale, Robert. 2006. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness. *Journal of Politeness Research* 2. 193–216.
- Arundale, Robert. 2013. Face as a research focus in interpersonal pragmatics: Relational and emic perspectives. *Journal of Pragmatics* 58.108–120.
- Bjorge, Anne Kari. 2007. Power distance in English lingua franca email communication1. *International Journal of Applied Linguistics* 17. 60–80.
- Bou-Franch, Patricia. 2011. Openings and closings in Spanish email conversations. *Journal of Pragmatics* 43. 1772–1785.
- Brown, Penelope & Stephen C Levinson. 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Codina-Espurz, Victòria. 2021. The influence of social distance and power in email politeness in an academic context. *Estudios Interlingüísticos* 9. 44–59.
- Eckert, Penelope & Sally McConnet-Ginet. 1992. Think practically and look locally: Language and gender as community-based practice. *Annual Review of Anthropology* 21. 461–490.
- Economidou-Kogetsidis, Maria. 2016. Variation in evaluations of the (im)politeness of emails from L2 learners and perceptions of the personality of their senders. *Journal of Pragmatics* 106. 1–19.
- Economidou-Kogetsidis, Maria. 2018. Mr Paul, please inform me accordingly: Address forms, directness and degree of imposition in L2 emails. *Pragmatics* 28 (4). 489–516
- Eslami, Zohreh R. & Wei-Hong Ko. 2015. Facework in non-face-threatening emails by native and non-native English speakers. *Russian Journal of Linguistics* 4. 111–126.

- Eslami, Zohreh R., Tatiana Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 1 (27). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Goffman, Erving. 1982. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-face Behavior*. New York: Patheon Books.
- Gordon, Cynthia & Melissa Luke. 2012. Discursive negotiation of face via email: Professional identity development in school counseling supervision. *Linguistics and Education* 23. 112–122.
- Haugh, Michael. 2007. The discursive challenge to politeness theory: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research* 3. 295–317.
- Haugh, Michael. 2009. Face and interaction. In Francesca Bargiela-Chiappini & Michael Haugh (eds.), *Face, communication and social interaction*, 130–150. Equinox, London.
- Holtgraves, Thomas. 1992. The linguistic realization of face management: Implications for language production and comprehension, person perception, and cross-cultural communication. *Social Psychology Quarterly* 55. 141–159.
- Locher, Miriam A. 2013. Relational work and interpersonal pragmatics. *Journal of Pragmatics* 58. 145–149.
- Lü, Linqiong. 2018. Role of email in intercultural communication of criticism in a Chinese English curriculum reform context. *English Language Teaching* 11 (2). 193–207.
- Níkleva, Dimitrinka G. 2018. Markers of politeness and impoliteness in student-teacher interaction in the discourse genre of emails. *Revista Signos y Estudios de Lingüística* 51 (97). 214–235.
- Pham, Thi Minh Trang & Aiden Yeh. 2020. Politeness of Vietnamese students in writing request email in English: A course-based and socio-pragmatic study. *International Journal of Language and Literary Studies* 2 (2). 109–128.
- Salazar-Campillo, Patricia. 2023. Address forms and Politeness markers in Spanish students' emails to Faculty. *RAEL: Revista Electrónica de Lingüística Aplicada* 21 (1). 58–73.
- Sifianou, Maria. 2013. The impact of globalization on politeness and impoliteness. *Journal of Pragmatics* 55. 86–102
- Spencer-Oatey, Helen. 2005. Rapport management theory and culture. *Intercultural Pragmatics* 2 (3). 335–346.
- Spencer-Oatey, Helen. 2008. *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk Across Cultures, 2nd edn*. London and New York: Continuum.
- Sudzina, Mary, Carmen Giebelhaus & Maria Coolican. 1997. Mentor or Tormentor: The role of the cooperating teacher in student teacher success or failure. *Action in Teacher Education* 18 (4). 23–35.
- Ting-Toomey, Stella. 2005. The matrix of face: An updated face-negotiation theory. In William B. Gudykunst (ed.), *Theorizing about intercultural communication*, 71–92. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Ting-Toomey, Stella. 2015. Facework/Facework negotiation theory. In Janet Bennett (ed.), *Sage Encyclopedia of intercultural competence*, 325–330. Los Angeles, CA: Sage.

Article history:

Received: 10 August 2023

Accepted: 15 January 2024

Bionote:

Jean Mathieu TSOUMOU holds a PhD in English studies and a Masters degree in English linguistics from Complutense University of Madrid/Spain. He currently works for La Universidad Europea de Madrid, where he teaches ESP to undergraduate students. He is mainly interested in pragmatics, multilingualism, (im)politeness, discourse analysis, sociolinguistics and politics. He has published in international journals, including the *Journal of Pragmatics* and *Journal of Politeness: Language, Behaviour, Culture*.

e-mail: 190589jeanmathieu@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4651-9161>

Сведения об авторе:

Джан Матье ЦУМУ получил степень PhD в области англистики и степень магистра по лингвистике в Университете Комплутенсе (Мадрид, Испания). В настоящее время преподает английский для специальных целей (ESP) в Европейском университете Мадрида. Сферу его научных интересов составляют прагматика, многоязычие, (не)вежливость, дискурс-анализ, социолингвистика и политология. Имеет публикации в международных журналах, включая *Journal of Pragmatics* и *Journal of Politeness: Language, Behaviour, Culture*.

e-mail: 190589jeanmathieu@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4651-9161>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35624>

EDN: DFZGBB

Research article / Научная статья

The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach

Valery D. SOLOVYEV   and Anna I. IVLEVA

*Institute of Philology and Intercultural Communication,
Kazan Federal University, Kazan, Russia*
maki.solovyev@mail.ru

Abstract

Psychological cross-cultural studies have long noted differences in the degree of cognition positivity, or optimism, in various cultures. Herewith, the question whether the difference shows up at the level of the language lexicon remains unexplored. Linguistic positivity bias has been confirmed for a number of languages. The point of it is that most words have a positive connotation in the language. This begs the question: is linguistic positivity bias the same for different languages or not? In a sense, the issue is similar to the hypothesis of linguistic relativity suggesting the language impact on the human cognitive system. The problem has been researched only in one work (Dodds et al. 2015), where data on the positivity bias values are given for different languages and the comparison for each pair of languages is based on merely one pair of dictionaries. In the present study, we radically increase the computational baseline by comparing four English and five Russian dictionaries. We carry out the comparative study both at the level of vocabularies and at the level of texts of different genres. A new, previously untapped idea is to compare positivity ratings of translated texts. Also, English and Russian sentiment dictionaries are compared based on the scores of translation-stable words. The results suggest that the Russian language is somewhat slightly more positive than English at the level of vocabulary.

Keywords: *sentiment, dictionaries, the Pollyanna principle, linguistic relativity, translated texts*

For citation:

Solovyev, Valery D. & Anna I. Ivleva. 2024. The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 266–293. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35624>

© Valery D. Solovyev & Anna I. Ivleva, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Различие позитивности в лексиконах русского и английского языков: подход, основанный на больших данных

В.Д. СОЛОВЬЕВ , А.И. ИВЛЕЕВА

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

maki.solovyev@mail.ru

Аннотация

В психологических кросс-культурных исследованиях давно замечены различия в степени позитивности мышления, или оптимизма, в различных культурах. Напрашивается вопрос, является ли преимущественная лингвистическая позитивность (*linguistic positivity bias*) одинаковой для разных языков или нет. В определенном смысле этот вопрос схож с гипотезой лингвистической относительности, касающейся влияния языка на когнитивную систему человека. Эта проблема рассматривалась только в одной работе (Dodds et al. 2015), в которой представлены данные о разной величине преимущественной лингвистической позитивности для разных языков и где сравнение для двух языков проводилось с использованием всего одной пары словарей. В настоящем исследовании мы существенно увеличиваем вычислительную базу, сравнивая английский и русский языки на основе 4 английских и 5 русских словарей. Сравнение проводится как на уровне лексикона языков, так и на уровне текстов разных жанров. Новой, ранее не использовавшейся идеей, является сопоставление рейтингов позитивности переводных текстов. Также словари английского и русского языков сравниваются по значениям рейтингов слов, устойчивых к переводу (*translation-stable words*). Результаты позволяют предположить, что на уровне лексикона русский язык несколько более позитивен, чем английский.

Ключевые слова: *тональность, словари, принцип Полианны, лингвистическая относительность, переводные тексты*

Для цитирования:

Solovyev V.D., Ivleva A.I. The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 266–293. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35624>

1. Introduction

One of the lines of cross-cultural psychological research is to compare the degree of cognition positivity in different cultures. In (Gallagher et al. 2013), the optimism universality is asserted as a property of the human race. In (Ji et al. 2021), East Asian are noted to engage in less positive thinking than Westerners. Most of studies compare the cultures of these regions. The study (Kirchner-Häusler et al. 2021) concerns Japan and Belgium, while (Ji et al. 2021) is devoted to China and Canada. Russia occupies an intermediate position between the West and the East, but there are very few works dealing with this country. A fairly long-standing work (Kassinove & Sukhodolsky 1995) compares the attitude of Russian and American youth to various current socio-political problems. Russians and Americans are shown to perceive various aspects more or less positively.

The above-mentioned and similar works compare respondents' evaluations of some specific situations. They take into account the impact of a small number of parameters, for instance the standard of living. The impact of the context is emphasized in (Ji et al. 2021). Meanwhile, a different way of assessing the degree of optimism inherent to the culture as a whole is available. The approach is to compare the positivity of the language lexicons of different cultural groups. Lexicon, being an element of culture, reflects the general attitude of native speakers to the world. The dictionaries with positivity/negativity scores for words obtained by respondents survey are the material for the above research. Such dictionaries have long been created within the framework of sentiment analysis.

Sentiment analysis (opinion mining) is an important applied problem that has been studied for several decades (Pang & Lee 2008, Liu 2012). The purpose of sentiment analysis is to automatically determine the positive or negative subjective evaluation of the text or its parts. A classical application of sentiment analysis is evaluation of customer reviews of goods and services (Solovyev & Ivanov 2014). Another significant application is to determine the sentiment of tweets and texts from other social networks to evaluate mood of the society as a whole. For instance, in (Mitchell et al. 2013) they study the way positive sentiment of Twitter users depends on demographics and geography. The latest research (Gower et al. 2023) reports on positively biased social media consumption under the condition of chronic stress during COVID-19. The term “sentiment analysis” is customary in computational linguistics. The term valence is used in psychology for the similar purpose to denote a bipolar “positive-negative” evaluation scale which is applicable both in theoretical and practical psychology research. The concept of valence was introduced by Osgood (1952) within the framework of the concept of semantic differential. In a number of works, it is applied to classify emotions. However, it is suitable for applying to any objects. For example, the database (Warriner et al. 2013) contains the values of this parameter for a large number of English words which obviously do not signify emotions: table, zoom, etc. In the present paper, we use the terms “sentiment” and “valence” as synonyms. The term “score” stands for the numeric value of this parameter.

The term “lemma” is used as is customary to denote the basic (root) form of the word. “Token” means a sequence of characters between two successive spaces. The term “token” is accepted in computational linguistics, it corresponds to the concept of a word form in linguistics. When we use the “word”, one can understand whether it is a token or a lemma depending on context.

In (Kloumann et al. 2012), they shift the research focus from separate texts to the entire language. Most words of the (English) language are shown to have positive connotation on the basis of a large-scale respondents survey. This result seems to be not application-specific but of global significance. For the first time, the idea of the Pollyanna principle was proposed in (Boucher & Osgood 1969) and is also known as linguistic positivity bias (LPB) (Iliev et al. 2016). It was rigorously confirmed by methods of computational linguistics based on universal text corpora,

including Google Books Ngram, etc. It was also checked for specialised corpora: children's and adolescent literature (Jacobs et al. 2020), tweets (Frank et al. 2013), negative customer reviews (Aithal & Tan 2021), etc.

Later, the Pollyanna principle was shown to be valid for 9 other languages (Dodds et al. 2015). Having confirmed the positive bias, one naturally comes to the question whether the principle is similar in different languages or not. The first study of this kind was given in (Dodds et al. 2015). However, there are several controversial points that could affect the result of the study. First, there are different methods of positivity calculation, as well as different dictionaries of sentiment ratings. Besides, the research methodology is not well-established, there are no generally recognised approaches in this field.

In general, the question — which language is more positive — is analogical with the well-known principle of linguistic relativity. In the present study, we are interested in the emotional-evaluative component of the human cognitive system. We put the question: is sentiment evaluation of certain concepts predetermined by cultural traditions only? Does it depend on the language itself as well? Evidently, there are many culture-specific concepts being evaluated by various peoples in essentially different ways. For instance, a pig was a sacred animal in ancient Egypt, while in the Russian language the word *pig* is a swear word. In the Hedonometer (Russian) dictionary discussed below, this word has a rating of 0.32 on a scale of [0, 1], where 1 is the highest positive score.

Nevertheless, the sentiment evaluation of many words hardly depends on the cultural traditions of peoples. At least, it is true for close cultures, such as European ones. Such words as *pencil*, *socks*, *display* are unlikely to cause significantly different sentiment responses. Recently, the authors (Jackson et al. 2019) have drawn attention to some variability of emotions in different cultures. However, they found the sentiment parameter (valence) to be predominant and universal for differentiating emotional and neutral words. This is one of the factors motivating to study sentiment not only for purely applied problems. Thus, we do not ignore the cultural contribution to the sentiment evaluation of concepts in different languages/cultures. It is appropriate to put the question of language systematic impact on the sentiment of vocabulary as a whole, as well as on the emotional-evaluative perception of the world.

In the present study, we suggest some approaches to solve this problem. We compare the positive sentiment bias for the Russian and English languages. This aspect is considerably less studied for the Russian language than for English. So, one of the goals of the present paper is to introduce the data for the Russian language into scholarly discourse. To obtain reliable results, we conduct the comparative study from different aspects. The first point is to compare the languages as such, represented by the sentiment dictionaries. Then we compare the sentiment of texts of various genres in Russian and English.

The research issues covered in our study are:

- (1) How do different Russian and English sentiment dictionaries correlate?
- (2) What is the optimal way of evaluating text sentiment — by taking into account all words of the text or different words only (regardless of word frequency)?
- (3) How does the sentiment of English and Russian texts of different genres correlate? How does the choice of sentiment evaluation parameters affect the results of the comparative study?
- (4) How do the sentiment ratings of the original and translated text correlate?

The structure of the paper is as follows. The second section provides an overview of up-to-date publications on computer verification of the Pollyanna principle. The third section gives a brief description of methods and Russian sentiment dictionaries hardly covered in the English-language literature. The fourth section contains numerous statistical data for comparing positivity of the Russian and English languages, as well as discussions. Finally, the fifth section of the article summarises the results of the study and outlines the prospects for its development.

2. Literature review

Let us note the basic differences between classical applied sentiment analysis and the line of fundamental research of the language and texts sentiment. The latter dates back to (Kloumann et al. 2012). The present paper is devoted to it as well. Both of these research lines rely on sentiment dictionaries. However, there is a considerable difference in their goals and methods. Applied tasks, such as analysis of customer reviews of products, require not only to identify an opinion positivity/negativity, but also to understand which aspect of the product it concerns. This approach implies a very detailed analysis of sentences, including syntactic analysis. It is either impossible or non-relevant for a global evaluation of positivity/negativity of a language as a whole or a large corpus of texts. So, within the line of fundamental research of the language and texts sentiment, the ratio of positive/negative vocabulary is determined only.

Such an overall sentiment analysis was applied not only to the language as a whole, but also to individual texts: lyrical songs, American President's messages to Congress (State of the Union) (Dodds & Danforth 2010), fiction (Dodds et al. 2015) and other diverse types of texts. This research line is based on the use of special dictionaries of positivity/negativity ratings. A large number of such dictionaries have been compiled to date. One can find a detailed review of English dictionaries in (Reagan et al. 2017), and Russian dictionaries in (Kotel'nikov et al. 2020). Usually, such dictionaries are made on the basis of respondents surveys. A number of works study the multidimensional evaluation of texts. Sometimes, in addition to the general positivity/negativity scale, each of the basic emotions is evaluated. For instance, texts evaluation based on the degree of arousal and dominance Osgood factors (Osgood 1952) is studied less thoroughly. Special dictionaries have also

been compiled for these purposes (Warriner et al. 2013). Methods of computational linguistics play an important role in all works (Solovyev et al. 2022), specifically, for preprocessing texts and word form normalization.

Almost all studies use one dictionary only. The exception is (Reagan et al. 2017), where 6 different dictionaries are applied to sentiment analysis of various texts. One should note that the evaluations significantly differ when using various dictionaries. For example, the sentiment evaluation of Society section of New York Times differs by 0.56 on a 9-point scale for ANEW and LabMT dictionaries. For LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count (Tausczik & Pennebaker 2014)) and MPQA (Multi-Perspective Question Answering (Yoonjung & Wiebe 2014)) dictionaries it differs by 0.48 on a scale of (-1, 0, +1), i.e. almost a quarter of the scale. The study does not explain which features of dictionaries result in such score differences.

Comparing ratings for different languages presents extra difficulties. The study (Dodds et al. 2015) covers 10 languages. Spanish is shown to be the most positive language, while the most negative language according to this study is Chinese. Also, Russian turned out to be less positive than English. The difference of average score is 0.0263 on a scale of [0, 1]. The main drawback of this research is the application of one dictionary for each language only. The above-mentioned paper (Reagan et al. 2017) shows that using another dictionary can change the evaluation up to 0.56 on a 9-point scale, which corresponds to 0.07 on a scale of [0, 1]. Another dictionary can give a completely different result. So, it is necessary to compare languages on the basis of several dictionaries. There are other disputable points that do not allow us to consider this result as significant.

First of all, positivity evaluations were made for different languages based on different texts. Evidently, texts of various types can have different degrees of positivity, regardless of the language. Moreover, even social networks, being seemingly similar, have different degrees of positivity. For instance, as shown in (Jaidka 2022), Facebook users have a higher level of life satisfaction (positivity of messages) than Instagram users. We assume it is worth comparing the degree of positivity for pairs of translated texts. Due to their equivalence at different levels, the valence score difference is mainly determined by the language.

Secondly, in (Dodds et al. 2015) they use original tokens from texts without lemmatizing them in order to avoid dealing with morphology of various languages. The authors believe this would not strongly affect the result. Probably, it is true for languages with simple morphology, such as English, whereas it can alter the result for languages with complex morphology, such as Russian. For instance, in the Russian language there are 12 inflectional noun forms and several dozen, up to 100, verb forms. Many of inflectional forms of a word have approximately the same frequency. In English, a noun has only two cases. As for verbs, most combinations of tense, aspect, mood and voice are expressed periphrastically, using constructions with auxiliary verbs. It causes the following situation: among the most frequent 5000 words used in (Dodds et al. 2015) there are many forms of the same high-

frequency lemma. That is why many of the first most frequent 5000 lemmas from the frequency dictionary of the language are not taken into account. As a result, when comparing English and Russian, many more different lemmas will be included in calculations for English than for Russian. In the present study, we lemmatise both English and Russian texts.

Various computational approaches can be applied for the research. In the first works (Kloumann et al. 2012, Dodds et al. 2015), text sentiment was evaluated based on dictionary scores of words regardless of their frequency in texts. However, in (Dodds & Danforth 2010) texts sentiment calculations are made by means of the formula $v_{text} = \frac{\sum_{i=1}^n v_i f_i}{\sum_{i=1}^n f_i}$, where v_i is a word score, and f_i is a word frequency, i.e. the frequency of words is taken into account. The same approach is applied in (Hills et al. 2019). This formula summarises the contribution of all the words, both positive and negative. And in (Iliev et al. 2016), they calculate the ratio between the number of positive words and the number of negative ones. If we take the above formula, we get the difference of the corresponding values. In this way, the degree of predominance of positive words over negative ones is determined. We can see different approaches used in different works. There is no common approach yet, as well as systematic comparison of existing ones.

Changes in sentiment evaluation of languages over time has been studied as well. The most frequent data source is the Google Books Ngram corpus (ENA, April 11, 2024)¹.

It is of considerable interest to understand how the use of positive/negative vocabulary changes over time, and what factors can affect these changes. In (Iliev et al. 2016) they show the positive bias decreases over time, and the trend is well approximated by a linear law. The result was obtained for several English corpora only. (Hills et al. 2019) introduced the concept of National Valence Index, calculated according to the above formula. The study was carried out for English, German, and Italian. In both works, they note the correlation of positive bias with the subjectively assessed (in the course of population surveys) happiness level. But at the same time, Gross domestic product does not correlate with National Valence Index in the long run. In (Bochkarev et al. 2023), this problem is studied for the Russian language. High level of dependence on the dictionary is stated. The possibility of direct comparison of the above results for different languages is limited by the fact that each language has its own sentiment dictionaries and the correlation of these dictionaries is unclear.

3. Data and methods

In the present study, we have selected five Russian and four English sentiment dictionaries to eliminate the dependence on a dictionary used. We also focus on the score differences for individual words as well. For each Russian-English pair of

---

¹ <https://books.google.com/ngrams/>

dictionaries we make sentiment calculation for languages/texts to have twenty alternative options. Among numerous English sentiment dictionaries, we have decided on the most well-known and frequently cited ones: Hedonometer (Dodds et al. 2015), BRM (Warriner et al. 2013), ANEW (Affective Norms for English Words (Bradley & Lang 1999)), NRC-VAD (National Research Council Canada Valence, Arousal, and Dominance Lexicon (Mohammad 2018)). As for the Russian dictionaries, we use such well-known ones as KartaSlovSent (Kulagin 2021), LinisCrowd (Koltsova et al. 2016), Hedonometer (Russian), as well as the KFU² Sentiment human dictionary and the KFU Sentiment BERT machine dictionary that have recently been compiled in our laboratory. BERT stands for Bidirectional Encoder Representations from Transformers, which is an up-to-date method of machine learning developed by Google for the natural language processing. A detailed description of the latter two dictionaries is given in (Solovyev et al. 2022). Formal characteristics of all the dictionaries are given in Table 1 and Table 2.

Table 1. Basic information on Russian sentiment dictionaries

Dictionary	Source	Total number of words	Scale
KFU Sentiment	https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html	1000	Continuous: [1, 9]
KFU Sentiment BERT	https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html	25468	Continuous: [1, 9]
KartaSlovSent	https://kartaslov.ru	46127	Discrete: -1, 0, 1
Hedonometer (Russian)	https://hedonometer.org/words/labMT-ru-v2/	9941	Continuous: [1, 9]
LinisCrowd	http://linis-crowd.org/	6860	Discrete: -2, -1, 0, 1, 2

Table 2. Basic information on English sentiment dictionaries

Dictionary	Source	Total number of words	Scale
Hedonometer (English)	https://hedonometer.org/words/labMT-en-v2/	10187	Continuous: [1, 9]
BRM	https://github.com/meadej/twitter-sentiment-analysis?ysclid=1h0bctge6l466946169	13915	Continuous: [1, 9]
ANEW	https://github.com/eriq-augustine/sentiment-data/blob/master/anev.csv	1034	Continuous: [1, 9]
NRC-VAD	https://emilhvitefeldt.github.io/textdata/reference/lexicon_nrc_vad.html	19971	Continuous: [0, 1]

² KFU is abbreviation of the Kazan Federal University

The KFU Sentiment dictionary includes the most frequent words from the dictionary by Lyashevskaya, Sharova³ (2009), the proportions of nouns, adjectives, verbs being equal. The dictionary was obtained through respondents survey on the Yandex.Toloka service. At least 50 scores on a 9-point scale were received for each word. The KFU Sentiment BERT dictionary was derived from the KFU Sentiment dictionary by extrapolating human estimates by the BERT neural network⁴.

The Hedonometer (Russian) dictionary includes most commonly used words from a number of sources: Google Books, New York Times articles, Music Lyrics, Twitter messages translated into Russian. The respondents survey was conducted on Amazon's Mechanical Turk on a 9-point scale. The LinisCrowd dictionary was also created using the crowdsourcing method and is focused on emotional-evaluative words. The KartaSlovSent dictionary is based on the survey method with at least 25 scores for each word. The paper (Kulagin 2021) states that it contains commonly understood words. In fact, it has about a 4-fold predominance of negative words over positive ones, i.e. it is focused on emotional-evaluative words.

In general, the above dictionaries differ significantly both in the method of their compilation and in the set of words included. We compare dictionaries in terms of the scores distribution and consistency of scores between dictionaries. To improve readability and compare the texts evaluations, we normalise all the scores to values on a scale [0, 1] by linear transformation.

Another distinct feature of different dictionaries is that they include either lexemes/lemmas or word forms. We believe that this factor does not impact our results as different word forms of the same lexeme in a dictionary have very proximate valence scores.

The present research background is made up of the following ideas:

- (1) Interlanguage comparison of English and Russian sentiment dictionaries can be based on pairs of words in two languages that correspond to each other as precisely as possible. These are the so-called translation-stable words (Dodds et al. 2015). Their semantics is assumed to be preserved in most cases when translated into another language. That is why we follow the idea from (Dodds et al. 2015) that comparing the scores of translation-stable words from dictionaries, it is possible to determine the language impact on the scores.
- (2) The comparison of either texts or language lexicon can be affected by a dictionary. To eliminate this impact, it is necessary to consider a number of dictionaries. As dictionaries were created by different methods, we expect not to deal with any systematic error that will distort the results. We compare scores for 20 pairs of dictionaries (four English and five Russian dictionaries) created by separate research teams at different times by various methods.

---

³ <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

⁴ Note that the KFU Sentiment BERT dictionary is derived from the KFU Sentiment dictionary by extrapolating scores by using the BERT neural network. It includes the KFU Sentiment dictionary as a subset that is why their data correlate completely (see the next section).

- (3) The central takeaway of all modern approaches is that translation is a kind of cross-linguistic, cross-cultural, and cross-social communication having the following purpose — to establish as much equivalence between the source text and the target text as possible. There are different classifications of translation equivalence levels (see, for instance, (Panou 2013)). But the predominant idea and strategy of any translator is to ensure equivalence at more macroscopic levels (which are called pragmatic, functional, situational, etc. by different scholars and include communication purpose, text style, emotiveness, expressiveness, evaluation aspect, etc.). So, a translator strives for the original and translated texts to be, among other things, emotively equivalent using language units from such sublevels as lexis, syntax, punctuation, etc. Due to it, original and translated texts can serve as a sort of standards, allowing us to evaluate the degree of language lexicon impact on positivity of the whole text by calculating the average positivity shift.

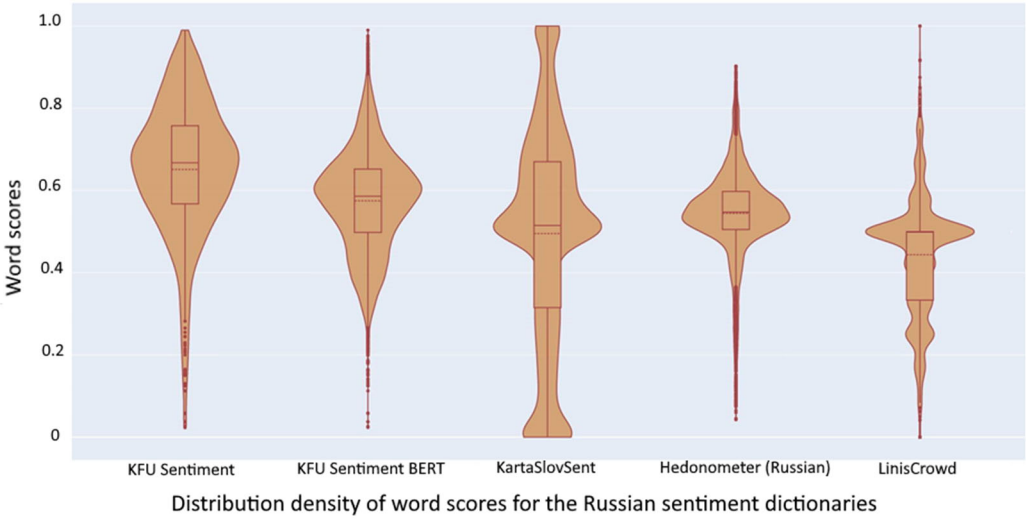
4. Results

4.1. Review and comparison of open Russian and English sentiment dictionaries

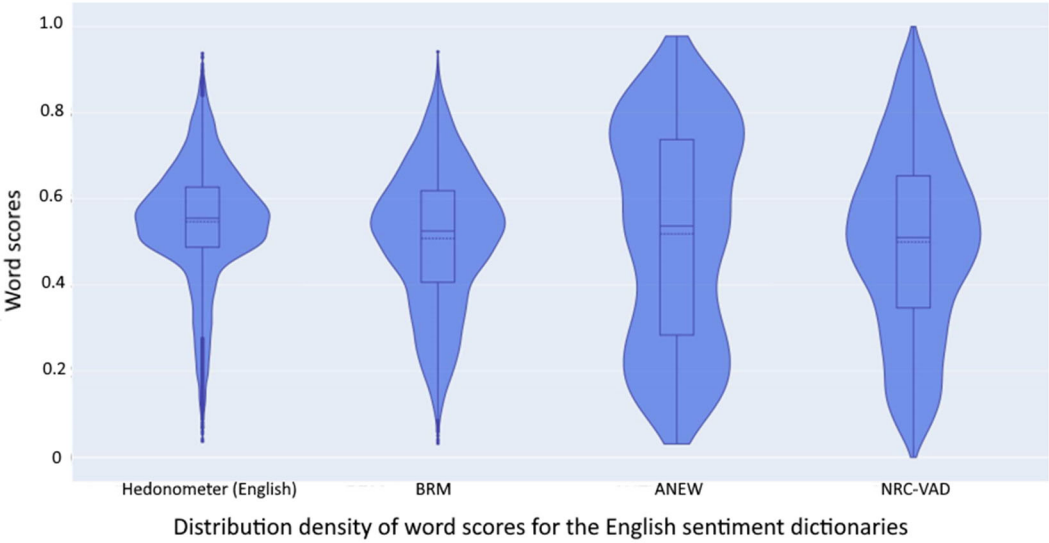
As can be seen from Figure 1, the KFU Sentiment dictionary is the most positive both according to the average score and the percentage of positive words. The least positive dictionary by these two criteria is LinisCrowd. The ratio of the number of positive words (with scores > 0.5) to the number of negative words (with scores < 0.5) is 5.85 for KFU Sentiment, 2.94 for KFU Sentiment BERT, 1.08 for KartaSlovSent, 3.34 for Hedonometer (Russian), 0.23 for LinisCrowd. Consequently, all the Russian dictionaries, except for LinisCrowd, confirm the Pollyanna principle. KartaSlovSent dictionary is almost at the boundary of subsets.

Hedonometer dictionary is the most positive in terms of average scores among the English-language dictionaries (Figure 2). The ratio of the number of positive words (with scores > 0.5) to the number of negative words (with scores < 0.5) is 2.34 for Hedonometer (English), 1.26 for BRM, 1.30 for ANEW, 1.06 for NRC-VAD. Consequently, all the English-language dictionaries considered confirm the Pollyanna principle, but the proportion of positive words in Russian-language dictionaries is generally greater than in English ones. NRC-VAD dictionary is almost at the boundary of subsets.

Table 3 and Table 4 give us correlation characteristics for Russian and English sentiment dictionaries respectively. The characteristics are as follows: N is the number of words in the intersection of dictionaries, R_s is a Spearman correlation coefficient for words in the intersection of dictionaries (p -value does not exceed $5 \cdot 10^{-49}$ for all R_s), M_1 and M_2 are average scores for dictionary 1 and dictionary 2 respectively through all words from the intersection of dictionaries. The diagrams embedded in the tables are illustrative, the values on X and Y axes range from 0 to 1.

Figure 1. Word scores distributions for the Russian sentiment dictionaries

Figure 2. Word scores distributions for the English sentiment dictionaries

In general, the English-language dictionaries correlate much better than the Russian-language ones. This is probably since the methods of compiling Russian dictionaries vary greater. In many cases, the correlation coefficient between the English-language dictionaries exceeds 0.9. For the Russian language, the lowest correlation coefficient is expectedly between the most positive KFU Sentiment and the most negative LinisCrowd dictionary. At the same time, Russian sentiment dictionaries have a better correspondence to the Pollyanna principle.

Table 3. Intersection and correlation of Russian sentiment dictionaries

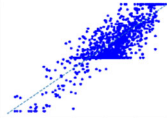
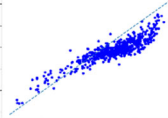

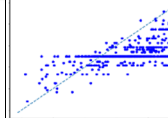
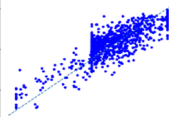
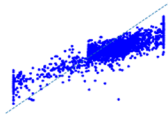
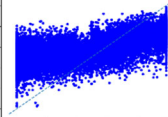
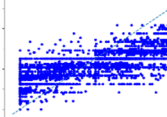
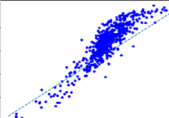
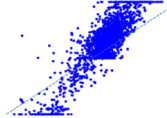
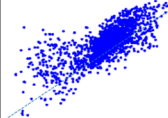

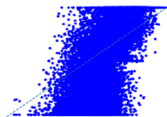
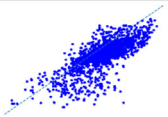
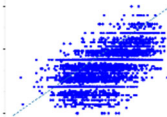
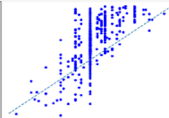
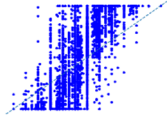
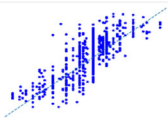
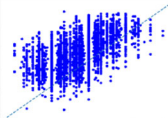
Dictionary 2 \ Dictionary 1	KFU Sentiment	KartaSlovSent	Hedonometer (Russian)	KFU Sentiment BERT	LinisCrowd
KFU Sentiment		N = 967 Rs = 0.755 M ₁ = 0.652 M ₂ = 0.634 	N = 663 Rs = 0.856 M ₁ = 0.663 M ₂ = 0.573 	N = 1000 Rs = 1.000 M ₁ = 0.650 M ₂ = 0.650 	N = 681 Rs = 0.523 M ₁ = 0.651 M ₂ = 0.509
KartaSlovSent	N = 967 Rs = 0.755 M ₁ = 0.634 M ₂ = 0.652 		N = 2052 Rs = 0.799 M ₁ = 0.609 M ₂ = 0.555 	N = 21498 Rs = 0.636 M ₁ = 0.480 M ₂ = 0.577 	N = 5785 Rs = 0.780 M ₁ = 0.492 M ₂ = 0.449
Hedonometer (Russian)	N = 663 Rs = 0.856 M ₁ = 0.573 M ₂ = 0.663 	N = 2052 Rs = 0.799 M ₁ = 0.555 M ₂ = 0.609 		N = 2015 Rs = 0.726 M ₁ = 0.552 M ₂ = 0.632 	N = 1309 Rs = 0.620 M ₁ = 0.533 M ₂ = 0.485
KFU Sentiment BERT	N = 1000 Rs = 1.000 M ₁ = 0.650 M ₂ = 0.650 	N = 21498 Rs = 0.636 M ₁ = 0.577 M ₂ = 0.480 	N = 2015 Rs = 0.726 M ₁ = 0.632 M ₂ = 0.552 		N = 5834 Rs = 0.602 M ₁ = 0.576 M ₂ = 0.444
LinisCrowd	N = 681 Rs = 0.523 M ₁ = 0.509 M ₂ = 0.651 	N = 5785 Rs = 0.780 M ₁ = 0.449 M ₂ = 0.492 	N = 1309 Rs = 0.620 M ₁ = 0.485 M ₂ = 0.533 	N = 5834 Rs = 0.602 M ₁ = 0.444 M ₂ = 0.576 	

Table 4. Intersection and correlation of English sentiment dictionaries

Dictionary 2 \ Dictionary 1	Hedonometer (English)	BRM	ANEW	NRC-VAD
Hedonometer (English)		N = 4517 Rs = 0.900 M ₁ = 0.557 M ₂ = 0.548	N = 707 Rs = 0.944 M ₁ = 0.551 M ₂ = 0.555	N = 5431 Rs = 0.842 M ₁ = 0.555 M ₂ = 0.561
BRM	N = 4517 Rs = 0.900 M ₁ = 0.548 M ₂ = 0.557		N = 1033 Rs = 0.941 M ₁ = 0.519 M ₂ = 0.509	N = 13867 Rs = 0.792 M ₁ = 0.508 M ₂ = 0.507
ANEW	N = 707 Rs = 0.944 M ₁ = 0.555 M ₂ = 0.551	N = 1033 Rs = 0.941 M ₁ = 0.509 M ₂ = 0.519		N = 1025 Rs = 0.915 M ₁ = 0.518 M ₂ = 0.507
NRC-VAD	N = 5431 Rs = 0.842 M ₁ = 0.561 M ₂ = 0.555	N = 13867 Rs = 0.792 M ₁ = 0.507 M ₂ = 0.508	N = 1025 Rs = 0.915 M ₁ = 0.507 M ₂ = 0.518	

Ten common words having the highest score differences (from the most positive KFU Sentiment and the most negative LinisCrowd) are: *смеяться* (to laugh), *природа* (nature), *герой* (hero), *активный* (active), *смешной* (funny), *результат* (result), *море* (sea), *друг* (friend), *жить* (to live), *стремиться* (to strive). Their rating differences are more than 0.424. The scores of these words in the LinisCrowd dictionary are close to 0.5, while in the KFU Sentiment dictionary they have a fairly positive rating. Totally, 38% of words in LinisCrowd dictionary (including those with emotional connotation) have a score of 0.5. It significantly reduces the correlation between this dictionary and the other ones. For some words,

neutral scores can be explained by ambiguous interpretations of the meaning, so that the respondents' opinions are not unanimous. For example, *смеяться* (*to laugh*): to laugh heartily and laugh at someone; *смешной* (*funny*): funny meaning amusing or ridiculous; *природа* (*nature*): nature surrounding us or the nature of things; *море* (*sea*): the sea as a physical object or as a large number of things. However, for the rest of the 10 listed words, as well as for many other words from the LinisCrowd dictionary, the neutral score is difficult to explain by any other reasons but a small number of respondents and/or the lack of their careful selection and control.

4.2. Comparison of Russian and English sentiment dictionaries

Applying the approach described in (Dodds et al. 2015), we have performed an interlanguage comparison of English and Russian sentiment dictionaries. The comparative study was carried out for translation-stable words from the intersection of dictionaries. The word is considered translation-stable in case the result of machine translation from the original to the target language, and then back to the original language does not change. We used Yandex Translate machine translation. The results are presented in Table 5, where N is the number of common translation-stable words for a pair of dictionaries, R_s is a Spearman correlation coefficient for common translation-stable words (p -values do not exceed $3 \cdot 10^{-24}$ for all R_s), M_1 and M_2 are the average score values in dictionary 1 and dictionary 2 respectively for all the common translation-stable words; $\Delta M = M_1 - M_2$. From this point onward, scores for Russian words are subtracted from scores of English words, i.e. the negative value of ΔM means a greater positivity of the Russian language.

Table 5 shows the score differences between English and Russian (ΔM), which is based on the average scores of translation-stable words (proposed in (Dodds et al. 2015)). ΔM values vary significantly both in absolute value and sign, depending on a pair of dictionaries.

If we calculate the average score difference through all pairs of dictionaries, we get the value of $\Delta M = -0.0183$. However, dictionaries (particularly the Russian-language ones) differ greatly and make different contributions to this value. We try to account for this different contribution in the following way.

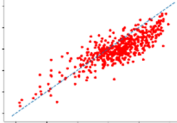
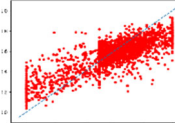
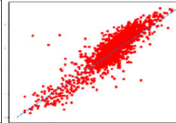
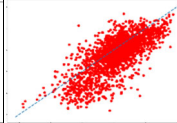
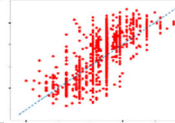
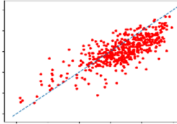
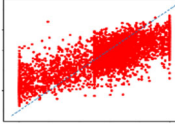
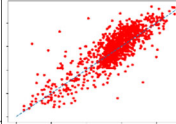
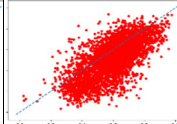
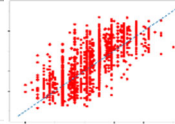
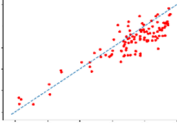
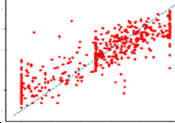
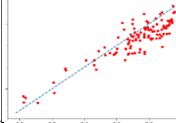
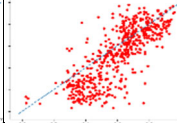
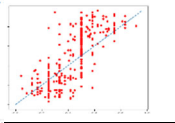
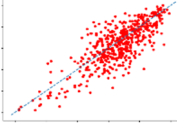
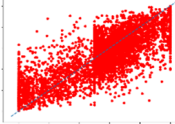
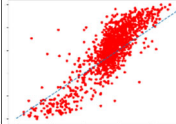
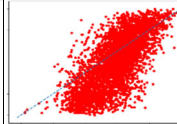
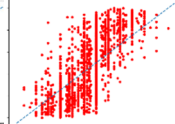
To decide on the ΔM value, we compare sentiment dictionaries based on the two criteria:

- Deviation of the average dictionary score (according to Figures 1 and 2) from the mean of the average scores of all the dictionaries of one language.
- The average correlation of the dictionary scores with the scores of other dictionaries of one language (according to Tables 3 and 4). The correlation of KFU Sentiment BERT and KFU Sentiment dictionaries is not taken into account.

These criteria were normalised by dividing them by the sum of the corresponding criteria values. The first criterion is negative, whereas the second criterion is positive, so they are taken into account with the "-" and "+" sign respectively. As a result, we obtain the following (descending) order of dictionaries

as evaluation alternatives. English dictionaries and their significance weights are: ANEW (1.254), BRM (1.066), NRC-VAD (0.920), Hedonometer (0.760); Russian dictionaries and their significance weights are: Hedonometer (1.205), KFU Sentiment BERT (1.074), KartaSlovSent (1.051), LinisCrowd (0.843), KFU Sentiment (0.828). The weight of each Russian-English pair of dictionaries was determined as the normalised sum of two weights.

Table 5. Intersection and correlation of Russian and English sentiment dictionaries

Dictionary 2 \ Dictionary 1	KFU Sentiment	KartaSlovSent	Hedonometer (Russian)	KFU Sentiment BERT	LinisCrowd
Hedonometer (English)	N = 520 Rs = 0.769 M ₁ = 0.602 M ₂ = 0.667 ΔM = -0.065 	N = 2544 Rs = 0.764 M ₁ = 0.566 M ₂ = 0.585 ΔM = -0.019 	N = 2073 Rs = 0.829 M ₁ = 0.573 M ₂ = 0.549 ΔM = 0.024 	N = 2561 Rs = 0.703 M ₁ = 0.562 M ₂ = 0.616 ΔM = -0.054 	N = 1458 Rs = 0.660 M ₁ = 0.544 M ₂ = 0.483 ΔM = 0.061
BRM	N = 498 Rs = 0.733 M ₁ = 0.606 M ₂ = 0.668 ΔM = -0.062 	N = 4987 Rs = 0.743 M ₁ = 0.522 M ₂ = 0.539 ΔM = -0.017 	N = 1096 Rs = 0.783 M ₁ = 0.578 M ₂ = 0.556 ΔM = 0.022 	N = 4422 Rs = 0.661 M ₁ = 0.519 M ₂ = 0.597 ΔM = -0.078 	N = 2088 Rs = 0.698 M ₁ = 0.501 M ₂ = 0.460 ΔM = 0.041
ANEW	N = 112 Rs = 0.782 M ₁ = 0.657 M ₂ = 0.722 ΔM = -0.115 	N = 547 Rs = 0.884 M ₁ = 0.532 M ₂ = 0.516 ΔM = 0.016 	N = 246 Rs = 0.889 M ₁ = 0.594 M ₂ = 0.561 ΔM = 0.033 	N = 558 Rs = 0.786 M ₁ = 0.600 M ₂ = 0.522 ΔM = -0.078 	N = 322 Rs = 0.769 M ₁ = 0.503 M ₂ = 0.443 ΔM = 0.060
NRC-VAD	N = 505 Rs = 0.736 M ₁ = 0.636 M ₂ = 0.665 ΔM = -0.029 	N = 5895 Rs = 0.776 M ₁ = 0.516 M ₂ = 0.534 ΔM = -0.018 	N = 1274 Rs = 0.793 M ₁ = 0.603 M ₂ = 0.553 ΔM = -0.050 	N = 5044 Rs = 0.692 M ₁ = 0.514 M ₂ = 0.594 ΔM = -0.080 	N = 2253 Rs = 0.733 M ₁ = 0.499 M ₂ = 0.457 ΔM = 0.042

The ultimate score difference ΔM for all pairs of dictionaries with corresponding significance weights turned out to be equal to -0.0185 . The resulting estimate is quite close to the average difference through all pairs of dictionaries, which is $\Delta M = -0.0183$. So, our estimate points out that Russian words are slightly more positive than English ones. At the same time, the paper (Dodds et al. 2015) gives the value equal to $+0.0263$.

Manual analysis of 520 and 2073 translation-stable words from KFU Sentiment – Hedonometer (English) and Hedonometer (Russian) – Hedonometer (English) with the highest deviations allowed us to single out the following groups of mismatch:

(1) The inadequacy of machine translation. Examples: *очень* is formally translated as *sooo* (“very” would be adequate); *нг* is transliterated as *ng* (meaning “new year” in Russian with unclear meaning in English), etc.

(2) Homonymy in the Russian and English languages: *мисс* — *miss* (the address to women and the verb); *представляет* (the verb meaning “imagines”, “represents”) — *presents* (the noun meaning “gifts”); *камера* (meaning “prison” as well) — *camera*; *кривые* (meaning “incorrect” as well) — *curves*; *напряжение* (referring to current and to human) — *voltage*; *рак* (meaning disease and constellation) — *cancer*; *дорогой* (meaning “important”, “close”) — *expensive*; *вентилятор* — *fan* (about a person as well); *корона* (virus) — *crown* (a thing).

(3) Polysemantic words within one or both languages. The words with semantic fields that only partially intersect in different languages, for example, *выход* — exit (in Russian *выход* also stands for a way out of the situation), *дело* — case (in Russian *дело* is a polysemantic word with more meanings, such as business, activity and so on), *кредит* — credit (the principle meaning of *кредит* is loan), *вспышка* — flash (in Russian *вспышка* is a polysemantic word with more meanings, including outbreak of epidemic).

To eliminate the impact of the above phenomena on the comparative analysis of sentiment evaluation, we manually excluded mismatches of translation-stable words for the pair Hedonometer (Russian) – Hedonometer (English). As a result, the sample decreased from 2022 to 1886 words, the correlation coefficient slightly increased, whereas the average score difference remained almost the same for this pair of dictionaries. So, we can see the sentiment score difference is robust despite inadequate interlanguage correspondences.

In Table 6 and Table 7 we give 10 words with the highest and 10 words with the lowest score difference for NRC-VAD and KartaSlovSent (the pair of dictionaries having the greatest number of translation-stable words). Pairs of words with high score differences belong to one or more of the three groups of mismatch listed above. Words with zero score difference are unambiguous in both languages and have adequate machine translation.

Table 6. A sample of translation-stable word valence in Russian (KartaSlovSent) and English (NRC-VAD) – the highest score differences.

Russian word	Score in KartaSlovSent dictionary	English word	Score in NRC-VAD dictionary	Score difference
раскаяние	0.860	remorse	0.103	0.757
любовник	0.190	lover	0.881	-0.691
зажигательный	0.945	incendiary	0.281	0.664
сдержанность	0.815	restraint	0.167	0.648
дерзость	0.120	audacity	0.760	-0.640
ябеда	0.000	tattletale	0.633	-0.633
напористый	0.695	pushy	0.080	0.615
кропотливый	1.000	painstaking	0.396	0.604
утешение	1.000	consolation	0.408	0.592
гордый	0.340	proud	0.906	-0.566

Table 7. A sample of translation-stable word valence in Russian (KartaSlovSent) and English (NRC-VAD) – the lowest (zero) score differences.

Russian word	Score in KartaSlovSent dictionary	English word	Score in NRC-VAD dictionary
щедрый	1.000	generous	1.000
гибрид	0.500	hybrid	0.500
реалист	0.720	realist	0.720
подсластитель	0.670	sweetener	0.670
трафарет	0.500	stencil	0.500
экваториальный	0.550	equatorial	0.550
обертка	0.625	wrapper	0.625
иностранец	0.500	foreigner	0.500
половина	0.500	half	0.500
бухгалтер	0.625	accountant	0.625

4.3. Comparison of sentiment evaluation of translated texts

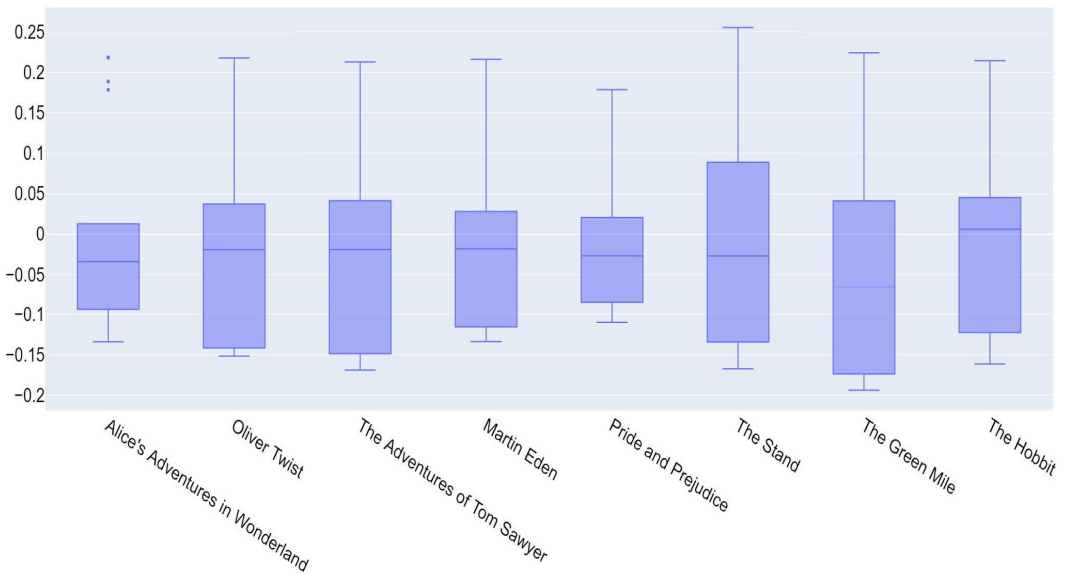
The second stage of our research involves comparing texts. Naturally, texts of different genres can contain various words with different frequency. Let us use translated texts to evaluate the score difference between English and Russian, as well as to assess the effect of dictionaries on the evaluation. We have compared sentiment evaluation of 16 English and Russian literary works with their translations. Text preprocessing included removal of non-letter characters, lowering the case, tokenization, lemmatization by pymorphy2.MorphAnalyzer for Russian⁵ and by WordNetLemmatizer for English⁶. Sentiment analysis is carried out regarding words frequency in the text. In addition, following the calculation method from (Dodds et al. 2015), words with relatively neutral scores (> 0.3 and < 0.7) are not taken into account.

In Figure 3 and Figure 4, we can see the medians of distributions of the score difference for translated texts to be close to our previous evaluation from

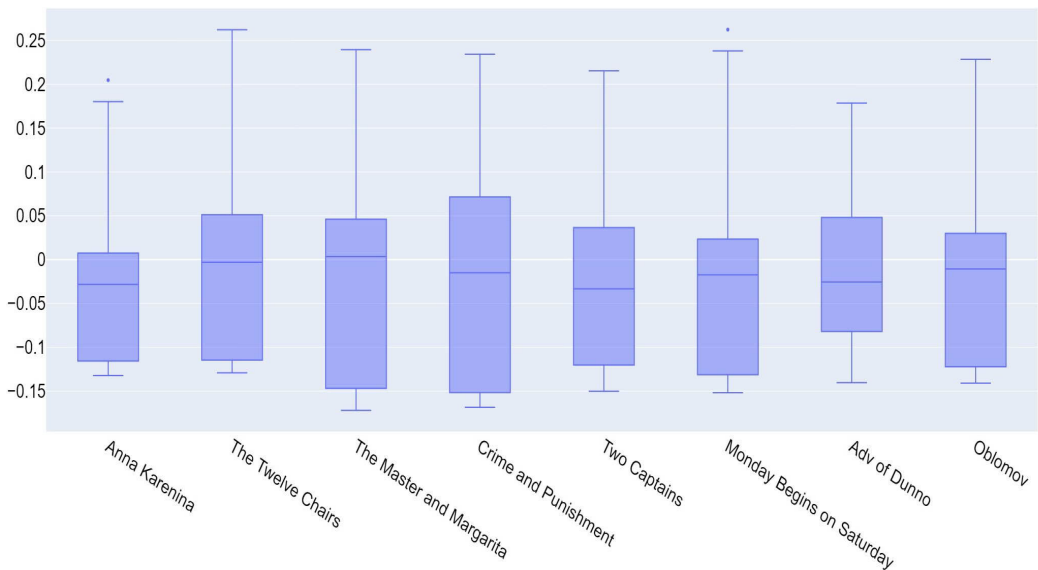
⁵ <https://pymorphy2.readthedocs.io/en/stable/user/guide.html>

⁶ https://www.nltk.org/_modules/nltk/stem/wordnet.html

section 4.2. of this article (-0.0185). Taking into account the significance weights previously obtained for pairs of dictionaries, we get the difference in average scores, which is -0.0135 . This difference for Russian-language texts and their translations into English is -0.0076 , whereas for English-language texts and their translations into Russian it is -0.0105 . The conclusion is: for literary works, the positivity of the Russian language is slightly greater, although to somewhat lesser extent than it was obtained while comparing dictionaries.

Figure 3. Diagrams of the score difference distributions for English literary works and their translations into Russian (based on 5 Russian and 4 English sentiment dictionaries)

Figure 4. Diagrams of the score difference distributions for Russian literary works and their translations into English (based on 5 Russian and 4 English sentiment dictionaries)

In Figure 5, we can see that all pairs of dictionaries which include LinisCrowd overrate the score difference, i.e. the scores of Russian texts are undervalued. Also, all pairs of dictionaries which include KFU Sentiment and KFU Sentiment BERT undervalue the score difference, i.e. the scores of Russian texts are overestimated. The most exact (close to -0.0185) evaluation of the score difference is obtained by KartaSlovSent in pairs with all English-language dictionaries, except for ANEW. Though KartaSlovSent is one of the most negative Russian dictionaries (by its average score and the number of negative words), it gives the sentiment scores of texts that are neither significantly overvalued nor underestimated.

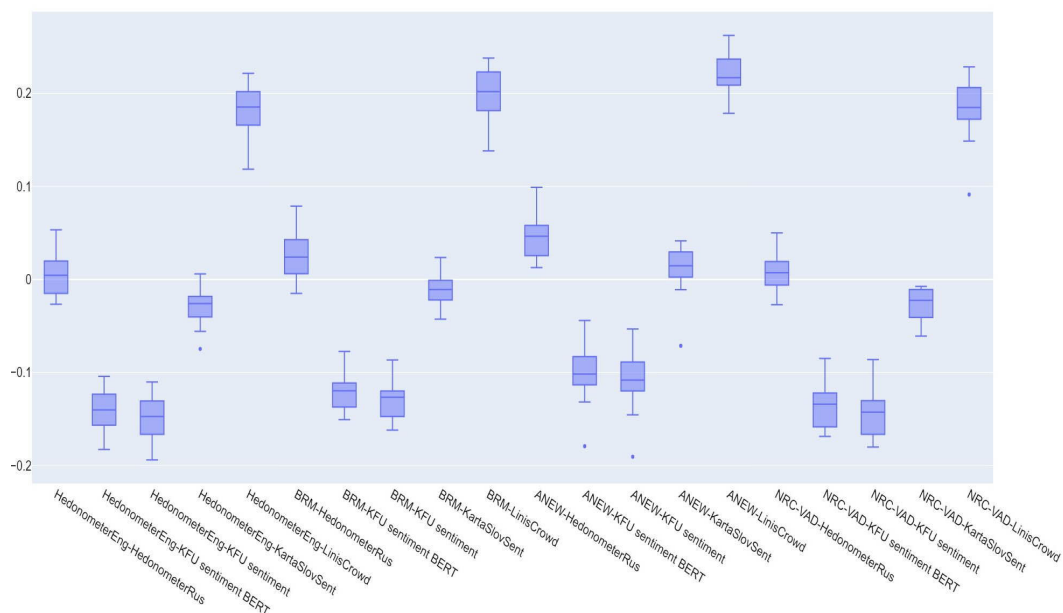

Figure 5. Diagrams of the score difference distributions for the literary works and their translations (based on 20 pairs of dictionaries)

4.4. Two LPB formulations

Let us recall LPB formulation. LPB generally states there are more positive words in the language vocabulary (dictionary) than negative ones. A number of studies are devoted to evaluate emotive vocabulary. For example, in (Tetior 2015) they mention about 150 emotions, and the ratio of negative to positive ones is 2 to 1. In our study, we estimate which words — positive or negative — are used more often in a well-balanced subcorpus of Russian National Corpus. This interpretation is applicable to the evaluation of texts. Let us assume a word is encountered n times in the text. Should we take the word into account once or n times when evaluating the sentiment? If we account for the words as many times as they are encountered, we call it token-approach, otherwise we call it type-approach. When we use the type-approach, a word contributes to the text sentiment evaluation only once, regardless of its frequency. With type-approach, the contribution of a word to the

assessment of the tonality of the text is taken into account only once, regardless of how many times the word has been encountered. The type-approach implies that the contribution of a word sentiment is taken into account only once, regardless of how many times the word has encountered in the text. This terminology corresponds to the well-known TTR (Type Token Ratio) parameter (McKee et al. 2000), which reflects the lexical diversity of the text and is widely used to evaluate the complexity of texts (Solnyshkina et al. 2022). In the first case, we take into account the contribution of the entire text, in the second case — of its vocabulary. The importance of distinguishing these two interpretations of LPB and their independence is stated in (Warriner et al. 2005).

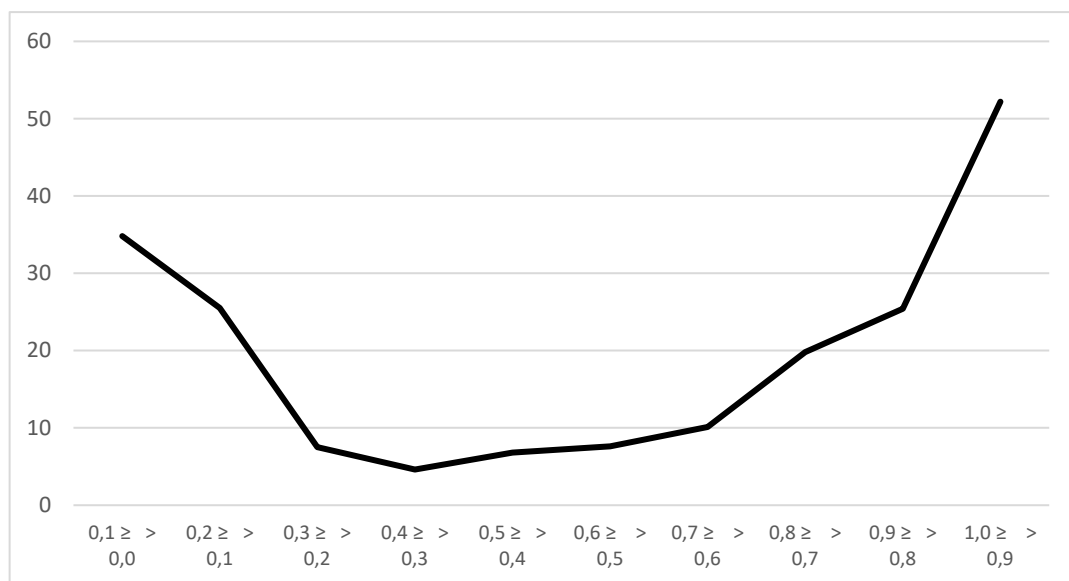
Let us compare the results of these two approaches. The part of the Russian National Corpus, which is in free access⁷ (hereinafter RNC), was taken for this purpose. All texts are divided into sections: fiction, science, public, speech, and blogs. Table 8 shows the data for these RNC subcorpora according to the number of tokens and their types for positive and negative words. Let us consider, for instance, the Public subcorpus. It contains 126477 tokens with scores > 0.5 corresponding 11191 unique types. On average, tokens of one positive type occur 11.3 times. Tokens with scores in the range from 0 to 0.5 occur 18791 times and correspond 3002 types. On average, tokens of one negative type occur 6.3 times. Thus, positive words are used by the authors of texts almost 2 times more often than negative ones. Similar results are obtained for other types of texts, as well as individual texts. This gives the right to mention LPB in the two aspects — there are more positive words in the language, and positive words are encountered more often.

Table 8. Token/type ratio for positive and negative words

Subcorpus	The number of tokens with score > 0.5	The number of types with score > 0.5	Token/type	The number of tokens with score < 0.5	The number of types with score ≤ 0.5	Token/type
Public	126642	11191	11.3	18884	3000	6.3
Fiction	93766	9894	9.5	16351	3012	5.4
Science	108768	8080	13.5	11140	1895	5.9
Speech	91192	7306	12.5	11826	1864	6.3
Blogs	23422	4763	4.9	2896	1134	2.6

We can calculate similar token/type ratio for other frequency ranges. The data for the Public subcorpus are presented in Figure 6. The ratio ranges from 4.6 to 52.2 and is noticeably higher for positive words (> 0.6) than for neutral and negative ones (< 0.4). The most negative words stand apart (< 0.2). Increased frequency of extremely negative words is also noted in (Warriner & Kuperman 2015). So, the LPB hypothesis is confirmed in its two aspects under a more detailed check as well.

⁷ <https://ruscorpora.ru/new/>

Figure 6. Token/type ratio of positive and negative words having different frequency levels in the Public subcorpus

Both approaches have been considered. Hereinafter, we will explicitly indicate which one is applied.

4.5. Sentiment comparison of English and Russian texts corpora

In this section we compare data on English and Russian corpora of approximately the same subjects. In (Kloumann et al. 2012), the following data are given for the English language: Twitter scores 28.00% of negative words, Google Books collection — 21.20%, New York Times — 21.62%, and Music lyrics collection — 35.86%. Negative words have scores < 0.5 . Type-approach is applied here. For the Russian language we provide data for type-approach as well to make comparative analysis. For the same corpora, the data for token-approach are given in (Solovyev et al. 2022).

We can compare the Public subcorpus with the New York Times subcorpus. English Google Books collection includes various texts — artistic, scientific and journalistic. It can be roughly compared with the Russian fiction, science and public subcorpora. Blogs subcorpus can be compared with English Twitter. Statistical data on Russian subcorpora are given in Table 9. Evaluation of positivity degree was calculated based on the KFU Sentiment BERT dictionary.

Public subcorpus includes almost the same number (0.47% less) of negative words as the English New York Times corpus. The average share of words scored ≤ 0.5 in the Russian fiction, science, public subcorpora is 20.95, which is also almost the same, but still is 0.35% less than in the English Google Books collection.

Table 9. Statistical parameters of sub-corpus in the Russian National Corpus

Subcorpus	Volume (total number of words in the text)	The number of types (lemmas)	Average value	Median	Share of words scored ≤ 0.5
Public	145526	14193	0.587	0.597	21.15%
Fiction	110117	12806	0.580	0.592	22.74%
Science	119908	9975	0.594	0.604	19.00%
Speech	103018	9170	0.588	0.599	20.33%
Blogs	26318	5897	0.599	0.608	19.23%

There are a lot fewer negative words in the Russian Blogs subcorpus than in Twitter. However, this fact is in good agreement with the data from (Jaidka 2022) on the relatively negative life perception among Twitter users. So, it can concern the users of a particular social network but not the language as a whole.

In general, based on the material of the Russian language, we see the share of words scored ≤ 0.5 does not differ a lot for various genres and is close to 20%. Note these data are obtained by using the KFU Sentiment BERT dictionary.

5. Discussion

In this section, we will discuss the following two points: our results on the greater positivity of the Russian language and validity of the methods applied.

Due to numerous English-language publications like “How Can People Become Happier?” (Folk & Dunn 2023) and the well-known habit of Americans to smile, one can have an impression of a globally positive mood of Anglo-American society. In (Larina & Ponton 2022) they point out to the abundance of English lexemes with positive sentiment. The authors call the feature of communication style formed by such lexemes a demonstrative attractiveness. Specifically, it is formed as a result of the regular use of positive politeness strategies. At the same time, a number of linguistic and cultural publications drew attention to the fact that the Russian language is characterized by negative emotive words, such as *toska* (a sort of longing), which are absent in English (Wierzbicka 1992). However, these publications are based on extremely limited sets of lexemes. In our study, we analyze tens of thousands of words and large text corpora — hundreds of thousands of words. Based on these data, the results we have obtained do not confirm the opinion of more positive thinking and mood of native English speakers compared to Russian speakers. The confidence of our conclusions is also verified by the consistency of the results obtained by different methods based on various data — dictionaries, translated literary works, text corpora.

The above-mentioned direct sociological studies (Kassinove & Sukhodolsky 1995) of the psychological mood of Russian and American youth gave ambiguous results. All these grounds point to a great complexity of the problem. Anyhow, our results obtained by processing large linguistic material by rigorous statistical methods cast doubt on stating greater positivity of the English language as a whole (Dodds et al. 2015).

When comparing original and translated texts, the issue on the influence of a translator on a literary work sentiment arises inevitably. We acknowledge the impact, whereas one should note the process of translation cannot radically change a work sentiment — utopias remain utopias whatever language they are translated into, so do anti-utopias. Later on, we suppose to make supplementary research of the translation impact by comparing translations of the same work by different translators.

The results of this work preliminarily indicate a slight influence of translation on sentiment. The average difference in sentiment of the original and translated literary works is -0.0106 , while the average difference in the sentiment of translation-stable words for different pairs of dictionaries is -0.0185 . In other words, the impact of dictionaries is greater than the influence of translators. One should also note we have analyzed 16 literary works translated by various translators. This fact excludes evaluation bias due to linguistic and translation preferences of a translator.

To compare sentiment dictionaries we use the method of translation-stable words proposed in (Dodds et al. 2015). Currently, this is the only existing method for interlanguage comparison of sentiment of tens and hundreds of thousands of words. Alternatively, we have increased the objectivity of this method by increasing data volume: 20 pairs of dictionaries (four English and five Russian dictionaries) instead of one pair (Dodds et al. 2015). In addition, in contrast to this work, we applied words lemmatization to reduce the structural differences between the Russian and English languages. Also, *de facto*, it ensures more lemmas to be taken into account.

6. Conclusions

Comparing LPB for different languages is obviously a very difficult problem. On the one hand, translated words do not exactly match. On the other hand, various sentiment dictionaries have been made by different methods and their scores do not coincide. In the present paper, we undertake the first systematic attempt to make interlanguage comparative sentiment research based on the English and Russian languages. We approach the problem from three different aspects.

First, sentiment dictionaries of both languages are considered by comparing scores of translation-stable words. The correlation of scores is quite high, being in the range from 0.7 to 0.9 in most cases. The average score difference between four English and five Russian dictionaries is -0.0185 , i.e. Russian equivalents are more positive. The fact that dictionaries were created by separate research teams at different times by various methods allows us to expect no systematic error. Although there are relatively few translation-stable words, still they give us reference points to be used for interlanguage comparison. In addition, interlanguage sentiment analysis can help assess and improve the quality of text translations and machine translation post-editing. Interlanguage comparison of positivity scores can speed up the search and selection of semantically and emotionally adequate

translation equivalent, can help avoid semantic literalisms and other translation inaccuracies.

The second approach suggests comparing scores for pairs of translated texts. As far as we know, this idea is being implemented for the first time. The data obtained say for the hypothesis of our study: the difference in the positivity of languages (calculated for translation-stable words) matches the score difference between original texts and their correct translation.

A curious pattern has been discovered: the result depends on the direction of translation. If we deal with Russian original text translated into English, the positivity of the Russian text is slightly higher, otherwise the positivity of the Russian texts is more vivid. However, so far this pattern has been obtained for a small collection of 16 literary works, so further larger-scale studies are required.

The third approach is to compare the scores of all words in large text corpora of similar subject (using a pair of dictionaries). Our research shows the degree of texts positivity for similar subject-related corpora is approximately the same (except for social networks), with a slight bias towards greater positivity of Russian texts.

Compared to the work (Dodds et al. 2015), where different languages are considered as well, we have significantly increased the data baseline. In (Dodds et al. 2015) only one dictionary was used for a language. We make calculations using four English and five Russian dictionaries. It allows us to avoid the effect of peculiarities of individual dictionaries. The dictionaries include average scores of dozens of respondents. This allows us to assume they give fair objective words valence.

Thus, all the three approaches applied in our study show a bit higher positivity of the Russian lexicon. Probably, this result reflects some deep psychological patterns inherent to native Russian speakers, their more positive attitude to life and the world around them. Further research is to keep track of increasing the data — the number of languages, dictionaries, translated works. It also seems appropriate to go beyond the valence factor and account for the other Osgood factors. Our article presents a methodology to be applied in our prospective studies.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Data availability statement

The data that support the findings of this study are openly available at <https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html>

Acknowledgment

This paper was supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (“PRIORITY-2030”), Strategic Project №5.

References

- Madhusudhan, Aithal & Tan Chenhao. 2021. On positivity bias in negative reviews. <https://arxiv.org/pdf/2106.12056.pdf>
- Bochkarev, Vladimir, Valery Solovyev, Timofei Nestik & Anna Shevlyakova. 2023 Variations in average word valence of Russian books in response to social change over a century. *Proceedings of the Artificial Intelligence and Natural Language Conference. Zap. Nauchn. Sem. POMI* 529. 24–42.
- Bradley, Margaret M. & Peter. J. Lang. 1999. *Affective Norms for English Words (ANEW): Instruction Manual and Affective Ratings*. Technical Report C-1, The Center for Research in Psychophysiology, University of Florida.
- Boucher, Jerry & Charles E. Osgood. 1969. The Pollyanna hypothesis. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 8. 1–8. [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(69\)80002-2](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(69)80002-2)
- Dodds, Peter Sheridan, Eric M. Clark, Suma Desu, Morgan R. Frank, Andrew J. Reagan, Jake Ryland Williams, Lewis Mitchell, Kameron Decker Harris, Isabel M. Kloumann, James P. Bagrow, Karine Megerdooian, Matthew T. McMahon, Brian F. Tivnan & Christopher M. Danforth. 2015. Human language reveals a universal positivity bias. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112 (8). 2389–2394. <https://doi.org/10.1073/pnas.1411678112>
- Dodds, Peter Sheridan & Christopher M. Danforth. 2010. Measuring the happiness of large-scale written expression: Songs, blogs, and presidents. *Journal of Happiness Studies* 11. 444–456. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1703.09774>
- Dodds, Peter Sheridan, Kameron Decker Harris, Isabel M. Kloumann, Catherine A. Bliss & Christopher M. Danforth. 2011. Temporal patterns of happiness and information in a global social network: Hedonometrics and twitter. *PLoS ONE* 6 (12). e26752. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0026752>
- Folk, Dunigan & Elizabeth Dunn. 2023. How can people become happier? A systematic review of preregistered experiments. *Annual Review of Psychology* 75.
- Frank, Morgan R., Lewis Mitchell, Peter Sheridan Dodds & Christopher M. Danforth. 2013. Happiness and the patterns of life: A study of geolocated tweets. *Scientific Reports* 3. 2625. <https://doi.org/10.1038/srep02625>
- Gallagher, Matthew W., Shane J. Lopez & Sarah D. Pressman. 2013. Optimism is universal: Exploring the presence and benefits of optimism in a representative sample of the world. *Journal of Personality* 81 (5). 429–440. <https://doi.org/10.1111/jopy.12026>
- Gower, Tricia, Kimberly S. Chiew, David Rosenfield & Holly J. Bowen. 2023. Positive biases and psychological functioning during the coronavirus disease 2019 pandemic. *Cognition and Emotion* 37. 1–9. <https://doi.org/10.1080/02699931.2023.2221022>
- Hills, Thomas T., Eugenio Proto, Daniel Sgroi & Chanuki Illushka Seresinhe. 2019. Historical analysis of national subjective wellbeing using millions of digitized books. *Nature Human Behaviour* 3 (12). 1271–1275. <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0750-z>
- Iliev, Rumen, Joe Hoover, Morteza Dehghani & Robert Axelrod. 2016. Linguistic positivity in historical texts reflects dynamic environmental and psychological factors. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113 (49). E7871–E7879. <https://doi.org/10.1073/pnas.1612058113>
- Jackson, Joshua Conrad, Joseph Watts, Teague R. Henry, Johann. M. List, Robert Forkel, Peter Mucha, Simon J. Greenhill, Russell D. Gray & Kristen A. Lindquist. 2019. Emotion semantics show both cultural variation and universal structure. *Science* 366 (6472). 1517–1522. <https://doi.org/10.1126/science.aaw8160>
- Jacobs, Arthur M., Berenike Herrmann, Gerhard Lauer, Jana Lüdtkke & S. Schroeder. 2020. Sentiment analysis of children and youth literature: Is there a Pollyanna effect? *Frontiers in Psychology* 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574746>

- Jaidka, Kokil. 2022. Cross-platform-and subgroup-differences in the well-being effects of Twitter, Instagram, and Facebook in the United States. *Scientific Reports* 12 (1). 3271. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-07219-y>
- Ji, Li-Jun, Thomas. I. Vaughan-Johnston, Zhiyong Zhang, Jill A. Jacobson, Ning Zhang & Xiaoye Huang. 2021. Contextual and cultural differences in positive thinking. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 52 (5). 449–467. <https://doi.org/10.1177/00220221211020442>
- Kassinove, Howard & Denis G. Sukhodolsky. 1995. Optimism, pessimism and worry in Russian and American children and adolescents. *Journal of Social Behavior & Personality* 10 (1). 157–168.
- Kay, Paul & Chad K. McDaniel. 1978. The linguistic significance of meanings of basic color terms. *Language* 54 (3). 610–646. <https://doi.org/10.2307/412789>
- Kirchner-Häusler, Alexander, Michael Boiger, Yukiko Uchida, Yoko Higuchi, A. Uchida & Batja Mesquita. 2022. Relatively happy: The role of the positive-to-negative affect ratio in Japanese and Belgian couples. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 53 (1). 66–86. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01048>
- Kloumann, Isabel M., Christopher M. Danforth, Kameron Decker Harris, Catherine A. Bliss & Peter Sheridan Dodds. 2012. Positivity of the English Language. *PLoS ONE* 7 (1). e29484. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1108.5192>
- Koltsova, Olesya Yu., Svetlana V. Alexeeva & Sergey N. Kolcov. 2016. An opinion word lexicon and a training dataset for Russian sentiment analysis of social media. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies — Proceedings of the International Conference “Dialog”* 277–287.
- Kotel’nikov, Evgeniy V., Elena V. Razova, Anastasiya V. Kotelnikova & Sergey V. Vychezhnanin. 2020. Modern sentiment lexicons for opinion mining in English and Russian (analytical survey). *Informacionnye Processy i Sistemy* 12. 16–33.
- Kulagin, Denis I. 2021. Publicly available sentiment dictionary for the Russian language KartaSlovSent. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies — Proceedings of the International Conference “Dialog”* 20. 1106–1119.
- Kušen, Ema, Mark Strembeck & Mauro Conti. 2019. Emotional valence shifts and user behavior on Twitter, Facebook, and YouTube. *Influence and Behavior Analysis in Social Networks and Social Media*. 63–83. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02592-2_4
- Larina, Tatiana & Douglas Mark Ponton. 2022. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: emotive (im) politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research* 18 (1). 201–226.
- Liu, Bing. 2012. *Sentiment Analysis and Opinion Mining*. Springer.
- McKee, Gerard T., David D. Malvern & Brian James Richards. 2000. Measuring vocabulary diversity using dedicated software. *Literary and Linguistic Computing* 15 (3). 323–337. <https://doi.org/10.1093/lc/15.3.323>
- Mitchell, Lewis, Kameron Decker Harris, Morgan R. Frank, Peter Sheridan Dodds & Christopher M. Danforth. 2013. The geography of happiness: Connecting Twitter sentiment and expression, demographics, and objective characteristics of place. *PLoS ONE* 8 (5). e64417. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1302.3299>
- Mohammad, Saif M. 2018. Obtaining reliable human ratings of valence, arousal, and dominance for 20,000 English words. *Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)*. 174–184. <https://doi.org/10.18653/v1/P18-1017>
- Osgood, Charles E. 1952. The nature and measurement of meaning. *Psychological Bulletin* 49. 197–237.
- Pang, Bo & Lillian Lee. 2008. Opinion mining and sentiment analysis (English). *Foundations and Trends in Information Retrieval* 2. 1–135. <https://doi.org/10.1561/1500000011>

- Panou, Despoina. 2013. Equivalence in translation theories: A critical evaluation. *Theory and Practice in Language Studies* 3 (1). 1–6. <https://doi.org/10.4304/tpls.3.1.1-6>
- Reagan, Andrew J., Christopher M. Danforth, Brian F. Tivnan, Jake Ryland Williams & Peter Sheridan Dodds. 2017. Sentiment analysis methods for understanding large-scale texts: A case for using continuum-scored words and word shift graphs. *EPJ Data Science* 6. 1–21. <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-017-0121-9>
- Solnyshkina, Marina I., Valery D. Solovyev, Elzara V. Gafiyatova & Ekaterina V. Martynova. 2023. Text complexity as interdisciplinary problem. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 1. 18–39. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-18-39>
- Solovyev, Valery, Musa Islamov & Venera Bayrasheva. 2022. Dictionary with the evaluation of positivity/negativity degree of the Russian words. In S. R. Mahadeva Prasanna, Alexey Karpov, K. Samudra Vijaya & Shyam S. Agrawal (eds.), *Speech and computer. SPECOM 2022. Lecture notes in computer science, 13721*, 651–664. Springer.
- Solovyev, Valery, Vladimir Ivanov. 2014. Dictionary-based problem phrase extraction from user reviews. In Petr Sojka, Alex Horák, Ivan Kopeček & Karel Pala (eds.), *Text, speech and dialogue. TSD 2014. Lecture notes in computer science (including subseries lecture notes in artificial intelligence and lecture notes in Bioinformatics), LNAI, 8655*, 225–232. Springer.
- Solovyev, Valery D., Marina I. Solnyshkina & Danielle S. McNamara. 2022. Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics* 26 (2). 275–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31326>
- Tausczik, Yla R. & James W. Pennebaker. 2014. The psychological meaning of words: LIWC and computerized text analysis methods. *Journal of Language and Social Psychology* 29 (1). 24–54. <https://doi.org/10.1177/0261927X09351676>
- Tetior, Alexander N. 2015. The emotional sphere of a person: The predominance of negative emotions. *Eurasian Union of Scientists* 2 (11). 78–81.
- Warriner, Amy Beth, Victor Kuperman & Marc Brysbaert. 2013. Norms of valence, arousal, and dominance for 13,915 English lemmas. *Behavior Research Methods* 45. 1191–1207. <https://doi.org/10.3758/s13428-012-0314-x>
- Warriner, Amy Beth & Victor Kuperman. 2015. Affective biases in English are bi-dimensional. *Cognition and Emotion* 29 (7). 1147–1167. <https://doi.org/10.1080/02699931.2014.968098>
- Whorf, Benjamin Lee. 2012. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. In John B. Carroll, Stephen C. Levinson & Penny Lee (eds.). The MIT Press.
- Wierzbicka, Anna. 1992. The Russian language. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations*. 395–441. New York: Oxford University Press.
- Yoonjung, Choi & Wiebe Janyce. 2014. +/-EffectWordNet: Sense-level lexicon acquisition for opinion inference. *Proc. of EMNLP*. 1181–1191. <https://doi.org/10.3115/v1/D14-1125>

Dictionaries

- Hedonometer (English). Retrieved from <https://hedonometer.org/words/labMT-en-v2/> (accessed 18 March 2024).
- BRM. Retrieved from <https://github.com/meadej/twitter-sentiment-analysis?ysclid=lh0bctge61466946169> (accessed 18 March 2024).
- ANEW. Retrieved from <https://github.com/eriq-augustine/sentiment-data/blob/master/new.csv> (accessed 18 March 2024).
- NRC-VAD. Retrieved from https://emilhvitefeldt.github.io/textdata/reference/lexicon_nrc_vad.html (accessed 18 March 2024).
- KFU Sentiment. Retrieved from <https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html> (accessed 18 March 2024).

KFU Sentiment BERT. Retrieved from <https://kpfu.ru/tehnologiya-sozdaniya-semanticheskikh-elektronnyh.html> (accessed 18 March 2024).

KartaSlovSent. Retrieved from <https://kartaslov.ru> (accessed 18 March 2024).

Hedonometer (Russian). Retrieved from <https://hedonometer.org/words/labMT-ru-v2/> (accessed 18 March 2024).

LinisCrowd. Retrieved from <http://linis-crowd.org/> (accessed 18 March 2024).

Article history:

Received: 07 August 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionotes:

Valery D. SOLOVYEV is Doctor Habil. of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Chief Researcher of “Text Analytics” Research Lab, Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University, Kazan, Russia. He is a member of the Presidium of the Interregional Association for Cognitive Research, author of four monographs and more than 60 publications on the computational linguistics.

e-mail: maki.solovyev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4692-2564>

Anna I. IVLEVA is Ph.D. in Engineering Sciences and Senior Researcher of “Linguistics and AI” Research Lab, Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University, Kazan, Russia. The main areas of her research interests are quantitative linguistics, natural language processing and translation studies.

e-mail: ivleva.anna.igorevna@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2670-6795>

Сведения об авторах:

Валерий Дмитриевич СОЛОВЬЕВ – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, Казань, Россия. Член президиума Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований. Автор четырех монографий и более 60 публикаций по компьютерной лингвистике.

e-mail: maki.solovyev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4692-2564>

Анна Игоревна ИВЛЕВА – кандидат технических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Лингвистика и искусственный интеллект» Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, Казань, Россия. Основные сферы научных интересов: количественная лингвистика, обработка естественного языка, теория перевода.

e-mail: ivleva.anna.igorevna@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2670-6795>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-34663>

EDN: DHFIMI

Research article / Научная статья

Fictive motion categories in modern Persian: A cognitive semantic approach

Masha NIKABADI , Ahmadreza LOTFI   and Bahram HADIAN

Isfahan (Khorasgan) Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran

 ahmad.reza.lotfi@khuisf.ac.ir

Abstract

Motion is the cornerstone of cognitive structures which can be signified factively and fictively. Fictive motion events in English are classified into six categories (Talmy 2000a). While Iranian linguists have worked on verbs and typology of fictive motion, they almost failed to discover these categories. This study made an attempt to examine these categories by addressing the questions: What are fictive motion categories in Persian? To what extent is the speakers' cognition influenced by the structure of the language they speak? What are Persian speakers' preferable tenses? With this aim, using convenience sampling and qualitative research design, sixteen sentences extracted from Talmy's model plus nine fillers were rendered into Persian. To avoid ordering effect, sixty participants were organized in a counterbalanced technique and accomplished completion and picture description tasks so that one half of the participants filled the completion task first and dealt with the picture description task later, while others acted in the reverse order. In completion task the participants performed accurately except the pattern paths category. However, they did not produce fictive motion sentences for the prospect, pattern, and advent paths, frame relative with factively stationary observer and site manifestation in the picture description task. They tended to adopt present tense in producing fictive motion sentences for the depicted categories. More importantly, the paper analyses the participants' performance in completing the tasks related to the sixteen fictive motion categories and shows that cognition is influenced by the linguistic structure of the speakers. It is hoped that this study can be a contribution to the field of cognitive and semantic linguistics and also advance fictive motion studies in different languages.

Keywords: *fictive motion, fictive motion categories, Persian language, present tense*

For citation:

Nikabadi, Masha, Ahmadreza Lotfi & Bahram Hadian. 2024. Fictive motion categories in modern Persian: A cognitive semantic approach. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 294–320. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34663>

© Masha Nikabadi, Ahmadreza Lotfi & Bahram Hadian, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Категории фиктивного движения в современном персидском языке: когнитивно-семантический подход

Маша НИКАБАДИ , Ахмадреза ЛОТФИ , Бахрам ХАДИАН

*Исфаханский (Хорасганский) филиал Исламского университета Азад,
Исфахан, Иран*

 ahmad.reza.lotfi@khuisf.ac.ir

Аннотация

Движение является краеугольным камнем когнитивных структур, которые могут обозначаться фактически и фиктивно. В английском языке фиктивные события подразделяются на шесть категорий (Talmy 2000a). Иранским лингвистам, исследовавшим глаголы и типологию фиктивного движения, практически не удастся обнаружить эти категории. В данной работе предпринята попытка исследовать данные категории и ответить на следующие вопросы: Что такое категории фиктивного движения в персидском языке? В какой степени на познание говорящих влияет структура языка, на котором они говорят? Какие времена глагола предпочитают говорящие на персидском языке? Для этой цели использовалась сплошная выборка и качественные методы; на персидский язык были переведены шестнадцать предложений, извлеченных из модели Талми, плюс девять дополнений. Чтобы избежать эффекта последовательности действий, использовалась уравновешивающая методика; шестьдесят участников были организованы следующим образом: половина участников сначала выполняла задание на заполнение пробелов, а затем – на описание изображения, другая половина действовала в обратном порядке. Участники достаточно точно выполнили задания, однако в категории шаблонных путей они не создали предложений с фиктивным движением для перспективы, шаблона и траектории движения, относящихся к фрейму фактически неподвижного наблюдателя и смены местонахождения в задаче описания изображения. При описании изображенных категорий фиктивных движений они использовали настоящее время. Анализ показал влияние структуры используемого языка говорящих на когнитивную деятельность. Данное исследование может стать вкладом в семантику и когнитивную лингвистику, а также способствовать изучению категории фиктивного движения в разных языках.

Ключевые слова: *фиктивное движение, категории фиктивного движения, персидский язык, настоящее время*

Для цитирования:

Nikabadi M., Lotfi A., Hadian B. Fictive motion categories in modern Persian: A cognitive semantic approach. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 294–320. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34663>

1. Introduction

Motion is one of the key cognitive structures of human experience which is closely entwined with the perceptual mechanisms. Notably, the verbalization of motion in real life involves specific visual representations which are manifested through special linguistic codes. Such a relationship between conceptual and linguistic representations of motion has long been a matter of great interest in linguistic studies since languages differ in the way they code instances of motion linguistically.

Generally, motion is defined as a change or displacement of an object's position over time. It should be borne in mind that if an object does not change relative to its surroundings, it is believed to be motionless and stationary. The basic motion event comprises the figure, a moving or located object, with regard to another object and the ground (Blomberg 2014). Notably, two internal components of fictive motion are path and motion. While path is the occupied location by the figure object in relation to the ground object, the existence of the motion or location event signifies the motion itself (Talmy 2000a).

Fictive motion events in English are classified into six distinct categories (Talmy 2000a). They include emanation, pattern paths, frame-relative motion, advent paths, access paths, and coextension paths. Emanation is the first category of fictive motion events which embraces four subclasses such as orientation paths, radiation paths, shadow paths, and sensory paths. Orientation paths are in turn classified into five different classes, namely prospect paths, alignment paths, demonstrative paths, targeting paths, and line of sight (Talmy 2000a). These subgroups play a prominent role in identifying fictive motion events. Moreover, frame-relative motion is classified in two types. The first is the frame relative motion involving a factively moving observer, and the second is a relative motion with a factively stationary observer. The advent path consists of two key subtypes: the site arrival containing the object's fictive motion and site manifestation which is a fictive change of the object on its location.

Owing to the significant work of Leonard Talmy, motion has been recently known as a well-examined domain in cognitive linguistics and semantics (Matlock & Bergmann 2015). Not surprisingly, several Iranian linguists have been working on fictive motion events; however, they have failed to address the full range of categories and dimensions defined by Talmy (2000a) and merely relied on linguists' intuition. They have worked on the fictive motion typology (Azkia & Sasani 2012, Hamedi Shirvan & Sharifi 2014) and last category of fictive motion; namely, coextension paths (Afrashi & Rahmani 2014), while ignoring the other categories of the operational framework. Moreover, neglecting other fictive motion categories by the Iranian scholars motivated the researcher to give more strength to this study in Persian through adopting Talmy's model of fictive motion categories as a comprehensive framework in order to create a holistic account of the concept of fictive motion using both quantitative and qualitative methodologies.

The principal aim of the present paper is to answer the questions: what are fictive motion categories in Persian? To what extent are these categories produced and recognized by Persian speakers? To what extent is the speakers' cognition influenced by the structure of the language they speak? What are Persian speakers' preferable tenses in producing fictive motion sentences? To this end, a completion and a picture-description tasks were employed for sixty participants to fill the blank verbs and prepositions in completion task and create sentences for the given pictures.

2. Literature review

Leyton (1992) disputes convincingly that the past recovery is carried out as the mind uses shape and intrinsically forms a basis for the memory. Having centralized his study on symmetry, Leyton illustrated its significance, the way in which shape is modified into memory, to the human cognitive process. Additionally, he argues that perception is primarily the time withdrawal from shape.

As an approach to language study, cognitive linguistics is presenting linguistic knowledge as a part of general cognition and thinking. In addition, linguistic behavior is not detached from other general cognitive abilities adopting an integrative approach whereby other mental processes such as reasoning, memory, attention and learning also play a prominent role (Saeed 2009).

Focusing on grammatical differences evoked by fictive motion events in order to study the effect of visual scene perception on such events, Flecken (2011) observed two groups of native speakers of German and English. By presenting animated videos to English and German native speakers displaying a dot traveling along a trajectory towards a geometrical shape, he concluded that English native speakers' attention to both trajectory and endpoint of motion events was identical while the German participants only paid attention to the endpoints (Flecken 2011).

Whorfianism, also known as the hypothesis of linguistic relativity, is a principle which assumes that the speakers' cognition or worldview is influenced by the structure of the language they speak, and thus their perceptions are relative to their spoken language (Blomberg 2014). Not surprisingly, the concept of motion in human languages is closely associated with the relationship between thought and language.

In another study, Huumo (2017) analyzed the interaction between two systems expressing temporal relations, that is, veridical and metaphorical systems. By adopting a cognitive grammar framework, he maintained that veridical time and metaphorical path are two relevant conceptualizations of time underlying metaphorical expressions. It was demonstrated that changing the position of an entity on the metaphorical path against veridical time is followed by a motion metaphor of time. Consequently, he concluded that tense and aspect are major contributors involved in the conceptualization motion – that is, metaphorical motion events are grounded by tense.

In a more recent study, Feinmann (2020) examined the potential relation between the way native speakers linguistically express motion and conceptualize it. For this purpose, he compared English and Spanish native speakers who had different typological telic motion encoding in two types of verbal and non-verbal experiments. The results provided convincing evidence in favor of cognitive universalism.

Lewandowski and Ozçalışkan (2021) also examined 'fictive motion expressions' by two groups of bilinguals (Polish and German) and monolinguals. The results highlighted the vital role of inter and intra-typological differences on motion event expressions. The results further revealed that the complexity of the

motion expressions in L1 and L2 influences the inter-typological and intra-typological patterns.

The popularity of motion events and their behaviour across different languages has had important research repercussions in the Iranian context. Experts in linguistics and cognitive linguistics have tried to fathom out the characteristics of the structures enacting motion in Persian language.

Babai (2011) examined the change of state and motion in Persian fictive motion events. She found out that Persian was one of the languages in which speakers tend to use compound verbs rather than simple verbs to encode motion events. The results revealed that the Persian language utilises both head-framed and non-head framed constructions to encode path in motion events.

In a similar paper, Mesgarkhoyi (2012) found out that there were fourteen paths for fictive motion verbs in the Persian language. Using a corpus of 148 motion verbs from the “Soxan” dictionary, she reached the conclusion that the path components are more frequently used by Persian speakers compared with the others.

Akhlaghi et al. (2018) evaluating and comparing narratives in two groups of children and adults based on Talmy’s theoretical framework and using Pear story film, a six-minute film that was produced to test the distinction of a simple story from language to language, found out that there was a meaningful difference in using self-contained motion verbs such as *shiver*, *tremble*, *spin* and *twirl* used by male and female native speakers. However, the application of the verbs like *walk* and *run*, there was no meaningful difference. Finally, they concluded that cognitive processes underlying motion verbs are the same for both groups and were completed before the age of nine.

Badiee & Imani (2022) adopting both Talmy’s (2000a&b) theory of motion event and Ibarretxe-Antuñano’s (2006a) classification of motion verbs analyzed 100 motion verbs of manner and introduced 16 types of motion verbs in Persian. More importantly, they proved that there is at least one verb for each category in Persian excluding two of the categories and the semantic nature of the verbs is the cornerstone of their distinction in Persian.

In general, fictive motion has become the focus of attention in both psycholinguistics and cognitive linguistics. Axiomatically, the scholars who have worked on fictive motion events and categories in Persian have provided an atomistic account of how fictive motion events, categories, and corresponding issues work in the Persian language. Hence, the primary significance of the present study is to investigate the semantic/conceptual constituents of fictive motion categories. In other words, the principal goal of this scrutiny is to authenticate the nature of fictive motion categories perceived and interpreted by the Persian speakers. As such, it seeks to reveal how they are lexicalised and coded in the Persian language. Therefore, the findings may contribute to the ongoing research in the domain of semantics, linguistic typology, language universals, cognitive linguistics and other related disciplines. In point of fact, they may have important

implications for disciplinary and/or interdisciplinary majors such as translation, teaching English as a second language, and cognitive studies.

3. Method

According to Talmy's (2000a) theoretical framework representing various fictive motion categories and subcategories, this paper aimed to investigate Persian speakers' intuition in the recognition of fictive motion sentences. Accordingly, sixteen samples of fictive motion sentences extracted from "Toward a *Cognitive Semantics*" (Talmy 2000a) were utilized as a baseline for preparing the data sources required for designing the tasks; namely, a completion task, and a picture description task. Consequently, relying on the insights from the interpretive paradigm, this study principally aimed to clarify the underlying causes of how Persian speakers interpret and process the information related to fictive motion events and whether their conceptualization of motion aspects is unique, and as a consequence, different from other languages.

To this end, a qualitative design was adopted because the choice of the study samples was made by the researchers themselves. Such a non-randomized design is commonly used when it is not feasible to randomize participants into groups for comparison. However, the design can involve the use of the targeted data from the same or different participants at different time intervals.

To ensure the reliability of the instruments involved in collecting the required data, a pilot study was also used. The application initiates a pre-testing or trying out of a particular research data collecting instrument. By assessing the practicalities of the instruments, a pilot study can greatly enhance the quality of the main research with regard to its implementation and utility (Gudmundsdottir & Brock-Utne 2010). As such, eight participants were interviewed online and the feedback they provided became the source of modification leading to the change and/ or the addition of certain pictures to the picture description task and the reduction of number of the blanks in the completion task sentences.

3.1. Participants

Convenience sampling, a type of nonprobability sampling in which individuals are sampled mainly because they are available sources of data for the research at hand, was utilized. Accordingly, sixty participants with an age range between 28 and 60 with different background knowledge were asked to accomplish the target tasks. They were divided into two equal groups. The first group, thirty participants, was asked to fill in the blanks in the completion task and then create sentences based on the pictures in the picture description task. The second group, which also included thirty participants, however, were given the tasks in the reverse order so that they first had to generate a related sentence for each picture and then fill in the blanks of the test prompts in the completion task.

3.2. Picture description task

Talmy (2000a) introduced a variety of fictive motion categories and subcategories with certain examples to minimize their conceptual complexity. Therefore, sixteen examples were purposefully chosen for each category and an appropriate Persian translation was constructed for each one. Subsequently, nine filler sentences were added to those sixteen examples. Then, both translated sentences and the fillers were given to an artist to create a smooth and professional finish.

Overall, an album was prepared with twenty-five colorful pages. To get the participants' attention, each picture was placed on one page. To avoid any misunderstanding, the exercise on the first page was done by the researcher. In fact, providing the participants with a brief explanation served as a useful guideline or a springboard helping participants to follow a clear direction in dealing with the pictures and the sentences on each page. Notably, straightforward and clear rubrics play a crucial role in authentic assessment because it clarifies what the participants should exactly do and attracts their attention to the targeted variables under scrutiny as objectively as possible.

3.3. Completion task

A sentence completion task containing twenty-five stems with blanks in specific places was utilized. Each sentence comprised one or two blanks targeting the verbs and prepositions in fictive motion sentences which were arranged in a numerical order. Clear instructions, in effect, helped the participants to fill the blanks considering their general meanings. Since the data collection in this study was concurrent with COVID-19 pandemic, due to limitations imposed by the protocols related to the pandemic, social media such as Telegram and Whatsapp were used for collecting the required data. Largely because of the limitations of the face-to-face data collection technique a recorded voice was initially used and sent to all candidates to draw their attention to the technicalities involved in responding to the target tasks.

3.4. Data collection procedures

Since this inquiry was guided by the inherent characteristics of Talmy's theoretical framework concerning fictive motion categories in Persian, the examples related to each fictive motion category were translated from English into Persian. Consequently, for each translated sentence, a related picture was employed. Counterbalancing techniques were utilized to control the order effect which could sometimes negatively influence the responses provided by the participants. As a result, the participants were divided in two groups and each group was presented by a different order of the targeted tasks.

3.5. Data analysis

The collected data were also analyzed by appropriate statistical techniques. After computing the frequency and percentage values of the participants' responses to the task items, a chi-square statistical technique was applied. Subsequently, by running a descriptive task, the mean and standard values for motion events categories were computed. Next, a one-way ANOVA test was employed to determine whether the existing variations among the mean values are statistically meaningful.

4. Results

The required data were collected through two tasks, the picture description and completion tasks, the results of which are displayed in this section. As it might be recalled, Talmy's model – Fictive motion events – comprised sixteen categories and subcategories of prospect paths, alignment paths, demonstrative paths, targeting paths, line of sight, radiation paths, shadow paths, sensory paths, pattern paths, frame-relative motion with factively moving observer, frame-relative motion with factively stationary observer, advent paths, site arrival with active verb, advent paths, site arrival with passive verb, advent paths, site manifestation, access paths, and coextension paths. These subcomponents are all separately dealt with here through tables and figures in six analytic and descriptive sections.

4.1. The frequency counts, percentage and chi-square test in completion task

To see which sentence constituent evoked fictive motion, the completion task had to be applied with verb or preposition blanks. This task was used for various purposes such as personality analysis, attitude and achievement assessment, and cognitive development, among others in this research. To this end, the participants were required to fill the blanks, verbs or prepositions, in the translated sentences which were extracted from Talmy's model of fictive motion (2000a).

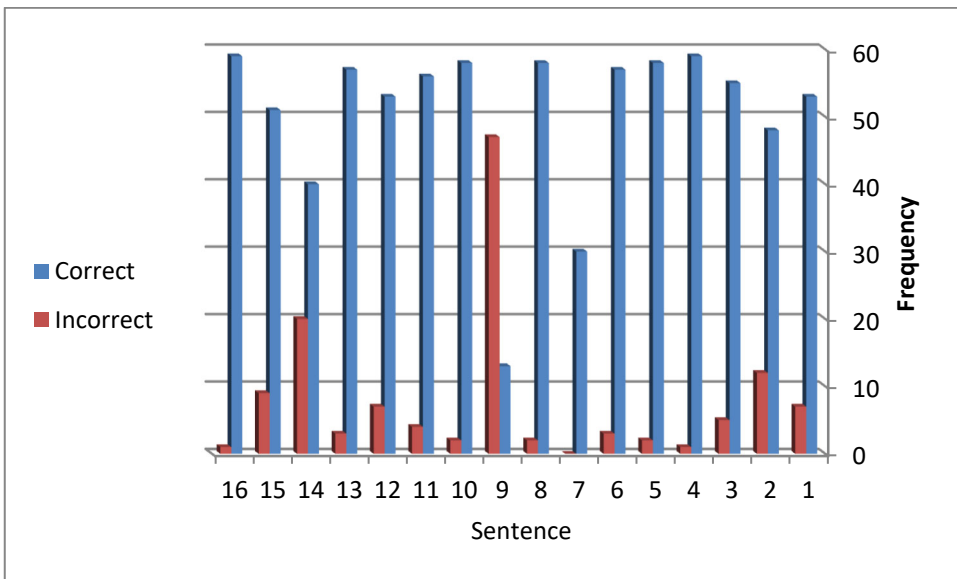
The reported data of which are presented in this section. Inasmuch as each choice in Table 1 carried frequency counts, percentage, chi-square and significance probability of correct and incorrect answers. Table 1 displays the frequency, the percentage, the chi-square and the significance probability of correct and incorrect responses.

As is displayed in Table 1, the chi-square of the produced sentences in completion task in every category identifies the significant difference between the correct and incorrect answers of all the sixteen categories. The *p* under the Sig. column for correct and incorrect answers in each category were smaller than the significance level ($p < .05$), which means that the difference between them is statistically significant. It could be vividly observed that the number of incorrect answers in Pattern paths, the 9th category, is more than that of the correct answers. However, all the participants produced correct sentences for the seventh category. The number of correct answers in the 1st, 2nd, 3rd, 4th, 5th, 6th, 8th, 10th, 11th, 12th, 13th,

15th, and 16th categories was statistically significant more than that of incorrect answers. The results obtained here are also graphically shown in the bar chart below.

Table 1. Frequency count, percentage and chi-square test of 16 categories in the first task (completion task)

	Sentence	Correct		Incorrect		Chi-Square	Sig
		f	%	f	%		
1	Prospect paths	53	88.3	7	11.7	35.27	0.001
2	Alignment paths	48	80	12	20	21.6	0.001
3	Demonstrative path	55	91.7	5	8.3	41.67	0.001
4	Targeting paths	59	98.3	1	1.7	56.07	0.001
5	Line of sight	58	96.7	2	3.3	52.27	0.001
6	Radiation paths	57	95	3	5	48.6	0.001
7	Shadow paths	60	100	0	0	-	-
8	Sensory paths	58	96.7	2	3.3	52.27	0.001
9	Pattern paths	13	21.7	47	78.3	19.27	0.001
10	Frame-relative motion with factively moving observer	58	96.7	2	3.3	52.27	0.001
11	Frame-relative motion with factively stationary observer	56	93.3	4	6.7	45.07	0.001
12	Advent paths, site arrival with passive verb	53	88.3	7	11.7	35.27	0.001
13	Advent paths, site arrival with active verb	57	95	3	5	48.6	0.001
14	Advent paths, site manifestation	40	66.7	20	33.3	6.67	0.01
15	Access paths	51	85	9	15	29.4	0.001
16	Coextension paths	59	98.3	1	1.7	56.07	0.001

Figure 1. Frequency of answers in the first task by sentences

The bar graph in the figure above illustrates a drastic difference between correct and incorrect answers in all the categories except the ninth category in which the number of incorrect answers was more than that of the correct answers.

4.2. The frequency count, percentage and chi-square test in picture description task

The third research questions of the study asked what the fictive motion categories were. In this section the reported data from participants' response are illustrated through frequency counts, chi-square test, and statistical significant. Since in this task, picture description, the participants were assumed to create the sentences relevant to the pictures, several sentences were uttered, however, the most appropriate one was singled out. The following table is displaying the frequency, percentage and chi-square test of the participants' answers.

Table 2. Frequency, percentage and chi-square test in 16 categories of the second task (picture description)

	Sentence	Correct		Incorrect		Chi-Square	Sig
		f	%	f	%		
1	Prospect paths	12	20	48	80	21.6	0.001
2	Alignment paths	55	91.7	5	8.3	41.67	0.001
3	Demonstrative path	50	83.3	10	16.7	26.66	0.001
4	Targeting paths	59	98.3	1	1.7	50.07	0.001
5	Line of sight	54	90	6	10	38.4	0.001
6	Radiation paths	56	93.3	4	6.7	45.07	0.001
7	Shadow paths	49	81.7	11	18.3	24.07	0.001
8	Sensory paths	53	88.3	7	11.7	35.26	0.001
9	Pattern paths	-	-	60	100	-	-
10	Frame-relative motion with factively moving observer	49	81.7	11	18.3	24.06	0.001
11	Frame-relative motion with factively stationary observer	21	35	39	65	5.4	0.02
12	Advent paths, site arrival with passive verb	57	95	3	5	48.6	0.001
13	Advent paths, site arrival with active verb	36	60	24	40	2.4	0.121
14	Advent paths, site manifestation	10	16.7	50	83.3	26.67	0.001
15	Access paths	38	63.3	22	36.7	4.27	0.039
16	Coextension paths	52	86.7	8	13.3	32.27	0.001

As is shown in Table 2, the results of all the categories were statistically significance except the 13th category which is 0.121 larger than 0.05. Regarding categories 1, 11, 14, the number of incorrect answers was more than correct ones; in fact, Persian speakers couldn't produce motion sentences after receiving and observing the pictures related to preceding categories. Unexpectedly, all the answers to the 9th category were incorrect and none of the participants could

produce motion sentences. The statistical significance of the correct and incorrect sentences in the other categories was noticeable since the number of correct answers was more than the incorrect ones. Figure 2 presents the results of the categories' frequency in this task.

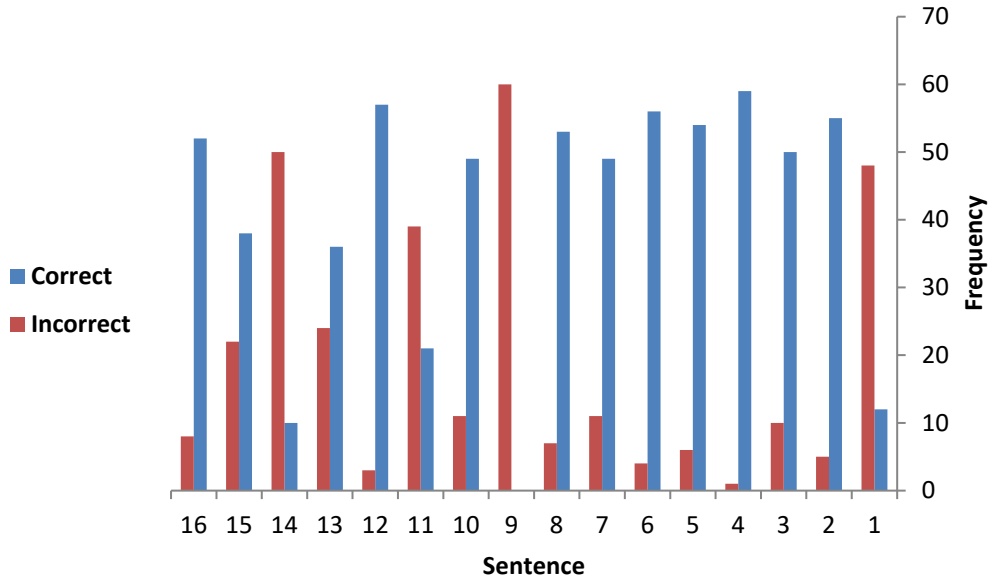

Figure 2. Categories Frequency in Picture Description Task

The bar graph in the figure above illustrates that except 1st, 11th, and 14th categories, the number of correct sentences was more than the incorrect ones in the other categories; however, the answers to the 9th category were completely incorrect.

4.3. The frequency counts, percentage and chi-square test for both groups in completion task

The required data were collected through a counterbalancing technique in which the participants were divided into two groups and the results of which are displayed in this and the next section respectively. The former group received the completion task first and the picture description task while the latter group performed quite the reverse. Table 3 shows the frequency percentage of the correct and incorrect answers, statistical significance, and chi-square test in both groups.

As is shown in Table 3, the *p* value under the Sig. column of the completion task should be examined; in case the *p* value is larger than the significance level of .05, the distribution of scores for that given test could be considered to be normal. Because all the *p* values lined up under the Sig. column here were found to be larger than .05, except 11th and 12th categories, it could be concluded that the correct and incorrect answers of both groups of the participants in completion task formed

normal distributions. The results of this comparison indicate that, in completion task, the second group responded better than the first group whereas they first went through the picture description task and then through the completion task. The number of incorrect answers in pattern paths, 9th category, in both groups was more than correct ones. The results of Frequency percentage are displayed in Tables 4.6:

Table 3. Frequency Counts, percentage and chi-square test of 16 categories in completion task for both groups

	Sentence	Group1				Group2				Chi-Square	Sig
		Correct		Incorrect		Correct		Incorrect			
		f	%	F	%	f	%	F	%		
1	Prospect paths	26	86.7	4	13.3	27	90	3	10	.162	.688
2	Alignment paths	22	73.3	8	26.7	26	86.7	4	13.3	1.67	.197
3	Demonstrative path	27	90	3	10	28	93.3	2	6.7	.218	.640
4	Targeting paths	30	100	0	0	29	96.7	1	3.3	1.02	.313
5	Line of sight	28	93.3	2	6.7	30	100	0	0	2.07	.15
6	Radiation paths	27	90	3	10	30	100	0	0	3.15	.076
7	Shadow paths	30	100	0	0	30	100	0	0	-	-
8	Sensory paths	29	96.7	1	3.3	29	96.7	1	3.3	0.001	.999
9	Pattern paths	5	16.7	25	83.3	8	26.7	22	73.3	.884	.347
10	Frame-relative motion with factively moving observer	28	93.3	2	6.7	30	100	0	0	2.07	.15
11	Frame-relative motion with factively stationary observer	26	86.7	4	13.3	30	100	0	0	4.28	.038
12	Advent paths, site arrival with passive verb	25	83.3	5	16.7	28	93.3	2	6.7	1.46	.228
13	Advent paths, site arrival with active verb	27	90	3	10	30	100	0	0	3.15	.076
14	Advent paths, site manifestation	18	60	12	40	22	73.3	8	26.7	1.22	.273
15	Access paths	22	73.3	8	26.7	29	96.7	1	3.3	6.405	.011
16	Coextension paths	29	96.7	1	3.3	30	100	0	0	1.02	.313

As it could be seen in Figure 3, correct answers in groups one and two were not substantially different from one another in the completion task. For example, in the 7th and 8th categories the number of correct answers is identical in both groups; however, the differentiation between the correct answers in the groups is not remarkable in other categories. Moreover, there was not a large discrepancy between incorrect answers in both groups except the fifteenth category in which it is observable.

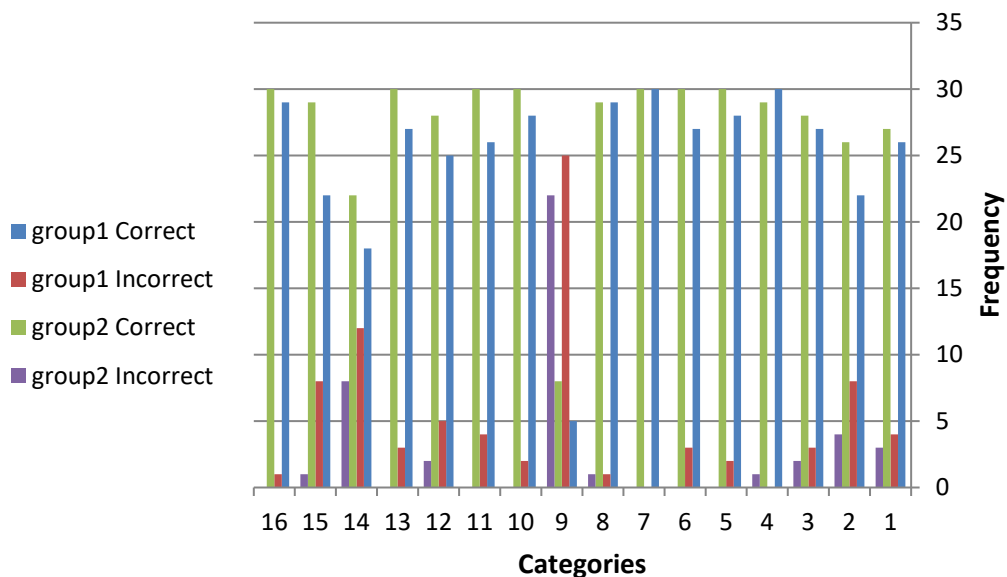

Figure 3. Answers' frequency in completion task for both groups

4.4 The frequency counts, percentage and chi-square test for both groups in picture description task

To control the order effect of the completion and picture description tasks, half of the participants were required to create relevant sentences related to the given pictures and then fill the blanks in the completion task. The frequency counts, percentage, and chi-square test are displayed in Table 4.

To figure out whether the differences between the participants' response of per category in picture description task and those of which in completion task were statistically significant or not, the *p* value of all categories was computed and presented under the Sig. column. Regarding Table 4, the difference between the correct and incorrect answers of both groups of participants was statistically significant in the 2nd, 6th, 11th, 14th, and 16th categories of the task. It indicates the better function of the second group rather than the first group in confronting these categories in pictures description task. However, the first group performed preferably in category number 14. The 9th category in the above table revealed the incorrect answers of the participants in both groups, for that reason there was not a statistically significant difference between these two groups. Drawing an analogy between the numbers of correct answers in both groups disclosed a mild increasing trend in the 1st, 2nd, 5th, 6th, 10th, 11th, 12th, 15th, and 16th categories, however in the 3rd, 4th, 7th, 8th, and 14th categories the trend is decreasing. The participants' answers in both groups were equal in 9th and 13th categories. The answers frequency counts and percentage in the picture description task is also evident in Figure 4.

Table 4. Frequency counts, percentage and chi-square test of 16 categories in picture completion task for both groups

	Sentence	Group1				Group2				Chi-Square	Sig
		Correct		Incorrect		Correct		Incorrect			
		f	%	f	%	f	%	f	%		
1	Prospect paths	7	23.3	23	76.7	5	16.7	25	83.3	.417	.519
2	Alignment paths	25	83.3	5	16.7	30	100	0	0	5.45	.02
3	Demonstrative path	27	90	3	10	23	76.7	7	23.3	1.92	.166
4	Targeting paths	30	100	0	0	29	96.7	1	3.3	1.02	.313
5	Line of sight	26	86.7	4	13.3	28	93.3	2	6.7	.741	.389
6	Radiation paths	26	86.7	4	13.3	30	100	0	0	4.29	.038
7	Shadow paths	25	83.3	5	16.7	24	80	6	20	.111	.739
8	Sensory paths	28	93.3	2	6.7	25	83.3	5	16.7	1.45	.228
9	Pattern paths	0	0	30	100	0	0	30	100	-	-
10	Frame-relative motion with factively moving observer	23	76.7	7	23.3	26	86.7	4	13.3	1.002	.317
11	Frame-relative motion with factively stationary observer	6	20	24	80	15	50	15	50	5.93	.015
12	Advent paths, site arrival with passive verb	28	93.3	2	6.7	29	96.7	1	3.3	.351	.554
13	Advent paths, site arrival with active verb	18	60	12	40	18	60	12	40	.000	1.000
14	Advent paths, site manifestation	10	33.3	20	66.7	0	0	30	100	12	.001
15	Access paths	18	60	12	40	20	66.7	10	33.3	.287	.592
16	Coextension paths	22	73.3	8	26.7	30	100	0	0	9.23	.002

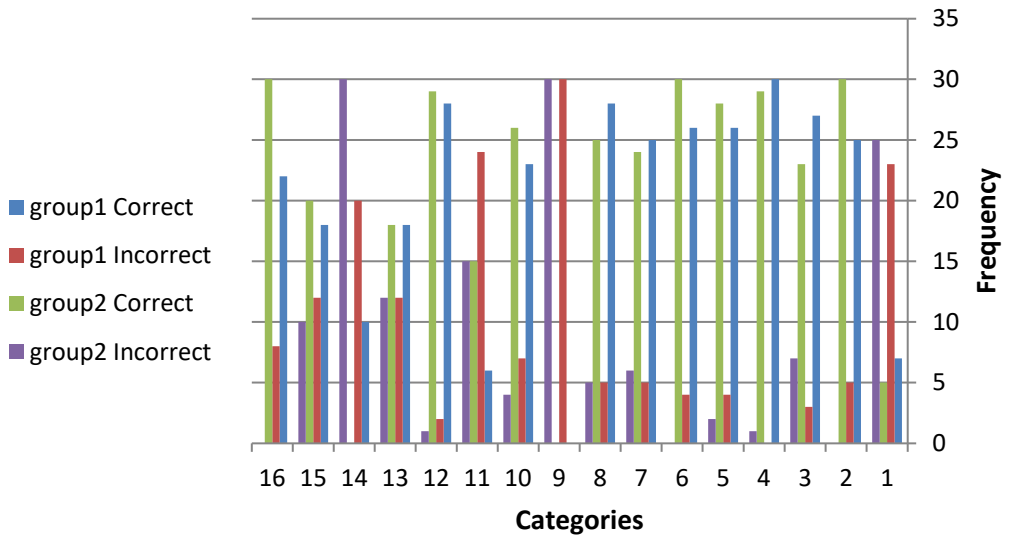

Figure 4. Answers' frequency in picture description task for both groups

As it could be seen in Figure 4, the frequency counts of the correct and incorrect answers of both groups ranged from 0 to 30 in which the minimum amount belonged to the 9th category in both groups and 14th category in the second group. Additionally, the maximum amount of frequency was observed in the 4th category in the first group and 2nd, 6th, and 16th categories in the second group.

4.5. The answers’ differences in completion and picture description tasks

Descriptive findings are required to repurpose formidable quantitative insights and used to summarize or describe the features of the data set qualitatively. Measures of central tendency such as the mean, standard deviation and maximum and minimum of the answers were enumerated to estimate the performance of the participants in both tasks qualitatively and distinctly. The results of descriptive findings are presented in Table 5 below:

Table 5. Descriptive findings of the tasks

Task	N	Minimum	Maximum	Mean	Std. Deviation
1	30	11.00	16.00	13.9100	1.3186
2	30	7.00	13.00	10.5800	1.4359
total	60	19.00	29.00	24.7700	2.1735

Table 5 displays the descriptive findings of the tasks entailed the maximum and minimum values, mean, and standard deviation. As quite basic yet marginal statistics, minimum and maximum values in the data set are shown up in calculations for other statistics. They ranged from 11.00 to 16.00 in completion task and from 7.00 to 13.00 in picture description task. The tasks’ means were 13.9100 and 10.5800 respectively, indicating the mean of correct and incorrect answers. The standard deviation, the amount of variation of a set of values, was 1.3186 in the first and 1.4359 in the second task.

Table 6. Paired sample t-test to compare the mean scores of the first and second tasks

Descriptive			Paired Differences				t	df	Sig	
task	Mean	Std. Deviation	Mean difference	Std. Deviation	Std. Error Mean	95% Confidence Interval of the Difference				
						Lower	Upper			
1	13.91	1.32	3.067	1.69	.22	2.63	3.50	14.05	59	.000
2	10.58	1.44								

As portrayed in Table 6, Paired sample t-test, also called the dependent sample t-test, is used to compare the mean scores in the completion and picture description tasks. The tasks’ mean scores, the central tendency measurement of a test, was calculated and compared with one another. The tasks’ mean scores turned out to be 13.91 and 10.58 respectively and their mean difference equaled 3.067 which was statistically significant. The tasks’ mean difference is owing to the lower amount of

correct answers in the picture description task than in the completion task. To show the amount of variation from the average, standard deviation was operationalized for both tasks and it was 1.69. Since there were two population samples and the standard deviation was 1.69, the 95% confidence interval for the differences between their means was computed. A quick look at Table 6 reveals that, the lower and upper bands of the 95% confidence interval of the difference are 2.63 and 3.50 respectively. The results obtained here are also graphically shown in the bar chart below.

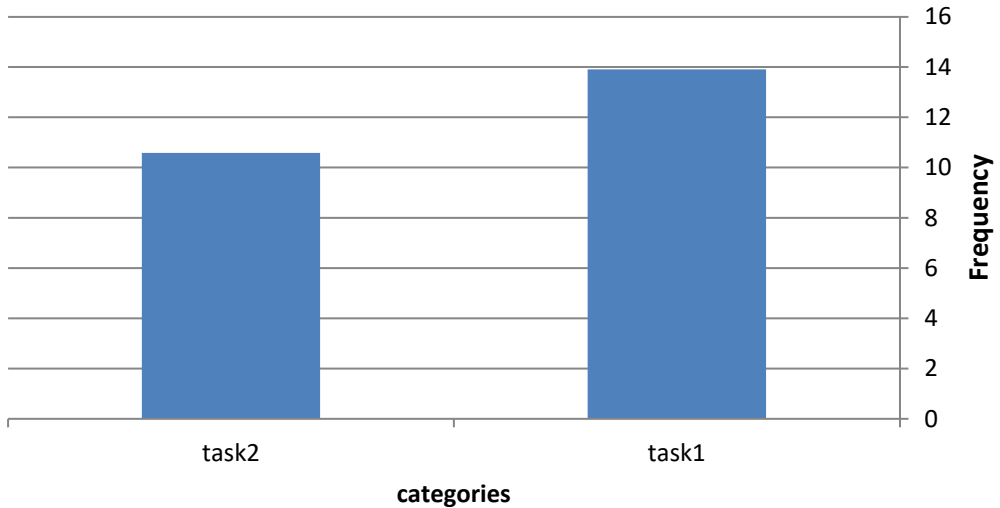

Figure 5. Mean of the first and second tasks

This bar chart shows the mean scores of the participants in completion and picture description tasks. The first column with the mean of 13.91 is indicating the participants' superior performance in the first task than in the second task.

4.6. Descriptive results

To meet the qualitative requirements of the research, it is essential to include the following section. As it might be recalled from above, sixteen fictive motion categories from Talmy's model were randomly drawn and translated into Persian. Subsequently, the visualized sentences were distributed among the participants to be described and verbalized.

The sentence related to the 1st category “*The cliff wall faces toward the valley.*” in which the verb *face* and the preposition *toward* depict motion synchronically and even more remarkably than the other sentence constituents, was largely produced without the verb *face* in Persian. The participants uttered “*saxre (cliff) ru be/samte (toward) darre (valley) ?ast/qarâr dêrad (is/located).*” in some cases. They were unable to describe the photo properly due to using the static verbs *?ast* or *qarâr dêrad* which led to the motionless sentences production.

Perceiving the picture of the 2nd category “*The snake is lying toward the light.*” a number of participants produced the fictive motion sentences. The repetitive preposition *ru be* or *samte* (*toward*) and the verb *derâz kešide ʔast* (*is lying*) in the sentence “*mâr (snake) ru be nur (the light) derâz kešide ʔast.*” were uttered. Significantly, *mâr* is a motionless and point-type-front figure whose lying position and linearity conjured up fictive motion for the participants.

In the third picture demonstrative paths, “*The arrow on the signpost pointed toward the town.*” the participants produced the verbs such as *nešân midahad* (*pointed*) or *ʔšâre mikonad* (*pointed*) and the subject *feleš* (*arrow*) *ruye* (*on*) *tâblo* (*signpost*) the linearity and the front-end features of which eject a hypothetical line.

The next subclass, targeting paths, “*I pointed (my finger/ camera) into the living room.*” evoked several fictive motion sentences in the mind of the participants such as, “*angoštam* (*my finger*) *râ ru be* (*into*) *ʔotaq* (*living room*) *gereftam* (*pointed*.” or “*ʔu* (*he/she*) *be* (*to*) *ʔotâq ʔšâre mikonad* (*point*.” or/and “*man* (*I*) *ru be/be/samte/be tarafe* (*toward*) *ʔotâq* (*living room*) *ʔšâre mikonam* (*point*.” It should be noted that a fictive line from the front-bearing object trails a path related to the object’s surroundings. Therefore, this hypothetical line caused the participants to verbalize their thoughts.

In line of sight, the fifth category, “*I slowly looked toward the door*”, the path is specified by the preposition *toward* and, more importantly, an intangible line appears and is developed by the eyes. Produced sentences such as *be/ru be/samte* (*toward*) *dar* (*door*) *negâ kardam/mikonam* (*looked or is looking*) illustrated a type of hypothetical line emanating from the eyes of the agent toward the door. However, the only object that physically moves toward the door is the turning head.

In the sentence “*xoršid* (*sun*) *be darune* (*into*) *qâr* (*cave*) *mitâbad* (*is shining or shines*)” extracted and translated from radiation paths, “*The sun is shining into the cave*”, *xoršid* is an energy source containing a type of radiation and *qâr* is the irradiated object. The invisible emitted light from *xoršid* and the verb *mitâbad* depict fictive motion for the participants. Therefore, they were able to produce the expected fictive motion sentence for this category after receiving the photo since the gerund verb *tâbidan* entails motion in nature.

In the shadow paths, “*The pillar’s shadow fell onto the wall*”, the verb *ʔoftâd* (*fell*) and the preposition *ruye* (*onto*) conjure up fictive motion; however, the participants once in a while employed the static verbs such as *dârad* (*has*), *ʔast* (*is*) and *qarâr dârad* (*is situated*). The shadow of the pillar involves some kind of fictive motion on the surface, like the *divâr* (*wall*) which is ground and *sotun* (*pillar*) comprising the object with the shadow is the figure. The path preposition *ruye* comes with the motion verb *ʔoftâd*.

Sensory paths, “*I can see him all the way from where I am standing*”, embrace another kind of fictive motion events which involve visual paths. It should be noted that, picturizing this type of fictive motion category required some changes. For example, a girl named Mina was drawn behind a window as if she was watching a cat. Therefore, the participants could comfortably satisfy the aim of the picture and

a great number of them provided the relevant fictive motion sentences. The fictivity of this motion is depicted from the experiencer's location to the experienced, that is, *ʔaz (from) pošte (behind) panjere (window)* to the cat's location. Moreover, the girl in this picture emanates something forth to observe the cat at a distance.

In order to receive the fictive motion sentence regarding the 9th category, pattern paths, a picture was drawn in which a painter was painting the ceiling while a line of paint spots progressed across the floor. However, the verb *kešide mišod* (progressed) along with the figure *xati (a line) ʔaz (from) qatarât rang (paint spot)* depicts fictive motion, the participants failed to provide the appropriate verb form. The motionless verbs such as *rixt (poured)*, *bud (was)*, and *čekid (dropped)* and the preposition *ruye (on)* were uttered by the participants while the linear pattern of paint spots on the floor elucidates fictive motion.

The 10th and 11th fictive motion categories are respectively two types of frame-relative motion with factively moving observer and stationary observer. Facing the 10th category's picture, "I was walking through the woods and this branch sticking out hit me.", the participants produced factive motion sentences such as *doxtarak/ʔân doxtar (the girl) dar (through) pârk/jangal/xiʔâbân (park, jungle, street) qadam mizad/râh miraft (walked)* and then changed them into fictive ones such as *ke (that) ʔin (this) šâxe (branch) deraxt (tree) yekdafe/nâgahân (suddenly) raft (went) dar/tu/dâxel (into) češmaš (her eyes)*. Interestingly, for the 11th category, less than half of the participants provided fictive motion sentences such as *rudxâne (river) ʔaz (from) kenâr (near) xâneʔye (house) man (me)/Ali migozarad/ʔobur mikonad/rad mišavad (pass)* and the remains produced motionless sentences such as *xâneʔye (house) man (I) kenâr (near) rudxâne (river) ʔast/qarâr dârad (is)*.

The following three categories are different types of advent paths, site arrival with passive and active verbs, and site manifestation. Sentences such as, "termite mounds are scattered all over the plain.", "the beam leans away from the wall.", and "this rock formation appears near volcanoes." were depicted and presented into the participants. For the picture associated with the 12th category, the number of depicted termite mounds induced the participants to provide fictive motion sentences. They formed the fictive motion sentences like, *tape (mounds) muriʔâne hâ/ tape hâye muriʔâne (termite) dar (over) kole/hameye/sar tâ sar (all) dašt (plain) paxš šode ʔand/ parâkande ʔand/ parâkande šode ʔand (are scattered)* in which the motion-specifying verbs are the fictive representation of the objects with the motion in their sites. For the 13th category, *nur xoršid (beam) kaj/movarab (leans away) be (to) divâr mitâbad (leans away)* the beam, wall, and the curve like beam are visualized in a way that the participants provided fictive motion sentences as above. In site manifestation, the location of the rock formation as an effect of materialization is denoted fictively. It is worth bearing in mind that only a few participants were capable of creating acceptable fictive motion sentences corresponding to this category.

The relevant picture into the 15th category was drawn clearly; however, part of the participants produced fictive motion sentences like, *ʔabr ha (clouds) hezâr*

kilometr (1000 kilometer) ʔaz (from) zamin (earth) bâlâtar (upper) ʔand/hastʔand (are). or ʔabr ha bâlâtar ʔaz zamin ʔand (are). or ʔaz sathe zamin ʔabr ha bâlâtar ʔand.

Since the illustrator failed to draw the fence in the last category of fictive motion, she replaced it with a flower land. Surprisingly, the participants expressed the form, location and orientation of the object in their sentences. For example, they uttered *dašte (plateau) gol (flower) be (to) darre (valley) mirasad/ xatm mišavad/sarâzir mišavad (descend) or golhâ (flowers) be (to) darre (valley) mirasand (descend).*

5. Discussion

In light of the fact that counterbalancing technique was appropriated in this study, data were computed for both groups on the whole and separately, however the obtained results tended to be similar. The results of the research questions for the participants unearth that regardless of the 9th category in completion task and 1st, 9th, 11th, and 14th categories in the picture description task, they performed accurately to a significant extent. One reason why the Persian speakers responded to the former categories erroneously in the tasks, could be related to the findings of Blomberg (2015) from the viewpoint of cognitive linguistics. He believed that, since the main objective of cognitive linguistics is to explain the relationship between language and thought, verbalization of thoughts is the only way to understand them. These two are sometimes detachable – our experience is that a thought cannot be always put into words. This indicates that language and thought are not the same thing; however, they are connected in subtle ways.

Another reason for such responses could be related to the findings of Langacker (1987, 2005, 2008) and Talmy (1996, 2000) in which they indicated that translating expressions containing fictive motion events has recently created a problem. Duff (1981) and Newmark (2003) also believed that a full-scale one to one correspondence is unattainable in interlanguage translations and this may create a serious problem for translators. Another reason could be attributed to the findings of Talmy's (2000a) investigation. He provides distinctive definitions and examples for all these fictive motion categories. It is worth recalling from Section 3 that both translated sentences and the fillers with pictures were given to an artist to create a smooth and professional finish. Talmy's sample of pattern paths, 9th category, along with its Persian translation, is displayed as the following.

The pattern Paths:

Pattern Paths Category in Picture Description Task

- (a) As I painted the ceiling, (a line of) paint spots slowly progressed across the floor (Talmy 2000a).
- (b) Vaqti ke saqf râ rang kardam PST1st (xati ?az) qatarât rang be?ârâmi ruye zamin kešide šod PST3rd (Researchers' translation).

According to Slobin and Talmy (1996 and 1985), figure, ground, path, and manner are four semantic elements of motion events, parsed as the following in both English and Persian in Pattern paths. For example, *paint spots* (*qatarât rang*), *progressed* (*kešide šod*), *across* (*ruye*), and *the floor* (*zamin*) are the figure, motion verb, path and ground in English and Persian respectively. As the participants were required to fill out the blanks with the appropriate verb in completion task, the verb *kešide šod* was used by 13 participants, and the rest applied such verbs as, *rix*, *bud*, and *čekid*. However, what was produced by the Persian speakers was akin to (a) in terms of tense and contradictory in the verb type, that is, motion verb.

In picture description task, the participants devised sentences as they perceived the photos, however they couldn't produce any similar sentences to simulate a fictive motion event. Due to Talmy's (2000a) definition of pattern paths, it is believed factively that the object is either fixed or moves along the path. As the physical objects must factively show some sort of motion for the fictive effect, it can be concluded that the fictive effect has not occurred for Persian speakers to create a fictive motion sentence with the manner verb in picture description and completion tasks.

Additionally, the prospect paths, Frame-Relative Motion with factively stationary observer, and advent paths site manifestation were among the categories that the participants couldn't appropriately produce fictive motion sentences in Persian as they received the photos. Talmy's (2000a) sample of these categories and their Persian translations are as follows. It should be recalled that the pattern paths were formerly explained in detail, and only 1st, 11th, and 14th categories have been discussed here.

1st category: The prospect Paths:

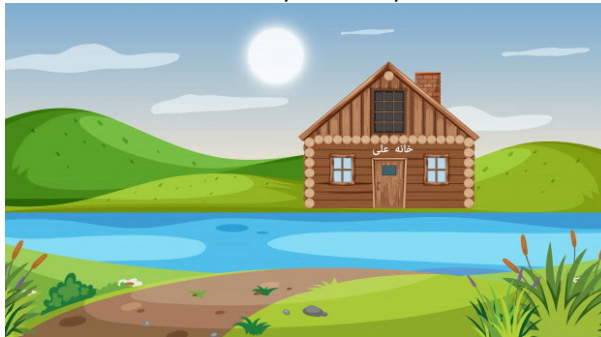

Prospect Path Category in Picture Description Task

- (a) The cliff wall faces toward the valley (Talmy 2000a).
- (b) Saxre ru be PP darre piš ʔâmadegi dârad3rdPRS (Persian translation).

The word *cliff* (*saxre*) characterizes a fictive course of motion emanating from its face and along with the preposition *toward* (*ru be*) moves through the path. As it is obvious from Table 1 a large number of participants filled the blank out with the proper preposition (*ru be*). However, the written clues in picture description task did not lead the Persian speakers to state the predicted fictive motion sentence. The participants produced sentences in which the motion was illustrated only through the semantic element, path, *ru be*. According to the Oxford Dictionary, the verb *face* means to be looking or pointing in a particular direction therefore the Persian equivalent, *piš ʔâmadegi dâstan*, suggested by the researchers to depict motion with *ru be* for the participants. On the other hand, Talmy (2000a: 108) believes that the literal sense of the sample in this category depicts a fictivity in which something emanates from the cliff wall toward the valley. However, this is in conflict with the factivity containing the belief that all the referent objects in this sample involve no motion.

11th category: Frame relative with factively stationary observer:

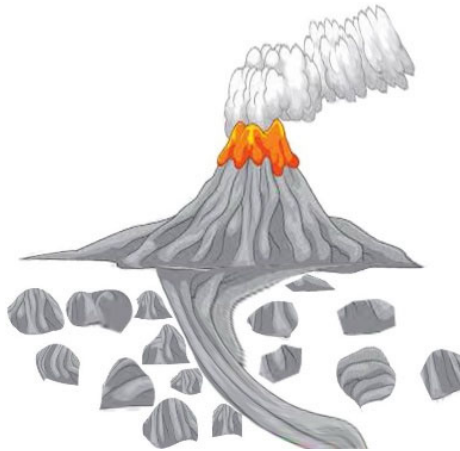

Frame relative with factively stationary observer Category in Picture Description Task

- (a) The stream flows past my house.
- (b) Rudxâne ʔaz kenâr xâneʔye man migozarad PRS 3rd (Persian translation).

It can be inferred from Table 1 that almost all the participants completed the blank accurately, however they couldn't perform correspondingly in the picture description task. Around two third of the produced sentences were motionless since they uttered *Xâne?ye man kenâr Rudxâne ?st* instead of *Rudxâne ?az kenâr xâne?ye man migozarad*, the sentence which is grammatically and semantically proportionate, but involves no motion. The difference in the viewpoints in these two sentences is attributed to the difference in the participants' intentions, which is considered as the cognitive mechanism of construal of an object in cognitive linguistics (Iriskhanova & Cienki 2018). More importantly, the findings of this stage are also in line with those of Blomberg (2014) that the speakers' cognition or worldview is influenced by the structure of the language they speak, and thus their perceptions are relative to their spoken language.

14th category: Advent Paths, Site Manifestation:

Advent Paths, Site Manifestation Category in Picture Description Task

- (a) This rock formation appears near volcanoes (Talmy 2000a).
- (b) ?in tarkib sang nazdike ?âtašfešân padidâr mišavad PRS 3rd (Persian translation).

In the completion task, the verb of the sentence is left blank to evaluate the participants' intuition in creation of a verb type that, along with the figure and path, simulate motion. Unquestionably, in this example, the location of the rock formation which is the effect of materialization is denoted fictively. It is believed that the site's occupation of this rock formation for a very long time has been synchronized with the fictive representation (Talmy 2000a: 135). However, the site's occupation of the rock formation is illustrated clearly in the photo above; the obtained result was not in agreement with the research expectations. According to Leyton (1992), the perception of an arbitrary curved surface resembles the deformed version of a simple surface. Notably, in Gestalt psychology, certain forms are discerned considering some process of deformation used to an invisible basic form.

By the same token, the results are in line with those of Feinmann (2020) in that he examined the potential relation between the way native speakers linguistically express motion and conceptualize it. For this purpose, he compared English and Spanish native speakers who had different typological telic motion encoding in two types of verbal and non-verbal experiments. The results provided convincing evidence in favor of cognitive universalism.

Table 6 displays the participants’ performance in filling out the prepositions and the verb blanks of sixteen fictive motion sentences. The obtained results are in keeping with that of Flecken ‘s (2011) inspection, in which English native speakers attend to both trajectory and endpoint of motion events identically. Likewise, Persian native speakers in this study attended to the path and motion verbs similarly.

According to Huumo (2017), tense and aspect are major contributors involved in the conceptualization motion – that is, metaphorical motion events are grounded by tense. Surprisingly, the obtained results in the recent scrutiny reveal that, regardless of the tense of translated sentences extracted from Talmy’s (2000a) model, produced fictive motion sentences in Persian conceptualize motion more in prepositions and less in verbs and tense. That is, the tense of produced sentences by the participants differed from the Persian translation and Talmy’s sample in certain categories. To exemplify, in Targeting Paths, the tense in English and Persian sample is simple past, yet the tense of the produced sentences by the participants is simple present and still illustrating the fictivity.

To reflect the tense of fictive motion sentences in both English and Persian, a comparative table is presented below. The following table displays the tense of translated fictive motion sentences in Persian by the researcher and Persian speakers. As it was mentioned earlier, the participants couldn’t produce fictive motion sentences for the 1st, 9th, 11th, and 14th categories; however, the present tense is obviously more productive in Persian. Sandy (2023) hypothesized that tense and aspect in Jish Arabic resemble that in some other Arabic dialects. For instance, *to be* in Moroccan, Egyptian, Syrian, and Kuwaiti Arabic is as common as progressive marker *am* in Syrian and Egyptian Arabic, which is in line with our research.

Table 7. English and Persian Tense Comparative Table

No	Fictive motion categories	English	Persian	
			Researcher	Speakers
1	prospect paths	simple present	simple present	
2	alignment paths	present continuous	present perfect	present perfect
3	demonstrated paths	simple past	simple present	simple present & simple past
4	targeting paths	simple past	simple past	simple present
5	line of sight	simple past	simple past	simple present
6	radiation paths	present continuous	simple present	simple present
7	shadow paths	simple past	simple past	present perfect
8	sensory paths	simple present	simple present	simple present
9	pattern paths	simple past	simple past	
10	frame-relative paths	simple past	simple past	simple past
11	frame-relative paths	simple present	simple present	

No	Fictive motion categories	English	Persian	
			Researcher	Speakers
12	advent paths	simple present (passive)	simple present (passive)	simple present (passive & active)
13	advent paths	simple present	simple present	simple present
14	advent paths	simple present	simple present	
15	access paths	simple present	simple present	simple present
16	coextension paths	simple present	simple present	simple present

It is worth mentioning that the researchers were wary of making generalizations from the results of the analysis. As a case in point, the present study was concurrent with COVID-19 pandemic, therefore social media such as Telegram and Whatsapp were used for collecting the required data that may have influenced our results and highlighted the importance of face-to-face interview in picture description task in this survey. Additionally, due to the research design and methodology of this study which is the reduplication of Talmy's (2000a) theoretical framework in Persian, offering the exact equivalents or translations for fictive motion sentences and creating their pictures as a photo album were complex yet time consuming. Moreover, the bulk of research on fictive motion translation across languages has revealed that the rendering of factive motion events is less complex than those of fictive motion expressions (Rojo & Valenzuela 2003, Stosic & Sarda 2009). Last but still important, lack of previous research studies with various methodologies on fictive motion events (yet not motion events) in English and particularly in Persian may highlight the need for further research studies.

As with the research on motion and fictive motion events, the primary objectives of almost all motion and fictive motion studies have stemmed from surpassing cognitive needs of languages and their speakers' intuition, as well as insights for linguists and linguistic purposes. Much like these studies, the present research investigates fictive motion categories in Persian to assist the development and comprehension of fictive motion events among linguists, language translators and cognitive semanticists.

Alternatively, the findings in this inquiry may contribute to the ongoing research in the domain of semantics, due to the meaning transference from Talmy's model of fictive motion from English into Persian. Since the results in phase one revealed either the availability of fictive motion events in Persian or the studies in other languages, the findings may open a new avenue for linguistic universal studies. One promising fact is that the translation of Talmy's model of fictive motion categories into Persian in the recent study can be seen as a reliable source for some relevant investigations.

6. Conclusion

This investigation represents an attempt to shed light on the studies on fictive motion events in Persian within Talmyan approach. Talmy's (2000a) exhaustive

analysis of fictive motion categories and issues has allowed us to consider the perception of fictive motion events in Persian from a cognitive semantic perspective. This paper views Talmy's model of fictive motion categories in Persian through completion and picture description tasks. The data elicited from sixty participants unveiled that they had arduousness in transmutation of certain pictures into the sentences, however performed better in filling verb and preposition blanks, that is completion task.

The overall findings authenticate the existence and frequency of Talmy's fictive motion categories in Persian barring 1st, 9th, 11th, 14th categories. Additionally, analytic results of the study showed that Persian speakers tended to adopt the present tense in the production of fictive motion sentences. Moreover, the obtained results in both tasks led us to the conclusion that the verbalization of depicted sentences, regardless of research limitations, is not as straightforward as the conceptualization of the sentences, which means that cognition is influenced by the structure of the speakers' language.

Data Availability Statement

The underlying data for this article are included in the Appendix.

Acknowledgments

This article would not have been possible without the enthusiastic help of close and casual friends who have helped us fulfill this study during COVID-19 pandemic. We wish to express our thanks to the English faculty group at the University of Islamic Azad University, Khorasgan Branch, that supported us all the way through this research. We would also like to express our thanks and gratitude to the editor and reviewers for their valuable suggestions on an earlier version of this paper.

References

- Afrashi, Azita & Asiyeh Rahmani. 2014. Fictive motion in Persian: A cognitive approach to coextension paths. *Journal of Western Iranian Languages and Dialects* 2 (6). 1–25.
- Akhalaghi, Elham, Sharifi Shahla & Ali IZanlu. 2018. The study of evaluation and social interaction in verbalizing narratives between female children and adults. *Journal of Sociolinguistics* 1 (4). 78–88.
- Azkiya, Neda & Sasaki Farhad. 2012. Lexicalization in Persian motion verbs: A new model. *Journal of Language and Linguistics in Persian* 7 (14). 31–57.
- Babai, Hajar. 2011. Lexicalization of motion event in Persian. *Theory and Practice in Language Studies* 1 (2). 157–162.
- Badiee, Marziyeh & Imani Zolfa. 2022. The classification of manner verbs of motion in Persian. *Journal of Language Teaching, Literature & Linguistics* 5 (1). 107–119.
- Bergmann, Till & Teenie Matlock. 2015. Watching fictive motion in action: Discourse data from the TV news archive. In *CogSci*.
- Blomberg, Johan. 2014. *Motion in Language and Experience: Actual and Non-actual Motion in Swedish, French and Thai*. Lund University.
- Blomberg, Johan. 2015. The expression of non-actual motion in Swedish, French and Thai. *Cognitive Linguistics* 26 (4). 657–696.

- Duff, Alan. 1981. The third language: Recurrent problems of translation into English: It ain't what you do, it's the way you do it. (*No Title*).
- Feinmann, Diego. 2020. Language and thought in the motion domain: Methodological considerations and new empirical evidence. *Journal of Psycholinguistic Research* 49 (1). 1–29.
- Flecken, Monique. 2011. Event conceptualization by early Dutch–German bilinguals: Insights from linguistic and eye-tracking data. *Bilingualism: Language and Cognition* 14 (1). 61–77.
- Gudmundsdottir, Greta Bjork & Birgit Brock-Utne. 2010. An exploration of the importance of piloting and access as action research. *Educational Action Research* 18 (3). 359–372.
- Huumo, Tuomas. 2017. The grammar of temporal motion: A cognitive grammar account of motion metaphors of time. *Cognitive Linguistics* 28 (1). 1–43.
- Imani, Zolfa & Rezvan Motavallian Naeini. 2020. The study of semantic frames and the way of expressing direction in Persian motion verbs: Case of “come” and “go”. *Journal of Western Iranian Languages and Dialects* 8 (3). 1–11.
- Ibarretxe-Antuñano, Iraide. 2004. Motion events in Basque narratives. *Typological and Contextual Perspectives*, Volume 2. 89–111. Psychology Press.
- Irskhanova, Olga K. & Alan Cienki. 2018. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* (4). 25–36.
- Langacker, Ronald W. 1987. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites* (Vol. 1). Stanford University Press.
- Langacker, Ronald W. 2005. Construction grammars: Cognitive, radical, and less so. *Cognitive Linguistics Research* 32. 101–159.
- Langacker, Ronald W. 2008. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. Oxford University Press.
- Lewandowski, Wojciech & Şeyda Özçalışkan. 2021. How language type influences patterns of motion expression in bilingual speakers. *Second Language Research* 37 (1). 27–49.
- Leyton, Michael. 1992. *Symmetry, Causality, Mind*. Cambridge Mass: MIT Press.
- Mesgarkhoyi, Maryam. 2012. *Motion events representation in Persian: Cognitive approach*. PhD Dissertation.
- Newmark, Peter. 2003. Round-table discussion on translation in the New Millennium. *Translation Today: Trends and Perspectives*. 13–67.
- Rojo, Ana & Javier Valenzuela. 2003. Fictive motion in English and Spanish. *International Journal of English Studies* 3 (2). 123–150.
- Saeed, John. I. 2009. *Semantics*. Blackwell Publishing: United Kingdom.
- Sandy, Habib. 2023. Tense-aspect constructions in Jish Arabic: Morphological, syntactic, and semantic features. *Russian Journal of Linguistics* 27 (2). 363–391.
- Slobin, Dan I. 1996. Two ways to travel: Verbs of motion in English and Spanish. In Masayoshi Shibatani & Sandra A Thompson (eds.), *Grammatical constructions: Their form and meaning*, 195–220.
- Dejan Stosic & Laure Sarda. 2009. The many ways to be located in French and Serbian : The role of fictive motion in the expression of static location. In M. Brala Vukovic & L. Gruic Grmusa (eds.), *Space and time in language and literature*, 39–60. Cambridge Scholars Publishing.
- Talmy, Leonard. 1985. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. *Language Typology and Syntactic Description* 3 (99). 36–149.
- Talmy, Leonard. 1996. Fictive motion in language and “caption”. *Language and Space*. 125–162.
- Talmy, Leonard. 2000. *Toward a Cognitive Semantics, vol. I*. Cambridge, MA: MIT Press.

Article history:

Received: 14 May 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionotes:

Mahsa NIKABADI is a Ph.D. Candidate in General Linguistics, Department of English, Isfahan (Khorasgan) Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. Her research interests are focused on cognitive linguistics and cognitive semantics.

e-mail: m.nikabadi@khuisf.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-2911-7707>

Ahmadreza LOTFI is an Associate professor, Department of English, Isfahan (Khorasgan) Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. His research interests deal with generative linguistics, cognitive linguistics, and Second language acquisition research.

e-mail: ahmad.reza.lotfi@khuisf.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0001-5596-3144>

Bahram HADIAN is an Associate professor, Department of English, Isfahan (Khorasgan) Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. He is mainly interested in pragmatics, phonetics, text linguistics, information structure, and English as a foreign language.

e-mail: bah_hadian@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-4337-3491>

Сведения об авторах:

Маша НИКАБАДИ – докторант кафедры английского языка Исфаханского (Хорасганского) филиала Исламского университета Азад, Исфахан, Иран. В сферу ее научных интересов входят когнитивная лингвистика и когнитивная семантика.

e-mail: m.nikabadi@khuisf.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0003-2911-7707>

Ахмадреза ЛОТФИ – доцент кафедры английского языка Исфаханского (Хорасганского) филиала Исламского университета Азад, Исфахан, Иран. Его научные интересы связаны с генеративной лингвистикой, когнитивной лингвистикой и усвоением иностранного языка.

e-mail: ahmad.reza.lotfi@khuisf.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0001-5596-3144>

Бахрам ХАДИАН – доцент кафедры английского языка Исфаханского (Хорасганского) филиала Исламского университета Азад, Исфахан, Иран. Занимается изучением прагматики, фонетики, лингвистики текста, информационной структуры и английского языка как иностранного.

e-mail: bah_hadian@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-4337-3491>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-33421>

EDN: EICZZP

Research article / Научная статья

Modern forms of a prophecy: From written word to audiovisual Internet product

Andrey G. FOMIN   and Nadezhda S. KARACHEVA

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

 andfomin67@mail.ru

Abstract

Prophecies contain a unique cultural and linguistic code, which plays an essential role in organizing the linguistic worldview and shapes national consciousness. The article aims to specify the linguistic features of prophecies and identify their modern forms. To achieve this goal, biblical texts were compared with modern prophecies within and outside religion. Due to the phenomenon's complexity, the material selection criteria were flexible. The Canonic Bible was the initial source of the material (4 books of Major Prophets and 12 books of Minor Prophets). The modern prophecies were obtained from 2 collections of written prophecies (157 texts) as well as 10 audio recordings of prophetic sessions (4 hours) and 40 videos (10 hours). We explored prophetic texts and changes in their forms using semiotic modeling. The interdisciplinary nature of the research necessitated the use of the descriptive method, as well as methods of contextual, interpretative, and content analysis to identify the meaning of the linguistic units by highlighting mechanisms of the construction of meaning. The chosen methods helped to identify the meanings of linguistic units, highlighting the mechanisms of constructing meaning, as well as the ethnocultural language code of prophecies. The method of interpretative analysis made it possible to determine the patterns of expression of meaning associated with the system of ideal images and the rules for their transformation into meanings. The results of the study demonstrated a clear simplification of the initial characteristics during the transition of biblical prophecies from written form to an audiovisual Internet product. In addition, the results revealed an obvious displacement of the vector of decoding and interpretation of ethnoculturally-conditioned components. Further research will allow us to build a linguosemiotic model of prophetic discourse to trace ethnocultural and linguistic changes in the form, content, and entire genre of prophecy, which will open up new prospects for the study and interpretation of the phenomenon itself.

Keywords: *religious discourse, prophetic texts, reception, semiotic code, linguacultural transfer*

For citation:

Fomin, Andrey G. & Nadezhda S. Karacheva. 2024. Modern forms of a prophecy: From written word to audiovisual Internet product. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 321–337. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33421>

© Andrey G. Fomin & Nadezhda S. Karacheva, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Современные формы пророчества: от письменной формы до аудиовизуального интернет-продукта

А.Г. ФОМИН , Н.С. КАРАЧЕВА

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

 andfomin67@mail.ru

Аннотация

Пророчества содержат уникальный культурно-языковой код, играющий существенную роль в организации языковой картины мира и воплощающий идеи, формирующие национальное сознание. Цель статьи – уточнить языковые особенности пророчеств и выявить их современные формы. Для достижения данной цели библейские тексты сравниваются с современными пророчествами внутри и вне религии. Из-за сложности явления критерии отбора материала были гибкими. Первоначальным источником материала была Каноническая Библия (4 книги Больших Пророков и 12 книг Малых Пророков). Современные пророчества извлекались главным образом из двух сборников письменных пророчеств (157 текстов), аудиозаписей пророческих сеансов (продолжительностью 4 часа) и видеороликов (около 10 часов). Пророческие тексты и изменения в их формах исследовались с помощью семиотического моделирования. Междисциплинарный характер исследования обусловил необходимость использования описательного метода, а также методов контекстуального анализа, интерпретативного анализа и контент-анализа. Выбранные методы помогли выявить значения языковых единиц, выделив механизмы построения значения, а также этнокультурный языковой код пророчеств. Метод интерпретативного анализа позволил определить закономерности выражения смысла, связанные с системой идеальных образов, и правила их трансформации в значения. Результаты исследования продемонстрировали упрощение исходных характеристик при переходе библейских пророчеств из письменной формы в аудиовизуальный интернет-продукт. Было выявлено явное смещение вектора декодирования и интерпретации этнокультурно обусловленных компонентов. Дальнейшие исследования дадут возможность построить лингвoseмиотическую модель пророческого дискурса, позволяющую проследить этнокультурные и языковые изменения в форме, содержании и в целом в жанре пророчества, что откроет новые перспективы для изучения и интерпретации данного феномена.

Ключевые слова: *религиозный дискурс, пророческие тексты, восприятие, семиотический код, лингвокультурный трансфер*

Для цитирования:

Fomin A.G., Karacheva N.S. Modern forms of a prophecy: From written word to audiovisual Internet product. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 321–337. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33421>

1. Introduction

The Holy Bible is one of the most famous and translated Canonic texts. Scientists and theologians worldwide and from different scientific areas research various aspects of biblical texts. The biblical language is not only full of symbols that can be difficult to apprehend, convey the meaning, and transfer from one language to another but also highly influenced by extralinguistic context, which cannot be overlooked. “Speakers acquire tangibility and concreteness as biological,

social, cultural, ethnic, and professional identities. Thus, understanding the importance of all types of environments involved in speech production has led to an awareness of the creative role of extralinguistic factors in the use of language as a whole” (Bilá & Ivanova 2020). Biblical texts represent their unique culture, spirit, and characteristics requiring more profound cognitive efforts. The implied meaning appeals to fundamental human values but is often encrypted in a metaphorical context. The most challenging part of the Bible – prophecies – has the highest density of symbols and metaphors. It might seem that the Bible is irrelevant in the modern world and only scientists are approaching canonic texts, but that is not true. The amount of search results on the keyword “prophecy” shows that apocalyptic prophecies are especially popular on the Internet among believers, researchers, theologians, and people considered to be far from religion. Nowadays, they changed forms and some essential characteristics. In present days, prophetic texts are widely supported with audiovisual effects. This audiovisual component aims to influence human reception and affect the emotional side of the recipient. Different researchers have been long interested in the emotional function of religious discourse; emotiology is a whole area devoted to it (Pashkov 2018, 2020, Bobyрева 2015, Il’in 2001, 2002, Davies 2006, *The Oxford Bible Commentary* 2018). The Internet is full of apocalyptic prophecies presented as a combination of verbal and non-verbal signs. Modern prophecies have acquired audiovisual components, such as music and graphic images that were unavailable to the biblical prophets. The audiovisual or non-verbal component strengthens the verbal part and helps to convey a cultural representation of the world through the combination of language and image that “the viewer perceives as a message” (Delabastita 2007: 193). The study aims to specify the changes in forms of modern prophecies, describe their linguistic characteristics, and answer the following research questions: does the Internet format require a different structure and form of presenting the information? How has the concept survived and changed in the modern world? Do modern prophecies reflect the linguacultural characteristics the same way as the biblical prophetic texts?

2. Literature review

Religious discourse has always been the focus of different researchers. Philosophical, cultural, historical, linguistic, and theological aspects are widely described in the works of different authors from ancient thinkers to modern scientists. Language and religion are closely related, religious communication is one of the oldest types of human communication, and specific aspects of religious discourse, a general description of the ritual activity, and the nature of ritual speech were widely researched by Karasik 2004, Mechkovskaya 1998, Toporov 1988, Gurevich 1993 and others. The most studied are the philosophical (Groff 1994, Spivak 1988) and theological aspects (Camus 1990, Popper 1992, Glovinskaya 1994) of prophecy. The theological aspects often intersect with the philosophical ones so much that it is almost impossible to draw clear boundaries between them,

since “theology combines philosophy as a metaphysical reality and religious studies as a religious experience” (Laluev 2012: 215).

Prophetic texts are endowed with ethnolinguistic characteristics, so it is necessary to go beyond the language structure into the field of “language and culture” (Corner 1980, Saussure 1983,), avoiding “the emphasis on the study of language structure only” (Proskurin, Raikova 2012: 258). However, it is impossible to understand a religious text by simply decomposing it; it is necessary to consider the cultural and historical background.

The word always “carries more information than the consciousness can extract” (Makovsky 2007: 172); therefore, “the culture in a language is characterized by a high degree of metaphoricity” (Dormidontova 2009: 238), and the prophetic discourse is based on the “mythological layer of natural language” (Lotman 2001, Slyshkin 2004, Vorkachev 2014).

The prophetic text is a complex sign with semiotic features, where ethnocultural characteristics are represented through language in the context of a specific historical background embedded in the philosophical and theological paradigm. According to Cassirer, we live “not only in the physical but also in the symbolic universe. Language, myth, art, religion are parts of this universe” (Cassirer 1955: 219). The philosopher considered “symbolic forms” to be an instrument of “encoding” reality (Cassirer 1955: 221). This complex code has different levels and serves as an instrument to interpret cultural texts and their “decryption” (Lotman 2010: 165).

The development of the Internet has reached a new level and now incorporates advanced tools and instruments. “New technologies bring changes in the perception of international, multilingual, and multimodal communication” (Gambier 2019). With this development, purely visual forms have evolved into hybrid forms with media components. Media text presents a combination of linguistic and non-linguistic means – graphic, acoustic, and optical forms of expression highlighting that “texts need a non-linguistic environment to reach the listener, and it is necessary to consider the special conditions of this environment”.

There were attempts in some works to bring together the information obtained by all the disciplines; however, these attempts were limited to the conceptual framework of the religious discourse and especially the prophecies. The task remains unsolved despite a relatively large volume of research on prophetic discourse.

3. Data and methodology

The material for the study was biblical and modern prophecies. As for the biblical texts, the primary sources of the material were the Old and New Testaments of the Synodal Bible in Russian and the King James Version Bible in English. From the Old Testament, four books of Major Prophets and 12 books of Minor Prophets were selected. From The New Testament – the book of Revelation. Modern prophecies are presented by two collections containing 157 texts [Prophecies and

Prophets 2020, The Most Known Prophecies 2003], ten audio recordings from the prophetic sessions of Edgar Cayce (4 hours long) [Edgar Cayce's Readings], 40 videos from YouTube (10 hours long) [Tip Top Channel, Road to God Channel, Into the Unknown Channel], and four articles [Vanga's Prediction of Soviet times 1964, The Open Book of Prophecies by M. Nostradamus] summarizing some of the most popular modern prophecies.

The criteria for selecting the material were flexible. Due to the complexity of biblical texts, it was decided first to select only those biblical books that are officially recognized by the religious community as prophetic. It was also necessary to determine who was considered to be a modern prophet. Among the most famous prophets, many Internet resources include Nostradamus, Vanga, and Edgar Cayce. Since they had a maximum number of links, it was decided to include them in the selection. As for video and audio materials, it was decided to use the video platform YouTube; materials were selected by keywords 'prophecy', 'Biblical prophecy', and 'apocalyptic prophecy'. All types and forms of the act of prophecy recorded both in Canonic religious literature and in modern sources available for analysis and systematization as a result of continuous sampling were considered significant for the study.

The purpose of the research is to identify changes in the forms of prophecy and to establish their specific linguistic characteristics. The selected material determined the methodological basis of this study. It involves using a methodology that allows us to describe the phenomenon itself and identify its ethnocultural specifics. The junction of several fields required the study of the prophetic material through the prism of descriptive, interpretive, contextual, and content analysis. This approach allowed us to consider the ethnocultural specifics of biblical prophetic texts and trace the changes in the ways of presenting the phenomenon of prophecy that have occurred over time.

4. Results

To understand how prophecies changed their original verbal forms through time, it was necessary to start with definitions of the basic terms – prophet and prophecy. A prophet is “a person sent by God to teach people and **give them messages** from God who claims to know what **will happen in the future**” (Oxford Learner's Dictionaries). “A person who speaks by divine inspiration or **as the interpreter** through whom the will of a God is expressed”; “literally, **one who speaks for another**, especially, one who speaks for a God and **interprets** His will to man” (The Collaborative International Dictionary of English), “**an interpreter**, spokesman, especially of the gods” (Etymology dictionary). (Highlighted by the author).

The first and the most crucial thing about biblical prophets is that God has chosen them to be prophets. According to the Bible, those who proclaimed themselves prophets without God's permission were false prophets. The Bible has many stories about prophets; sixteen prophets in the Old Testament wrote books

that now are a part of the Holy Bible; God specially chose them all in almost the same way as shown in Table 1. They form two groups: Minor Prophets and Major Prophets.

Table 1. Minor and Major Prophets in the Old Testament (Bible)

Minor Prophets	
Joel	The word of the LORD that came to Joel the son of Pethuel (Bible (KJV), Joel 1:1)
Jonah	Now the word of the LORD came unto Jonah the son of Amittai (Bible (KJV), Jonah 1:1)
Amos	The words of Amos, who was among the herdmen of Tekoa, which he saw concerning Israel in the days of Uzziah king of Judah, and in the days of Jeroboam the son of Joash king of Israel, two years before the earthquake (Bible (KJV), Amos 1:1)
Hosea	The word of the LORD that came unto Hosea, the son of Beeri, in the days of Uzziah, Jotham, Ahaz, and Hezekiah, kings of Judah, and in the days of Jeroboam the son of Joash, king of Israel (Bible (KJV), Hosea 1:1)
Micah	The word of the LORD that came to Micah the Morasthite in the days of Jotham, Ahaz, and Hezekiah, kings of Judah, which he saw concerning Samaria and Jerusalem (Bible (KJV), Micah 1:1)
Zephaniah	The word of the LORD which came unto Zephaniah the son of Cushi, the son of Gedaliah, the son of Amariah, the son of Hizkiah, in the days of Josiah the son of Amon, king of Judah (Bible (KJV), Zephaniah 1:1)
Nahum	The burden of Nineveh. The book of the vision of Nahum the Elkoshite (Bible (KJV), Nahum 1:1)
Habakkuk	The burden which Habakkuk the prophet did see (Bible (KJV), Habakkuk 1:1)
Obadiah	The vision of Obadiah (Bible (KJV), Obadiah 1:1)
Haggai	In the second year of Darius the king, in the sixth month, in the first day of the month, came the word of the LORD by Haggai the prophet unto Zerubbabel the son of Shealtiel, governor of Judah, and to Joshua the son of Josedech, the high priest, saying (Bible (KJV), Haggai 1:1)
Zechariah	In the eighth month, in the second year of Darius, came the word of the LORD unto Zechariah, the son of Berechiah, the son of Iddo the prophet, saying (Bible (KJV), Zechariah 1:1)
Malachi	The burden of the word of the LORD to Israel by Malachi (Bible (KJV), Malachi 1:1)
Major Prophets	
Isaiah	The vision of Isaiah the son of Amoz, which he saw concerning Judah and Jerusalem in the days of Uzziah, Jotham, Ahaz, and Hezekiah, kings of Judah (Bible (KJV), Isaiah 1:1)
Jeremiah	The words of Jeremiah the son of Hilkiyah, of the priests that were in Anathoth in the land of Benjamin: To whom the word of the LORD came in the days of Josiah the son of Amon king of Judah, in the thirteenth year of his reign (Bible (KJV), Jeremiah 1:1-2)
Daniel	Daniel had understanding in all visions and dreams (Bible (KJV), Daniel 1:17)
Ezekiel	The word of the LORD came expressly unto Ezekiel the priest, the son of Buzi, in the land of the Chaldeans by the river Chebar; and the hand of the LORD was there upon him (Bible (KJV), Ezekiel 1:3)

Thus, Table 1 shows some essential characteristics of the prophets from these definitions at the beginning of their existence. They are:

1) divine inspiration

All the prophets had a supernatural experience receiving the message (voice, visions, or dreams).

2) transferring and interpreting messages from God to guide people

All the prophets' messages had a clear purpose – to inform kings or people about their sins and consequences. The prophet was there to interpret God's word and make it straightforward for those to whom it came.

3) predicting the future

It was never the primary function of any prophet in the Old Testament. More often, the prophecy explained why something was happening and what could happen if people did not obey God.

Almost all the prophets in the Bible fit this description, except in some exceptional cases.

A modern prophet is no longer a guide or a teacher of God's will; this function and the function of the interpreter of the messages coming from God became secondary; now, he only predicts the future. This is the modern definition: "a person who predicts the future" (Cambridge Dictionary).

Throughout history, there were always people who claimed that they could see the future; the official churches ignored or even denied them. All these people claim to have a supernatural experience, a divine inspiration. Nowadays, the source of this inspiration does not matter; the personality of the self-proclaimed prophet has become more critical. That is why a definition modern definition of a prophet is "a person or thing that predicts future astrologer, augur, auspex, bard, clairvoyant, diviner, druid, evocator, forecaster, fortuneteller, haruspex, horoscopist, magus, medium, meteorologist, oracle, ovate, palmist, predictor, prognosticator" (New Thesaurus). So now, the prophet acquired mystical, magical, and even occult meanings. It is not necessarily a person anymore; it can be an animal or even a thing. In addition, there is another common thing between all the modern prophets; almost all of them predict wars, catastrophes, and the apocalypse. The interpretative analysis allowed us to obtain summarized changes in the personality of the prophet that are presented in Table 2.

Table 2. Changes in the Prophets' Image

Biblical prophets Image	Modern prophets Image	Changes
Divine inspiration	Supernatural experience	Different people can name various sources of their abilities, from God to the universe or even aliens
Transferring and interpreting messages from God to guide people	No longer a function	The first and the most crucial function of biblical prophets does not exist anymore
Predicting the future	Apocalyptic	All the modern and relatively modern prophecies are apocalyptic by their nature

At first, prophecy was “an inspired utterance of a prophet, viewed as a revelation of divine will, an inspired message or prediction transmitted orally or in writing, a message of divine truth revealing God's will, and the act of uttering such a message” (The Free Dictionary).

Prophecy in its original meaning always had three parts – one part stated the problem (why this word came to people), the second part had the instructions (what to do or not to do), and the third part described consequences (what will happen if people ignore the problem and instructions):

Here is the fragment of the Isaiah prophecy. It starts with a **problem**:

- (1) *“Hear, O heavens, and give ear, O earth: for the LORD hath spoken, I have nourished and brought up children, and **they have rebelled against me**. The ox knoweth his owner, and the ass his master's crib: but Israel doth not know, my people doth not consider. Ah sinful nation, a people laden with iniquity, a seed of evildoers, children that are corrupters: **they have forsaken the LORD, they have provoked the Holy One of Israel unto anger, they are gone away backward**” (Bible (KJV), Isaiah 1:2–4).*

Isaiah's preaching began “in the year that King Uzziah died” (Bible (KJV), Isaiah 6:1) about 740 BC. When Isaiah carried out his prophetic mission, intended primarily for the inhabitants of Judea, there were four kings on the throne. Three kings were faithful to God, but Ahaz, the son of Jotham, was one of the most wicked among the Jewish kings; he went so far that he even sacrificed his children to idols. The prophet's speech, presented in the first chapter, was delivered in the reign of Ahaz. These verses are an accusation against Judas. Isaiah, the messenger of God, called heaven and earth so that they too, would be horrified by the Jews' infidelity. Through the religious and civil laws God gave to His people and by putting them in a special relationship with Himself and performing miracles, which other nations were amazed at, He proved His love. However, they rebelled, and under Ahaz, they worshipped pagan idols and ignored the words of those whom God sent to them with warnings.

Then there are **instructions**:

- (2) *“**Wash you, make you clean; put away the evil of your doings from before mine eyes; cease to do evil; Learn to do well; seek judgment, relieve the oppressed, judge the fatherless, plead for the widow**” (Bible (KJV), Isaiah 1:16-17)*

Isaiah calls on people to be cleansed through repentance, i.e., not only to stop doing evil in the eyes of the Lord but also to learn to do good (repentance implies a change of mindset and actions). The Jews mistakenly believed they could continue to live as they liked as long as they “compensated” for their vicious lifestyle with sacrifices. They did not so much believe in God as in the power of a religious ritual. Only if the repentance of the Jews is sincere and effective will they be able to get closer to God.

Next come the **consequences**:

- (3) *“But **if ye refuse and rebel, ye shall be devoured with the sword**: for the mouth of the LORD hath spoken it” (Bible (KJV), Isaiah 1:20)*

He accused his fellow tribesmen on behalf of God, and on His behalf, he offered them a choice: complete forgiveness for those who repent or a harsh judgment for those who persist in disobedience.

The exact structure we can see in the prophecy of Jeremiah:

- (4) *(problem) “Be astonished, O ye heavens, at this, and be horribly afraid, be ye very desolate, saith the LORD. For **my people have committed two evils**; they have forsaken me the fountain of living waters and hewed them out cisterns, broken cisterns, that can hold no water (Bible (KJV), Jeremiah 2:12–13)*

Jeremiah's ministry spans the final five decades of Jewish history. He was called from above in 627 BC, during the reign of Josiah, the last of the pious kings of Judea. After the previous 55-year reign of the wicked king Manasseh, the predecessor of Josiah, the country continued to be in the grip of idolatry, which deeply disturbed Josiah and prompted him to take decisive action to cleanse the country and the people from paganism. However, Josiah failed to implement his plan, and after his sudden death, the people returned to the path of idolatry and impiety.

- (5) *(instructions) Go and proclaim these words toward the north, and say, **Return, thou backsliding Israel**, saith the LORD (Bible (KJV), Jeremiah 3:12)*

The Lord wholeheartedly wishes him only the best, but people's sins have made it impossible to receive all His blessings. Therefore, God calls them to repent and confess their sins.

- (6) *(consequences) **and I will not cause mine anger to fall upon you**: for I am merciful, saith the LORD, and I will not keep anger forever” (ibid)*

The prophet Jeremiah also grieved over the death of the reformer king. Very soon, he witnessed such a development of events as he had expected and feared: the reforms undertaken by Josiah began to wear out quickly. This prophet knew that true healing would happen only at the cost of bitter disappointments, sorrows, and punishments.

Even in the last book of the Bible – Revelation –, that is one of the exceptional cases because Johan was not a prophet per se; however, in his prophetic message to seven churches, we see the same structure (Table 3).

Table 3. A Message to Seven Churches in the Book of Revelation (Bible)

Church	Problem	Instructions	Consequences
Unto the angel of the church of Ephesus write (Bible (KJV), Revelation 2:1–5)	Nevertheless, I have somewhat against thee, because thou hast left thy first love	Remember therefore from whence thou art fallen, and repent, and do the first works	or else I will come unto thee quickly and will remove thy candlestick out of his place, except thou repent.
And unto the angel of the church in Smyrna write (Bible (KJV), Revelation 2:8–10)	I know the blasphemy of them which say they are Jews and are not but are the synagogue of Satan	Fear none of those things which thou shalt suffer: behold, the devil shall cast some of you into prison, that ye may be tried; and ye shall have tribulation ten days: be thou faithful unto death	and I will give thee a crown of life
And to the angel of the church in Pergamos write (Bible (KJV), Revelation 2:12–16)	I have a few things against thee because thou hast there them that hold the doctrine of Balaam, who taught Balac to cast a stumblingblock before the children of Israel, to eat things sacrificed unto idols, and to commit fornication. So hast thou also them that hold the doctrine of the Nicolaitans, which thing I hate	Repent	or else I will come unto thee quickly and will fight against them with the sword of my mouth
And unto the angel of the church in Thyatira write (Bible (KJV), Revelation 2:18–23)	Notwithstanding I have a few things against thee, because thou sufferest that woman Jezebel, which calleth herself a prophetess, to teach and to seduce my servants to commit fornication, and to eat things sacrificed unto idols	And I gave her space to repent of her fornication; and she repented not	Behold, I will cast her into a bed, and them that commit adultery with her into great tribulation, except they repent of their deeds. And I will kill her children with death; and all the churches shall know that I am he which searcheth the reins and hearts: and I will give unto every one of you according to your works
And unto the angel of the church in Sardis write (Bible (KJV), Revelation 3:1–3)	Be watchful, and strengthen the things which remain, that are ready to die: for I have not found thy works perfect before God	Remember therefore how thou hast received and heard, and hold fast, and repent	If therefore thou shalt not watch, I will come on thee as a thief, and thou shalt not know what hour I will come upon thee

Church	Problem	Instructions	Consequences
And to the angel of the church in Philadelphia write (Bible (KJV), Revelation 3:7–10)	Behold, I will make them of the synagogue of Satan, which say they are Jews, and are not, but do lie; behold, I will make them to come and worship before thy feet, and to know that I have loved thee	Behold, I come quickly: hold that fast which thou hast, that no man take thy crown	Because thou hast kept the word of my patience, I also will keep thee from the hour of temptation, which shall come upon all the world, to try them that dwell upon the earth
And unto the angel of the church of the Laodiceans write (Bible (KJV), Revelation 3:14–16)	I know thy works, that thou art neither cold nor hot: I would thou wert cold or hot	As many as I love, I rebuke and chasten: be zealous therefore, and repent	So then because thou art lukewarm, and neither cold nor hot, I will spue thee out of my mouth

From Table 3, we can see that John addresses the book to seven churches in the Roman province of Asia. This province was located in Asia Minor (modern Turkey). There are similarities in the construction of these messages. Each of them begins with a greeting to each church personally; each represents the Lord Jesus in the image most suitable for this particular church; each notes that He knows the affairs of this church, as indicated by the word “I know”. The words of praise are addressed to all churches except Laodicea; the reproach sounds to all except the Philadelphia and Smyrna churches. A particular exhortation is addressed to each church to hear what the Spirit says, and each message contains a unique promise for the conqueror.

Thus, although the original prophecies had a metaphorical component, those symbols were understandable for people, and the prophet's purpose was to transfer God's will and commands. The recipient did not have to interpret the message; this function belonged to the prophet.

Since “the processes of conceptualization and interpretation of the world are carried out in the context of a certain culture and language, which gives cognition a culturally deterministic character. The ethnocultural conditionality of cognition is most fully reflected in metaphor since the process of thinking is metaphorical and is based on correspondences in experience, which is also culturally specific” (Kozlova 2020). Throughout time, people tried preserving the form and the content, considering biblical text sacred and inspired by God. However, for other ethnic groups far from the history of Jews, all those symbols acquired an additional metaphorical layer. For example, when the prophet compares Israel with Sodom and Gomorra, for Jews it is the cities that God destroyed because of their sins. For non-Jewish cultures, the translation of this part will evoke the metaphorical image of Sodom and Gomorra as a symbol of something bad, unclean, and messy. “Several translations made in recent decades are characterized by a pronounced pragmatic orientation, which in some cases leads to a significant neutralization of the national-cultural specifics of the reality or its adaptation to the appropriate

cultural environment, the degree of the permissibility of which in some cases seems controversial” (Khukhuni, Valuitseva, Osipova 2019).

The prophecies of Nostradamus, a famous French astrologist of the sixteenth century, perhaps due to their remoteness in time, are the closest in format to the biblical prophecies. “In 1538, an offhanded remark about a religious statue resulted in charges of heresy against Nostradamus. When ordered to appear before the Church Inquisition, he wisely chose to leave the Province to travel for several years through Italy, Greece, and Turkey. During his travels to the ancient mystery schools, it is believed that Nostradamus experienced a psychic awakening” (ENA, March 11, 2024)¹. His prophecies were created and preserved in written form. He wrote a book called “The Prophecies,” which still causes many arguments among researchers and followers.

(7) 35

*The **young lion** will overcome the older one,
in a field of combat in single fight:
He will pierce his eyes in their golden cage;
two wounds in one, then he dies a cruel death.*

38

*The Sun and the **Eagle** will appear to the victor.
An empty answer assured the defeated.
Neither bugle nor shouts will stop the soldiers.
Liberty and peace, if achieved in time through death (Internet Sacred
Text Archive)*

The text retains its metaphorical layer and polysemy. It is believed that the future of all mankind is encrypted in them, but the quatrains could not be deciphered for a long time. Most of Nostradamus' quatrains could be more comprehensible to the uninitiated, incoherent sentences and calculations. There has yet to be a version of the decoding of Nostradamus. The names of animals – lion, eagle – often denote countries and peoples associated with these animals or those whose coats of arms contain their images. For example, the eagle could point to Napoleon, whose troops carried banners and standards with the image of an eagle.

The prophecies of Nostradamus cannot be attributed to modern prophecies since they were written in the 16th century. However, in the modern Internet, the contradictory text of this book has generated a considerable amount of media content with numerous images and interpretations. Nostradamus's prophecies are incomprehensible, contradictory, and confusing in that they can be interpreted as one likes.

5. Discussion

As the result showed, biblical prophecy usually had three parts – the reason or the problem, the instructions, and the punishment or consequences for disobeying.

---

¹ <https://www.biography.com/>

The following examples represent the changed structure of modern prophecies. One is a blind mystic Baba Vanga², known as “Nostradamus from the Balkans”.

- (8) **“Horror, horror! The American brethren will fall after being attacked by the steel birds. The wolves will be howling in a bush, and innocent blood will be gushing”** (*The Sun*).

Edgar Cayce, the American mystic, “healer”, and medium, author of thousands of stenographically recorded answers to many different questions, starting with diagnoses and recipes for patients and information about the reasons for the downfall of former civilizations (Edgar Cayce’s A.R.E). He made most of the audio recordings in a trance state, resembling sleep; people called him “the Sleeping Prophet”.

- (9) *“The earth will be broken up in many places. The early portion will see a change in the physical aspect of the west coast of America. There will be open waters appearing in the northern portions of Greenland. There will be new lands seen off the Caribbean Sea, and dry land will appear. There will be the falling away in India of much of the material suffering that has been brought on troubled people. There will be the reduction of one risen to power in central Europe to naught. The young king’s son will soon reign. In America, in the political forces, we see a re-stabilization of the powers of the peoples in their own hands, a breaking up of the rings, the cliques in many places...”* (*ibid*).

As we can see from these examples (8–9), they are very far from the biblical prophecies that we described above. However, they look very similar to the most mystical book in the Bible – Revelation. The Revelation of John or Apocalypse (from Greek – revelation) is the last book of the Bible and the only prophetic book in the New Testament. John was not a prophet per se; he was one of the twelve disciples of Jesus Christ; almost at the end of his life, he got this revelation as a vision of what would happen:

- (10) *“The Revelation of Jesus Christ, which God gave unto him, to shew unto his servants things which must shortly come to pass; and he sent and signified it by his angel unto his servant John: Who bare record of the word of God, and the testimony of Jesus Christ, and of all things that he saw”* (*Bible (KJV), Revelation 1:1–2*).

Therefore, the purpose of Revelation from the very beginning was **to predict the future**. The book of Revelation is full of symbols with deep symbolic meaning. Many scientists and interpreters are trying to decode the meaning hidden in the text.

All symbols from Revelation and the interpretation of their meaning are still evoking many arguments. With the development of the TV industry, movie making, and especially the Internet, some have become iconic. There are a lot of movies, TV programs, and YouTube videos representing modern prophecies.

---

² She lost her eyesight during the storm and claimed to hear voices and predict the future afterward. She became famous; her followers claim that 80-85% of what she predicted has already happened.

Here are some symbols from the Revelation that are very popular nowadays: Dragon (Satan) (Bible (KJV), Revelation 19:9); Horsemen of the Apocalypse (Bible (KJV), Revelation 6:1–8); The Mark of the Beast – 666 (Bible (KJV), Revelation 13:17–18).

The Mark of the Beast is one of the most famous symbols on the Internet; it went from a biblical prophetic text to an audiovisual product. The modern prophecy based on apocalyptic predictions is a complex phenomenon. A linguacultural code gives a vast space for interpretation. If a human “interpreter” participates in the communication process, the unambiguity of the information disappears, and it turns into a “world of meaning”. As a result, communicative systems become conventional with a continuous process of signification. Here are examples of the interpretive fan translation of the Mark of the Beast from English to Russian over the past years (Table 4):

Table 4. The Modern Interpretations of the Mark of the Beast on the Russian Internet

Modern Interpretation	Definition	Biblical Text
Digital Documents	The personal number assigned to every human	no one could buy or sell unless he had the mark (Bible (KJV), Revelation 13:17–18)
Barcode	Three long lines in every barcode form the number 666	
Passport with the electronic chip	The personal number assigned to every human	
Plastic bank card with an electronic chip	The personal number assigned to every human	
Covid-19 vaccination	The unknown substance to control people	to receive a mark on their right hand or on their forehead (Bible (KJV), Revelation 13:17–18)

Verbal components of the prophetic text combined with non-verbal ones, such as music, graphics, and apocalyptic images create the necessary environment and emotional effect. Often the prophetic texts are supplemented with audiovisual aspects by admirers of this genre or amateurs, so to some extent, this activity has passed into the category of creativity. The pragmatics of modern prophecy in the form of an audiovisual product are aimed at creating an emotional effect to attract the attention of a larger audience and increase viewings. The authenticity of the prophecy or the correctness of the interpretation does not matter much. The message formed by the modern prophet has lost its imaginative diversity and has become a simplified sign system with minimal expressive means. When it transforms and passes from text to audiovisual product, the creator of the audiovisual content reinterprets it.

6. Conclusion

The study aimed to demonstrate the evolution of the form of a biblical prophecy. The findings showed that it went from a written text to an audiovisual

Internet product over time. The results showed that the concept of the prophet and the prophecy changed its essential characteristics. Initially, the biblical prophet had to be chosen by God and experience divine inspiration. The prophet's functions were to interpret God's word and teach and guide people. The prophecy had three parts: it stated the problem, contained the instructions, and described the consequences for disobeying. Predicting the future without interpretation was never the most crucial part of it.

The results showed that with the development of technologies and mass media communication, modern prophecies evolved in the audiovisual Internet product that implies both linguistic and non-linguistic means. The biblical prophecies have only verbal-linguistic components. Modern prophecies present as a combination of verbal and non-verbal signs. Followers, believers, and amateurs got an opportunity to share their interpretations on the Internet. The most obvious change that was revealed as a result of the study is, on the one hand, a significant simplification of linguistic and semantic content with a significant complication of the form and methods of expression of modern prophecies with the help of numerous audiovisual tools.

References

- Bilá, Magdalena & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Bobyreva, Ekaterina. 2007. Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya) (*Religious discourse: Values, genres, strategies (based on the Orthodox Christianity)*). Volgograd: Peremena. (In Russ.).
- Dormidontova, Olga. 2009. Codes of culture and their role in the linguistic picture of the world (On the Gastronomic Code in Russian and French Linguocultures). *Bulletin of TSU* 9 (77). 201–205.
- Delabastita, Dirk. 1988. *Translation and Mass-Communication: Film and TV Translation as Evidence of Cultural Dynamics*. Leuven: Katholieke Universiteit.
- Gambier, Yves. 2019. Impact of technology on translation and translation studies. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 344–361.
- Ilyin, Mikhail & Ivan Fomin. 2018. Social Semiotics: Paths towards integrating social and semiotic knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal* 25 (4). 123–141. (In Russ.).
- Karasik, Vladimir. 2002. Yazykovoï krug: lichnost', koncepty, diskurs (*Language circle: Personality, concepts, discourse*). Volgograd: Peremena (In Russ.).
- Khukhuni, Georgy, Irina Valuitseva & Anna A. Osipova. 2019. Cultural words in sacral text and their translation: Linguistic and extra-linguistic factors. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 487–508. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508>
- Kiklewicz, Aleksander. 2022. Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between Pragmatics and Semantics. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 139–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>
- Kozlova, Lyubov. 2020. A Metaphor as the refecation of culture-determined cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925>
- Laluev, Vladimir. 2012. To the definition of the concept of “Prophecy”. *World of Science, Culture, Education* 5 (36). 3–5. (In Russ.).

- Lotman, Juri. 2010. *Semiosphere*. Spb.: Art-Spb. (In Russ.).
- Makovsky, Mark. 2007. *Linguistic Genetics: Problems of Word Ontogenesis in Indo-European Languages*. Moscow: URSS. (In Russ.).
- Pashkov, Sergey. 2020. God and emotions: Experience of emotive analysis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 449–466. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-449-466>
- Proskurin, Sergey & Anastasia Raikova. 2012. On the origins of the formation of the Comparative Historical Method of research in Semasiology. The concept of a Conceptualized Domain. *Bulletin of Siberian Science* 3 (4). 258–263. (In Russ.).
- Slyshkin, Gennady. 2004. Lingvokul’turnye kontsepty i metakontsepty (*Linguistic-cognitive concepts and metaconcepts*). Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.).
- Vorkachev, Sergey. 2014. Voploshchenie smysla: conceptualia selecta (*The embodiment of meaning: Conceptualia selecta*). Volgograd, Paradigma Publ. (In Russ.).

Dictionaries and Internet Resources

- Cambridge Online Dictionary (<https://dictionary.cambridge.org/>) (accessed 10 November 2021)
- Etymology Online Dictionary (<https://www.etymonline.com/>) (accessed 13 November 2021)
- Oxford Learner’s Dictionaries (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>) (accessed 15 November 2021)
- The Collaborative International Dictionary of English (<https://gcide.gnu.org.ua/>) (accessed 15 November 2021)
- The Free Dictionary (<https://www.thefreedictionary.com/prophecy>) (accessed 15 November 2021)
- Edgar Cayce’s A.R.E. (<https://www.edgarcayce.org/>) (accessed 10 November 2021)
- Edgar Cayce’s Readings. (<https://newgoal.ru/edgar-cayce-readings/>) (accessed 10 November 2022)
- Holy Bible King James Version (KJV) (<https://www.kingjamesbibleonline.org/>) (accessed 13 November 2021)
- Internet Sacred Text Archive (<https://www.sacred-texts.com/nos/index.htm>) (accessed 13 November 2021)
- Into the Unknown Channel (<https://www.youtube.com/watch?v=M4p0Y8jg>) (accessed 16 November 2021)
- New Thesaurus (https://new_thesaurus.en-academic.com/) (accessed 13 November 2021)
- Nostradamus (<https://www.biography.com/scholar/nostradamus>) (accessed 13 November 2021)
- Prophecies and Prophets. 2020. (https://inforeactor.ru/23926357-prorochestva_iz_pal_movoi_biblioteki) (accessed 12 November 2022)
- Road to God Channel (https://www.youtube.com/watch?v=GVAKkw_I) (accessed 17 November 2021)
- Tip Top Channel (https://www.youtube.com/watch?v=m2Uvw_VJXI) (accessed 13 November 2021)
- The Most Known Prophecies. 2003. (<https://www.universalinternetlibrary.ru/book/37859/ogl.shtml>) (accessed 18 November 2021)
- The Open Book of Prophecies by M. Nostradamus. (<https://knowledgebook.ru/magic/astrologiya/otkrytaya-kniga-prorochestv-mnostradamusa/>) (accessed November 2021)
- The Sun (<https://www.thesun.co.uk/news/3371876/blind-mystic-baba-vanga-predictions-brexit-putin-syria/>) (accessed 15 November 2021)
- Vanga’s Prediction of Soviet times. 1964. (<https://imperialcommiss.livejournal.com/43715.html>) (accessed 18 November 2021)

Article history:

Received: 29 January 2023

Accepted: 7 February 2024

Bionotes:

Andrey G. FOMIN is Doctor Habil. in Philology, Professor, Head of the Laboratory for Cognitive Studies and Computational Linguistics, and Professor of the Department for Translation Studies and Linguistics at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Russia. His research interests embrace discourse analysis and translation studies, intercultural communication, cognitive linguistics, and psycholinguistics.

e-mail: andfomin67@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Nadezhda S. KARACHEVA holds a PhD in International Politics and is a Senior Researcher at the Laboratory for Cognitive Studies and Computational Linguistics, Kemerovo State University, Russia. Her research interests include discourse analysis and translation studies, intercultural communication, cognitive linguistics, and psycholinguistics.

e-mail: ns_karacheva@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-3213-7210>

Сведения об авторах:

Андрей Геннадьевич ФОМИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией когнитивных исследований и компьютерной лингвистики, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета, Россия. В сферу его научных интересов входят дискурс-анализ, переводоведение, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика и психолингвистика.

e-mail: andfomin67@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Надежда Сергеевна КАРАЧЕВА – PhD в сфере международной политики, старший научный сотрудник Лаборатории когнитивных исследований и компьютерной лингвистики Кемеровского государственного университета, Россия. Ее научные интересы включают дискурс-анализ, переводоведение, межкультурную коммуникацию, когнитивную лингвистику и психолингвистику.

e-mail: ns_karacheva@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-3213-7210>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35049>

EDN: EQVIJU

Research article / Научная статья

Structure and dynamics of communicative interaction between a potential patient and a doctor during written medical Internet consultation

Liliya R. KOMALOVA

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
komalova@inion.ru*

Abstract

Due to the increased pace of digitalization in all areas of life, including medicine, more citizens can receive qualified medical care. The period of the COVID-2019 pandemic has clearly demonstrated that telemedicine is becoming a relevant area of medical practice. In particular, the role of online consultation in medical communication is significantly increasing. In this regard, medical network discourse becomes the focus of scholarly interest. Our research is aimed at verifying the scenario of medical consultations on medical online forums. The research material includes 5259 messages in Russian from 2018–2023 as part of 60 medical consultations on cardiology on *rusmedserv* Internet forum. The empirical study design included the collection and structuring of research material by means of corpus methods; the data were described, systematized and generalized; the qualitative interpretation of the data was carried out on the basis of the communicative and pragmatic method of analysis developed by Issers (2008). It was found that the dynamics and structure of medical consultations are generally maintained while a doctor and a potential patient are interacting through an Internet forum. The obtained data also confirm the findings presented in academic literature on “doctor – patient” communication via Internet forums. The results of the research contribute to the understanding of written medical Internet consultation proving that it unfolds inconsistently, but recurrently; the communication innovations mainly relate to the dynamics of communication scenario during medical Internet consultation deployment. The obtained results may contribute to the development of a more effective “patient – doctor” communication model focused on the mission of telemedicine.

Keywords: *doctor – patient communication, virtual medical visit, remote / net consultation, communicative scenario, telemedicine, communication tactics, medical discourse*

© Liliya R. Komalova, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Komalova, Liliya R. 2024. Structure and dynamics of communicative interaction between a potential patient and a doctor during written medical Internet consultation. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 338–364. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35049>

Структура и динамика коммуникативного взаимодействия в паре «потенциальный пациент – врач» в рамках письменной консультации на интернет-форуме

Л.Р. КОМАЛОВА

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

 komalova@inion.ru

Аннотация

В связи с возросшими темпами цифровизации во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в медицине, больше граждан могут получать квалифицированную медицинскую помощь. При этом период пандемии COVID-2019 наглядно продемонстрировал, что телемедицина становится актуальной сферой врачебной практики; в частности, существенно возрастает роль интернет-консультации в медицинской коммуникации. В связи с этим медицинский сетевой дискурс становится объектом научных исследований. Проводимое нами исследование нацелено на верификацию сценария медицинской консультации в рамках медицинского интернет-форума. Материалом послужили 5259 сообщений на русском языке за 2018–2023 год в рамках 60 медицинских интернет-консультаций по теме «кардиология» на интернет-форуме [rusmedserv](https://rusmedserv.ru). В ходе эмпирического исследования сбор и структурирование исследовательского материала проводились с помощью корпусных методов; материал подвергался дескриптивному и дискурсивному анализу, систематизации и обобщению. Качественная интерпретация полученных данных проводилась с опорой на коммуникативно-прагматический метод анализа О.С. Иссерс (2008). Было выявлено, что при взаимодействии между врачом и потенциальным пациентом посредством интернет-форума в целом сохраняются динамика и структура медицинской консультации. На исследованном материале также подтверждаются особенности интернет-коммуникации между врачом и пациентом, представленные в научной литературе. Результаты дополняют представления о письменной медицинской интернет-консультации знаниями о том, что она разворачивается не последовательно, а рекуррентно. Выявленные коммуникативные новации в основном относятся к динамике развертывания сценария медицинской интернет-консультации. Полученные результаты могут способствовать разработке более эффективной коммуникативной модели «пациент – врач», ориентированной на задачи телемедицины.

Ключевые слова: *коммуникация между врачом и пациентом, интернет-консультация, коммуникативный сценарий, телемедицина, коммуникативная тактика, медицинский дискурс*

Для цитирования:

Комалова Л.Р. Структура и динамика коммуникативного взаимодействия в паре «потенциальный пациент – врач» в рамках письменной консультации на интернет-форуме. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 338–364. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35049>

1. Введение

Общеизвестно, что эффективность терапии зависит от того, насколько врач и пациент понимают друг друга и стремятся к совместному решению проблемы. В связи с этим следует упомянуть изречение средневекового ученого, философа и врача Авиценны: *Нас трое. Ты, я и твоя болезнь. От того, чью сторону ты выберешь, зависит результат. Если ты выберешь сторону твоей болезни, я не смогу вас двоих одолеть.* При этом результаты исследований компетенций врачей указывают на то, что одной из основных причин неблагоприятных медицинских исходов в паре «врач – пациент» является неэффективная коммуникация (Burne & Long 1976, Stewart et al. 2013). По мнению И.Ю. Шестухиной, коммуникация врача и пациента будет считаться успешной, если информация, которую получил врач от пациента (данные анамнеза, жалобы), позволила определить необходимый перечень диагностических мероприятий, назначить соответствующую схему лечения и определить те или иные меры профилактики, а информация, которую получил от врача пациент, позволила ему понять характер и причины развития своего заболевания, а также необходимость лечения и мероприятий по профилактике обострений (Шестухина 2021: 95).

Коммуникация между врачом и пациентом обычно реализуется в устной беседе во время личного приема. Первичный и последующие приемы осуществляются по коммуникативному сценарию «описание ситуации (жалобы) → диагностика¹ (расспрашивание) → постановка диагноза (заключение) → терапия (предписания, рекомендации)». Коммуникативная инициатива в основном принадлежит врачу, который ведет диалог по определенному алгоритму. «Речевая партия пациента, напротив, отличается непредсказуемостью речевого поведения, широкой вариативностью всех языковых средств» (Шестухина 2021: 92). Коммуникация в паре «врач – пациент» носит характер иерархической, т.к. пациент обращается к врачу как к специалисту в вопросах здоровья, врач выступает в роли «представителя коммуникативной и социальной власти» (Жура 2012), что предполагает исполнение пациентом указаний врача. Врач делится медицинскими знаниями применительно к ситуации пациента, отвечая на вопросы пациента, связанные с зоной незнания пациента (см., например, Locher 2006). В этом смысле коммуникацию между врачом и пациентом можно назвать консультацией.

---

¹ Этот этап может длиться несколько приемов, т.к. проводится клиническая диагностика с опорой на физиологические показатели, требующая обращения к другим специалистам и медицинским работникам.

Как правило, маркерами эффективности медицинской консультации служат показатели удовлетворенности пациента ответами врача, проявление эмпатии со стороны врача по отношению к пациенту, формирование доверительного отношения к врачу. Отмечается, что эти факторы увеличивают приверженность пациента к терапии² (Harrigan & Oxman 1985). В ряде случаев исследователи признают пациентоориентированную модель коммуникации более эффективной (Маджаева 2011, Шабанова и др. 2016, Трушкин 2018).

С расширением возможностей сферы здравоохранения больше граждан могут получить квалифицированную медицинскую помощь. При этом период пандемии COVID-2019 наглядно продемонстрировал, что телемедицина становится актуальной сферой врачебной практики, в частности, ее консультативной составляющей. В связи с этим медицинский сетевой дискурс становится объектом научных исследований (см, например: (Дзараева, Рогожникова 2014, Ахнина, Макарова, Юрманова 2018, Макарова 2020)). Исследование А.А. Алексеевой на материале сайта health.ru показало, что в письменной интернет-коммуникации между врачом и пациентом преобладают коммуникативные тактики совета и констатации факта, которые сохраняют коммуникативную дистанцию и позволяют врачу выступать в роли посредника между пациентом и медицинскими знаниями (Алексеева 2017). Н.В. Давыдова и Е.В. Дьяченко указывают на то, что интернет-опосредованная коммуникация позволяет пациенту подробнее описать свое физиологическое состояние и снизить уровень эмоционально-психологической напряженности (Давыдова, Дьяченко 2019). Другие исследователи отмечают, что отсутствие персонализированного подхода вызывает в целом неудовлетворенность общением между врачом и пациентом (Болучевская, Павлюкова 2011, Сонькина 2015, Zummo 2015).

В исследовании Г. Йумефьёрда и соавторов (Umeåfjörda et al. 2006) на основе опроса 1223 пользователей интернет-сервиса «Ask the Doctor» было выявлено, что респонденты на форуме задают вопросы, которые еще не обсуждали со своим лечащим врачом, и в половине случаев получают исчерпывающий ответ, который снимает потребность дальнейшего обращения к врачу. Положительной чертой подобного сервиса является реализация асинхронной коммуникации, которая предоставляет возможность неоднократно обращаться к письменному ответу и как следует его обдумать. В исследовании М. Камински и соавторов (Kamiński et al. 2020) на основе анализа 2717 тем на интернет-форумах было выявлено, что пользователи чаще всего просят провести диагностику (66,8%), описать возможный план лечения (38,9%) или проинтерпретировать результаты инструментально-клинического обследования (11,3%) Р. Бернарди и Ф.Ф. Ву (Bernardi & Wu 2022) указывают на то, что пациенты, осведомившиеся о своих заболеваниях в интернет-источниках,

---

² Приверженность пациента терапии в профессиональной коммуникации врачей принято обозначать понятием «комплаенс» – добровольное согласие и желание пациента следовать предложенному плану лечения.

проявляют большую агентивность во взаимодействии с врачом и большую активность при заботе о своем здоровье. Ф.А. Стивенсон и Э. Мюррей (Stevenson & Murray 2021) подтверждают, что обращение к интернет-источникам помогает пациентам освоиться в предмете коммуникации, четче формулировать запрос и тем самым повысить шансы на успешную терапию. М. Зуммо (Zummo 2015) на основе анализа 1005 обсуждений между врачами и пациентами приходит к выводу о том, что коммуникация на интернет-сервисах отличается от очного приема врача, формируя новую модель взаимоотношений между врачом и пациентом. Результаты исследования анкет 446 врачей и пациентов подтверждают, что онлайн-опыт пациентов оказывает весомое влияние на процесс лечения, а также способствует улучшению коммуникации между врачами и пациентами (Peng et al. 2020).

Мы полагаем, что оценивать успешность медицинской консультации на интернет-форуме следует с опорой на прагматические показатели коммуникации, т.к. прагматический уровень языка соотносится с целевым и интенциональным показателями коммуникации. В качестве единицы исследования мы выбрали коммуникативную тактику. Вслед за О.С. Иссерс (2008) под стратегией мы понимаем «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего (“глобального намерения”, по ван Дейку)», а под тактикой «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» (Иссерс 2008: 109–110). Намерения пациента получить медицинскую помощь, а врача – оказать помощь заболевшему человеку определяют стратегии, актуализуемые в ходе коммуникации между врачом и пациентом. «Речевое воздействие врача на пациента преследует цели когнитивного и коммуникативного плана: изменить представления о заболевании в картине мира пациента, убедить в необходимости определенного метода лечения, создать атмосферу психологического комфорта, вызвать доверие к себе как к профессионалу»³.

Проводимое нами исследование нацелено на верификацию сценария медицинской консультации «описание пациентом ситуации обращения к врачу → диагностика врачом симптомов и причин заболевания → постановка врачом диагноза → назначение терапии» в рамках медицинского интернет-форума. Ставятся следующие исследовательские вопросы.

- Соблюдается ли в консультации на интернет-форуме последовательность и составные части реализации данного сценария?
- Какими коммуникативными тактиками реализуется каждый этап данного сценария?
- Какие коммуникативные новации позволяет реализовать формат письменной медицинской интернет-консультации?

³ Акаева Э.В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. С. 11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16113278> [Akaeva, Eleonora V. 2007. *Kommunikativnye strategii professional'nogo medicinskogo diskursa*. PhD Dissertation. Omsk]

Для поиска ответов на поставленные вопросы сначала опишем логику разворачивания данного коммуникативного сценария на основе анализа публикаций по результатам научных исследований очных консультаций на приеме у врача. Затем охарактеризуем наполненность каждого этапа коммуникативными тактиками. Далее на основе эмпирического исследования проведем верификацию данного коммуникативного сценария на материале массива письменных консультаций, реализованных в рамках интернет-форума.

2. Коммуникативное разворачивание медицинской консультации

Р. Витч в 1970-х годах выделил четыре модели поведения врача в зависимости от психологических, психосоциальных особенностей коммуникантов и от ситуационных условий реализации коммуникации: инженерная, патерналистская, коллегиальная, контрактная (Введение в биоэтику 1998: 135–143). В исследованиях (Жура 2004, Давыдова, Дьяченко 2019) было показано, что инженерная модель взаимодействия «врач – пациент» чаще всего используется в срочных случаях, когда нужна быстрота в принятии решения и не подразумевается вовлеченность пациента в процесс лечения. Патерналистская модель используется, как правило, при общении с детьми и пожилыми людьми, когда врач сам решает, какую информацию сообщать пациенту. Коллегиальная и контрактная модели используются чаще всего при общении на равноправных условиях. Анализ данных (Heritage & Maynard 2006) показал, что именно контрактная и коллегиальная модели поведения обеспечивают более высокую приверженность лечению и доверие к врачу.

В нашем исследовании рассматривается коммуникация врача с взрослыми пациентами. Асинхронность интернет-коммуникации исключает срочные случаи обращения за консультацией. Массово публичный открытый характер коммуникации на интернет-форуме снимает требование проявления патернализма. Следовательно, предположим, что в эмпирическом исследовании базовыми моделями коммуникативного поведения врача будут коллегиальная и контрактная модели.

Реализацию коллегиальной модели общения обеспечивают лексические и грамматические показатели совместного действия. С.В. Майборода (2017, 2022) выделяет следующие признаки коллегиального дискурса: субъект-субъектный характер общения; отказ от коммуникативных тактик требования, распоряжения, приказа и команды; уважительное отношение к мнению собеседника; ослабление формальности общения; использование тактик убеждения, предложения, уговаривания, разъяснения, подхвата, поощрения, привлечения или отвлечения внимания и обратной связи для побуждения к действию (Майборода 2017, 2022). Ведущим мотивом коммуникации выступает взаимное стремление принять согласованное решение. Отмечается, что в диалогах между врачом и пациентом возможны изменения в речевом поведении врача: переход с коллегиальной модели на авторитарную (применение тактик приказа, команд, требования, распоряжения, запугивания, критики,

дискредитации, игнорирования, упрека, запрета) может быть вызван сообщением пациента о самолечении, высказыванием сомнения в предложенных методах лечения, отказом лечиться и соблюдать рекомендации (Майборода 2022). В рамках контрактной модели и врач, и пациент несут определенные обязательства и достигают некоторых целей. «Пациент добровольно устанавливает отношения с врачом на тех условиях, которые считает для себя выгодными и возможными. При этом он может делегировать определенные “властные” полномочия врачу с тем, чтобы тот мог адекватно выполнить свои профессиональные обязательства» (Введение в биоэтику 1998: 142).

Взаимодействие врача и пациента при очной консультации разворачивается в определенной последовательности действий (Бейлинсон 2009, Дзараева, Рогожников 2014)⁴. Стартом для описания пациентом ситуации служит реплика врача «На что жалуетесь?» Далее пациент в виде монологического рассказа вербализует наиболее явную симптоматику недомогания (применяются тактики жалобы, формулирования запроса). В процессе диагностики врач выясняет причины обращения пациента за специализированной помощью в медицинское учреждение. Диагностика в коммуникации реализуется в вопросно-ответном режиме. При необходимости инструментально-клинических обследований врач направляет пациента на дообследование. Постановка диагноза в таком случае выносится на вторичный прием. Тогда же врач сообщает план лечения. На этапе терапии в коммуникации с пациентом врач формирует корректное представление о заболевании, расширяет знания пациента о способах лечения, преодолевает предубеждения пациента и объясняет, почему пациенту необходимо отказаться от вредных привычек (Куриленко, Макарова, Логинова 2012). Подобная коммуникация позволяет снизить уровень тревоги, помогает мотивировать и успокоить пациента в ходе лечения, поддержать положительный эмоциональный настрой.

Терапевтическая направленность медицинских консультаций обеспечивается тактиками гармонизации общения (тактиками одобрения, поощрения, похвалы, комплимента)⁵. Смягчить категоричность высказывания помогают вводные конструкции «по-моему», «по моему мнению», «по всей вероятности», «как мне кажется» и предложения в сослагательном наклонении, выражающие совет «Я бы не рекомендовал», «Я бы посоветовал» (Жура 2012, Куриленко и др. 2012, Давыдова, Дьяченко 2019). В сравнении с порицанием поощрение оказывает более эффективное воздействие на поведение человека, поэтому похвала из уст врача способна стимулировать пациента к лечению

⁴ См. также: Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. [Barsukova, Marina I. 2007. *Medicinskii diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha*. PhD Dissertation. Saratov]

⁵ Акаева Э.В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16113278> [Akaeva, Eleonora V. 2007. *Kommunikativnye strategii professional'nogo medicinskogo diskursa*. PhD Dissertation. Omsk]

эффективнее, чем критические замечания (Heritage & Maynard 2006, Жура 2012, Касымова, Линник 2017).

Успешное ведение диалога с пациентом обеспечивают тактики фасцинации. Их применение нацелено на ослабление эмоционально-психологического напряжения в разговоре и преодоление коммуникативных барьеров. Тактики фасцинации подразумевают открытость, проявление симпатии к собеседнику, демонстрацию готовности к диалогу (Emanuel & Куриленко 2012, Сильверман и др. 2018).

Терапевтический эффект медицинского дискурса достигается также за счет реализации принципов информативности и суггестивности, которые находятся в тесной взаимосвязи (Гончаренко 2008). По мнению Н.В. Гончаренко, осуществляя суггестивное воздействие посредством комплимента, похвалы, одобрения, врач вселяет в пациента уверенность в успехе лечения и настраивает его на выздоровление. Суггестивность достигается при помощи вопросов, программирующих ответную реплику пациента, в результате чего внимание пациента направляется в нужную врачу сторону (Гончаренко 2008). Суггестивность может выражаться напрямую, посредством императивного внушения, к которому относятся врачебные указания и команды, а также через выражения-клише и профессиональные термины, которые соотносятся в сознании пациента с авторитетом врача как специалиста и медицины как науки (Гончаренко 2008, Маджаева 2011).

3. Методика эмпирического исследования

3.1. Целеполагание и исследовательские методы

Письменная медицинская интернет-консультация рассматривается нами как один из форматов квази-институциональной медицинской коммуникации. Объектом исследования являются медицинские интернет-консультации на открытом интернет-форуме медицинской направленности. Предметом исследования выступают коммуникативные тактики в ходе интернет-консультации в рамках коммуникативной пары «потенциальный пациент – врач» на интернет-форуме в разделе «Кардиология». Этот раздел выбран неслучайно. Согласно глобальной оценке Всемирной организации здравоохранения⁶ сердечно-сосудистые заболевания составляют одну из трех групп заболеваний, которые чаще всего становятся причиной смерти.

Рабочая гипотеза исследования состоит в предположении, что Калгари-Кембриджская модель⁷, принятая за эталон коммуникативного взаимодействия врача и пациента, не реализуется в полной мере в рамках письменной медицинской интернет-консультации. Исследование нацелено на верифика-

⁶ См., например: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>

⁷ См., например: <https://rosomed.ru/system/documents/files/000/000/102/original/Раздатка-Руководство-по-Калгари-Кембриджской-модели.pdf?1528916127&ysclid=lsyx2skit4324632278>

цию сценария медицинской консультации «описание пациентом ситуации обращения к врачу → диагностика врачом симптомов и причин заболевания → постановка врачом диагноза → назначение терапии» в рамках медицинского интернет-форума.

В ходе эмпирического исследования сбор и структурирование исследовательского материала проводились с помощью корпусных методов. Далее материал подвергался дескриптивному и дискурсивному видам анализа, систематизации и обобщению. Качественная интерпретация полученных данных проводилась с опорой на коммуникативно-прагматический метод анализа (см. Иссерс 2008: 93–167).

3.2. Исследовательский материал

В ходе исследования с открытого медицинского интернет-форума Русского медицинского сервера⁸ из раздела «Кардиология» производился отбор веток сообщений (далее интернет-консультаций) за 2018–2023 год. Критериями включения консультации в выборку стали:

- наличие в ней более 50 сообщений (один пост расценивался как одно сообщение);
- наличие инициального сообщения от потенциального пациента (ее / его представителя), в котором (сообщении) описывается текущее состояние пациента;
- наличие более трех ответных сообщений от институализированного врача;
- соответствие содержания сообщений медицинской тематике по разделу «кардиология».

В соответствии с заданными параметрами было отобрано 60 консультаций, которые в совокупности составили 5259 сообщений на русском языке.

Сообщения каждой интернет-консультации копировались нами в отдельные файлы Word (рис. 1–2), в которых были сохранены авторские орфография, пунктуация и оформление. Биологический пол потенциального пациента обозначался в сообщениях значками ♂ / ♀ и часто подтверждался ником. Биологический пол врача можно было определить по глагольным формам, иногда по никам и по подписи (указывались полные имена и отчества). Возраст потенциальные пациенты указывали в инициальном или последующем сообщении. Признание квалификации врача сообществом подтверждалось ником красного цвета, а также статусом (врач / врач-консультант и подобное). В каждом файле сохранялась дата первого и последнего сообщений переписки и информация о статусе участников. Данные о каждой интернет-консультации (ссылки на источник, название раздела форума, тема сообщения, дата создания первого и последнего сообщений, количество сообщений от

⁸ URL: <https://forums.rusmedserv.com/forumdisplay.php?s=66b4537afecfa467ef1b101c11740f4b&f=13>

врача и пациента, количество просмотров переписки на форуме), а также биологический пол и возраст инициатора сообщения (потенциального пациента) вносились в таблицу (рис. 3).

24.03.2022, 15:13

[Sanek1977](#)
Начинающий участник

Регистрация: 24.03.2022
Адрес: Москва
Сообщений: 47
Сказал(а) спасибо: 24

Предынфарктное состояние?

Мужчина , 44 года, рост 178, вес 117, давление на момент осмотра 150/100, курю, 2 бокала вина в месяц
Проходил плановую диспансеризацию, на ней обнаружили проблемы с сердцем, срочно направили к кардиологу, тот вызвал бригаду скорой и мужа госпитализировали.
Со слов кардиолога предынфарктное состояние. До диспансеризации не жаловался на сердце, были головные боли, как выяснилось, связанные с высоким давлением, отдышка была только после физ нагрузок.
Миниатюры

 Цитата

Рис. 1. Пример инициального сообщения потенциального пациента

Figure 1. An example of an initial message given by a potential patient

#5
30.01.2021, 14:51

[Korzun](#)
БРАЧ

Регистрация: 15.03.2005
Адрес: Германия
Сообщений: 21,453
Сказал(а) спасибо: 1
Поблагодарили 9,026 раз(а) за 8,260 сообщений

На Вашей ЭКГ имеются Бругадоподобные изменения (2 тип).
Имеет смысл пройти дообследование у аритмолога, который знает что такое синдром Бругада и/или Бругадоподобные изменения.
Мы пустили ключ по форуму в невидимом для Вас режиме, может кто-то из коллег подскажет конкретного доктора в Москве.

Александр Иванович
с пожеланиями крепкого здоровья

 Цитата

Рис. 2. Пример сообщения от врача

Figure 2. An example of a message given by a doctor

Источник (гиперссылка на переписку на форуме)	Раздел форума	Тема обсуждения (название переписки)	Дата создания – последнее сообщение	Количество сообщений			Кол-во прос- мотров	Автор инициального сообщения (потенциальный пациент)	
				всего	от врачей	от потенциальных пациентов		биологический пол	возраст
https://forums.rusmedserv.com/showthread.php?t=480819	Кардиология	5. Предынфарктное состояние?	24.03.2022, 15:13 – 24.04.2022, 23:09	56	22	34	5773	М	44
https://forums.rusmedserv.com/showthread.php?t=469914	Кардиология	10. Субэпикардальная ишемия	27.01.2021, 14:19 – 06.08.2021, 13:20	68	22	46	13841	Ж	37

Рис. 3. Пример оформления сводной таблицы**Figure 3. An example of a cumulative table**

Некоторые интернет-консультации инициировали представители потенциальных пациентов: участник интернет-форума консультировался с врачом по поводу своего родственника (ребенка, родителя или супруга). В таком случае участник форума выступал посредником между пациентом (своим родственником) и врачом и не сообщал свой возраст и биологический пол. При этом в столбцах «возраст» и «биологический пол» указывались данные о представляемом потенциальном пациенте (а не о коммуниканте его представляющем).

При формализации данных при обнаружении того или иного явления в сообщении сообщению присваивался вес «1» по данному параметру, при отсутствии этого параметра в сообщении – «0». При подсчете средней величины наличие какого-либо параметра во всех анализируемых сообщениях отмечалось единицей или 100%.

Отметим, что интернет-форум *rusmedserv* является открытой интернет-площадкой со своими правилами.

4. Результаты эмпирического исследования

4.1. Общая характеристика коммуникативного взаимодействия между потенциальным пациентом и врачом в рамках письменной интернет-консультации

На исследуемом материале было установлено, что в среднем в рамках одной интернет-консультации совокупно от врачей и потенциальных пациентов публикуется 88 сообщений, из них активность потенциальных пациентов реализуется в среднем 53 сообщениями за одну интернет-консультацию, врачей – в среднем 35 сообщениями за консультацию (разброс составляет от 27 до 84 сообщений). Таким образом, активность в коммуникации между потенциальным пациентом и врачом реализуется в соотношении примерно 2:1 (на каждые два сообщения потенциального пациента приходится одно сообщение врача). Медиальный⁹ возраст всех потенциальных пациентов

⁹ Среднее арифметическое значение – это сумма всех элементов выборки, поделенная на количество этих элементов. Медиана – это середина набора чисел, отсортированного по

составил 39 лет (самому молодому потенциальному пациенту было 18 лет, максимальный возраст потенциального пациента составил 69 лет). В анализируемых интернет-консультациях в качестве потенциальных пациентов выступили 43 женщины и 17 мужчин (табл. 1–2). В среднем в одной консультации участвовало два-три врача (разброс составил от двух до пяти врачей на одного потенциального пациента). В рамках одной интернет-консультации один врач в среднем публиковал 10 сообщений на вопросы одного потенциального пациента (разброс составил от 1 до 39 сообщений).

Таблица 1. Характеристика участников медицинских интернет-консультаций
Table 1. Characteristics of Internet medical consultations' interlocutors

Женщина – потенциальный пациент	Количество коммуникантов	Возраст средний (лет)	Возраст медиальный (лет)
представляет себя	28	41,78	38
ее представляет родственник	15	не указано	не указано
Мужчина – потенциальный пациент			
представляет себя	16	39,07	39
его представляет родственник	1	не указано	не указано

Таблица 2. Количество сообщений в медицинских интернет-консультациях
Table 2. Number of messages in Internet medical consultations

Сообщения от	Среднее значение	Медиальное значение
женщин – потенциальных пациентов	56,07	43
врачей в ответ на сообщения женщин – потенциальных пациентов	36,15	28
представителей женщин – потенциальных пациентов	62,88	52
врачей в ответ на сообщения представителей женщин – потенциальных пациентов	41,31	34
мужчин – потенциальных пациентов	37,87	34
врачей в ответ на сообщения мужчин – потенциальных пациентов	28,67	27
представителей мужчин – потенциальных пациентов	34,5	34,5
врачей в ответ на сообщения представителей мужчин – потенциальных пациентов	22	22

За консультацией к врачу обращались русскоязычные пользователи Интернета, проживающие как в России (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Вологда, Казань, Калининград и др.), так и за границей (США, Украина). Медицинская консультация проводилась русскоговорящими специалистами как из Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Кемерово и др.),

возрастанию (50% наблюдений ниже медианы и 50% наблюдений выше медианы). Медиана в отличие от среднего арифметического игнорирует выбросы данных (значения, которые значительно отличаются от основного массива выборки). В целом, медиана более точно определяет середину выборки, чем среднее арифметическое, поскольку устойчива к искажениям.

так и из за рубежа (Германия, США). Среднее число обращений потенциального пациента за советом к врачу (не равно количеству сообщений) составило 18 раз в рамках одной интернет-консультации (медиана = 19,5 раза, разброс значений от 6 до 35 раз). Средняя продолжительность наблюдения врачом пациента в рамках одной интернет-консультации составила 267 дней (медиана = 162 дня, разброс от 6 до 906 дней в одной консультации)¹⁰.

Обратим внимание на высокую плотность взаимодействия врача и потенциального пациента: нередко обращения от потенциального пациента к врачу направлялись каждый день. Отметим, что такая плотность контактов совершенно несвойственна очному формату взаимодействия с врачом в поликлинике, правила которой между двумя обращениями устанавливают срок минимум в три-четыре дня, при том что запись к специалисту ведется сильно заранее. Коммуникация в рамках интернет-консультации кардинально отличается от очного взаимодействия и временными затратами: приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации норма времени на одно посещение пациентом врача-кардиолога составляет 24 минуты¹¹, что в разы меньше того, сколько времени тратят интернет-консультанты на коммуникацию с потенциальными пациентами.

4.2. Особенности динамики развертывания сценария медицинской интернет-консультации

Публикуя инициальное сообщение, все потенциальные пациенты подробно описывали свое текущее состояние (или состояние субъекта, интересы которого они представляли). Они также предоставляли для ознакомления врачам копии результатов анализов, инструментальных исследований, данных, собранных ими с приборов. В последующих сообщениях это описание дополнялось за счет запросов от врачей. В большинстве случаев потенциальные пациенты сообщали, что интернет-консультации осуществлялись параллельно с очными консультациями или работой сотрудников стационара. Иногда интернет-консультация являлась предваряющей перед посещением очной консультации или обращением в стационар. В таких случаях врачи «уговаривали» потенциальных пациентов обратиться за медицинской помощью, чтобы снизить риск смерти или тяжелых последствий заболевания.

На основе анализа сообщений, можно утверждать, что в интернет-консультации обнаруживаются не все составные части реализации сценария медицинской консультации (табл. 3); последовательность этапов разворачивания интернет-консультации отличается от последовательности очной

---

¹⁰ Следует сделать оговорку о том, что большинство отобранных консультаций на момент написания статьи находились в статусе «открыты», т.е. и после выгрузки они потенциально могут продолжаться, значит, показатели будут расти.

¹¹ Приказ от 19 декабря 2016 г. № 973н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-кардиолога, врача-эндокринолога, врача-стоматолога-терапевта». URL: <https://base.garant.ru/71587580/>

медицинской консультации, описанной в разделах 1–2 настоящей статьи. Так, постановка диагноза является прерогативой врача, осуществляющего лечение очно, врач в рамках интернет-консультации ссылается на этот диагноз, иногда ставит его под сомнение, запрашивая у потенциального пациента дополнительные сведения, рекомендуя провести дополнительное обследование для уточнения диагноза, иногда высказывает мнение о том, что данный диагноз можно исключить. В тех случаях, когда потенциальный пациент демонстрирует признаки тревожности и на чем-то заикливается (повторяет в нескольких сообщениях, не обращая внимания на рекомендации врача), врач может «поставить» ироничный диагноз и посоветовать обратиться за помощью к психотерапевту / психиатру.

Таблица 3. Компоненты сценария медицинской интернет-консультации /
Table 3. Components of medical Internet consultation scenario

Этапы сценария медицинской консультации	Коммуникативные тактики	Среднее от общего количества консультаций, %
Описание потенциальным пациентом ситуации обращения к врачу	приветствие, обращение, рассказывание, жалоба, просьба, благодарность	100
Диагностика врачом симптомов и причин заболевания	вопросы на уточнение, разъяснение	60
Постановка врачом диагноза	вывод, предположение, констатация, разъяснение	38,18
Назначение терапии	указание, рекомендация, разъяснение	52,73

В ходе анализа исследовательского материала было выявлено, что основное содержательное отличие в сценарии интернет-консультации состоит в значительном объеме предоставляемых врачами разъяснений с возможностью отсылки к ответам на схожие вопросы в рамках форума, выкладкой оценочных шкал и рекомендаций, которыми руководствуются врачи при интерпретации данных. Развернутые разъяснения врачи дают в 80% проанализированных интернет-консультаций. Эти разъяснения предъявлены в письменном виде, следовательно, потенциальный пациент в любое время может к ним снова обратиться, что редко встречается при очной консультации.

Первой динамической особенностью (коммуникативной инновацией) консультации на интернет-форуме является возможность участия в одной консультации одновременного нескольких врачей на равных условиях – потенциальный пациент решает, кого считать более авторитетным и к чьим рекомендациям прислушиваться. Примечательно, что в проанализированном материале врачи не проявляют признаков конкуренции за потенциального пациента. При этом, как правило, один из консультирующих врачей исполняет роль ведущего, другие дополняют его рекомендации.

Вторая особенность динамики сценария состоит в том, что некоторые этапы пропускаются или меняются местами. Так, после инициального сообщения потенциального пациента, пропуская этап диагностики и формулирования диагноза, может сразу последовать этап терапии, когда врач «назначает» прием препаратов и действия, которые следует осуществить для улучшения состояния потенциального пациента. Разъяснения, которые в очном формате взаимодействия врача и пациента реализуются, как правило, на этапе терапии, в рамках интернет-консультации широко представлены в сообщениях врачей на каждом этапе разворачивания сценария.

Третьей динамической особенностью интернет-консультации является рекуррентный характер диагностики: в отличие от очного врача, у врача на интернет-форуме нет доступа к карте потенциального пациента, в которой он может ознакомиться с его / ее историей болезни. В связи с недостаточностью первичного описания в инициальном сообщении при возникновении новых проявлений в состоянии потенциального пациента врач запрашивает дополнительные сведения на основе клинической и инструментальной диагностики. Такие запросы могут осуществляться как возвратные шаги.

4.3. Структурные компоненты сообщений потенциальных пациентов и врачей, реализуемые в ходе медицинской интернет-консультации

Проанализируем инициальные сообщения потенциальных пациентов применительно к их структуре. В табл. 4 компоненты структуры выстроены в той последовательности, которую они обычно составляют в инициальном сообщении потенциального пациента (не в каждом сообщении присутствуют все компоненты).

Таблица 4. Структура инициального сообщения потенциальных пациентов /
Table 4. Structure of an initial message given by potential patients

Компоненты в структуре инициального сообщения	Среднее от общего количества консультаций, %
Приветствие	85
Обращение	25
Параметры потенциального пациента (биологический пол, возраст, рост, вес)	95
История развития болезни	100
Образ жизни потенциального пациента	45
Симптомы болезни	85
Пройденные диагностические процедуры	80
Диагноз	80
Терапия	70
Эффект от терапии	25
Ожидания потенциально пациента	5
Запрос к врачу на интернет-форуме	100
Опасения потенциального пациента	5
Благодарность	40
Результаты диагностики прикреплены к сообщению	85

В большинстве случаев (85%) потенциальные пациенты начинают первое сообщение с приветствия (пример 1) и иногда (25%) дополняют его обращением (пример 2). Несмотря на то, что коммуникация идет в асинхронном режиме, часто потенциальные пациенты в приветствии указывают на время суток, в котором они сами находятся (утро, день, вечер):

- (1) *Здравствуйте! / Здравствуйте. / Добрый вечер! / Добрый день!*
- (2) *Добрый день, уважаемые врачи! / Добрый день, уважаемые доктора! / Добрый вечер, уважаемые доктора. / Здравствуйте, уважаемые доктора.*

Рассказ об истории болезни (пример 3) и запрос к врачу (пример 4) как обязательные условия реализации сценария медицинской консультации представлены во всех (100%) инициальных сообщениях от потенциальных пациентов. Иногда потенциальные пациенты не указывают свои параметры (биологический пол, возраст, рост и вес), что является обязательным требованием со стороны врачей, необходимым для расчета дозировок и соотнесения с нормативами. В таком случае врач в следующем сообщении просит указать эти сведения (пример 5).

- (3) *в истории болезней множественные травмы после аварии 2006 года: посттравматическая эпилепсия (без приступов, сейчас лекарства не принимаю), переломы, компрессия позвоночника. После родов (с 2014 года) стало беспокоить давление. / стентирование 40 дней назад. / По перенесенным и текущим заболеваниям: 2005 год резекция левой доли щитовидной железы в связи с узловым образованием <...> 2015 г. ЖДА <...> Приступы тахикардии случались с подросткового возраста <...> Проходила лечение у психотерапевта несколько раз <...> С прошлого года повысились показатели верхних значений давления ... / Еще хотелось бы дополнить, что у меня нет обоих родителей, и оба ушли по причине ССЗ (у папы острая сердечная недостаточность в 35, у мамы инсульт в 31).*
- (4) *Дайте совет, пожалуйста, как и чем лечить, к какому специалисту идти, на что обратить внимание. / Прошу консультации для мамы. <...> Пожалуйста, прокомментируйте обследования и назначенное лечение. Насколько опасно ее состояние? Что делать, если вот так плохо весь день? / Подскажите, пожалуйста, нужно ли пить статиты и в какой дозировке, и препараты, разжижающие кровь, требуется ли лечение по поводу повышенного сахара? / Вот у меня вопрос – все проблемы с давлением и пульсом связаны с психикой или это кардиологические проблемы? / Помогите, пожалуйста, разобраться в том, что это такое.*
- (5) *Возраст, рост, вес?*

Вместе с историей болезни потенциальные пациенты часто описывают симптомы протекания заболевания (85% – пример 6), описывают и представляют результаты анализов (80 и 85%, соответственно, – пример 7), фиксируют диагноз (80% – пример 8), описывают терапию (70% – пример 9).

- (6) ... *начались какие-то панические атаки, гипертонические кризы с повышением давления до 190, постоянная тахикардия, боли в сердце, помутнение сознания, будто я в нереальности, шаткость походки, головокружения, похудел на фоне этих синдромов на 6 кг. / ... болит грудьна с апреля (тяжело болела каким-то ОРВИ) и покашливаю постоянно с того же времени. / Последнее время беспокоят частые головные боли и боли в ногах.*
- (7) *Сделала узи сердца. / Анализ ОАК в норме, нет ни одного отклонения <...> очень низкий витамин Д (16).. / Давление в норме, ЭКГ делал 2 раза <...> Эхо – пмк 1 ст.. / Ниже прикрепляю бумаги обследования. / Первый холтер по ссылке. / прикладываю также рентген легких / Делал несколько раз ЭКГ <...> Ставил 2 раза холтеры <...> Два раза делал ЭКО-КГ <...> Сегодня сделал тредмил в ГНКЦ Профмедицины <...> Из крови: ОАК, биохимия. Плюс ОАМ и моча на метанефрины.*
- (8) *...там была только СА блокада, еще и апноэ нашли. / Написала небольшая легочная гипертензия ... / И у меня послеродовая кардиомиопатия. / Со слов кардиолога предынфактное состояние. / ...гипертрофия левого желудочка – гипертоническая болезнь. / Фибрилляция предсердий.*
- (9) *Принимаю небилет 2,5 мл утром по назначению кардиолога с 2015 года. / Постоянно принимает: телмиста 80 мг 1 раз на ночь, москонидин 0,4, бисопролол, спиронолактон, нифиделин 20. При повышении давления: анаприлин, каптоен. Верошпирон 1 табл. 2 раза в день по 25 мг. Бисопролол 10 мг 1 табл. 1 раз в день. Нифедипин 1 табл. 2 раза в день по 20 мг. Моксонидин 1 табл. 1 раз в день на ночь + при кризах. / Единичные приступы купирую задержкой дыхания <...> После трех-четырех единичных приступов начинаю глотать (под язык) анаприлин по 10 мг промежутками до 5 таблеток.*

Меньше половины (45%) потенциальных пациентов в инициальном сообщении описывают свой образ жизни (пример 10).

- (10) *...у меня последнее время отдыха нет совсем <...> в отпуске не был год <...>, за исключением перекура, а от вредной привычки не избавиться. / Физическая активность неплохая, сад, огород, прогулки с внуком (просто так быть на воздухе не может, ее напрягает). / С детства и до последнего времени занимался не то, чтобы спортом, но всегда регулярные физические нагрузки: реконструкция, фехтование, айкидо, танцы.*

Многие (40%) потенциальные пациенты в инициальном сообщении благодарят врачей (пример 11).

- (11) *Спасибо Вам заранее. / Спасибо. / Большое спасибо! / Заранее благодарна, с уважением. / Спасибо за внимание.*

Иногда (25%) описывают эффекты от терапии (пример 12), редко (5%) описывают свои ожидания и опасения (пример 13).

- (12) *После приема (принимаю по сей день кроме панангина и розарта) этих препаратов давление сразу стало 110–127 / 65–80. / вчера повторила холтер – стало легче. / Сел на диету, скинул со 114 до 107 за месяц.*
- (13) *...может Цистон поможет и давление нормализуется. / К врачу только в пятницу, а я тут начиталась, что это плохо, аж до внезапной смерти.*

Проанализируем первые сообщения от врачей, следующие (сообщения) за инициальными сообщениями потенциального пациента. В них отсутствуют какие-либо контактоустанавливающие реплики (приветствие, обращение): сообщение начинается либо с уточняющих вопросов, либо с указаний, либо с разъяснений (табл. 5). При этом в случаях, когда потенциальный пациент дает широкое описание или дополняет инициальное сообщение несколькими последующими, врачи пользуются функцией «комментирование / ответить», выбирая фрагмент или сообщение, на которое они реагируют своим сообщением.

Таблица 5. Структура первого сообщения врачей,

следующего за инициальным сообщением потенциального пациента /

Table 5. Structure of the first doctor's message following initial message given by potential patients

Компоненты в структуре первого сообщения врача	Среднее от общего количества консультаций, %
Разъяснение	60
Указания (диагностика)	60
Уточняющие вопросы (диагностика)	45
Указания (терапия)	40
Оценка	20
Постановка диагноза	5
Комментарий	5
Уточнение	5
Размышление	5
Констатация	5
Информирование	5

Разъяснения (60%) врачи дают в отношении применяемой потенциальным пациентом терапии, оказываемого препаратами эффекта, механизма их действия, необходимых диагностических процедур, результатов этих процедур и тому подобное (пример 14).

- (14) *...когда Вы прекращаете его пить, уровень ЛПНП через некоторое время возвращается к исходному уровню. ЛПНП у Вас было высокое, целевой уровень ЛПНП – менее 3,0 ммоль/л. / Корвалол – это не лекарство для сердца. Это барбитуратсодержащее снотворное: фенobarбитал на спирту с вкусовыми отдушками. /*

Статины нужны как первичная профилактика ССЗ. / ... ЭКГ-тест для исключения ишемии. / ... чтобы оценить риски угрожающих аритмий и объем обследований.

Указания врача относятся либо к диагностическим (60% – пример 15), либо к терапевтическим (40% – пример 16) действиям, которые должен предпринять пациент (в случае с диагностикой зачастую это сводится к просьбе прикрепить результаты диагностических процедур).

- (15) *И еще я бы сделал суточное мониторирование АД / ... можно сделать ЦДС брахиоцефальных артерий нижних конечностей. / Я бы сделал хороший нагрузочный ЭКГ-тест / Конкретно Вам желательно посетить очного аритмолога / А также выложите сюда обычную ЭКГ 12 отведений в хорошем качестве.*
- (16) *замените телмисту на эбарки кло / Госпитализация в кардиологический стационар немедленно. / Антигипертензивные препараты и статины нужно принимать постоянно. Кардиомагнил не нужен. Периневу 4 мг – 1 таблетка и карведилол 12,5 мг – полтаблетки можно принимать однократно.*

Задаче диагностики служат также уточняющие вопросы (45% – пример 17). Отвечая на них, пациент дополняет первичное описание своего состояния.

- (17) *ОАК, ферритин, ТТГ, ЛПНП, сахар крови – цифры и даты? / альдостерон / рениновое отношение когда-нибудь смотрели? ЭхоКГ? УЗИ почечных артерий в экспертном учреждении смотрели? Гликированный гемоглобин? 9? Что принимает из сахароснижающих кроме инсулина? ЧСС? / Курите? <...> Боли в ногах беспокоят при нагрузках или в покое? / В анализе крови анемии и / или железодефицита нет?*

Редко (20%) в первых сообщениях врачей встречается оценка (пример 18).

- (18) *...это правильно. / ... нифедипин XL и Моксонидин – это плохо. / ... не уверен, что прадакса = лучший выбор из имеющегося.*

Иногда в первых сообщениях врачей встречается постановка диагноза, комментарий, уточнение, размышление, констатация, информирование (5% каждого компонента – пример 19).

- (19) *Что касается ЭхоКГ, то оно отражает наличие у Вас артериальной гипертензии. / Красочное описание болей в груди я опустил. / Приложено заключение, а не снимок. / Это может быть и другая причина. Но уж если решили совместно с очным врачом. / Все логично. / Мы пустили клич по форуму в невидимом для Вас режиме, может кто-то из коллег подскажет конкретного доктора в Москве.*

Отличительной структурной особенностью сообщений (не только первых) врачей является наличие подписи (пример 20). Потенциальные пациенты впоследствии часто используют текст (имя и отчество) подписи врача в контактоустанавливающей функции при обращении к врачу.

- (20) *С уважением / Александр Иванович с пожеланиями крепкого здоровья / Сизов Алексей Михайлович / doctor Polonsky israel Снимки смотрю только в прямом показе, без необходимости скачивания. Просьба показывать снимки в правильном положении.*

5. Обсуждение результатов

Сопоставляя данные, полученные нами в ходе исследования коммуникации врача и потенциального пациента в рамках письменной медицинской интернет-консультации, с сведениями об устной коммуникации на очном приеме, описанными в научной литературе, можно отметить воспроизводимость сценария коммуникации как такового: при взаимодействии посредством интернет-форума между врачом и потенциальным пациентом в целом сохраняются динамика и структура медицинской консультации. На исследованном материале также подтверждаются особенности интернет-коммуникации между врачом и пациентом, представленные в научной литературе: возможность более подробного чем при очном приеме описания состояния пациента (см. работу: Давыдова, Дьяченко 2019), возможность неоднократно обращаться к письменному ответу врача (см. исследование: Umefjord et al. 2006), содержание запросов потенциальных пациентов преимущественно в отношении диагностики и альтернативы предложенной очно терапии (см. работу: Kamiński et al. 2020), реализация диагностики в вопросно-ответной форме и др.

Результаты нашего исследования дополняют представления о письменной медицинской интернет-консультации знаниями о том, что она разворачивается непоследовательно: первый этап остается прежним (обращение потенциального пациента за консультацией), затем может последовать этап назначения терапии, после чего диагностика и постановка диагноза, затем вновь этап назначения терапии. Подобная траектория напоминает рекуррентное движение, в котором повторяющиеся шаги относятся к этапам диагностики и назначения терапии. При том, что все составные части реализации сценария медицинской консультации обнаруживаются на массиве проанализированных данных интернет-консультаций, не в каждой интернет-консультации этот сценарий реализуется полностью. Скачок от инициального сообщения потенциального пациента к назначению терапии, минуя этапы диагностики и формулировки диагноза, становится возможным благодаря наличию в инициальном сообщении пациента подробного описания истории болезни, результатов проведенной очно диагностики, указанию диагноза, описанию осуществляемой терапии. В данных условиях врач становится в позицию специалиста, корректирующего назначенный план лечения, задача которого

состоит в подборе индивидуализированного набора препаратов, предъявлении экспертного мнения в отношении прописанных процедур и препаратов.

Было выявлено, что в рамках письменной медицинской интернет-консультации закрепились конвенция о нивелировании реплик приветствия и прощания, которой врачи придерживаются чаще, чем потенциальные пациенты, которые, преимущественно используют приветствия, благодарности и обращение к врачу по имени и отчеству в качестве контактоустанавливающих коммуникативных тактик. Интересно, что такое одностороннее интенциональное движение по установлению отношений не воспринимается потенциальными пациентами как конфликтогенный фактор (ни один из потенциальных пациентов в своих сообщениях не обратил на это внимание). Возможно, это обусловлено открытостью интернет-форума и доступностью сообщений как для зарегистрированных, так и для не зарегистрированных пользователей, а также направлением инициального сообщения коллективному адресату (любой из врачей может ответить). Это также может объясняться сформировавшимся очно паттерном взаимодействия врача и пациента. В частности, в ходе реформы здравоохранения изменился тип взаимодействия между терапевтом (врачом общей практики) и пациентом: если до недавнего времени пациенты были хорошо знакомы со своими участковыми терапевтами, так как они на протяжении долгого времени контактировали с одними и теми же людьми (за одним участком было закреплено два-три терапевта), то в настоящее время список доступных для записи врачей общей практики сильно расширился, при этом многие из врачей достаточно мобильны в плане смены места работы.

В ходе исследования подтвердилась рабочая гипотеза о несостоятельности Калгари-Кембриджской модели¹² коммуникативного взаимодействия врача и пациента в рамках письменной медицинской интернет-консультации. В основном это касается плана выстраивания отношений между коммуникантами. При том, что в рамках интернет-консультации врачи не ограничены временем приема, они не реализуют намерение выстраивать индивидуализированную коммуникативную среду с потенциальными пациентами: врачи не реализуют частотно тактики поощрения, комплимента, поддержки, подтверждения понимания высказанных опасений и др., не прибегают к приемам вовлечения потенциального пациента в диалог (иногда это делают потенциальные пациенты), не интересуются у потенциальных пациентов, насколько они понимают предписания и указания врача. Вероятно, это происходит по причине переноса паттерна приема в очном режиме на взаимодействие в рамках интернет-консультации; возможно, по причине того, что анализируемый интернет-форум не является официальной медицинской средой, врачи статусно по сути выступают такими же коммуникантами, как и потенциальные пациенты: сообщения от врачей не могут рассматриваться как полноценные медицинские предписания, т.к. они осуществляются вне институциональных

---

¹² Рассматриваемая модель описывает действия врачей в ходе медицинской консультации.

рамков, потенциальные пациенты исполняют указания врачей на свой страх и риск – в этом отношении врачи дистанцируются от потенциальных пациентов, таким образом не давая потенциальным пациентам повода полностью полагаться на рекомендации врача.

Выявленные в ходе исследования коммуникативные новации в основном относятся к динамике развертывания сценария медицинской интернет-коммуникации. По нашему мнению, эти новации стали возможными благодаря особенностям интернет-среды (асинхронность взаимодействия, параллельность участия из разных точек земного шара) и письменной форме общения (фиксация всего процесса взаимодействия).

6. Заключение

Ускорение темпов развития услуг в области телемедицины, спровоцированное пандемией COVID-2019, не снизилось и в «постковидное» время. По данным пресс-службы Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2022 году было проведено 6,75 млн консультаций «врач – пациент», более 3,4 млн консультаций в целях вынесения заключения по результатам диагностических исследований, более 2,5 млн пациентов находились на дистанционном наблюдении за состоянием здоровья¹³. С 01 августа 2023 года частные медицинские организации получили право консультировать пациентов онлайн в рамках экспериментального правового режима¹⁴. В третьем квартале 2023 года объем сегмента телемедицины в Российской Федерации составил 3,76 млрд рублей (на 50% больше, чем в 2022 году, и на 12% больше, чем во втором квартале 2023 года)¹⁵.

Сейчас телеконсультации¹⁶ осуществляются в основном в устной коммуникации в режиме реального времени в паре с одним врачом. Результаты, полученные в ходе нашего исследования, раскрывают возможности письменной медицинской интернет-консультации как инструмента персонифицированной медицины. Предположительно, полученные результаты помогут в дальнейшей разработке медицинских интернет-форумов, интегрированных в ЕМИАС и др. системы, а также будут полезны для разработки коммуникативных сценариев телеконсультации между пациентом и врачом-консультантом

---

¹³ Мишина В., Набаткина К. Здоровый звон: россияне стали чаще консультироваться с медиками онлайн // Известия. 28.12.2023. URL: <https://iz.ru/1627374/valeriia-mishina-ksenii-a-nabatkina/zdorovyi-zvon-rossiiane-stali-chashche-konsultirovatsia-s-medikami-onlain>

¹⁴ Невинная К. Доктор по телефону: в России стартовал экспериментальный проект по широкому внедрению телемедицины // Российская газета. 01.08.2023. <https://rg.ru/2023/08/01/doktor-po-telefonu-v-rossii-startoval-eksperimentalnyj-proekt-po-shirokomu-vnedreniiu-telemeditsiny.html?ysclid=lu4e6uryb3809577389>

¹⁵ Егорова А. Рынок телемедицины вырос в полтора раза // Коммерсант. Business guide Экономика региона. Приложение № 4. 28.02.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6532531>

¹⁶ Медицинская телеконсультация – это консультация «врач – пациент», оказываемая в удаленном режиме.

как самостоятельной функционально-ролевой позиции в рамках институционального медицинского взаимодействия.

Ограничениями исследования является ручной способ обработки данных, что затрудняет задачу охвата более разнообразного исследовательского материала (различные тематические обсуждения на разных открытых медицинских интернет-форумах) за небольшое время проведения исследования, а также невозможность сбора данных с закрытых институциональных интернет-форумов при медицинских учреждениях. Мы предполагаем, что динамика и структура медицинских консультаций на этих (не столь массово представленных по сравнению с открытыми прототипами) интернет-форумах будут отличаться и, вероятно, более соответствовать Калгари-Кембриджской модели коммуникативного взаимодействия между врачом и пациентом (особенно в части оказания платных медицинских услуг в виде телеконсультаций).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИНИОН РАН по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

Автор благодарен магистранту кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики МГЛУ Марии Митовой, которая в рамках работы над ВКР осуществила сбор исследовательского материала.

Автор выражает признательность анонимным рецензентам и редактору за вопросы и замечания, которые способствовали более четкому освещению в работе некоторых ее теоретических положений.

Acknowledgements and funding

The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «The newest trends in the development of humanitarian research in Russia and West countries: philosophical approaches, cultural studies development, and spiritual life of society in the digital age».

The author expresses sincere gratitude to the graduate student of the Department of experimental and applied linguistics of MSLU, Mariya Mitova, who collected the dataset.

We would like to express our gratitude to the anonymous reviewers and the editor for their questions and comments that allowed us to clarify some theoretical points in the paper.

Список литературы / References

- Алексеева А.А. Речевые тактики в медицинских онлайн-консультациях (на материале сайта health.mail.ru) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2017. Т. 16. № 9: Филология. С. 112–120. [Alekseeva, Alina A. 2017. Speech tactics on online medical advice (based on health.mail.ru). *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 16 (9). 112–120. (In Russ.).] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-9-112-120>

- Ахнина К.В., Макарова М.А., Юрманова С.А. Сетевой медицинский дискурс: лексические и стилистические особенности // *Образовательный вестник «Сознание»*. 2018. № 20 (6). С. 48–53. [Akhnina, Kristina V., Marina A. Makarova & Svetlana A. Yurmanova. 2018. Network medical discourse: Lexical and stylistic features. *Educational Bulletin Consciousness* 20 (6). 48–53. (In Russ.)].
- Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы. Волгоград: Перемена, 2009. [Bejlinson, Lubov' S. 2009. Professionalnyi diskurs: priznaki, funktsii, normy (*Professional Discourse: Signs, Functions, Norms*). Volgograd: Peremena. (In Russ.)].
- Болучевская В.В., Павлюкова А.И. Общение врача: вербальная и невербальная коммуникация // *Медицинская психология в России*. 2011. № 2 (7). [Boluchevskaya, Valentina V. & Antonina I. Pavlyukova. 2011. Obshchenie vracha: verbal'naya i neverbal'naya kommunikaciya (Physician communication: Verbal and nonverbal communication). *Medicinskaya psihologiya v Rossii* 2 (7). (In Russ.)]. http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer19.php
- Гончаренко Н.В. Суггестивность медицинского дискурса // *Известия ВГПУ*. 2008. № 2 (26). С. 12–16. [Goncharenko, Natalia V. 2008. Suggestivnost medicinskogo diskursa. *Izvestiya VGPU* 2 (26). 12–16. (In Russ.)]. <https://sciup.org/suggestivnost-medicinskogo-diskursa-148163220>
- Давыдова Н.В., Дьяченко Е.В. Навыки общения с пациентами. Обучение и оценка коммуникативных навыков в медицинском вузе. Екатеринбург, 2019. [Davydova, N.V. & Elena V. Dyachenko. 2019. Navyki obshcheniya s pacientami. Obuchenie i ocenka kommunikativnyh navykov v medicinskom vuze (*Communication Skills with Patients. Teaching and Assessing Communication Skills in Medical School*). Ekaterinburg. (In Russ.)].
- ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. [van Dijk, Teun. 2000. *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduehna de Kurteneh. (In Russ.)].
- Дзараева Н.А., Рогожникова Р.А. Стратегии и тактики речевого поведения врача // *Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. Выпуск 2 (часть 1). 2014. С. 48–54. [Dzaraeva, Natalya A. & Raisa A. Rogozhnikova. 2014. Strategies and tactics of medical staff verbal behaviour. *Vestnik PGGPU. Seriya № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki* 2 (1). 48–54. (In Russ.)]. <http://vestnik1.pspu.ru/files/1-2014-2-1.pdf>
- Жура В.В. Взаимодействие картин мира врача и пациента в ходе медицинской коммуникации и способы их экспликации // *Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине*. Самара: Самарский государственный университет, 2012. С. 54–65. [Zhura, Viktoria V. 2012. Vzaimodeistvie kartin mira vracha i patsienta v khode meditsinskoj kommunikatsii i sposoby ikh ehksplikatsii (Interaction of the world pictures of the doctor and the patient during medical communication and methods of their explication). *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoi medicine*. 54–65. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.)]. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24244565_81575601.pdf
- Жура В.В. Виды коммуникативного взаимодействия врача и пациента // *Вестник ВолГМУ*. 2004. № 10. С. 84–88. [Zhura, Viktoria V. 2004. Vidy kommunikativnogo vzaimodeistviya vracha i patsienta (Types of communicative interaction between doctor and patient). *Journal of Volgograd State Medical University* 10. 84–88. (In Russ.)].
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. [Issers, Oksana S. 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki*

russkoi rechi (*Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*). 5-e izd. Moskva: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.).

- Касымова О.П., Линник Л.А. Медицинский дискурс в современной лингвистике // *Вестник Башкирского университета*. 2017. Т. 22. № 3. С. 767–773. [Kasymova, Olga P. & Lubov A. Linnik. 2017. Medical discourse in modern Linguistics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 22 (3). 767–773. (In Russ.).]
- Куриленко В.Б., Макарова М.А., Логинова Л.Д. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса // *Современные научные исследования и инновации*. 2012. № 1. [Kurilenko, Viktoria B., Marina A. Makarova & Larisa D. Loginova. 2012. Lingvoterapevticheskaya napravlennost' kak bazovaya kategoriya medicinskogo diskursa (Linguistic orientation as a basic category of medical discourse). *Modern Scientific Researches and Innovations* 1. (In Russ.).] <https://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431>
- Маджаева С.И. Термины в медицинском дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. Вып. 60. 2011. № 33 (248). С. 92–94. [Madzhaeva, Sanya I. 2011. Terminy v medicinskom diskurse (Terms in medical discourse). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* 33 (248). 92–94. (In Russ.).]
- Майборода С.В. Коммуникативная тактика убеждения в коллегиальном дискурсе доктора и пациента // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2022. № 7. С. 228–232. [Mayboroda, Svetlana V. 2022. Communicative tactics of persuasion in the collegial discourse of doctor and patient. *Dinamika yazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii* 7. 228–232. (In Russ.).]
- Майборода С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // *Коммуникативные исследования*. 2017. № 1 (11). С. 63–74. [Mayboroda, Svetlana V. 2017. Medicinskii diskurs: sovremennye teoretiko-metodologicheskie podhody i perspektivy issledovaniya (Medical discourse: Modern theoretical and methodological approaches and research prospects). *Kommunikativnye issledovaniya* 1 (11). 63–74. (In Russ.).]
- Макарова О.В. Анализ эффективности пациентоцентричных коммуникативных навыков врача // *Сибирский журнал*. 2020. Т. 12. № 3. С. 108–121. [Makarova, Olga V. 2020. The analysis of doctor's patient-centered communication skills efficiency. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture* 12 (3). 108–121. (In Russ.).] <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2020-12-3-108-121>
- Сильверман Д.Ж., Керц С., Дрейпер Дж. Навыки обращения с пациентами / пер с англ. А.И. Дорман. Москва: Гранат, 2018. [Silverman, Jonathan, Suzanne Kurtz & Juliet Draper. 2018. *Skills for Communicating with Patients*. per s angl. A. I. Dorman. Moscow: Granat. (In Russ.).]
- Сонькина А.А. Навыки профессионального общения в работе врача // *ОПГЗДРАВ: новости, мнения, обучение*. 2015. № 1 (1). С. 101–107. [Sonkina, Anna A. 2015. Skills for professional communication in medical practice. *Healthcare Management: News. Vies. Education. Bulletin of VSHOUZ* 1 (1). 101–107. (In Russ.).]
- Трушкин С.В. Вызовы современности: медицинский комплаенс, партнерские отношения, коммуникативные компетенции врача // *Медицинская психология в России*. 2018. № 10 (4). [Trushkina, Svetlana V. 2018. Present day challenges: Medical compliance, partnership relationships, doctor's communicative competence. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* 10 (4). (In Russ.).] <https://doi.org/10.24411/2219-8245-2018-14090>
- Шабанова А.С., Боговин Л.В., Колосов В.П. Модели терапевтического взаимодействия врача и пациента // *Бюллетень физиологии и патологии дыхания*. 2016. № 60. С. 105–

110. [Shabanova, Anastasiya S., Larisa V. Bogovin & Viktor P. Kolosov. 2016. Models of therapeutic interaction between doctors and patients. *Bulletin Physiology and Pathology of Respiration* 60. 105–110. (In Russ.).]
- Шестухина И.Ю. Коммуникативные стратегии и тактики в речевой партии врача в аспекте обучения русскому как иностранному // *Межкультурная коммуникация в образовании и медицине*. 2021. № 4. С.87–96. [Shestukhina, Irina Yu. 2021. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevoi partii vracha v aspekte obucheniya russkomu kak inostrannomu (Communicative strategies and tactics in the speech part of a doctor in the aspect of teaching Russian as a foreign language). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine* 4. 87–96. (In Russ.)]. <https://icjournal.ru/icjournal/article/view/498/399>
- Введение в биоэтику / под ред. Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. [Yudin, Boris G. & Pavel D. Tishchenko (eds.). 1998. *Vvedenie v bioehtiku (Introduction to Bioethics)*. Moskva: Progress-Traditsiya. (In Russ.).]
- Bernardi, Roberta & Philip F. Wu 2022. Online health communities and the patient-doctor relationship: An institutional logics perspective. *Social Science & Medicine* 314. 115494. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115494> <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953622008000?via%3Dihub>
- Byrne, Patrick S. & Barrie E. L. Long. 1976. *Doctors Talking to Patients: A Study of the Verbal Behaviour of General Practitioners Consulting in their Surgeries*. London: H.M.S.O.
- Emanuel, Ezekiel J. & Linda L. Emanuel. 1992. Four models of the physician – patient relationship. *JAMA The Journal of the American Medical Association* 276 (16). 2221–2226. <https://doi.org/10.1001/jama.267.16.2221>
- Harrigan, Jinni A., Thomas E Oxman & Robert Rosenthal. 1985. Rapport expressed through nonverbal behavior. *Journal of Nonverbal Behavior* 9. 95–110. <https://doi.org/10.1007/BF00987141>
- Heritage, John & Douglas W. Maynard (eds.). 2006. *Communication in Medical Care: Interaction between Primary Care Physicians and Patients*. Cambridge: Cambridge University press.. <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/68529/1/271.pdf.pdf>
- Kamiński, Mikołaj, Michał Borger, Piotr Prymas, Agnieszka Muth, Adam Stachowski, Igor Łoniewski & Wojciech Marlicz. 2020. Analysis of answers to queries among anonymous users with gastroenterological problems on an Internet forum. *Environmental Research and Public Health* 17 (3). 1042. <https://doi.org/10.3390/ijerph17031042> <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/3/1042>
- Locher, Miriam A. 2006. *Advice Online: Advice-giving in an American Internet Health Column*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Peng, Yuxin, Pingping Yin, Zhaohua Deng & Ruoxi Wang. 2020. Patient-physician interaction and trust in online health community: The role of perceived usefulness of health information and services. *Environmental Research and Public Health* 17 (1). 139. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010139> <https://www.mdpi.com/1660-4601/17/1/139>
- Stevenson, Fiona A., Geraldine Leydon-Hudson, Elizabeth Murray, Maureen Seguin & Rebecca Barnes. 2021. Patients' use of the internet to negotiate about treatment. *Social Science & Medicine* 290. 114262. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114262> <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953621005943?via%3Dihub>
- Stewart, Moira, Judith Belle Brown, Wayne Weston, Ian R McWhinney, Carol L. McWilliam & Thomas Freeman. 2013. *Patient-centered Medicine. Transforming the Clinical Method*. 3rd ed. London: CRC Press. <https://doi.org/10.1201/b20740>
- Umefjorda, Göran, Katarina Hamberg, Hans Malkerb & Göran Petersson. 2006. The use of an Internet-based Ask the Doctor Service involving family physicians: Evaluation by a web

survey. *Family Practice* 23 (2). 159–166. <https://doi.org/10.1093/fampra/cmi117>
<https://academic.oup.com/fampra/article/23/2/159/527335?login=false>

Zummo, Marianna. 2015. Exploring web-mediated communication: A genre-based linguistic study for new patterns of doctor–patient interaction in online environment. *Communication & Medicine* 12 (2–3): Telemedicine/E-Health as Mediated Communication. 187–198. <https://doi.org/10.1558/cam.31897>;
<https://journal.equinoxpub.com/CAM/article/view/8354>

Article history:

Received: 26 June 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionote:

Liliya KOMALOVA is Doctor Habil. (Linguistics), Associate Professor, Head and Leading Research Fellow of the Centre of Emerging Practices at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University. Her research interests include experimental linguistics, linguaconflictology, speech behavior and speech activity, Internet linguistics, psycholinguistics, behavioural psychology and corpus linguistics.

e-mail: komalova@inion.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

Сведения об авторе:

Ли́лия Ряши́товна КОМА́ЛОВА – доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Научные интересы: экспериментальная лингвистика, лингвоконфликтология, речевое поведение и речевая деятельность, интернет-лингвистика, психолингвистика, психология поведения, корпусная лингвистика.

e-mail: komalova@inion.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-37403>

EDN: ERWFAA

Research article / Научная статья

Song and poetic text *Bella ciao* in a mosaic of languages, cultures and arts

Olga S. CHESNOKOVA ✉, Roberta ALONZI and Luiza N. GISHKAEVA

RUDN University, Moscow, Russia

✉chesnokova-os@rudn.ru

Abstract

The development of textology and intertextuality opens up new perspectives in the interpretation of famous texts, including the song of the Italian *Resistance* participants *Bella ciao*. Its numerous polymodal representations in different languages and arts account for the need to systematize them on uniform methodological grounds. The material of the article is the song and poetic text in Italian dialects and in the common Italian neo-standard, its translations into Romance languages, interpretations in Russian, Caucasian and other languages, as well as multimedia and polychannel versions. The goal of the article is to discuss intertextual, semantic and semiotic parameters of the text; to establish the parameters of internal and external intertextuality of the versions of the original text; and to characterize the precedent phenomena serving as the basis for the development and transformation of their aesthetics. The study aims to build and interpret the precedent links and associations of the song *Bella ciao* in its intertextual transformations; to determine its specificity in the semicultural conditions of reading and interpretation and at the same time to evaluate its place in the context of Italian and world culture. The methodology is based on a set of methods at the intersection of linguosemiotic, functional and semantic approaches focusing on such parameters of the text as precedence, variation, correlation of linguistic and non-linguistic codes, comparison of the original and translations, polycode, polymodal and translation transformations. The study has established that, as a result of numerous intertextual transformations, the original text expressing unique Italian cultural meanings acquires new interpretations acting as a starting point or the development of both precedent and new plots. It is used as a polycoded intersemiotic model for the creation of new interpretations and, in the long term, becomes a tool for the preservation and reproduction of cultural memory.

Key words: song and poetic text, intertextuality, precedent text, interpretation, transformation

For citation:

Chesnokova, Olga S., Roberta Alonzi & Luiza N. Gishkaeva. 2024. Song and poetic text *Bella ciao* in a mosaic of languages, cultures and arts. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 365–390. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37403>

© Olga S. Chesnokova, Roberta Alonzi & Luiza N. Gishkaeva, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Песенно-поэтический текст *Bella ciao* в мозаике языков, культур и искусств

О.С. ЧЕСНОКОВА , Р. АЛОНЦИ , Л.Н. ГИШКАЕВА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 chesnokova-os@rudn.ru

Аннотация

Развитие текстологии и интертекстуальности открывает новые перспективы в интерпретации текстов уникальной судьбы в мировой культуре, к которым относится песня итальянских участников Сопротивления *Bella ciao*. Ее многочисленные поликодовые и полимодальные репрезентации на различных языках и в различных видах искусства обуславливают необходимость их систематизации на единых методологических основаниях. Материалом статьи послужил песенно-поэтический текст на итальянском языке в его диалектных разновидностях и на общепитальянском неостандарте, его переводы на романские языки, интерпретации на русском, кавказских и др. языках, а также мультимедийные и поликанальные версии. Цель статьи – рассмотреть интертекстуальные и семантико-семиотические параметры текста *Bella ciao*, установить параметры внутренней и внешней интертекстуальности версий оригинального текста, охарактеризовать прецедентные явления, служащие основой развития и трансформации их эстетики. Основные исследовательские задачи таковы: выстроить и интерпретировать прецедентные связи и ассоциации песенного текста *Bella ciao* в его интертекстуальных трансформациях; определить его специфику в культурно-семиотических условиях прочтения и интерпретации и одновременно расценить его место в контексте национальной итальянской и мировой культуры. Методология опирается на комплекс методов и взаимодействие лингвосемиотического и функционально-семантического подходов современной лингвистики, ориентируясь на такие параметры текста, как прецедентность, вариативность, соотношение лингвистических и нелингвистических кодов, сопоставление оригинала и переводов, поликодовые, полимодальные и переводческие трансформации. В итоге установлено, что исходный текст как носитель уникальных итальянских культурных смыслов приобретает в многочисленных интертекстуальных трансформациях новое неповторимое прочтение и наполнение, задавая точку опоры для развития и прецедентного, и новых сюжетов. Он используется как поликодовая интересемиотическая модель для создания новых интерпретаций и в перспективе становится инструментом сохранения и воспроизводства культурной памяти.

Ключевые слова: песенно-поэтический текст, интертекстуальность, прецедентный текст, поликодовость, интерпретация, трансформация

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Алонци Р., Гишкаева Л.Н. Песенно-поэтический текст *Bella ciao* в мозаике языков, культур и искусств. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 365–390. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37403>

1. Введение

Лингвистика текста с начала 60–70-х гг. XX в. существенно расширила круг объектов и предмета анализа, а как семиотическая единица текст приобрел статус сложного знака с тенденцией к гетерогенным образованиям на основе синтеза словесного кода и разнообразных невербальных кодов:

музыкального, изобразительного, вестиментарного, танцевального и др. Песенно-поэтическое творчество на материале различных языков и культур показывает, что существуют песенно-поэтические тексты уникальной судьбы, расширившие свои культурно-семиотические границы до мировой известности. Их исследование требует полипарадигмального осмысления на основе сочетания современных лингвистических методов и приемов анализа. Одним из наиболее продуктивных из них представляется интертекстуальность и деятельностный подход к тексту, предполагающий «активного читателя» (Пьеге-Гро 2008: 132).

В данной статье исследуется знаменитая песня итальянских участников Соппротивления¹ (1943–1945) *Bella ciao* (итал. букв. «Красавица, прощай»), которая стала транскультурно известным произведением о мужестве, долге и отваге. После Второй мировой войны она получила широкое распространение в Италии, а в 1947 шагнула за пределы страны, когда итальянская делегация привезла ее на первый всемирный фестиваль молодежи и студентов в Прагу. В СССР песня стала популярной благодаря таким знаменитым исполнителям, как Ив Монтан, Муслим Магомаев, Дин Рид. *Bella ciao* была переведена на различные языки и получила многочисленные поликодовые и полимодальные репрезентации в различных видах искусства. Одновременно эта полюбившаяся самым широким массам населения всего мира песня стала предметом дискуссий, касающихся ее истоков, и прецедентным текстом для разнообразных интерпретаций и трансформаций.

Цель нашего исследования – установить параметры внутренней и внешней интертекстуальности версий оригинального текста и охарактеризовать прецедентные явления, служащие основой развития и трансформации их эстетики. В статье исследуются и систематизируются интертекстуальные адаптации этого песенно-поэтического произведения на материале различных языков, культур и искусств. К основным исследовательским задачам относятся следующие: установить природу прецедентных связей, выстроить и интерпретировать прецедентные связи и ассоциации песенного текста *Bella ciao* в интертекстуальных трансформациях, которые позволяют рассматривать его в контексте национальной итальянской культуры, в глобальном контексте мировой культуры и одновременно определяют его специфику в культурно-семиотически обусловленных условиях прочтения и интерпретации.

2. Теоретические основания исследования

Предпринятое нами исследование находится в нескольких парадигмах, ведущими из которых служат теория прецедентности, лингвистика текста, теория поликодового текста, интертекстуальность. Теория прецедентности

¹ Термином «Соппротивление» (*Resistenza*) называют борьбу в 1943–1945 гг. и Освобождение Севера Италии от немецкой оккупации в результате массового партизанского восстания 25 апреля 1945 года, и эта дата стала в Италии национальным праздником.

зародилась в трудах Ю.Н. Караулова (Караулов 2010) и в настоящее время широко используется как инструмент исследования различных видов текста и дискурса, в том числе поликодового. В свою очередь, лингвистика текста, структурирующая методологию данного исследования, за весь период своего развития значительно увеличила фокус внимания на текстах различной жанрово-стилистической природы, а сам текст как семиотическая сущность стал проявлять себя как динамичный синтез вербального и невербальных кодов: изобразительного, графического, музыкального, вестиментарного и др. Сочетание вербального и иных кодов дало начало теории поликодовых текстов, активно разрабатываемой в современном языкознании (Анисимова 2003, Большакова 2008, Подлегаева 2019, Максименко, Подлегаева 2020, Новоспаская, Дугалич 2022, Сергеева, Уварова 2014, Сонин, Мичурин 2012 и др.).

Именно к поликодовым относятся песенные произведения и кинотекст. Однако если кинотекст имеет уже достаточно сложившуюся традицию изучения с точки зрения характеристик в национальных традициях, анализа отдельных составляющих, оказывающих влияние на коммуникативное поведение основных участников общения: авторов и зрителя, в том числе, при переводе-локализации (Агафонова 2008, Александрова и др. 2019, Анисимов и др. 2019, Барт 2004, Горшкова 2006, Евграфова 2020, 2022, Колодина, Пашкова 2016, Корякина 2015, Рыбинок 2020, Bae & Kim 2019, Chaume 2004, Chung & Eoh 2019, Deleuze 1983, Leonardi 2019, Монасо 2000 и др.), то песенно-поэтический текст как поликодовое и полимодальное образование представляет своеобразную лакуну в современной лингвистике. Он имеет достаточно избирательное изучение, где выделяются исследование жанров и тем песенного текста (Андронаки, Васильева 1998, Бакланова, Колесов 2020, Гриценко, Дуняшева 2013, Хроменков, Максименко 2016, Шевченко 2009, Янченко 2019, Mercuri & Tuzzi 2020); реализация текстовых и дискурсивных категорий (Алексеева, Барташова 2012, Максименко, Подрядова 2013); лингвокогнитивное (Балан, Чеснокова 2023, Дец 2018), гендерно-дискурсивное направление (Пилоте 2009, Gritsenko & Laletina 2023); роль песенного текста как консолидатора идентичности (Алешинская, Гриценко 2014, Чеснокова 2023) и др. В нашей статье песня *Bella ciao* исследуется как песенно-поэтическое произведение в его поликодовых и полимодальных версиях, отражающих интертекстуальное и интерсемиотическое взаимодействие языков и искусств и одновременно актуализирующее оригинал, возвращая его в исходное культурно-семиотическое пространство.

Песенно-поэтический текст *a priori* предполагает несколько каналов или кодов реализации, важнейшими из которых являются вербальный и музыкальный. Разграничивая поликодовую и полимодальную коммуникацию, мы следуем за А.Н. Барановым и П.Б. Паршиным, предложившими считать поликодовой такую коммуникацию, которая использует знаки разнородных семиотических систем, а полимодальной – коммуникацию, связанную с применением разных сенсорных каналов восприятия и обработки информации

(Баранов, Паршин 2018). При этом полимодальность предполагает исполнение адресантом и восприятие адресатом (слушателем, зрителем) и составляет предпосылку внешней интертекстуальности. В свою очередь, интертекстуальность, которая видит в тексте гетерогенную структуру и одновременно предполагает активно-деятельностный подход, показывающий, «каким образом в одном и том же произведении сосуществуют разные уровни прочтения» (Пьеге-Гро 2008: 133), позволяет выделить и осмыслить такие свойства текста *Bella ciao*, как вариативность, соотношение языковых кодов, сопоставление оригинала и переводов, поликодовые трансформации в различных видах искусства. Цель исследования – рассмотреть различные интертекстуальные и семантико-семиотические параметры текста *Bella ciao*, в том числе в творчестве современного певца Астемира Апанасова (р. 1989), вывести параметры внутренней (собственно языковой) и внешней (связанной с условиями возникновения и особенностями реализации) интертекстуальности различных версий оригинального текста, прецедентные явления, служащие основой развития и трансформации их эстетики, например, в кинотексте *Casa de papel* («Бумажный дом»).

3. Материал и методология исследования

Для исследования был отобран текстовый материал на итальянском языке в его различных диалектных разновидностях и на общеитальянском неостандарте, переводы и реинтерпретации оригинального текста на различных романских, германских, на русском, кавказских и др. языках, мультимедийные и поликанальные версии исполнения *Bella ciao*. Авторы исходят из предпосылки, что песенно-поэтический текст относится к области художественного текста, который универсально реализует следующие параметры текстуальности: 1) связность; 2) целостность; 3) интенциональность; 4) восприимчивость; 5) информативность; 6) ситуативность; 7) интертекстуальность, а наряду с ними выявляет такие специфические параметры, как образность, конвенциональность, автосемантичность, континуальность и контекстуальность². Основные методы исследования – лингвистический комментарий, лингвосемиотический анализ поликодового текста, параметрический анализ текстуальности, сопоставительный метод применительно к интертекстуальным трансформациям песенно-поэтического текста, анализ переводческих трансформаций, анализ взаимодействия культурно-семиотических и семан-

² По Р.А. Богранду и В. Дресслеру: 1) cohesion (когезия/связность); 2) coherence (когерентность); 3) intentionality (интенциональность); 4) acceptability (восприимчивость); 5) informativity (информативность); 6) situationality (ситуативность); 7) intertextuality (интертекстуальность).

URL: https://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65625b2ac68a5d43b89521206c37_0.html: дата обращения: 03.01.2023. См. также Р.И. Гальперин Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006.

тических компонентов поликодового текста. Таким образом, методология исследования опирается на взаимодействие лингвосомиотического и функционально-семантического подходов современной лингвистики.

4. История создания песенно-поэтического текста *Bella ciao* и его идейно-эстетические признаки

Происхождение песни *Bella ciao* остается неясным. По некоторым версиям, песня была привезена в США в 1919 году цыганским музыкантом из Одессы Мишкой Зигановым. Мелодия его песни «Койлен»³ имеет типично русское звучание и, возможно, происходит от народной песни «Дус зекеле койлен»⁴ на идиш. По мнению этно-музыковеда Роберто Лейди⁵, *Bella ciao* как музыкально, так и по структуре итерации (повтор «*ciao*»), имеет сходство с широко распространенной на Севере Италии детской песней «*La me nona l'è vecchierella*» («*l'è vecchierèlla la me fa ciau, la me dis ciau, la me fa ciau ciau*» ‘одна старушка говорит мне «Привет», говорит мне «Привет, говорит мне «Привет»’), а музыкальные аналогии – с пьемонтской балладой «*La bevanda sonnifera*»⁶ и песней «*E picchia picchia la porticella*»⁷. Антрополог Альберто Марио Чирезе полагает, что *Bella ciao* является трансформацией эпико-лирической песни, которую Костантино Нигра – дипломат эпохи Рисорджименто (1848–1870) и близкий соратник графа Кавура назвал «*Fior di tomba II*». Эта песня стала известна во всей Италии и вошла в военный репертуар после войны 1915–1918 гг.⁸. Костантино Нигра приводит многочисленные варианты этой песни в сборнике «Популярные песни Пьемонта», впервые опубликованном в 1888 г.⁹, среди которых одна композиция начинается со стиха *Sta mattina, mi sun levata* (досл. «*Сегодня утром я проснулась*»). К. Нигра также сообщает о венецианском варианте, начинающемся словами «*Sta matin, me son levata*» (букв. : «*Сегодня утром я проснулась*»). В различных текстовых версиях песни рассказывается о женщине, которая хочет следовать за мужчиной ради любви, даже если это означает смерть и погребение, поэтому, в зависимости от версии, проходящие мимо люди говорят «какой красивый

³ <https://www.youtube.com/watch?v=r0KbSFYbTxA>

⁴ https://www.repubblica.it/2008/04/sezioni/spettacoli_e_cultura/ballata-bella/ballata-bella/ballata-bella.html

⁵ Leydi, R. 1973. La possibile storia di una canzone. Romano Ruggiero & Corrado Vivanti (a cura di). *Storia d'Italia Vol. V, I documenti. Tomo II*. Torino: Einaudi. 1183–1197. ID. I canti popolari italiani. Verona: Mondadori. 374–376.

⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=MIEYI0ESvMU>

⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=D2mDthgBYnU>

⁸ <https://lanostrastoria.corriere.it/2018/07/10/la-vera-storia-di-bella-ciao-che-non-venne-mai-cantata-nella-resistenza>

⁹ Nigra, Costantino. 2020. *Canti popolari del Piemonte* (a cura di Jona E., Castelli F., Lovatto A.). Milano: Neri Pozza.

цветок» или «какой хороший запах»¹⁰. Истоки этой темы к тому же, находятся во французской песне «La Pernelle»¹¹, засвидетельствованной приблизительно в шестидесяти вариантах в конце XV века и распространенной на юге и северо-западе Франции, в Северной Италии и в Каталонии. В песне влюбленная девушка плачет и горюет из-за того, что ее возлюбленный находится в тюрьме, и говорит матери, что если его повесят, то она последует за ним на смерть, и пусть их похоронят около тропинки, покроют цветами, чтобы все прохожие собирали эти цветы и молились Богу за умерших влюбленных: *Les gens qui passent prendront de ces fleurs et prieront Dieu pour les amoureux défunts* «Проходящие мимо люди будут возлагать цветы и молиться Богу за погребенных влюбленных». Именно эта песня послужила источником вдохновения для «*Fior di tomba*». Та же тема звучит и в каталонском варианте «*A cada cap de força | poseu-hi un ram de flos/ La gent quant passaran | sentirán gran oló/ Dirán un pare-nostre per el pobre ayudó!*»¹² «Каждый предводитель (воинов) /возложит букет цветов, /а все испытают глубокую печаль/ и помолятся о бедном возлюбленном». Таким образом, очевидно, что эта песня французского происхождения, хотя она и несколько видоизменяется с каждым географическим переходом: она должна была бы сначала войти в пьемонтскую традицию как «*Fior di Tomba*», затем в трентинскую с названием «*Il fiore di Teresina*», потом в венецианскую с названием «*Stamattina mi sono alzata*», затем стать той *Bella ciao*, которую пели партизаны, а также представлять существующий вариант, исполняемый женщинами долины реки По. Согласно распространенной в настоящее время точке зрения *Bella ciao* восходит к народной песне под таким же названием, появившейся в начале XX века и исполнявшейся женщинами, выполнявшими тяжелую работу по прополке и сбору риса на рисовых полях на Севере Италии¹³. В изначальном варианте песни повествовалось о тяжелой доле крестьянок, вынужденных зарабатывать деньги для своих семей, работая на владельца рисовых полей с утра до ночи («*Alla mattina, appena alzata/ O bella ciao, bella ciao, bella ciao, ciao, ciao/ Alla mattina, appena alzata/ In risaia mi tocca andar/ E fra gli insetti e le zanzare/ O bella ciao, bella ciao, bella ciao, ciao, ciao/ E fra gli insetti e le zanzare/ Duro lavoro mi tocca far*» (досл. «Утром я лишь проснулась/ Привет, красотка, привет, красотка/ Утром, проснувшись только/ на поле риса мне идти/ там мошкара и комары/ там труд тяжелый ждет меня»).

Карло Пестелли, специалист по истории итальянского языка, опровергает версию о том, что *Bella ciao* никогда не исполнялась итальянскими

¹⁰ https://www.interlinea.com/rassegna_stampa/le-vere-origini-di-bella-ciao-canto-di-liberta-2106.html

¹¹ Doncieux, Georges. 1891. La Pernelle. Origine, histoire et restitution critique d'une chanson populaire romane. *Romania. Tome 20 n°77*. 86–135. <https://doi.org/10.3406/roma.1891.5662>

¹² Там же. С. 125.

¹³ <https://www.youtube.com/watch?v=6CW6l-A1rnk>

партизанами¹⁴. На самом деле она должна была дойти до итальянского движения Сопrotивления еще до 1945 г.¹⁵ Историк Стефано Пивато утверждает, что *Bella ciao* стала популярна в провинциях Реджо-Эмилия, Апуанские Альпы (горный хребет в Италии) и в провинции Риети¹⁶. Историк Чезаре Бермани, напротив, утверждает, что первыми песню стали петь абруцкие партизаны из бригады Майелла, которые распространили ее на север, когда она стала известна их соратникам по партизанскому движению в Тоскане и Эмилии-Романье¹⁷.

Интересно отметить, что «официальным» гимном Сопrotивления эта песня стала только через двадцать лет после окончания Второй мировой войны. Самой популярной среди партизан была песня «Свистит ветер, грянет буря» («*Fischia il vento e infuria la bufera/ scarpe rotte e pur bisogna andar*»)¹⁸, переделанная из советской песни 1938 г. «Катюша» М. Блантера и М. Исаковского, но с итальянским текстом («Свистит ветер, грохочет буря, обувь порвана, но мы идем сражаться»), в котором говорилось о трудностях партизанской жизни в горах и лесах и выражалась твердая надежда на скорую победу и освобождение. Именно эта песня стала официальным гимном «Бригад Гарибальди» – партизанских отрядов, в которых сражались итальянские коммунисты. Но если «Свистит ветер», как казалось некоторым, был по духу слишком «коммунистическим», то *Bella ciao* была «политкорректной», а упоминание общего для всех итальянцев понятия оккупанта отражало требования не только левых, но и всех других антифашистских партий.

В 1953 г. песня *Bella ciao* была впервые представлена в журнале «La Lira», который редактировал Альберто Марио Сирезе¹⁹. И только в 1955 г. песня была включена в сборник «Партизанские и демократические песни», изданный молодежным комитетом Итальянской социалистической партии (PSI). Затем 25 апреля 1957 г. она была включена коммунистической газетой «Unità» в небольшой сборник партизанских песен. Однако *Bella ciao* отсутствует в песенном сборнике «*Canti Politici*», изданном прокоммунистическим издательством Editori Riuniti в 1962 г. и содержащем более 60 партизанских песен²⁰. Впоследствии именно фестиваль в городе Сполето («Фестиваль двух миров») дал старт популярности песни *Bella ciao*. В 1964 г. группа

¹⁴ La vera storia di “Bella ciao”, che non venne mai cantata nella Resistenza. <https://lanostrastoria.corriere.it/2018/07/10/la-vera-storia-di-bella-ciao-che-non-venne-mai-cantata-nella-resistenza/>

¹⁵ Pestelli, Carlo. 2016. *Bella Ciao*. Italia: ADD Editore.

¹⁶ Pivato, Stefano. 2006. *Bella Ciao. Canto e Politica Nella Storia d’Italia*. Roma-Bari: Laterza.

¹⁷ Bermanni, Cesare. 2020. *Storia e Fortuna di una Canzone. Dalla Resistenza Italiana all’Università delle Resistenze*. Milano: Interlinea. См. также Giacomini, Ruggero. 2021. *Bella Ciao: La Storia Definitiva della Canzone Partigiana che dalle Marche ha Conquistato il Mondo*. Roma: Castelvechi.

¹⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=TeLAGblQhZQ>

¹⁹ <https://lanostrastoria.corriere.it/2018/07/10/la-vera-storia-di-bella-ciao-che-non-venne-mai-cantata-nella-resistenza/>

²⁰ Mercuri, Lamberto & Carlo Tuzzi. 2020. *Canti Politici Italiani. 1793–1945*. Roma: Editori Riuniti.

«Nuovo Canzoniere Italiano» представила на «Фестивале двух миров» две версии песни *Bella ciao*: партизанскую²¹ и «крестьянскую» (*mondine*)²².

5. Песенно-поэтический текст *Bella ciao* как прецедентный феномен

Песенно-поэтический текст *Bella ciao* характеризуется ритмом, напоминающим марш: сильный, повторяющийся ударный ритм. С точки зрения итальянской коммуникативной культуры, обращения *bello* («красивый») или *bella* («красивая») очень разговорные и традиционно употребляются по отношению к молодой женщине, подруге, другу. Прямой смысл обозначения красоты вытесняется в обращении эмотивным смыслом доверительности, близости и симпатии. В итальянской коммуникативной культуре обращения *bello* или *bella* по отношению к незнакомому человеку или к малознакомому звучат как не этикетные. С грамматической и дискурсивной точек зрения, синтагма *bella ciao* является инверсией, поскольку для итальянского коммуникативного стиля характерны формулы приветствия и прощания с постпозитивным обращением: *ciao bello*, *ciao bella*. Однако именно инверсия обращения и создала тот ритмико-интонационный рисунок, который стал источником интертекстуальных трансформаций композиции *Bella ciao*.

Во всех итальянских вариантах текста *Bella ciao* топос героя, освобождающего свой народ от гнета, но не попадающего на «землю обетованную» и погребенного на горе, имеет почти библейский характер и явственно прослеживаемую аллюзию на пророка Моисея²³ (Втор. 34:6). В Италии песню *Bella ciao* всегда исполняли и исполняют в основном в хоровом пении (реже в сольном варианте) на послевоенных собраниях и демонстрациях итальянских партизан и их организации ANPI (*Associazione Nazionale Partigiani d'Italia*). Такие собрания и демонстрации проходят и поныне, в них участвуют потомки партизан, их дети и внуки, и все те, кому дороги идеалы антифашизма, на которых строилась Итальянская Республика с ее действующей демократической и, по сути, антифашистской Конституцией 1947 г.

Итальянский язык характеризуется широким диалектным разнообразием, составляющим особую форму его существования и одновременно стремлением к нестандартному варианту (Быстрова 2023, Соколов 2016). Песня *Bella ciao* также существует на общеитальянском нестандарте, но ее генезис является результатом различных диалектных и мелодических традиций. Семантика песни затрагивает темы, характерные для устных народных итальянских песен (любовь, смерть, свобода, героизм), которые говорят об общечеловеческих переживаниях и мифологизируют борьбу с фашизмом.

²¹ <https://www.youtube.com/watch?v=dHcZ3oP70dA>

²² <https://www.youtube.com/watch?v=c3BcPMtwXX4>

²³ Salerno, Daniele & Marit van de Warenburg. 2023. 'Bella ciao': A portable monument for transnational activism. *International Journal of Cultural Studies* 26 (2). 164–181. <https://doi.org/10.1177/13678779221145374>

Схема прочтения текста песни, предложенная Салерно и Ван де Варенбургом²⁴, опирается на следующие элементы. Нарративная оппозиция: «я» против «захватчика»; ось коммуникации: «я» обращается к «ты»; повествовательная схема: приход захватчика, борьба с захватчиком, жертва героя, освобождение; временная структура: прошлое (перерыв), настоящее (борьба), будущее (жертва и освобождение); минорный аккорд против мажорного. Таким образом соединяются различные повествовательные и эмоциональные черты: от вторжения неприятеля и гибели партизана до освобождения и торжества героя; запоминающийся ритмический и лаконичный элемент – припев *Bella ciao*. Все это привело к тому, что песня стала отождествляться с примерами партизанской борьбы, мужества или даже борьбы феминисток. Таким образом, песенно-поэтический итальянский текст *Bella ciao* обретает признаки прецедентного и становится основой интертекстуальных, семиотических поликодовых трансформаций.

6. Интертекстуальные трансформации *Bella ciao*

За годы своего существования *Bella ciao* стала песней, символизирующей сопротивление любым формам угнетения и поддержку идеалов свободы и демократии. В 2013 году ее пели в Стамбуле участники акций протеста против премьер-министра Турции Эрдогана; в 2015 году – на церемонии памяти жертв французского сатирического журнала «Charlie Hebdo». В Италии ее пели с балконов во время локдауна в связи с пандемией. Она использовалась в предвыборных кампаниях партии СИРИЗА в Греции в 2015 году и сторонников Франсуа Олланда во Франции в 2012 году, во время демонстраций на площадях: курдские независимые движения в ходе текущей гражданской войны в Сирии, протесты в Барселоне за независимость Каталонии, протесты против неприятия правящими кругами необходимых мер с целью остановить грозящие катастрофой изменения климата на планете. В 2019 году *Bella ciao* стала одной из символических песен «Движения сардин», зародившегося в Болонье 14 ноября 2019 г. на основе идей группы молодых людей, как протест против избирательной кампании Маттео Сальвини (лидера партии Лига) в Эмилии-Романье. В 2020–2021 гг. в Интернете была опубликована адаптация песни на хинди – *Waras jao*²⁵. Видео было создано в поддержку фермеров Пенджаба, Харьяны, Уттар-Прадеша и других индийских штатов, протестующих против сельскохозяйственных законов, введенных правительством Моди. Летом 2022 года на видеозаписи было запечатлено, как протестующие из шриланкийского движения Gota Go Gama после отставки президента Готабайи Раджапаксы поют сингальскую версию *Bella ciao*. В 2020 году песню также взяли на вооружение транснациональные движения за предоставление права на аборт в Аргентине и Польше. Существуют также различные версии

²⁴ Salerno, Daniele & Marit van de Warenburg. Указ. соч. С. 171.

²⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=GntDBSmj1kM>

песни на фарси, принятые иранскими активистами и протестующими. Мелодия песни заимствуется и в других странах. Так, одному из авторов статьи (Р.А.) однажды довелось услышать ее в Германии. Когда автор случайно оказалась в поездке вместе с ехавшими на какой-то матч болельщиками одной из ведущих футбольных команд Бундеслиги, дортмундской «Боруссии» (нем. *Ballspielverein Borussia 09 e.V. Dortmund*), они пели сочиненный ими самими гимн своей команды на мотив *Bella ciao*, а на вопрос, знают ли они, откуда происходит эта мелодия, ответили, что они этого не знают. Отметим, что песенный дискурс универсально выступает средством коммуникации и единения спортивных болельщиков, в частности, футбольных (Чеснокова 2023). Футбол – это не только спорт как таковой, но и арена страстей и противостояний, а сопровождающие футбольные матчи «кричалки», возгласы, песни футбольных фанатов образуют составляющие футбольного дискурса. Примечательно, что в Турции еще в 90-годы XX века *Bella ciao* стала песней болельщиков футбольного клуба «Галатасарай» и символом их единения.

6.1. Русская версия *Bella ciao*

Русская версия песни *Bella ciao* получила широкое распространение благодаря блистательному исполнению Муслима Магомаева (1942–2008). Русский текст был написан поэтом А.С. Гороховым (1938–2023)²⁶.

*Прощай, Лючия, грустить не надо.
О, белла, чао,
Белла, чао,
Белла, чао, чао, чао!
Я на рассвете уйду с отрядом
Гарибальдийских партизан.*

*Отряд укроют родные горы,
О, белла, чао,
Белла, чао,
Белла, чао, чао, чао!
Прощай, родная, вернусь не скоро,
Нелегко путь у партизан.*

*И ждут фашистов в горах засады.
О, белла, чао,
Белла, чао,
Белла, чао, чао, чао!
Здесь будут биться со мною рядом
Мои друзья из разных стран.*

²⁶ Прощай Лючия [Электронный ресурс]. https://vk.com/wall-1404136_19012 (дата обращения: 27.06. 2023). [Proshai Luchia. https://vk.com/wall-1404136_19012 (retrieved 27 June 2023)].

*Нам будет трудно, я это знаю.
 О, белла, чао,
 Белла, чао,
 Белла, чао, чао, чао!
 Но за свободу родного края
 Мы будем драться до конца! (прощай, Лючия)²⁷*

Русская версия частично совпадает с оригиналом по хронологическому времени нарратива, которым является утро, и по топосу – горам Италии. В отличие от оригинала, также написанного от первого лица, но адресованного безымянной подруге или возлюбленной, русский текст А.С. Горохова адресован девушке по имени Лючия, имя которой по огласовке однозначно ассоциируется с итальянским языком и с Италией. Лирический герой и прецедентного текста, и русской версии – это партизан, однако в русской версии мы наблюдаем амплификацию перевода, где герой сражается с «отрядом гарибальдийских партизан». В русской версии лирический герой успокаивает возлюбленную, говоря, что не надо грустить: это расходится с итальянской версией оригинала, когда герой предчувствует смерть: *Ché mi sento di morir* «Я ощущаю, что умру». Если в прецедентном тексте лирический герой обнаруживает утром оккупанта-врага, то лирический герой в версии А.С. Горохова отправляется в горы на борьбу за свободу, при этом враг не назван, не эксплицирован. В прецедентном тексте герой предчувствует смерть, оставляет пожелание-завет соратникам похоронить его под сенью прекрасного цветка *Sotto l'ombra di un bel fior* «под сенью красивого цветка», а в финале песни погибает и видит себя «по ту сторону жизни» как партизана, погибшего за свободу: *partigiano/ Morto per la libertà* «партизан, который погиб (в борьбе) за свободу». Если в прецедентном тексте по сути два диалога: диалог с подругой и диалог с соратниками-партизанами о неминуемой смерти в борьбе, то версия А.С. Горохова не развивает тему смерти. Ее главное идейное послание – единение в борьбе за свободу единомышленников из разных стран: «Здесь будут биться со мною рядом /Мои друзья из разных стран». Многократное повторение в русской версии транслитерированного *белла чао* в соответствии с ритмическим рисунком оригинала, будучи языковой форенизацией, по Лоренсу Венути (Venuti 2008) прецедентного текста, придает интертекстуальной трансформации А.С. Горохова благозвучность и инакость, сохраняющую эстетику итальянского топоса оригинала и напоминающий маршевый ритм песни. При многочисленных стратегиях перевода поэтического текста оптимальным оказывается передача ритма, что мы и наблюдаем в версии А.С. Горохова.

²⁷ Прощай, Лючия [Электронный ресурс]: https://vk.com/wall-1404136_19012 (дата обращения 27.12.2023).

Говоря о российских адаптациях *Bella ciao*, отметим хоровое исполнение знаменитыми российскими коллективами, например, Государственным академическим русским народным хором имени М.Е. Пятницкого. С точки зрения поликодowości и полимодальности примечательно, что в исполнении «Белла Чао» хором Пятницкого сочетаются вербальный код на итальянском и русском языках, музыкальный код, вестиментарный (певцы одеты в красно-бело-черно-желтую гамму) и маршево-танцевальный код. Более того, в интерпретации хором Пятницкого присутствует и гендерный код, поскольку, как мы показали выше, прецедентной итальянской основой *Bella ciao* стал текст, адресуемый мужчиной женщине, а в композиции хора Пятницкого чередуются мужское и женское исполнение, при этом женщины исполняют завершающий куплет версии А.С. Горохова:

*Нам будет трудно, я это знаю
О, белла, чао,
Белла, чао,
Белла, чао, чао, чао!
Но за свободу родного края
Мы будем драться до конца!*

что создает особую воздействующую силу этой музыкально-поэтической версии.

6.2. *Bella ciao* в кинотексте «Бумажный дом»

Включение *Bella ciao* в качестве музыкальной темы в ставший всемирно известным испанский сериал *Casa de papel*²⁸ / «Бумажный дом» (2017) имело два основных семиотических следствия: *Bella ciao* стала саундтреком массовых демонстраций и молодежных движений по всему миру; *Bella ciao* как песня итальянского Сопротивления протерпела деконтекстуализацию, став музыкальным символом «Бумажного дома», особенно с точки зрения зрителей, которые не знают ее происхождения и смысла. Таким образом, из гимна итальянского Сопротивления *Bella ciao* превратилась в прагматическую основу для создания кинотекста и коммуникативного кода, имеющего одновременно вербальный, невербальный и паравербальный характер. Сериал «Бумажный дом» – это не просто история ограбления. Фильм выходит за эти рамки. Многочисленные символические и аллюзивные элементы: красные комбинезоны, маски, оригами и, конечно, звучание *Bella ciao* отсылают к более широкому контексту и ассоциациям. В «Бумажном доме» песня *Bella ciao* становится символом борьбы против диктатуры банков в Европе. Этот символ транслирует различные смыслы и интенсивность в зависимости от того, как изменение скорости ритма связано с изменением скорости изображения. Именно благодаря полисемии, которую *Bella ciao* приобретает в связи с речевыми актами и образами кинотекста «Бумажный дом», песня становится

²⁸ Casa de papel: (https://es.wikipedia.org/wiki/La_casa_de_papel).

всеохватной и репрезентативной для мира, в котором каждый может узнать себя в своих сильных и слабых сторонах. Для девяти персонажей сериала медленное, неустанное и порывистое пение – это порой подготовка к битве, в других случаях – способ обрести силы, а в-третьих – отпраздновать достижения. Значение *Bella ciao* в разных сценах сериала разнообразно²⁹: эйфория и «эйфоризация» речевого и коммуникативного акта в связанных с ним смыслах, таких, как безопасность, стремление к личной и коллективной славе, повторяемость действий, поиск общего дела, энтузиазм и иллюзии в стремлении к счастью, жизнь в противовес смерти. Профессор, персонаж исполняющий *Bella ciao*, олицетворяет не только идеалы Сопротивления, которым его учил дед и вокруг которых вращается его жизнь, но и планирование, манипуляцию, разочарование. Хоровое воплощение ритуала, связанного с *Bella ciao*, очевидно, упрощает послание: от воспроизведения контекста студенческих вечеринок «Erasmus» до воспроизводимости флешмобов, предлагаемых в некоторых сценах. Сценарист «Бумажного дома» Хавьер Гомес Сантандер в интервью газете «Repubblica» заявил, что впервые он спел *Bella ciao* еще в университете³⁰. Поэтому он осознает, что у *Bella ciao* и «Бумажного дома» общая душа. Таким образом, в условиях поликодовости кинодискурса, использование *Bella ciao* как музыкальной темы в кинотексте «Бумажный дом» представляет ее эстетически обусловленную репрезентацию, реализующую широкий спектр коммуникативных и идейно-эстетических задач, сочетающих вербальный, музыкальный, вестиментарный и др. коды.

6.3. *Bella ciao* в интерпретации Астемира Апанасова

С точки зрения интертекстуальных трансформаций *Bella ciao* и ее поликодовости обратимся к композиции и клипу «Белла Чао» (Рис. 1) Астемира Апанасова (р. 1989), который превратил итальянский прецедентный текст *Bella ciao* в многоязычную лезгинку на Эльбрусе, на высоте 4500 метров, с миллионными просмотрами на YouTube (ENA, April 12, 2024)³¹.

Композиция Астемира Апанасова содержит четыре куплета: куплет на итальянском, куплет на русском, на чеченском и на кабардинском языках. Сочетание итальянского, русского и двух кавказских языков – чеченского и кабардинского (восточный диалект адыгского языка), исполнение лезгинки придают колорит и зрелищность, дополнительно обеспечивая и усиливая поликодовость и мультимодальность композиции.

Одежда сопровождающих исполнение Астемира Апанасова артистов ансамбля «Насып» (Рис. 2) повторяет костюмы героев «Бумажного дома», т.е. вестиментарный код этого кинотекста и главную сюжетную линию

²⁹ <https://www.youtube.com/watch?v=QVGo80Whq9A> ; https://www.youtube.com/watch?v=RuS-0C1ze_k ; <https://www.youtube.com/watch?v=oCaGEpTFcvo>

³⁰ https://www.repubblica.it/serietv/netflix/2020/04/23/news/la_casa_di_carta-254737677/

³¹ <https://www.youtube.com/watch?v=EqFYVthZ8gA>

ограбления, которая в интерпретации Астемира Апанасова трансформирована в похищение национальных инструментов.

Рис. 1. Источник: скриншот фотографии с YouTube: Астемир Апанасов – Белла Чао (KAVKAZ MIX Bella Ciao)³² /

Figure 1. Source: screenshot of a photo from YouTube: Astemir Apanasov – Bella Ciao (KAVKAZ MIX Bella Ciao)

Рис. 2. Источник: скриншот фотографии с YouTube: Астемир Апанасов – Белла Чао (KAVKAZ MIX Bella Ciao)³³ /

Figure 2. Source: screenshot of a photo from YouTube: Astemir Apanasov – Bella Ciao (KAVKAZ MIX Bella Ciao)

³² https://www.youtube.com/results?search_query=%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80+%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2+%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B0+%D1%87%D0%B0%D0%BE (дата обращения /accessed : 09.10.2023)

³³ https://www.youtube.com/results?search_query=%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80+%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2+%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B0+%D1%87%D0%B0%D0%BE (дата обращения /accessed : 09.10.2023)

Таким образом, «Белла чао» в исполнении Астемира Апанасова становится композицией, основанной на нескольких прецедентных текстах: *Bella ciao* как песне итальянского Сопротивления, русской версии *Белла чао* А.С. Горохова и кинотексте «Бумажный дом».

Обратимся к куплету на чеченском языке и его переводу на русский язык (перевод Л.Г.).

<i>Иадика йойла</i>	<i>Счастливо оставаться</i>
<i>Хьо марша Йойла</i>	<i>Живи с миром</i>
<i>О, белла, чао,</i>	<i>О, белла, чао</i>
<i>Белла чао,</i>	<i>Белла чао,</i>
<i>Белла чао, чао, чао!</i>	<i>Белла чао, чао, чао!</i>
<i>Йоха ма йохлахь</i>	<i>Не расстраивайся</i>
<i>Щек дIа ма ялахь</i>	<i>Не отчаивайся</i>
<i>Со кеста юха вогIур ву</i>	<i>Я очень скоро вернусь</i>
<i>Йоха ма йохлахь</i>	<i>Не расстраивайся</i>
<i>Щек дIа ма ялахь</i>	<i>Не отчаивайся</i>
<i>Со кеста юха вогIур ву</i>	<i>Я очень скоро вернусь</i>

Куплет на чеченском языке отражает свойственную мусульманской риторике формулу приветствия «Живи с миром». Одна из грамматических особенностей чеченского языка заключается в гендерно маркированных формантах *в* и *й* грамматических классов (Бахаева 2018) и, в частности, в грамматическом роде глагола. В куплете на чеченском языке в композиции Астемира Апанасова нет прямого обращения, однако показатели рода глагола в формах *Йоха*, *йохлахь*, *ялахь* эксплицитно предназначают текст адресату-девушке, а глагольная форма *вогIур* создает образ адресанта-мужчины. При этом сохраняется итальянская ось обращения через русский-текст посредник А. Горохова. В чеченской версии нет упоминания партизан. Это прежде всего лирический диалог с любимой и твердое обещание вернуться. Многочисленные формы повелительного наклонения, призывающего к спокойствию и ожиданию возвращения героя-мужчины с победой.

Рассмотрим куплет на кабардинском, или адыгском языке, четвертый по следованию в композиции Астемира Апанасова и его перевод на русский язык (перевод Л.Г.).

<i>Уэрац си дахэ</i>	<i>Ты моя красавица</i>
<i>Зыхэлььыр си псэр</i>	<i>Моя душа принадлежит тебе</i>
<i>О Белла Чау Белла Чау!</i>	<i>О Белла Чау Белла Чау</i>
<i>Белла Чау Чау Чау</i>	<i>Белла Чау Чау Чау</i>
<i>Сэ партизанхэм сокIуэр ягьусэу</i>	<i>Иду с партизанами вместе</i>
<i>Къэдгъэзэжыныц</i>	<i>Вернемся, победив врага</i>
<i>Бийм датекIуау</i>	<i>Вернемся, победив врага</i>
<i>Сэ партизанхэм сокIуэр ягьусэу</i>	<i>Иду с партизанами вместе</i>
<i>Къэдгъэзэжыныц</i>	<i>Вернемся, победив врага</i>
<i>Бийм датекIуау</i>	<i>Вернемся, победив врага</i>

Кабардинский куплет звучит очень эмоционально и одновременно современно. В адыгском языке и адыгской риторике душа более объемна, чем сердце. Как видно из кабардинского куплета, адресация направлена девушке, при этом сохраняется итальянская основа обращения, апеллирующего к красоте: *Уэрац си дахэ* «ты моя красавица». Лирический герой кабардинского куплета – также партизан, который, как и в русской версии А.С. Горохова, должен вернуться с победой. Симптоматично, что включение в кабардинскую версию синтагмы «белла чао» показывает, что прецедентной основой метрики и эстетики также послужила русская версия А.С. Горохова.

Композиция Астемира Апанасова сопровождается лезгинкой, которую на Кавказе часто называют «танцем орла». Во время чеченской лезгинки артисты восклицают «ялла» и «тоха», коротко «тох» (в повелительном наклонении в чеченском языке), что может иметь отношение и к оружию – «стреляй», и к самому танцу, типа – «давай, бей» и выполняет роль подбадривающего междометия. Этимология слова «лезгинка» восходит к названию народа – лезгины. Лезгины (самоназв.: лезгияр, лезги, ахтинцы, кюрегу) – один из народов Дагестана³⁴. Наиболее вероятным представляется происхождение этого этнонима от лезгинского названия орла – лекъ (ср. табасаранское люкъ/«орел», рутульское лыкъ/«ястреб»). При этом предполагается, что вариант лекз с метатезой лезг является иранизированной формой более древнего этнонима лег/лек/лак (Минорский 1963: 112). То есть этноним лек/лезг мог исконно означать «орлиный народ» и, вероятно, восходит к тотемическим представлениям предков лезгин. Другая версия гласит, что корень «лек», или «лак», обозначает также тура – горного козла. Исследователи отмечают, что многие народы, например, дагестанцы, считали тура своим тотемным животным, одомашнили его, часто изображали на рисунках. Танцор, поднимаясь на носки, подражает стойке тура на задних ногах, а вытянутая в сторону рука напоминает рог³⁵, что прослеживается в исполнении А. Апанасова и содержит целую гамму аллюзий на идентичность кавказских народов, включая названные выше. В композиции *Белла Чао* Астемира Апанасова лезгинку исполняют только мужчины, что оказывается созвучным классической схеме прочтения текста *Bella ciao* в его оригинальной итальянской версии, поскольку текст адресован мужчиной женщине, а зажигательный кавказский ритм создает особые поликодовость и полимодальность композиции, перемещая топос с гор Италии на Эльбрус.

Созданный Астемиром Апанасовым песенный проект, в котором приняли участие представители разных кавказских народов, сочетает

³⁴ Халидова М.Р., Юсупова Ч.С. Проблемы мифологии и верований народов Дагестана: сборник статей. Дагестанский филиал АН СССР. Институт истории, языка и лит-ры им. Г. Цадасы, 1988. С. 166.

³⁵ Гаджимурадов И. Чей танец лезгинка? Этимология названия, происхождение танца и прихода его хореографии / И. Гаджимурадов // *Вестник антропологии*. 2019. № 3 (47). С. 155–168. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/155-168>

вербальный, музыкальный, вестиментарный, танцевальный коды и стал призывом к дружбе, единению и взаимоуважению. Об этом свидетельствует все поликодовые компоненты композиции: прецедентный текст *Bella ciao* как песня участников итальянского Сопротивления, одежда как униформа слаженной команды, красный цвет как символ мужества и самоотверженности. Маски Сальвадора Дали в композиции Астемира Апанасова говорят о том, что все мы художники, а искусство – самое эффективное оружие в наше время и наше спасение.

7. Обсуждение результатов

Систематизация параметров внутренней (собственно языковой) и внешней (экстралингвистической) интертекстуальности песни *Bella ciao* позволяет уточнить понятие поликодности песенно-поэтического текста как многоуровневого, гетерогенного интерсемиотического образования, что применительно к *Bella ciao* как к песне участников итальянского Сопротивления выявляет ее высокий интертекстуальный потенциал и многочисленные поликодовые и мультимодальные интерпретации и реинтерпретации в пространстве различных языков и культур.

Чем же обусловлен интертекстуальный потенциал *Bella ciao*? Прежде всего, песенно-поэтический текст *Bella ciao* характеризуется компактностью³⁶ и дает классические примеры *contrafacta*: замену одного песенного текста другим без изменения музыки, мелодии. Вследствие этого песня *Bella ciao* как прецедентный текст используется как текстовая и звуковая модель для создания новой истории, которая может быть передана последующим поколениям, и, следовательно, является элементом сохранения и производства культурной памяти. С одной стороны, память универсально организуется в узнаваемую культурную форму (например, музыку и музыкальные жанры) всегда в рамках определенного контекста. С другой стороны, память отделяется от этого контекста, деконтекстуализируется, как это происходит с *Bella ciao*, например, в коммуникации футбольных болельщиков, чтобы передаваться во времени и пространстве, порождая новые смыслы и позволяя создавать и семиотически оформлять новые воспоминания для их дальнейшей передачи потомкам³⁷. Семантическое наполнение и эстетические составляющие *Bella ciao*, в том числе многозначность итальянской лексемы *ciao* в дипазоне от формулы приветствия до формулы прощания, органично сочетаются с целым рядом символических элементов и достаточно вольных,

³⁶ Salerno, Daniele & Marit van de Warenburg. 2023. ‘Bella ciao’: A portable monument for transnational activism. *International Journal of Cultural Studies* 26 (2). 164–181. <https://doi.org/10.1177/13678779221145374>

³⁷ Halbwachs, Maurice. 1939. La mémoire collective chez les musiciens. *Revue Philosophique de la France et de l’Étranger* 127 (3/4). 136–165. Salerno, Daniele. 2021 A semiotic theory of memory: Between movement and form. *Semiotica* 24. 87–119.

субъективных интерпретаций, которые ставят коммуникативную ценность текста сразу на несколько уровней: интертекст, паратекст, метатекст.

Если рассматривать песенно-поэтический текст *Bella ciao* с точки зрения функциональной семантики, то в нем обнаруживаются все признаки семантических отношений между составляющими текст единицами, в первую очередь, лексемами. Согласно ставшей классической работе В.Н. Комиссарова³⁸, основными свойствами семантического объекта является наличие семантических отношений между входящими в текст словами, иными словами, системный характер этих отношений, взаимозависимость лексических единиц, относительная автономность, непрерывность обозначения смыслового пространства, взаимосвязь семантических полей в лексической системе языка. Понятие «семантическое поле» тесно связано с понятием «понятийное поле». Все эти характеристики имеются в тексте песни *Bella ciao* как прецедентном и в его поликодовых и мультимодальных интерпретациях и реинтерпретациях.

Как справедливо отмечает М.Л. Новикова, в современной художественной словесности активно разрабатываются монтажные приемы, хотя сам термин «монтаж» применительно к тексту стал использоваться сравнительно недавно (Новикова 2020: 154). Поскольку, по В.Б. Шкловскому, термин «монтаж» принадлежит разным видам искусства (Там же), то его составляющие распространяются и на художественный текст, и на песенно-поэтический как его разновидность. Например, мэтр сценического искусства К.С. Станиславский широко использовал в рамках монтажа понятие «темпоритм», которому он приписывал «чудодейственную силу» (Станиславский 2023: 171). Тогда синтагма *bella ciao*, по нашему мнению, может составлять ядро «темпоритма», претерпевая транслитерацию и форенизацию, по Л. Венути, в многочисленных интерпретациях и реинтерпретациях. Именно они создают внешнюю интертекстуальность песни *Bella ciao* как знакового песенно-поэтического памятника истории Италии и обладают особой воздействующей силой благодаря звуко-символизму и ореолу героизма, положенного в основу итальянского прецедентного текста.

8. Заключение

Песня итальянских участников Сопротивления (*Resistenza*) *Bella ciao* / *Белла Чао* в силу своих семантических, семиотических и музыкальных качеств обладает высоким интертекстуальным и адаптивным потенциалом в социокультурной реальности на рубеже XX–XXI веков. Она стала символом свободы и мужества, песней, олицетворяющей сопротивление любым формам угнетения. Наиболее распространенная итальянская версия *Bella ciao* представлена на общеитальянском неостандарте, хотя ее генезис является результатом различных итальянских диалектных и мелодических традиций.

³⁸ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС. 2001. С. 424.

Синтагма *bella ciao* с инверсией обращения создала ритмико-интонационный рисунок и эстетическую функцию восприятия, которые стали центром интертекстуальных трансформаций композиции *Bella ciao*.

Рассмотрение песенно-поэтического текста *Bella ciao* как прецедентного феномена на материале различных языков и культур позволило заключить, что исходный текст как носитель уникальных культурных смыслов приобрел в многочисленных интертекстуальных трансформациях новое неповторимое прочтение и наполнение, послужив точкой опоры для развития новых сюжетов. Исходный текст активно используется как звуко-символическая модель для создания новых историй и, таким образом, становится элементом сохранения и производства культурной памяти. Многократное повторение в версиях на многочисленных языках транслитерируемого *bella ciao* создает мажорную тональность и чувство единения адресанта и адресата. Во многих композициях топос лирического героя, освобождающего свой народ, простирается от библейских аллюзий на Моисея прецедентного текста до топоса гор как символа мужества и героизма.

Связи и ассоциации песенного текста *Bella ciao* как прецедентного в его интертекстуальных трансформациях помещают *Bella ciao* в контекст итальянской культуры, в глобальный контекст мировой культуры и одновременно создают его специфику в культурно-семиотически обусловленных условиях прочтения и интерпретации, в том числе поликодовой и полимодальной. Мифологизированный в прецедентном тексте мотив борьбы с захватчиком-фашистом в интертекстуальных версиях становится мотивом противодействия и одновременно единения в противостоянии «чужим», развивая идейно-эстетическую доминанту «свой–чужой» в диапазоне от соперника в спорте до политического противника и абстрактного анонимного противника, предрекаемая победа над которым становится символом мужества и доблести. Эстетический элемент, встраиваемый в семиотику интертекстуальных трансформаций *Bella ciao*, развивает широкую палитру смыслов от возвышенных поэтических до сниженных просторечных, основанных на ритме и звуко-символизме. При этом в реконструированной в статье мозаике языков, культур и искусств, принимающих итальянский текст *Bella ciao* как прецедентный феномен, прослеживается взаимодействие прецедентных связей с опорой на метатекстовые и гипертекстовые связи итальянской версии оригинала с семиотическим центром в виде инверсивного обращения *bella ciao*, ставшим и остающимся его песенно-поэтической интертекстуальной и темпометрической доминантой.

Финансирование и благодарности

Работа выполнена в рамках проекта No 050738-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Acknowledgements

This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738-0-000.

Список литературы / References

- Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. [Agafonova, Natal'ya A. 2008. *Obshchaya teoriya kino i osnovy analiza fil'ma (General Film Theory and the Fundamentals of Film Analysis)*. Minsk: Tessei. (In Russ.)].
- Александрова О.И., Красина Е.А., Рыбинок Е.С. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2019. № 5. С. 22–33. [Aleksandrova, Oksana I., Elena A. Krasina & Yevgeniy S. Rybinok. 2019. Precedentniye fenomeny kinoteksta: nazvanie khudozhestvennogo filma v aspekte perevoda (Precedent phenomena of the movie text: The title of a feature film in the aspect of translation). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education* 5. 22–33. (In Russ.)].
- Алексеева Н.А., Барташова О.А. Специфика реализации текстовых категорий в тексте песни // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология*. 2012. Т. 7. № 1. С. 27–37. [Alekseeva, Nadezhda A. & Olga A. Bartashova. 2012. Peculiarities of text categories realization in a song text. *Bulletin of Leningrad State University. A. S. Pushkin. Series: Philology* 1 (7). 27–37. (In Russ.)].
- Алешинская Е.В., Гриценко Е.С. Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 6. С. 189–193. [Aleshinskaya, Evgenia V. & Elena S. Gritsenko. 2014. English as a means of constructing global and local identities in Russian popular music. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6. 189–193. (In Russ.)].
- Андронаки Г.Д., Васильева В.В. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст // *Антропоцентрический подход к языку*. 1998. С. 5–24. [Andronaki, G. D. & Viktoriya V. Vasil'eva. 1998. Opyt lingvokulturologicheskogo analiza: pesennyi tekst (Experience of linguocultural analysis: A song text). *Anthropocentric Approach to Language* 5–24. (In Russ.)].
- Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2019. Т. 23. № 2. С. 435–459. [Anissimov, Vladislav E., Anna S. Borissova, & Grigoriy R. Konson. 2019. Linguocultural localization of movie titles. *Russian Journal of Linguistics* 2 (23). 435–459. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>
- Бакланова Е.В., Колесов И.Ю. Актуализация признаков песенно-поэтического текста в текстах жанров «рок» и «поп» // *Филология и Человек*. 2020. С. 32–48. [Baklanova, Evgenia V. & Igor Yu. Kolesov. 2020. Aktualizaciya priznakov pesenno-poeticheskogo teksta v tekstah zhanrov «rok» i «pop» (Actualization of features of song-poetic text in the texts of “rock” and “pop” genres). *Philology and Human*. 32–48. (In Russ.)].
- Балан Е.Г., Чеснокова О.С. Семиотика песенного дискурса периода Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 785–800. [Balan, Elena G. & Olga S. Chesnokova. 2023. Semiotics of song discourse during the Spanish Civil War (1936–1939). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 3 (14). 785–800. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-785-800>

- Баранов А.Н., Паршин П.Б. О метаязыке описания визуализации текста // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15. [Baranov, Anatoliy N. & Pavel B. Parshin. 2018. Towards the Metalanguage for describing text vizualizations. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 3 (17). 6–15. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>
- Барт Р. Проблема значения в кино // *Система моды. Статьи по семиотике культуры* / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. Москва: изд-во Сабашниковых, 2004. С. 378–392. [Bart, Rolan. 2004. Problema znacheniya v kino (The problem of meaning in cinema). *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury (Fashion System. Articles on Semiotics of Culture)*. Transl. from Fr., intro. art. and comp. S.N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publishing House. (In Russ.)].
- Бахаева Л.М. Способы выражения грамматического рода в чеченском языке: гендерный подход // *Вестник Калмыцкого университета*. 2018. № 2 (38). С. 71–78. [Bakhaeva, Leyla M. 2018. Sposoby vyrazheniya grammaticeskogo roda v chechenskom yazyke: gendernyi podkhod (Ways of expression of grammatic genus in the Chechen language: Gender approach). *Vestnik Kalmyckogo Universiteta* 2 (38). 71–78. (In Russ.)].
- Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» // *Вестник Самарского государственного университета*. 2008. № 4 (63). С. 19–24. [Bolshakova, Lyubov S. 2008. On «Polycode texts». *Vestnik of Samara State University* 4 (63). 19–24. (In Russ.)].
- Быстрова Т.А. Неоитальянский язык и его восприятие современными итальянскими писателями // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 4 (872). С. 16–22. [Bystrova, Tatiana A. 2023. The Italian neostandard through the eyes of contemporary Italian literature. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities* 4 (872). 16–22. (In Russ.)]. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_4_872_16
- Гаджимурадов И. Чей танец лезгинка? Этимология названия, происхождение танца и природа его хореографии // *Вестник антропологии*. 2019. № 3 (47). С. 155–168. [Gadjimuradov, Ilham. 2019. Whose dance is the Lezginka? The etymology of the name, the origin of the dance and the nature of its choreography. *Herald of Anthropology* 3 (47). 155–168. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/155-168>
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Ленинград: Наука, 1981. [Galperin, Ilya R. 1981. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (Text as an Object of Linguistic Research)*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск: ИГЛУ, 2006. [Gorshkova, Vera E. 2006. *Perevod V Kino (Translation in Films)*. Irkutsk: IGLU. (In Russ.)].
- Гриценко Е.С., Дунышева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // *Политическая лингвистика*. 2013. № 2. С. 141–147. [Gritsenko, Elena S. & Lilia G. Dunyasheva. 2013. Yazykovye osobennosti rehpa v aspekte globalizatsii (The linguistic features of rap in the aspect of globalization). *Political Linguistics* 2. 141–147. (In Rus.)].
- Дец Л.И. Объективация ментального образования «американская мечта» в песнях-номинантах «Грэмми» за лучшую песню года // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2018. № 9 (132) С. 173–176. [Dets, Lada I. 2018. Ob'ektivatsiya mental'nogo obrazovaniya "amerikanskaya mechta" v pesnyakh-nominantakh "Grehmmi" za luchshuyu pesnyu goda (Objectification of the mental formation "American dream" in songs nominated for Grammy for Best Song of the Year). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* 9 (132). 173–176. (In Russ.)].
- Евграфова Ю.А. Репрезентация реальности в динамике гетерогенного экранного текста (на примере кинотекста "Midnight in Paris" и телетекста "Утро пятницы") // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 3. С. 253–273. [Evgrafova, Yulia A. 2020. Representation of reality in the dynamic scope of the

heterogeneous screen text (case study of film text “Midnight in Paris” and the teletext “Morning of the Friday”). *Bulletin of Moscow Region State University* 3. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1020>

- Евграфова Ю.А. Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 2. С. 353–363. [Evgrafova, Yulia A. 2022. Hypotyposis in heterogeneous screen texts: Case study of ASMR-videos. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 2 (13). 353–363. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363>
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. [Karaulov, Yuriy N. 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost (Russian Language and Linguistic Personality)*. Moscow. Editorial URSSS. (In Russ.).]
- Колодина Е.А., Пашкова И.В. Специфика передачи образа-смысла при переводе названий кинофильмов (на материале английского и корейского языков) // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 2. С. 188–195. [Kolodina, Yevgenia A. & Irina V. Pashkova. 2016. The specificity of the image-sense in translating film titles (based on the English and Korean languages). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* 2. 188–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/55/20>
- Корячкина А.В. Художественный (постановочный) кинофильм как дискурс // *Филол. науки. Вopr. теории и практики*. 2015. № 3 (45). С. 91–97. [Koryachkina, Antonina V. 2015. Feature film as discourse. *Philology. Theory & Practice* 3 (45). 91–97. (In Russ.).]
- Максименко О.И., Подлегаева Е.П. Интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе (переводческая проблема) // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика*. 2020. № 1. С. 104–110. [Maksimenko, Olga I. & Elena P. Podlegaeva. 2020. Interpretation of intertext in multysemitic animation discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics* 1. 104–110. (In Russ.).]
- Максименко О.И. Анимационный видеовербальный текст: проблемы перевода и интерпретации. Москва: Наука, 2023. [Maksimenko, Olga I. 2023. *Animatsionnyi videoverbal'nyi tekst: problemy perevoda i interpretatsii (Animated Video-verbal Text: Problems of Translation and Interpretation)*. Moscow: Science. (In Russ.).]
- Максименко О.И., Подрядова В.В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. № 4. С. 27–37. [Maksimenko, Olga I & Vesta V. Podryadova. 2013. Polycode musical poetic discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 4. 27–37. (In Russ.).]
- Максименко О.И., Хроменков П.Н. Конфликтогенные компоненты текстов авторской поэзии // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2016. № 4. С. 27–37. [Maksimenko, Olga I & Pavel N. Khromenkov. 2016. Conflict components in poetic texts. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics* 4. 27–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-4-27-37>
- Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. Москва: ООО «Издательство “Экон-Инфор”», 2020. [Novikova, Marina L. 2020. *Ontologiya iskusstva pochticheskogo slova i ostrannenie (The Ontology of the Art of the Poetic Word and Defamiliarization)*. Moscow: LLC “Econ-Infor Publishing House”. (In Russ.).]
- Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. [Novospasskaya, Natalia V & Natalia M. Dugalich. 2022. Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies* 3 (20). 298–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>

- Пилюте Ю.Э. Специфика женского образа в рок-поэзии Германии // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2009. № 8. С. 98–102. [Pilute, Yurate E. 2009. Spetsifika zhenskogo obraza v rok-poezhzii Germanii (Specificity of the female image in German rock poetry). *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 8. 98–102. (In Russ.)].
- Подлегаева Е.П. Стилистические особенности аудиовизуальных текстов (на материале мультсериала "Смешарики") // *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2019. № 3 (27). С. 32–42. [Podlegaeva, Elena P. 2019. Stilisticheskie osobennosti audiovizual'nykh tekstov (na materiale mult'seriala "Smeshariki") (Stylistic features of audiovisual texts (on the material of the cartoon series "Smeshariki")). *Scientific Notes of NOPRIL* 3 (27). 32–42. (In Russ.)].
- Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. Ред. И вступ. Ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. [Piegay-Gros, Natali. 2008. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti (Introduction to the theory of intertextuality). In Georgy K. Kosikov (eds.). Moscow: LKI. (In Russ.)].
- Рыбинок Е.С. Вариации на тему имени: личные имена в художественном тексте и кинотексте (по роману Л. Улицкой "Казус Кукоцкого" и одноименного сериала режиссера Ю. Грымова) // *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2020. № 2 (30). С. 69–76. [Rybinok, Evgenii S. 2020. Variatsii na temu imeni: lichnye imena v khudozhestvennom tekste i kinotekste (po romanu L. Ulitskoi "Kazus Kukotskogo" i odnoimennogo seriala rezhissera Yu. Grymova) (Variations on the theme of name: Personal names in fiction and film text (based on L. Ulitskaya's novel "The Kazus Kukotsky" and the TV series of the eponymous film directed by Y. Grymov)). *Scientific Notes of NOPRIL* 2 (30). 69–76. (In Russ.)].
- Сергеева Ю.М., Уварова Е.А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // *Наука и школа*. 2014. № 4. С. 128–134. [Sergeeva Yulia M. & Ekaterina A. Uvarova. 2014. Polycode text: Peculiarities of structure and perception. *Science and School* 4. 128–134. (In Russ.)].
- Соколов А.Е. Современное состояние национального языка Италии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 5 (744). С. 85–96. [Sokolov, Alexander Y. 2016. The current state of the national language of Italy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University* 5 (744). 85–96. (In Russ.)].
- Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // *Вопросы психолингвистики*. 2012. № 2 (16). С. 164–173. [Sonin, Alexander G. & Dmitry S. Michurin. 2012. Evolution of multimodal text: Impact to interaction. *Journal of Psycholinguistics* 2 (16). 164–173. (In Russ.)].
- Станиславский К.С. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения: дневник ученика. Санкт-Петербург: Азбука, 2023. [Stanislavsky, Konstantin S. 2023. Rabota aktera nad soboi v tvorcheskom protsesse voploshcheniya: dnevnik uchenika (*An Actor's Work on the Self in the Creative Process of Embodiment: A Student's Diary*). Saint Petersburg: Azbuka. (In Russ.)].
- Чеснокова О.С. Песенный дискурс аргентинских футбольных болельщиков сквозь призму национальной идентичности // *Вопросы современной лингвистики*. 2023. № 4. С. 154–165. [Chesnokova, Olga S. 2023. Song discourse of Argentine football fans through the prism of national identity. *Key Issues of Contemporary Linguistics* 4. 154–165. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-4-154-165>
- Шевченко О.В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. Вып. 115. С. 242–249.

[Shevchenko, Olga V. 2009. Actualisation of functions of song discourse genres through thematic lyrics variety. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* 115. 242–249. (In Russ.)].

- Янченко Я.М. Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность [Электронный ресурс]. *Мир науки. Социология, 182 филология, культурология*. 2019. № 4. [Ianchenko, Iana M. 2019. The linguistic aspect of the study of song discourse: Relevance and multi-aspect character. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies* 4. (In Russ.)]. <https://sfkmmn.ru/PDF/29FLSK419.pdf> (accessed 1 January 2023).
- Bae, Giwoong & Hye-jin Kim. 2019. The impact of movie titles on box office success. *Journal of Business Research* 103. 100–109.
- Chaume, Frederic. 2004. *Cine y Traducción*. Madrid: Cátedra.
- Chung, Jaihak & Jiyeon Eoh. 2019. Naming strategies as a tool for communication: Application to movie titles. *International Journal of Advertising* 38 (3). 1–14.
- Deleuze, Gilles. 1983. *Cinéma 1. L'Image-Mouvement*. Paris: Les Éditions de Minuit, https://monoskop.org/images/6/69/Deleuze_Gilles_Cinema_1_L_imagemouvement.pdf (accessed 17 December 2023).
- Gritsenko, Elena S. & Alexandra O. Laletina. 2023. Transgressive Russianness: Claiming authenticity in the Russian woman assemblage. *Russian Journal of Linguistics* 1 (27). 173–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31179>
- Leonardi, Vanessa. 2011. Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies? *Language, Communication and Social Environment* 9. 180–201.
- Mercuri, Lamberto & Tuzzi Carlo. 2020. *Canti Politici Italiani 1793–1945*. Roma: Editori Riuniti, 2.
- Monaco, James. 2000. *How to Read a Film. Movies, Media, Multimedia*. 3rd ed., comp. rev. and expand. NY: Oxford: OUP.
- Venuti, Lawrence. 2008. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* (2nd ed.). Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge.

Article history:

Received: 11 January 2024

Accepted: 20 March 2024

Bionotes:

Olga S. CHESNOKOVA is Doctor Habil. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology of the RUDN University. Her research interests are literary text semiotics, variation of Spanish (vocabulary, semantics and phraseology), translation studies and onomastics.

e-mail: chesnokova-os@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7025-4098>

Roberta ALONZI, PhD is Professor of the Department of Foreign Languages at RUDN University. Her research interests include history of diplomatic relations between Italy and the USSR/Russia, political identity of the European Union, migration and teaching Italian as a foreign language.

e-mail: alontsi-r@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3604-3283>

Luiza N. GISHKAeva, PhD, works as Associate Professor of the Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology of RUDN University. Her research interests are comparative study of languages and cultures, discourse analysis, cultural semantics and intercultural communication.

e-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7627-5375>

Сведения об авторах:

Ольга Станиславовна ЧЕСНОКОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Ее научные интересы включают семиотику художественного текста, вариативность испанского языка (лексика, семантика, фразеология), межкультурную коммуникацию, переводоведение и ономастику.

e-mail: chesnokova-os@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7025-4098>

Алонци РОБЕРТА имеет степень PhD и является профессором кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В сферу ее научных интересов входят история дипломатических отношений между Италией и СССР/Россией, политическая идентичность Европейского Союза, миграциология и методика преподавания итальянского языка как иностранного.

e-mail: alontsi-r@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3604-3283>

Луиза Нахидовна ГИШКАЕВА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. К ее научным интересам относятся сравнительно-сопоставительное исследование языков и культур, дискурс-анализ, культурная семантика и межкультурная коммуникация.

e-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7627-5375>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-37100>

EDN: ESRGCA

Research article / Научная статья

Polymodality of perception and its reflection in fiction text: Cognitive and semiotic perspectives

Lyubov A. KOZLOVA   and Anna V. KREMNEVA

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia
lyubovkozlova@list.ru

Abstract

The issues related to the polymodality of perception and various forms of intermediality are widely discussed in linguistics whereas the aspect of their interrelation is seldom considered. This research is aimed at tracing the participation of various modes of perception in the process of interaction with the world, the reflection of this process in our consciousness and memory in the form of various images up to the manifestation of those images in the intermedial relations in fiction text. The study draws on cognitive semiotics, text linguistics, polymodality and intermediality. The theoretical analysis suggests that the polymodality of perception results in the formation of synesthetic mental images represented in the phenomenon of intermediality. The empirical material of the research includes text fragments from the works by Virginia Woolf, James Joyce, Joyce Cary and Adam Thorpe containing samples of lingua-artistic and lingua-musical techniques of writing as forms of intermediality. The intermedial analysis of the empirical material shows how the polymodality of perception determines the specificity of the authors' creative thinking represented in the choice of language means that activate musical and visual images in the readers' minds. As a result, such fiction texts are constituted as related to a specific art whose forms and devices are used in it. The analysis has also revealed that in the process of verbal representation of musical or artistic images language exploits all forms of its semiotic signs: symbols (for naming colours, shades of light, sounds of music), indices (allusions to works of art or their authors) and icons (the use of forms and devices characteristic of other arts). The study confirms the productivity of exploring intermedial interaction in the cognitive and semiotic perspectives to demonstrate the relations between perception, conceptualization and the embodiment of the results in fiction text.

Key words: *polymodality, fiction text, intermediality, synesthesia, ekphrasis, cognitive-semiotic aspect*

© Lyubov A. Kozlova & Anna V. Kremneva, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Kozlova, Lyubov A. & Anna V. Kremneva. 2024. Polymodality of perception and its reflection in fiction text: Cognitive and semiotic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 391–414. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37100>

Полиmodalность восприятия и ее отражение в художественном тексте: когнитивно-семиотический аспект

Л.А. КОЗЛОВА , **А.В. КРЕМНЕВА**

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Барнаул, Россия*

 lyubovkozlova@list.ru

Аннотация

Вопросы, связанные с полиmodalностью восприятия и различными формами интермедиальности, широко обсуждаются в современной лингвистике, однако при этом редко затрагивается аспект взаимосвязи между ними. Цель данной статьи – проследить путь от участия различных modalностей восприятия в процессах взаимодействия с миром, отражения результатов этого восприятия в сознании, хранения их в памяти до манифестации результатов этих процессов в интермедиальном характере художественного текста и его восприятию читателем. Теоретической основой исследования послужили работы по когнитивной семантике, теории текста, полиmodalности восприятия, интермедиальности, анализ которых позволяет предположить, что результатом полиmodalности восприятия является формирование синестетических образов сознания, которые находят свою репрезентацию в феномене интермедиальности. В качестве эмпирического материала были использованы фрагменты текстов из произведений В. Вулф, Дж. Джойса, Дж. Кэри и А. Торпа, содержащие примеры лингвоживописной и лингвомузыкальной техник письма как форм интермедиальности. Интермедиальный анализ позволил показать, как полиmodalность восприятия формирует специфику художественного мышления авторов, находящую свое воплощение в использовании языковых средств и приемов, которые активируют в сознании читателя музыкальные или визуальные образы, а также их сочетание. В результате подобный текст конституируется в тесной связи с тем искусством, приемы которого использованы в тексте. Анализ также показал, что в языковом воплощении музыкальных или живописных образов используются все виды семиотических языковых кодов: знаки-символы (номинации цвета, света, звуков музыки), знаки-индексы (отсылка к произведениям искусства или их авторам) и знаки-иконы (использование в тексте приемов и форм, характерных для других видов искусства). Исследование подтверждает продуктивность изучения интермедиальных взаимодействий в когнитивно-семиотическом ракурсе, так как позволяет показать органическую связь между процессами восприятия, осмысления результатов этих процессов художественным сознанием и воплощения результатов этого осмысления в художественном тексте.

Ключевые слова: *полиmodalность, художественный текст, интермедиальность, синестезия, экфрасис, когнитивно-семиотический аспект*

Для цитирования:

Козлова Л.А., Кремнева А.В. Полиmodalность восприятия и ее отражение в художественном тексте: когнитивно-семиотический аспект. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 391–414. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37100>

1. Введение

Вопросы, связанные с полиmodalностью восприятия, современными медиа как каналами трансляции продуктов культуры и различными формами интермедиальности, находятся в фокусе внимания современной лингвистики и являются актуальным предметом исследования, требующим интеграции знаний из различных областей науки. Рассмотрение этих проблем в когнитивно-семиотическом ракурсе закономерно приводит к постановке вопроса о глубинных основах взаимодействия различных кодов, о связи между различными модусами восприятия, осмысления результатов этого восприятия и его отражения в художественном творчестве с помощью различных кодов. При этом, несмотря на значительное количество работ по полиmodalности восприятия (например, Ананьев 1982, Гаспаров 1996, Гвишиани 2022, Грегори 1972 и др.), интермедиальности (Игнатенко 2022, Петрова 2011, Синельникова 2017, Тимашков 2007, Elleström 2010, Hansen-Löwe 1983, Rajewsky 2005 и др.) и медиа (Elleström 2010, Ljungberg 2010 и др), вопросы взаимосвязи между этими феноменами редко затрагиваются в исследованиях. Цель данной статьи – проследить путь от участия различных modalностей восприятия в процессах взаимодействия с миром, отражения результатов этого восприятия в сознании, хранения их в памяти до манифестации этих процессов в интермедиальном характере художественного текста и его восприятию читателем.

Теоретической основой исследования послужили работы по когнитивной семиотике, теории текста, полиmodalности восприятия и интермедиальности. В качестве эмпирического материала были использованы фрагменты текстов из произведений В. Вулф, Дж. Джойса, Дж. Кэри и А. Торпа, содержащие примеры лингвоживописной и лингвомузыкальной техник письма как форм интермедиальности.

В данном исследовании мы пытаемся найти ответы на следующие вопросы:

Как происходит взаимодействие между различными модусами восприятия и различными образами сознания, хранящимися в нашей памяти?

Какие когнитивные механизмы лежат в основе репрезентации образов сознания в художественном тексте?

Как различные виды мышления (вербального и невербального) находят свою манифестацию в тексте?

2. Теоретические основания исследования проблемы взаимосвязи между полимодальностью восприятия и ее отражением в художественном тексте

2.1. Теория интермедialности в когнитивно-семиотическом ракурсе

В своем фундаментальном труде, который по праву считается Библией структурной лингвистики, Ф. де Соссюр так обозначил задачи и будущее науки, которую он назвал семиологией: «Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к совокупности явлений человеческой жизни» (Соссюр 1977: 54). Термин «семиология» и сейчас используется в некоторых традициях (прежде всего французской) как синоним семиотики – термина, который был введен Ч. Пирсом и прочно закрепился в лингвистике. Семиотический подход к языку как системе знаков широко использовался в рамках структурной парадигмы при изучении таких сложных знаковых систем, как мифология, фольклор, литература и искусство. Во многом благодаря трудам Ю.М. Лотмана вся культура стала трактоваться как ТЕКСТ, т.е. как знаковая система, выступающая посредником между человеком и окружающим миром, которая осуществляет отбор и структурирование информации об окружающем мире, используя при этом различные коды, как вербальные, так и невербальные (Лотман 1992а: 143). При этом, в соответствии с общим направлением структурной парадигмы, в фокусе внимания находились семиотические знаки, которые рассматривались как самостоятельные сущности. Однако уже в рамках структурно-ориентированного семиотического подхода при обращении к таким проблемам, как память и ее роль в трансфере культуры, отчетливо прослеживалась необходимость обращения к человеческому фактору, лежащему в основе когнитивной парадигмы.

Главным основанием для сближения когнитивного и семиотического подходов является введенное Ч. Пирсом понятие интерпретанты (Пирс 2000), получившее дальнейшее развитие в трудах М. Фуко, который писал: «Основное в интерпретации – сам интерпретатор» (Фуко 2004: 52–53), тем самым подчеркивая значимость человеческого фактора в семиотике: знак только тогда обретает смысл, когда он становится объектом сознания человека. Данная трактовка интерпретанты однозначно указывает на включение вопросов, связанных с интерпретирующей деятельностью индивидуального сознания в сферу интересов семиотики, что также сближает ее с когнитивной наукой. На закономерность сближения семиотического и когнитивного подходов указывала Е.С. Кубрякова еще на ранних этапах становления когнитивного направления в отечественной науке. Рассматривая текст как сложное семиотическое образование, она отмечала, что он побуждает нас к творческому процессу его понимания, интерпретации, додумывания, другими словами, «осмыслениям

человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира» (Кубрякова 2001).

Сегодня когнитивная семиотика представляет собой одно из направлений когнитивной лингвистики как обширной области знаний, и когнитивно-семиотический подход широко используется при изучении таких проблем, как когнитивно-семиотические аспекты коммуникации (Durst-Andersen 2011), метафора (Fusaroli, Morgagni 2013, Самигуллина 2008), текст и интертекстуальность (Кремнева 2019, Соснин 2018 и др.). Таким образом, можно полагать, что интеграция семиотического и когнитивного подходов призвана способствовать большей экспланаторности исследований различных языковых фактов и проблем, в том числе проблемы интермедиальности.

Теория интермедиальности, оформившаяся в самостоятельную область исследований на основе теории интертекстуальности, сегодня представляет собой обширное поле междисциплинарных исследований, в которых рассматриваются общие вопросы теории (Хаминова, Зильберман 2014, Синельникова 2017, Rajewsky 2005 и др.), описывается специфика реализации интермедиальных отношений в медиапространстве (Ljungberg 2010 и др.), в живописи, музыке и киноискусстве (Тимашков 2007, Pethő 2010 и др.), а также в художественном тексте на материале различных языков (Игнатенко 2022, Каркавина 2011, Можаева 2011 и др.).

В основе развития и исследования интермедиальных связей лежит феномен синтеза искусств, который существует в искусстве на протяжении всей истории. Еще в конце 19 века Р. Вагнер писал о неразрывной связи танца, поэтического слова и музыки, называя их основными, первоначальными формами искусства (Wagner 1895). В искусстве и литературе XX века идея синтеза искусств нашла свое художественное воплощение в различных формах в творчестве Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, В. Вулф, О. Уайльда, Р. Олдингтона, в музыкальности поэзии и прозы А. Белого, в кинематографичности футуристических опытов раннего В. Маяковского, в музыкальных экспериментах А.Н. Скрябина, в произведениях М. Чюрлёниса. Ярким примером воплощения синтеза искусств были «Русские сезоны» С.П. Дягилева, в которых нашла свое воплощение его концепция балетного спектакля, согласно которой, балетный спектакль — это органический синтез музыки, живописи, пластики и драматического действия. Он считал, что каждая из этих всех форм искусства привносит в театральное представление собственную составляющую, и только путем синтеза этих форм и их взаимопроникновения можно достичь успеха (Буцан 2012).

Говоря о развитии семиотического подхода к исследованию произведений искусства, Ю.С. Степанов отмечал, что все новое вначале создается за пределами теории, творцами искусства, но именно теоретики завершают процесс создания нового, в результате чего появляются новые теории (Степанов 2001: 39). Разнообразное сочетание различных форм искусства в сегодняшнем мире дает материал для теоретического осмысления феномена

интермедиальности, что нашло отражение в попытках типологизации ее форм.

Исходя из этого широкого понимания интермедиальности и с учетом различных способов реализации интермедиальных отношений, И. Раевски выделяет три формы интермедиальности: (1) медиа транспозиция – процесс преобразования одной формы искусства в другую (экранизация или сценическая версия художественного текста); (2) медиа комбинация, или синтез медиа – использование различных медиа в процессе создания продукта культуры, что может привести к созданию качественно нового медиапродукта (например, поликодовый текст); (3) интермедиальная референция – использование в произведении искусства техник и приемов, характерных для другого вида искусства (Rajewsky 2005: 50–54). В проекции на художественный текст примерами третьего типа интермедиальности являются музыкальная, живописная, кинематографическая техники письма, визуальная поэзия. Именно этот тип интермедиальности представляет наибольший интерес для исследователей, занимающихся проблемами текста.

Изучение феномена интермедиальности в когнитивно-семиотическом ракурсе закономерно приводит к постановке вопроса о том, каковы глубинные основы взаимодействия различных кодов, как связаны между собой процессы восприятия окружающей нас действительности с помощью различных модусов, как происходит когнитивная обработка результатов этого восприятия и каковы формы отражения этих процессов в языке. Как отмечает Ларс Эллестром, несмотря на огромное количество работ по медиа, модальности восприятия и интермедиальности, вопросы взаимодействия между ними редко затрагиваются в исследованиях (Ellestrom 2010: 13).

Отметив тот факт, что связь между различными медиа, полимодальностью восприятия и ее отражением в интермедиальности редко становится предметом исследования, Ларс Эллестром делает попытку показать эту взаимосвязь, используя при этом термин *модальность* в качестве «зонтикового» термина для этих феноменов. Автор выделяет четыре вида модальности: т.н. материальную модальность (*material modality*), включающую все способы выражения результатов сенсорного восприятия как с помощью невербального общения, так и с помощью современных медиа средств; сенсорную модальность (*sensorial modality*) – каналы восприятия; пространственно-временную модальность (*spatiotemporal modality*) – концептуализацию пространства и времени на основе обработки результатов сенсорного восприятия; семиотическую модальность (*semiotic modality*) – репрезентацию результатов восприятия и концептуализации с помощью различных семиотических кодов (Ellestrom 2010: 36).

Отдавая должное стремлению автора показать тесную взаимосвязь между перечисленными феноменами, мы полагаем, что использование такого «зонтикового» термина для их объединения вряд ли целесообразно в силу различной природы и существенных различий между ними: так называемая

материальная модальность представляет собой объект восприятия, сенсорная модальность – модусы восприятия, пространственно-временная – базовые концепты сознания, обеспечивающие возможность ориентации человека в мире, а семиотическая – коды, используемые для репрезентации смыслов, формирующихся в результате концептуальной обработки результатов сенсорного восприятия. Однако существование этих различий не отрицает необходимости изучения характера связи между ними, что мы и попытаемся сделать в данной работе, опираясь на основные положения психологии восприятия, когнитивной лингвистики и семиотики.

2.2. Путь от полимодальности восприятия к отражению ее результатов в художественном тексте

Попытаемся проследить последовательность этапов работы сознания от восприятия до отражения результатов этого восприятия в художественном тексте и его интерпретации реципиентом (читателем или исследователем). Опираясь на данные психологии восприятия, мы исходим из того, что в процессе познания человеком окружающей среды принимают участие все каналы сенсорного восприятия. При этом, в зависимости от особенностей воспринимаемого объекта и индивидуальных особенностей человека, они могут взаимодействовать друг с другом, что и лежит в основе понятия полимодальности восприятия. Одновременное участие нескольких каналов создает эффект синестезии, которая определяется как одновременное восприятие или способность человека при раздражении одного из органов чувств испытывать ощущения, свойственные другому органу (Синестезия: URL). По мнению психологов, восприятие редко протекает в рамках одного модуса, в большинстве случаев оно осуществляется в результате синтеза ощущений, получаемых с помощью разных анализаторов, что является подтверждением идеи целостности и активности чувственного отражения объектов действительности в психике человека (Ананьев 1982: 13–14). Это свойство неодинаково развито у всех людей, что позволяет выделять особую группу т.н. синестетиков, которые, вследствие распространения процессов возбуждения в кору полушарий головного мозга (иррадиации) могут не только слышать звуки, но и видеть их, не только ощущать какой-либо предмет, но и чувствовать его вкус. Способность к синестезии имеет особое значение для творческих людей. Среди знаменитых людей искусства синестетиками были композиторы А. Скрябин, различавший цвет и даже вкус музыкальных нот, и Н. Римский-Корсаков, обладавший цветным слухом на звуковысотность. У поэта Артюра Рембо гласные звуки окрашивались разными цветами, а художник В. Кандинский мог слышать звуки красок (Синестезия:URL).

Эффект синестезии находит свою манифестацию в языке в наличии лексем, особенно фразеологических единиц, в семантике которых отражается полимодальность восприятия (Гедина 2010). Такова, например, английская

лексема *acrid*, которая означает: 1) острый (на вкус); 2) едкий (о запахе); раздражающий (о звуке). Ср.: ...*the donkey throwing back his head and emitting his long acrid moan* (V. Woolf). Эффект синестезии находит репрезентацию и в таких высказываниях, как: *I could hear the smile in his face* (C. Ahern. *The Time of My Life*); *You could smell his tiredness* (A. Thorpe. *Ulverton*). Данные примеры иллюстрируют способность одного канала восприятия активировать другие каналы.

Результатом сенсорного восприятия и его последующей (а, возможно, одновременной ментальной обработки, на что указывает такой термин, как «разумный глаз» (Грегори 1972), является формирование образов сознания, в котором принимают участие все органы чувств при ведущей роли зрительного модуля. Как отмечает И.Ю. Колесов, ведущая роль модальности зрительного восприятия находит свое подтверждение во множестве способов языковой репрезентации данного канала информации, а также в разнообразии способов организации и функционирования языковых средств, отражающих результаты зрительного восприятия (Колесов 2008:11). По мнению Б.М. Гаспарова, даже в тех случаях, когда мы встречаемся с описанием события, ведущая роль в восприятии которого принадлежит, например, тактильному или слуховому каналу восприятия, мы все равно воспринимаем и запоминаем эти описания через посредство зрительного образа (Гаспаров 1996: 265–266). Вводя понятие «разумный глаз», Р.Л. Грегори писал о том, что оно основывается на способности человеческого зрения воспринимать не только форму, размер или цвет предметов, но и те признаки, которые воспринимаются другими каналами (температура, вкус, запах и т.д.), способность проникать в суть того, что не видно, но доступно разуму. Он объяснял это свойство «разумного глаза» его способностью «опознать настоящее с помощью сведений, накопленных в прошлом», т.е. соотнести зрительное восприятие с прежним опытом (Грегори 1972).

Важно также отметить, что источником формирования образов сознания могут быть как различные события, воспринимаемые органами чувств, так и «словесные образы», которые возникают на основе восприятия текстов, описывающих эти события. Как отмечает Н.Б. Гвишиани, суть зрительного образа как когнитивной сущности означает «конструирование видения объекта на основе синтеза данных в составе вербальной репрезентации» (Гвишиани 2022: 12). Это служит косвенным подтверждением того факта, что в этих процессах происходит тесное взаимодействие обоих полушарий мозга: левого, отвечающего за вербальное мышление, и правого, отвечающего за образное мышление. Взаимодействие между полушариями в данном случае подобно тому, которое имеет место в создании метафор, которые, по мнению Л. Шлайна, являются результатом совместной работы обоих полушарий. Шлайн характеризовал метафору как уникальный вклад правого полушария в языковую способность левого (Shlain 2000). Можно предположить, что формирование синестетических образов сознания: вербально-визуального,

вербально-аудиального и т.д., находящихся свою репрезентацию в феномене интермедиальности, также является результатом совместной работы полушарий.

Эти образы сознания хранятся в памяти, образуя своеобразный багаж знания, которое может оказаться востребованным в определенных обстоятельствах. Говоря о памяти как о хранилище знания, Ю.М. Лотман выделял два типа памяти: информативную, в которой хранятся итоги познавательной деятельности, и креативную, или творческую, которая представляет собой память культуры. Креативная память не является пассивным хранилищем, а составляет часть текстообразующего потенциала, способного возрождаться в новых культурно-исторических условиях. Для нашего исследования особое значение имеет мысль Ю.М. Лотмана о возможности «вторжения живописных текстов в поэтический процесс текстообразования, театра – в бытовое поведение или поэзии – в музыку, т.е. о любых противоречиях между жанровой природой текстов, сохранившихся в памяти, и кодами, определяющими нынешнее состояние культуры» (Лотман 1992б: 203). Как видим из цитаты, Ю.М. Лотман подчеркивает возможность смены кода при возрождении памяти культуры в процессе творчества. Эта мысль Ю.М. Лотмана находит дальнейшее развитие в исследовании Р. Лахманн, которая в своей работе по интертекстуальности трактует творческую память как средство овнешнения памяти культуры. Она пишет о том, что особенностью данного типа памяти является то, что в ней не происходит стирания знания: то, что было забыто, может находиться в латентном состоянии, реактивироваться и приобретать иную семиотическую ценность (Lachmann 1997: 23). Как мы уже отмечали ранее, образы сознания, хранящиеся в творческой памяти, могут служить средством межтекстового взаимодействия, становясь, подобно т.н. странствующим сюжетам (*wandering plots*), странствующими образами. Эти образы могут странствовать как в границах одной культуры, как, например, образ лошади в творчестве Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, В.В. Маяковского и Б.А. Слуцкого, так и «поверх границ культур», как, например, образ окна в творчестве М.И. Цветаевой и В. Вулф, создавая своеобразную «интертекстуальную переключку» (Кремнева 2015).

Мы полагаем, что образы сознания, сформировавшиеся на основе различных модальностей восприятия и хранящиеся в нашей креативной памяти как в словесной, так в иной форме, могут активироваться и служить основой для возникновения различных видов интермедиальных отношений в художественном тексте. На взаимодействие образов сознания, создание эффекта синестезии в результате действия одного канала восприятия на другой и активации различных образов сознания в творческой деятельности косвенно указывают и те мысли, которыми делятся творцы искусства, размышляющие над природой своего творчества. Исследователи творчества С.В. Рахманинова приводят его слова о том, что при сочинении музыки ему всегда помогала память о недавно прочитанной книге, прекрасной картине, стихотворении, и

в результате возникал образ или сюжет, который он пытался претворить в музыке. Его симфонической поэме «Утес» предпослан эпитафия «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана» из стихотворения М.Ю. Лермонтова, а его «Остров мертвых» написан под впечатлением черно-белой картины Арнольда Бёклина (Федякин: URL). Не случайно выставка, посвященная 150-летию со дня рождения С.В. Рахманинова, была подготовлена Российским национальным музеем музыки совместно с Третьяковской галерей, что дало возможность посетителям увидеть те полотна, которые нашли отражение в его музыке.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что между полимодальностью восприятия и интермедийностью существует тесная взаимосвязь, находящая свою манифестацию в том, что образы сознания, формирующиеся в процессе восприятия и концептуализации мира, а также в процессе чтения, хранятся в различных формах в креативной памяти и могут активироваться в нашем сознании в процессе творческого мышления и находить актуализацию в различных семиотических кодах или их сочетаниях. Именно на этом основан художественный прием экфрасиса, функция которого состоит в том, чтобы обеспечить читателю процесс ментальной визуализации – возможность видеть «глазами сознания» то, что отсутствует в непосредственном восприятии (Бразговская 2020: 56). Экфрасис является одним из основных средств создания лингвоживописной техники письма. Лингвоживописная техника письма, или способность «живописать словом» понимается нами как такой прием текстопорождения, при котором используются языковые средства и приемы, характерные для изобразительного искусства или отсылающие к нему, что создает эффект визуализации текста. Результатом такой визуализации, основанной на сочетании словесного и визуального мышления, является формирование синкретического (вербально-визуального) образа сознания, способствующего более глубокому пониманию доминантного смысла текста (Козлова, Кремнева 2022).

По аналогии с лингвоживописной техникой письма можно говорить о лингвомузыкальной технике письма, в основе которой лежит взаимодействие словесного и музыкального мышления. Отсылка к другому коду приводит к тому, что в сознании читателя слово и музыка или слово и живописный образ становятся единым целым (Hansen-Löwe 1983: 325). Единство когнитивно-семиотической основы лингвоживописной и лингвомузыкальной техник письма, а именно полимодальность восприятия, взаимодействие словесных и иных образов сознания позволяет расширить понимание экфрасиса и рассматривать его как средство перевода смысла из одной семиотической системы в другую. Так, Л.М. Геллер называет экфрасисом «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» (Геллер 2022: 18).

Таким образом, экфрасис в широком понимании этого термина может рассматриваться как один из приемов интерсемиотичности, т.е. перевода смысла из одной семиотической системы в другую (Леонтович 2019).

3. Методология анализа и материал исследования

Теоретической основой исследования, как отмечено во введении, послужили работы по когнитивной семиотике (Бразговская 2020, Геллер 2002, Самигуллина 2008, Durst-Andersen 2001, Zlatev 2012 и др.), теории текста (Кубрякова 2001, Лотман 1992, Соснин 2014 и др.), полимодальности восприятия (Ананьев 1982, Гаспаров 1996, Гвишиани 2022, Грегори 1972, и др.), синтезу искусств и интермедиальности (Игнатенко 2022, Петрова 2011, Синельникова 2017, Тимашков 2007, Elleström 2010, Hansen-Löwe 1983, Rajewsky 2005 и др.), основные положения которых составляют методологическую основу нашего исследования. Она включает следующие основные положения: о полимодальности восприятия и о возможности взаимодействия различных модусов восприятия в процессе познания мира; о различных образах сознания, хранящихся в нашей памяти; о необходимости реконструкции когнитивных механизмов, лежащих в основе языковых явлений; об участии различных видов мышления (вербального и невербального) в процессе концептуализации мира, о множестве способов кодирования смысла и сочетании этих кодов в тексте.

Эмпирическим материалом для исследования послужили произведения В. Вулф, Дж. Джойса, Дж. Кэри и А. Торпа, из которых методом целенаправленной выборки были отобраны фрагменты интермедиального характера. При выборе авторов для сбора эмпирического материала мы исходили из того факта, что лингвоживописной и лингвомузыкальной техникой письма, как правило, владеют те писатели, которые имеют в своем творческом багаже музыкальный или живописный опыт. Так, В. Вулф, как узнаем из ее биографии, выросла в художественной среде, получила музыкальное образование, домашнее воспитание, в котором главным учителем были книги и разговоры взрослых об искусстве. Именно атмосфера, в которой она росла, сформировала в ней безупречный художественный вкус к настоящей живописи и музыке, помогла почувствовать тесную связь между словом и живописью, словом и музыкой, что нашло отражение в ее романах. В. Вулф отмечала, что стимулом и первоосновой для ее книг всегда служили музыкальные образы. Описывая роль музыки в ее книгах, исследователи всегда цитируют ее слова: *“I always think of my books as music before I write them”* (Varga 2014).

Исследователи творчества Дж. Джойса часто описывают его идиостиль в терминах музыкального искусства, сравнивая его произведения то с сонатой, то с фугой (Нестерова, Наугольных 2019), что позволяет говорить о нем как об одном из мастеров лингвомузыкальной техники письма. По словам современников, Джойс обладал абсолютным слухом, как музыкальным, так и словесным. Чем больше он терял зрение, тем яснее он слышал музыку слов. В своем эссе о Дж. Джойсе М. Шишкин пишет, что, отвечая гостю на слова о том, что его текст – это смесь музыки и прозы, Дж. Джойс сказал: «Это чистая музыка» (Шишкин 2019: 98).

Одним из признанных мастеров лингвоживописной техники письма в английской литературе является и Дж. Кэри, который начинал свою жизнь в искусстве как художник, и его опыт живописца во многом определил манеру его письма, в котором находит отражение гармоническое сочетание вербального и визуального мышления.

Методика исследования включает в себя интермедиаальный анализ, суть которого состоит в установлении и описании специфики взаимодействия между различными кодами, участвующими в выражении смысла текста, а также когнитивно-семантический и инференциальный анализ, необходимый для экспликации скрытых смыслов в художественном тексте.

4. Интермедиаальность как отражение полимодальности восприятия: анализ эмпирического материала

При восприятии текста интермедиаального характера в сознании читателя/исследователя происходит перевод словесного кода в живописный или музыкальный, в результате чего создается визуальный или музыкальный образ прочитанного, позволяющий реконструировать те образы сознания автора, которые сформировались на основе полимодальности восприятия и воплотились в тексте.

Музыкальные образы, служащие первоосновой для творчества В. Вулф, как было отмечено выше, находят свое отражение в ее прозе. Так, композиция и полифонический характер ее романа “*Mrs Dalloway*”, как отмечают исследователи, создана по образцу т.н. двойной фуги, в которой общая мелодическая линия многоголосного произведения «перебегает» из одного голоса в другой. Двойная фуга – это фуга с двумя темами, в ней разрабатывается одна тема, затем другая, а в результате они объединяются (Влияние музыки на творчество Вирджинии Вулф: URL). В романе, написанном в технике потока сознания, по аналогии с двойной фугой, пересекаются две линии повествования: линия Клариссы Дэллоуэй, жены члена парламента, готовящейся к приему гостей в своем лондонском доме, и ветерана войны Септимуса Уоррена Смита, страдающего от глубокой психологической драмы и в итоге покончившего с собой. Судьбы этих персонажей переплетаются, совпадая во времени, охватывающем события всего одного дня (основную часть романа занимают их воспоминания о прошлом, большое место в которых занимает война), и пространстве – Лондоне, который, как известно, занимал особое место в творчестве В. Вулф (Wilson 1988). Обратимся к анализу фрагмента из романа.

- (1) *For having lived in Westminster – how many years now? over twenty? – one feels even in the midst of the traffic, or waking at night, Clarissa was positive, a particular hush, or solemnity, an indescribable pause, a suspense (but that might be her heart, affected they said, by influenza) before Big Ben strikes. There! Out it boomed. First a warning, musical,*

then the hour, irrevocable. The leaden circles dissolved in the air. Such fools we are, she thought, crossing Victoria street. For Heaven only knows why one loves it so, making it up, building it round one, tumbling it, creating it every moment afresh; but the veriest frumps, the most dejected of miseries sitting on doorsteps (drink their downfall) do the same; can't be dealt with, she felt positive, by Acts of Parliament, for that very reason: they love life. In people's eyes, in the swing, tramp and trudge; in the bellow and uproar; the carriages, motor cars, omnibuses, vans, sandwich men shuffling and swinging; brass bands, barrel organs; in the triumph and the jingle and the strange high singing of some aeroplane overhead was what she loved; life; London; this moment of June (V. Woolf. Mrs Dalloway).

В приведенном выше фрагменте автор передает восприятие Лондона сквозь призму сознания своей героини, которая живет в Лондоне более двадцати лет, и образ этого города запечатлен в ее сознании как зрительными, так и звуковыми образами. Пересекая улицу в самом сердце Лондона и взглянув на знаменитый Биг Бен, Кларисса Дэллоуэй заново переживает свое восприятие боя часов, повторяющееся уже более двадцати лет. Ее состояние, описанное с помощью четырехчленной цепочки существительных *hush, solemnity, pause, suspence* (тишина, торжественность, пауза, ожидание), похоже на состояние человека в зрительном зале за секунды до начала концерта, и тем самым имплицитно проводится параллель между концертом и боем часов. Далее следуют два коротких предложения: восклицательное *There!*, которое похоже на взмах дирижерской палочки, и инвертированное *Out it boomed*, в котором звукоподражательный глагол *boom* представляет собой иконический знак, напоминающий о звуке музыкального инструмента. В следующем предложении аналогия боя часов с музыкой получает свое эксплицитное выражение с помощью прилагательного *musical*. Во второй части этого фрагмента автор создает еще один словесно-музыкальный портрет Лондона. Пересекая улицу королевы Виктории, Кларисса в очередной раз признается себе в любви к этому городу и кратко излагает историю Лондона с помощью четырехчленной цепочки причастий *making it up, building it round one, tumbling it, creating it every moment afresh* (планируя его, строя его, разрушая его и заново создавая вновь). Трехкратное использование аллитерации (*drink their downfall, tramp and trudge, brass bands, barrel organs*), ономастопеи (*boom, tramp, trudge, shuffling, swinging, jingle, uproar*) позволяют читателю услышать какофонию звуков Лондона, почувствовать стремительный темп его жизни. При этом звуковой образ дополняется зрительным, создаваемым с помощью цепочки однородных подлежащих (*the carriages, motor cars, omnibuses, vans, sandwich men*), позволяет читателю увидеть глазами сознания улицы Лондона, заполненные транспортом и людьми, а затем, услышав «высокое пение» (*high singing*), поднять голову и увидеть пролетающий самолет. Завершается отрывок коротким признанием любви к Лондону, к жизни, к этому

мгновению в июне (*she loved; life; London; this moment of June*), что еще раз подчеркивает импрессионистическую манеру письма В. Вулф.

Интермедиаальный анализ текста позволяет увидеть, как в идиостиле В. Вулф, сочетающем в себе приемы лингвомузыкальной и лингвоживописной техники письма, отражается полимодальность художественного мышления автора, находящая свое воплощение в использовании языковых средств и приемов, которые активируют в сознании реципиента музыкальные или визуальные образы, а также их сочетание, в результате чего подобный текст конституирует себя в тесной связи с тем искусством, приемы которого использованы в тексте.

Обратимся к анализу финала рассказа Дж. Джойса “*The Dead*”, который, по мнению исследователей, может служить образцом лингвомузыкальной техники письма.

- (2) *Yes, the newspapers were right: snow was general all over Ireland. It was falling on every part of the dark central plain, on the treeless hills, falling softly upon the Bog of Allen, and, farther westward, softly falling into the dark mutinous Shannon waves. It was falling, too, upon every part of the lonely churchyard on the hill where Michael Furey lay buried. It lay thickly drifted on the crooked crosses and headstones, on the spears of the little gate, on the barren thorns. His soul swooned slowly as he heard the snow falling faintly through the universe and faintly falling, like the descent of their last end, upon the living and dead* (J. Joyce. *The Dead*).

Приведенный отрывок обладает значительным фоноэстетическим эффектом, создающимся за счет конвергенции просодических, лексических и синтаксических приемов, участвующих в создании особого мелодического рисунка, который возникает благодаря использованию автором приемов икононического кодирования смысла. Первое предложение служит экспозицией: оно сообщает тему отрывка – снег идет по всей Ирландии. Ощущение повсеместности снегопада создается за счет многократного повтора глагольно-адвербиальной конструкции (*falling softly*) и глагольно-именной предложной конструкции (*on every part of the dark central plain, on the treeless hills*). Многократное повторение звуков [s] и [f] активирует ассоциативную связь с лексемой *snowflakes* и создает звуковой эффект падающего снега, мягко ложащегося на землю. Многократный повтор адвербиальной фразы, в составе которой глагол и наречие меняются местами (*falling faintly, faintly falling*), способствует созданию особой мелодии, созвучной с перезвоном колоколов по усопшим, тем самым выдвигая на первый план основную тему рассказа в рассказе: воспоминания Греты, жены главного героя, о юноше, который когда-то ее любил и теперь покоится на одиноком кладбище. Ее душа умерла вместе с этим юношей, и снег, который идет по всей Ирландии, становится символом единения живых и мертвых. У. Нэш называет данный отрывок одним из лучших образцов эмотивной прозы, оставляющей впечатление необыкновенно

простой, но очень изящной и печальной музыкальной пьесы (Nash 1971: 183). Именно такая музыка, написанная А. Нортон, звучит в финале одноименного фильма, снятого в 1987 году Дж. Хьюстоном по рассказу Дж. Джойса, создавая гармонию между текстом и музыкой.

Роман Дж. Кэри «Из первых рук» (*The Horse's Mouth*) содержит яркие образцы лингвоживописной манеры письма. Она включает большое количество цветовой лексики, называющей как монохроматические, так и полихроматические цвета («*mother-of-pearl*» – ‘переливчатый, серебристо-розовый, напоминающий окраску перламутра’; «*carbuncle*» – ‘минерал-красный, ярко-красный; «*green-blue*» – ‘зеленый, с переливами голубого’ и т.п.), многие из которых употреблены в структуре образного сравнения (*forests of cabbage; green as the Atlantic* (лес капусты, зеленой как Атлантический океан; *the water was like frosted glass* (вода, похожая на матовое стекло и т.п.).

Помимо колоративов, значительный вклад в создание лингвоживописной техники письма в текстах Дж. Кэри вносит синтаксис, отличительной чертой которого являются короткие номинативные предложения, иконически отражающие восприятие художника, который фиксирует наиболее характерные штрихи и детали внешности или пейзажа, мысленно нанося их на бумагу или холст в виде набросков будущих картин, как в следующем примере.

- (3) *Voice like a Liverpool dray on a rumbling bridge. Charming manners. Little bow. Beaming smile. Lady tall, slender. Spanish eyes, brown skin, thin nose. Greco hands. Collector's piece* (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

В примере (3) обращает на себя внимание еще один прием – аллюзия на имя знаменитого художника (*Greco hands* – руки, как на картинах Эль Греко), что заставляет читателя погрузиться в мир живописи и мысленно представить персонажи полотен Эль Греко.

Приведем еще один пример «словесного наброска» из романа Дж. Кэри.

- (4) *Nice little wife, two kids, flat and a studio with a tin roof. Watertight all around. North light. Half-finished picture, eight by twelve. The Living God. Cartoons, drawings, studies, two painter's ladders, two chairs, kettle, fry pan and an oil stove. All you could want* (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

В приведенном примере главный герой вспоминает свою прошлую жизнь, и в его памяти один за другим возникают образы близких людей и окружавших его предметов: жена, двое детей, квартира и студия под железной крышей, незаконченная картина, рисунки, наброски, чайник, сковорода и керосинка. Это скупое, лишнее всяких эмоций перечисление вновь оставляет впечатление набросков рисунка, выполненного по памяти.

Рассмотрим еще один пример лингвоживописной техники письма, в котором находит свое выражение полимодальность восприятия. Представленный ниже фрагмент взят из романа *'Ulverton'* современного британского писателя А. Торпа. Торп называет своим учителем в литературе Дж. Джойса, и

его тексты, как и тексты его учителя, содержат прекрасные образцы интермедальности.

- (5) *Here is a simple cottage roof – or rather, a detail from that structure – to illuminate and (if I may be so bold) impart instruction of a spiritual nature. The original is to be discovered down a muddy track known as Surly Row, at the northern extreme of the village, and presents, to the uninitiated observer, a most dilapidated and unattractive prospect. But it is in these areas that the photographic artist wanders with most reward; nothing more profoundly salubrious than an old stone wall, nothing richer than a bedraggled plum-tree, nothing more enticing than a raven’s discarded feather, or a dust-filled barn spread with ancient sacks, or a pond wherein the weeds lie dank and idly swaying! For upon these surfaces lies a cornucopia of satisfying differences, that the lens, with its unavailing sincerity, and its unjudging eye, captures upon the plate with a fidelity of draughtsmanship the great Leonardo might have envied. My own soul is moved, not by the ornate sculpture of a great house, or by the sighing willows of a great garden – but by the winter branch, the puddled track, a white surf of Sheperd’s Purse in a meadow, the silvery plumes of Traveller’s Joy upon a hedgerow, the frayed hem of a cotter’s shawl. And here, dear viewer, note what riches are to be found if only the eye would seek them out! This is no longer the moss grown, decaying, vermin-ridden blanket beneath which poverty strives to keep the chill at bay, but a glittering tapestry of loveliness, a source of meticulous meditation, and an assurance that even the humblest and most wretched of abodes is not neglected by the Almighty’s brush (A. Thorpe. Ulverton).*

Этот отрывок написан от лица человека, занимающегося художественной фотографией и снимающего неброский деревенский пейзаж. Автор передает специфику художественного восприятия человека, способного увидеть красоту в том, что обычному человеку кажется обветшалым и непривлекательным (*a dilapidated and unattractive prospect*), а настоящий художник способен увидеть и опоэтизировать и старую каменную стену (*an old stone wall*), и обветшалое сливовое дерево (*a bedraggled plum-tree*), и случайно оброненное воронье перо (*a raven’s discarded feather*), и покрытый пылью сарай с разбросанными мешками (*a dust-filled barn spread with ancient sacks*), и пруд с лениво покачивающимися темными водорослями (*a pond where the weeds lie dark and idly swaying*). Эта картина трогает душу художника-фотографа, и он передает ее с мастерством, которому может позавидовать сам Леонардо (*with a fidelity of draughtsmanship the great Leonardo might have envied*). И если глаз художника может отыскать эту красоту, то на его photographиях предстанет не заплесневелое ветхое покрывало, а сверкающий, полный очарования гобелен, источник размышления и дающий уверенность в том, что даже самое заброшенное и жалкое место достойно кисти Всевышнего (*This is no longer the moss grown, decaying, vermin-ridden blanket beneath which poverty strives to keep the*

chill at bay, but a glittering tapestry of loveliness, a source of meticulous meditation, and an assurance that even the humblest and most wretched of abodes is not neglected by the Almighty's brush).

В отличие от Дж. Кэри, слог которого иконически воспроизводит технику художника, делающего наброски будущей картины, стиль Адама Торпа своей тщательностью и детализацией напоминает скорее выполненную в масле картину старинного мастера, в которой скрупулезно прописаны все мельчайшие детали. Это достигается в тексте за счет широкого использования определений, выраженных как прилагательными и причастиями (*muddy track, ornate sculpture, unjudging eyes, unavailing sincerity, the moss grown, decaying, vermin-ridden blanket*), так и придаточными определительными предложениями (*vermin-ridden blanket beneath which poverty strives to keep the chill at bay*). Автор выстраивает всё описание по принципу антитезы, противопоставляя взгляд равнодушного обывателя и взгляд художника, способного разглядеть красоту в обыденном и отразить ее в своем творчестве, которое затрагивает не только эмоции, но и побуждает к размышлениям. Многочисленные определения, использованные автором в построении антитезы, имеют либо отрицательные, либо положительные коннотации (*dilapidated, bedraggled, decaying vs profoundly salubrious, great, silvery, meticulous*), а завершается антитеза двумя яркими авторскими метафорами: *the moss grown, decaying, vermin-ridden vs glittering tapestry of loveliness* (заплесневелое ветхое покрывало vs сверкающий, полный очарования гобелен).

Чтение и анализ отрывка требует от читателя такой же тщательности, с какой этот текст «прописан» автором, что позволяет увидеть глазами сознания картины, которые созданы писателем с помощью языка. При этом нельзя не обратить внимания на то, что, зрительный образ, создаваемый автором с помощью слов, дополняется еще одним, звуковым штрихом – сочетанием *the sighing willows of a great garden* (вздыхающие ивы большого сада). И хотя картина статична, в ней присутствуют также едва заметные элементы движения – лениво покачивающиеся водоросли в пруду (*the weeds lie dank and idly swaying*); читатель не видит ворона, но о его полете напоминает нам когда-то оброненное им перо (*a raven's discarded feather*). Как видим из отрывка, основными приемами живописного экфрасиса в данном отрывке выступает лексика цвета и света, сложный синтаксис предложений, иконично воспроизводящий манеру работы художника над картиной, а также отсылка к имени великого Леонардо, направляющая читателя в мир живописи.

5. Обсуждение результатов

Результаты исследования, как нам представляется, позволили подтвердить выдвигаемый в качестве гипотезы тезис о том, что существует органическая связь между полиmodalностью восприятия, закреплением результатов этого восприятия в образах сознания и их отражением в феномене интермедальности художественного текста. Использование когнитивно-

семиотического подхода, в основе которого лежит тезис о возможности выражения смысла с помощью различных семиотических кодов, а также их взаимодействия, позволило показать целесообразность и продуктивность изучения интермедиальных взаимодействий в когнитивно-семиотическом ракурсе. При этом семиотический подход позволяет рассматривать семиотическое пространство культуры как поле взаимодействия различных кодов, а когнитивный подход направлен на то, чтобы реконструировать те процессы сознания, которые лежат в основе такого взаимодействия.

Анализ эмпирического материала позволил показать, как в идиостиле авторов по-разному находит свое выражение полимодальность их художественного восприятия, что обусловлено индивидуальностью авторской картины мира и особенностями образного тезауруса авторов. Так, интермедиальный анализ текста из романа В. Вулф позволяет увидеть, как в ее идиостиле органически сочетаются линвомузыкальная и лингвоживописная техники письма; отрывок из рассказа Дж. Джойса отличается особым фоноэстетическим эффектом и оставляет впечатление мелодии; в тексте Дж. Кэри ведущую роль играет синтаксис, иконически отражающий манеру восприятия художника, словно выполняющего словесный эскиз будущей картины, а стиль Адама Торпа своей тщательностью и детализацией напоминает выполненную в масле картину старинного мастера, в которой прописаны все мельчайшие детали.

Результаты анализа подтверждают мысль о том, что смыслы в поисках своего выражения могут использовать различные семиотические коды, но при этом основным средством выражения смыслов был и остается язык. При этом дискуссионным остается вопрос, может ли слово абсолютно точно передать смысл живописного или музыкального произведения. Как писала В. Вулф, «слово может многое, но не всё», подчеркивая тот факт, что слова могут быть беспомощны в попытке абсолютно точно передать смысл музыкального произведения. Однако именно эта трудность послужила основой для использования ею и другими авторами приемов интермедиальности в своих текстах, в которых находит свое выражение полимодальность их мировосприятия и попытка передать музыкальные и живописные образы сознания в словесной форме.

6. Заключение

Цель данной статьи заключалась в том, чтобы проследить путь от участия различных модальностей восприятия в процессах взаимодействия с окружающим миром, обработки результатов этого восприятия в сознании, хранения сформированных образов сознания в креативной памяти и вербализации их в художественном тексте. Мы пытались найти ответы на вопросы о том, как происходит взаимодействие между различными модусами восприятия и различными образами сознания, хранящимися в нашей памяти; какие когнитивные механизмы лежат в основе репрезентации образов сознания

в художественном тексте; как различные виды мышления (вербального и невербального) находят свою манифестацию в тексте.

Решение поставленной цели потребовало обращения к работам по полимодальности восприятия, синтезу искусств и когнитивной семиотике, анализ которых показывает целесообразность рассмотрения взаимосвязи между полимодальностью восприятия и феноменом интермедиальности с позиций когнитивной семиотики, поскольку эти два вектора исследования органически дополняют друг друга и обладают значительным теоретическим и эксплаторным потенциалом.

Анализ эмпирического материала, представленного фрагментами из художественных текстов В. Вулф, Дж. Джойса, Дж. Кэри и А. Торпа, содержащих примеры лингвоживописной и лингвомузыкальной техник письма как форм интермедиальности, позволил показать, как специфика модальности восприятия, концептуализированная сознанием и запечатленная в ментальных образах, находит свою репрезентацию в художественном тексте. Результатом использования лингвоживописной и лингвомузыкальной техники письма является визуализация или аудиализация этих образов в сознании реципиента в процессе его восприятия текста. В сознании реципиента/исследователя происходит трансформация вербального кода в живописный или музыкальный образ, дополняемый при этом творческим воображением и личным образным тезаурусом реципиента.

Исследование показало, что в языковом воплощении музыкальных или живописных образов используются все виды семиотических языковых кодов: знаки-символы (номинации цвета, света, звуков музыки), знаки-индексы (отсылка к произведениям искусства или их авторам) и знаки-иконы (использование в тексте приемов и форм, характерных для других видов искусства). Отметим, что этот аспект представлен в данной работе недостаточно полно и требует более детального изучения на большем корпусе фактического материала, что может составлять перспективу дальнейшего изучения заявленной темы.

Список литературы / References

- Ананьев Б.Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие*. Москва: Педагогика, 1982. [Ananyev, Boris G. 1982. *Sensorno-pertseptivnaya organizatsiya cheloveka (Sensory Perceptive Organization of an Individual)*. *Poznavatelniye protsessi: oshchushcheniya, vospriyatiye*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)].
- Бразговская Е.Е. Экфрасис как семиотический эксперимент // *Критика и семиотика*. 2020. № 1. С. 52–72 [Brazgovskaya, Elena E. 2020. Ekphrasis as a semiotic experiment. *Critique and Semiotics* 1. 52–72. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2020-1-52-72>
- Буцан А.С. «Русские сезоны» С.П. Дягилева в контексте синтеза искусств // *Вестник МГУКИ*. 2012. №5 (49). Сентябрь – октябрь. С. 86–89 [Butsan, Anastasiya S. 2012. 'Russian Ballets' of S. P. Dyagilev in the context of synthesis of cultures. *Vestnik MGUKI*. 5 (49). 86–89. (In Russ.)].

- Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Gasparov, Boris M. 1996. *Yasik. Pamyat. Obraz. Lingvistika Yasikovogo Sushchestvovaniya* (Language. Memory. Image. The Linguistics of Language's Being). Moscow: Novoye Literaturnoye Obzreniye. (In Russ.)].
- Гвишиани Н.Б. Лингвопрагматические особенности взаимодействия вербального и невербального компонентов мультимодального 'текста' в коммуникативном пространстве различных видов дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2022. №1. С.5–17 [Gvishiani, Natalia V. 2022. A multimodal 'Text': The linguopragmatic peculiarities of verbal and non-verbal components interacting in different communicative types of discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 1. 5–17. (In Russ.)].
- Гедина М.А. Феномен синестезии в контексте когнитивной лингвистики // *Язык. Человек. Общество. II международный сборник научных трудов (к 65-летию профессора В.Т. Малыгина)*. Санкт-Петербург – Владимир, 2010. С. 15–18 [Gedina, Marina A. 2010. Fenomen sinestezii v kontexte kognitivnoy lingvistiki (The Synaesthesia phenomenon in the context of cognitive linguistics). *Yasik. Chelovek. Obshchestvo. II mezhdunarodnyy sbornik nauchnich trudov (k 65-letiyu professor V.T. Maligina)*. St. Petersburg – Vladimir. 15–18. (In Russ.)].
- Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // *Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера*. Москва: МИК, 2002. С. 5–22 [Geller, Leonid M. (ed.). 2002. Voskresheniye ponyatiya, ili slovo ob ekfrasisе (The resurrection of a concept, or a word for ephrasis). *Ekfrasis v russkoy literature: Trudi lozannskogo simposiuma*. 5–22. Moscow: MIK. (In Russ.)].
- Грегори Р.Л. Разумный глаз. Москва: Мир, 1972 [Gregory, Richard L. 1972. *Eye and Brain*. Moscow: Mir. (In Russ.)].
- Игнатенко А.В. Живопись в прозе А.П. Чехова: Интермедиаальный анализ. М., ЛЕНАНД, 2022. [Ignatenko, Alexandr V. 2022. *Zhivopis' v proze A. P. Chekhova: Intermedial'nyi analiz* (Painting in Anton Chekhov's Prose). Moscow: Lenand. (In Russ.)].
- Каркавина О.В. Взаимодействие литературы и музыки в творчестве Тони Моррисон // *Вопросы лингвистики и линводидактики. Система. Функционирование. Обучение: Межвузовский тематический сборник научных трудов*. Омск: Изд-во Ом. Гос.ун-та, 2009. С. 215–223 [Karkavina, Oksana V. 2009. Vzaimodeistvie literatury i muzyki v tvorchestve Toni Morrison (The interaction of literature and music in the works of Tony Morrison). *Voprosy Lingvistiki i Linvodidaktiki. Sistema. Funkcionirovanie. Obuchenie: Mezhvuzovskii Tematicheskii Sbornik Nauchnyh Trudov*. 215–223. Omsk: Izd-vo Om. Gos.un-ta. (In Russ.)].
- Козлова Л.А., Кремнева А.В. Лингвоживописная техника письма как один из приемов интермедиаальности и ее роль в создании образа художника // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26 No. 3. С. 721–743. [Kozlova, Lyubov & Anna Kremneva. 2022. Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 721–743. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060>
- Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. Барнаул: БГПУ, 2008 [Kolesov, Igor Yu. 2008. Problemi kontseptualizatsii i ayzikovoy representatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliyskogo i russkogo yazikov) (The issues of conceptualization and representation of visual perception (A case study of English and Russian). Barnaul: BGPU (In Russ.)].
- Кремнева А.В. Образ как одна из форм интертекстуальной переключки // *Критика и семиотика*. 2015. № 2. С. 240–250. [Kremneva, Anna V. 2015. Image as a way of intertextual cross-talk. *Critique and Semiotics*. 2. 240–250 (In Russ.)].

- Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2017 [Kremneva, Anna V. 2017. *Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstviya: V semioticheskom prostranstve kul'tury`*: Monografiya (Intertextuality as a form of text interaction in the semiotic space of culture: A monograph). Barnaul: AltGTU im. I. I.Polzunova. (In Russ.)].
- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // *Текст. Структура и семантика*. Москва: Владос, 2001. Т. 1. С. 72–81 [Kubryakova, Elena S. 2001. *O texte i kriteriyah ego opredeleniya* (On text and the criteria of its definition) *Text. Stuctura i Semantika 1*. 72–81. Moscow: Vlados. (In Russ.)].
- Леонтович О.А. «Чувственный образ бесконечности»: интерсемиотический перевод русской классики для зарубежной аудитории // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. №2. С. 399–414. [Leontovich, Olga A. 2019. A sensible image of the infinite: Intersemiotic translation of Russian classics for foreign audiences. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 399–414. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019>
- Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры // *Лотман Ю.М. Избранные статьи*: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992а. С. 142–147 [Lotman, Yuriy M. 1992а. *Tekst i poliglottizm kul'turi* (Text and poliglottism of culture). In *Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1*. 142–147. Tallin: Alexandra Publ. (In Russ.)].
- Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // *Избранные статьи в трех томах. Издание при содействии Открытого Фонда Эстонии. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра, 1992б. С. 200–203 [Lotman, Yuriy M. 1992б. *Pamyat v kulturologicheskom osveshchenii* (Memory in the light of cultural studies). *Izbranniye statyi v tryoh tomah. Izdaniye pri sodeystvii Otkritogo fonda Estonii. Tom 1. Statyi posemiotike i tipologii kul'turi*. 200–203. Tallin: Alexandra. (In Russ.)].
- Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 460–472. [Nesterova, Natalya M & Evgeniya Naugolnykh A. 2019. The Deformation of language in James Joyce's literary works: Interpretation and translation challenges. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 460–472. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472>
- Можаяева Т.Г. Время и пространство в литературе и живописи: в поисках общего знаменателя // *Филология и человек*. 2011. № 1. С.67–79. [Mozhaeva, Tatiana G. 2011. Time and space in literature and painting: Looking for the common denominator. *Filologiya i Chelovek 1*. 67–79. (In Russ.)].
- Пирс Ч. Начала прагматизма. Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, Алетейя, 2000 [Pierce, Charles S. 2000. *Nachala pragmatizma* (Introduction to Pragmatism). St. Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakulteta SPbGU, Aleteya. (In Russ.)].
- Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008 [Samigullina, Anna S. 2008. *Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii* (Metaphor in the light of cognitive semiotics). Ufa: BashGU Publ. House (In Russ.)].
- Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедальности // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. 21 (4). С. 805–821. [Sinelnikova, Lara N. 2017. Rhizome and discourse of intermediality. *Russian Journal of Linguistics* 21 (4). 805–821. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-224-229>

- Соснин А.В. Лондонский текст как когнитивно-семиотический конструкт // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 4. С. 53–57 [Sosnin, Alexey V. 2014. Londonskiy text kak kognitivno-semioticheskiy konstrukt ('London text' as a cognitive-semiotic modelling construct). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication* 4. 53–57. (In Russ.)].
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под редакцией А.А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977. [de Saussure, Ferdinand. 1977. Trudi po yazykoznaniiyu (Works on Phylology). Moscow: Progress (In Russ.)].
- Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // *Семиотика: Антология*. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. [Stepanov, Yuriy S. 2001. Vvodnaya statia. V mire semiotiki. (*Introduction. In the world of semiotics*) *Semiotika. Antologiya*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ. (In Russ.)].
- Тимашков А.Ю. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // *Žmogus ir žodis*. 2007. 11. С. 21–26. [Timashkov, Aleksey J. 2007. K istorii ponyatiya intermedial'nisti v rossiyskoy i zarubezhnoy nauke (To the history of concept of intermediality in the Russian and world science). *Man and the Word* 11. 21–26 (In Russ.)].
- Хаминова А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. 389. С. 38–45. [Haminova, Anastasya A. & Nadezhda Zilberman N. 2014. The theory of intermediality in the context of modern humanities. *Tomsk State University Journal* 389. 38–45 (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/15617793/389/5> /
- Фуко М. Археология знания. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия: Университетская книга, 2004 [Foucault, Michel. 2004. Archeologiya znaniya (The archeology of knowledge). St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya: Universitetskaya Kniga. (In Russ.)].
- Durst-Andersen, Per. 2011. Linguistic stereotypes: A cognitive-semiotic theory of human communication. *Semiotics, Communication and Cognition* [SCC]. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Elleström, Lars. 2010. Introduction. In Lars Elleström, Jørgen Bruhn, Siglind Bruhn, Claus Clüver, Christina Ljungberg, Silvestra Mariniello, Jürgen E. Müller & Valerie Robillard (eds.), *Media borders, multimodality and intermediality*, 1–8. London: Palgrave Macmillan.
- Elleström, Lars. 2010. The modalities of media: A model for understanding intermedial relations. In Lars Elleström, Jørgen Bruhn, Siglind Bruhn, Claus Clüver, Christina Ljungberg, Silvestra Mariniello, Jürgen E. Müller & Valerie Robillard (eds.), *Media borders, multimodality and intermediality*, 11–48. London: Palgrave Macmillan.
- Fusaroli, Riccardo & Simone Morgagni. 2013. Conceptual metaphor theory: Thirty years after. *Journal of Cognitive Semiotics* 5 (1/2). 1–13.
- Hansen-Löwe, Aage A. 1983. Intermedialität und intertextualität. Probleme der korelation von Wort-und Bildkunst. Am beispiel der russischen moderne. In Wolf Schmid & Wolf-Dieter Stempel (eds.), *Dialog der texte. Hamburger kolloquium zur intertextualität*, 291–360. Wien: Wiener Slawistischer Almanach.
- Lachmann, Renata. 1997. *Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism*. Minneapolis; London : University of Minnesota Press.
- Ljungberg, Christina. 2010. Intermedial Strategies in Multimedia Art. *Media Borders, Multimodality and Intermediality*. 81–96. London and New York: Palgrave Macmillan.
- Nash, Walter. 1971. *Our Experience of Language*. New York: St. Martin's Press.

- Pethő, Ágnes. 2010. Intermediality in film: A historiography of methodologies. *Acta univ. Sapientiae, Film and Media Studies* 2. 39–72.
- Rajewsky, Irina. 2005. Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality. *Intermédialités* 6. 43–64.
- Shlain, Leonard. 2000. *The Alphabet versus the Goddess*. London : Penguin Arkana.
- Werner, Wolf. 1999. *The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality*. Amsterdam: Rodopi.
- Zlatev, Jordan. 2012. Cognitive semiotics: An emerging field for transdisciplinary study of meaning. *The Public Journal of Semiotics* 4 (1). 2–24.
- Интернет ресурсы
- Влияние музыки на творчество Вирджинии Вулф [Vliyanie Musiki na Tvorchestvo Virgini Woolf (The impact of Music on Virginia Woolf's Writings)]: Retrieved from: [livelib.ru: vulf\[livelib.ru:https://www.livelib.ru/translations/post/95314-vliyanie-muzyki-na-tvorchestvo-virdzhinii-vulf](https://www.livelib.ru/translations/post/95314-vliyanie-muzyki-na-tvorchestvo-virdzhinii-vulf) (assessed 20 October 2023). [In Russ.].
- Синестезия: URL: <https://experimental-psychic.ru/sinestezia> (Дата обращения: 1.10.2023). Retrieved from: <https://experimental-psychic.ru/sinestezia> (assessed 01 October 2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Федякин С.Р. Рахманинов. Москва: Молодая гвардия, 2018 [Fedyakin, Sergei R. 2018. *Rachmaninov*. Moscow: Molodaya Gvardiya (In Russ.)].
- Шишкин М.П. Буква на снегу: три эссе. Москва: АСТ, 2019 [Shishkin, Michail P. 2019. *Bukva na snegu: tri esse (A Letter in the Snow: Three Essays)*. Moscow: AST (In Russ.)].
- Cary Joyce. *The Horse's Mouth*. New York: Harper and Brothers, 1994. Retrieved from: https://www.academia.edu/44742705/The_Dead_James_Joyce (accessed 1 November 2023)
- Joyce James. *The Dead // Modern English Short Stories*. M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. P. 35-77.
- Thorpe Adam. Ulverton. London: Vintage Books, 2012.
- Varga, Adriana L. 2014. *Virginia Woolf and Music*. Bloomington: Indiana University Press. Retrieved from <https://www.litres.ru/adriana-l-varga/virginia-woolf-and-music/chitat-onlayn/> (accessed 20 October 2023). DOI: 10.7771/1481-4374.1790
- Wagner, Richard. 1895. *The Art-Work of The Future*. Retrieved from: <http://www.public-library.uk/ebooks/107/74.pdf> (accessed 1 September 2023).
- Wilson Jean Moorcroft. 1988. *Virginia Woolf. Life and London. A Biography of Place*. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Woolf Virginia. *Mrs Dalloway*. London: Vintage, 1990.

Article history:

Received: 17 December 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionotes:

Lybov A. KOZLOVA is Doctor Habil., Professor of the Department of English Philology at Altai State Pedagogical University. Her research interests embrace cognitive-cultural linguistics, intercultural communication and comparative typology.

e-mail : lyubovkozlova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0247-3843>

Anna V. KREMNEVA is Doctor Habil., Professor and Chair of the Foreign Languages Department at Polzunov Altai State Technical University. Her research interests include theory of intertextuality and intermediality, cognitive semantics and translation studies.

e-mail: annakremneva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8788-2779>

Сведения об авторах:

Любовь Александровна КОЗЛОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: когнитивно-культурологическая лингвистика, межкультурная коммуникация, сравнительная типология.

e-mail: lyubovkozlova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0247-3843>

Анна Валерьевна КРЕМНЕВА – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки» Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Сфера научных интересов: теория интертекстуальности, теория интермедиальности, когнитивная семантика, переводоведение.

e-mail: annakremneva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8788-2779>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-36029>

EDN: FKDAHX

Research article / Научная статья

Cognitive underpinnings of misperceptions in morphed humor

Sergei V. AGEEV¹ , Evgeny A. PUSHKAREV²
and Natalia V. ANTONENKO³

¹*Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia*

²*HSE University, Saint Petersburg, Russia*

³*Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Saint Petersburg, Russia*

 nantonenko@lan.spbgasu.ru

Abstract

A meme as a cultural and semiotic phenomenon has been actively studied within the framework of humor research; however, the question why memes may not elicit a humorous response remains unanswered. This article examines the causes of typical cognitive errors in the perception of humor in the so-called morphed units (memes, image macros, photoshopped images and virals) characterized by a combination of signals of one or different modalities and potentially capable of eliciting a humorous response in the meme consumer. The goal of the study is to describe and classify such errors on the example of a morphed unit from the SAD KEANU meme cycle. The conducted survey yielded empirical data permitting further qualitative analysis of the respondents' answers regarding the perception of the proposed meme. The obtained results show that in an ideal situation a stimulus image should metonymically activate script structures essential for the understanding of a morphed unit; a script may include allusive experiences which correlate with previously appropriated culture-specific situations. The paper defines meme interpretation errors as related either to the process of perceiving a stimulus at the level of the I CONSUME MEMES metascript or a cognitive failure occurring during the activation of the scripts constituting the humorous opposition if only the relevant scripts are conceptualized and internalized by the individual. Any type of interpretation failure may be attributed to partial or zero cultural literacy in the meme consumer. A failed humorous response in the situations of sufficient cultural literacy of the subject may be explained by social and pragmatic factors, such as the consumer's norms and values which may differ from those of the meme originator. The study claims that the main source of cognitive errors lies in the inability of a meme consumer to activate the scripts (or their parts) relevant to the understanding of humor. This methodology can be applied for any multimodal humour research.

Keywords: *morphed unit, cognitive error, meme, script, cultural literacy, allusion*

For citation:

Ageev, Sergei V., Evgeny A. Pushkarev & Natalia V. Antonenko. 2024. Cognitive underpinnings of misperceptions in morphed humor. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 415–438. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-36029>

Когнитивные механизмы ошибочной интерпретации юмора морфных единиц

С.В. АГЕЕВ¹ , Е.А. ПУШКАРЕВ² , Н.В. АНТОНЕНКО³

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет, Санкт-Петербург, Россия

 nantonenko@lan.spbgasu.ru

Аннотация

Мем как культурно-семиотический феномен активно изучается с позиции порождения юмора, однако проблема описания когнитивных механизмов, объясняющих, почему мемы могут не вызывать юмористическую реакцию, остается нерешенной. Данная статья посвящена выявлению причин возникновения когнитивных ошибок восприятия юмора так называемых морфных единиц (мемов, имидж-макро, фотожаб, вирусных видео), характеризующихся комбинацией сигналов одной либо различных модальностей и потенциально способных вызвать юмористическую реакцию у потребителя. Цель исследования – описать и классифицировать когнитивные ошибки в восприятии морфной единицы, входящей в мемический цикл SAD KEANU¹. Использованный метод опроса и собранные эмпирические данные позволили провести качественный анализ ответов респондентов относительно восприятия предложенного мема. Полученные результаты демонстрируют, что стимульное изображение в идеальном случае должно активировать через метонимический доступ релевантные для понимания морфной единицы структуры скрипта, в том числе включающие аллюзивный опыт, соотносящийся с прецедентными культурно-специфическими ситуациями. В работе выделяются интерпретационные ошибки, связанные либо с актом потребления стимульной единицы на уровне метаскрипта Я ПОТРЕБЛЯЮ МЕМ, либо возникающие в результате когнитивного сбоя при актуализации скриптов, составляющих юмористическую оппозицию, если необходимые скрипты вообще концептуализированы индивидом. Выявлено, что когнитивные ошибки обычно обусловлены наличием частичной или нулевой культурной грамотности у потребителя мема. Отсутствие юмористической реакции в ситуациях достаточной культурной грамотности индивида объясняется социо-прагматическими факторами, например, ценностными ориентирами потребителя мема, отличными от установок создателя мема. Результаты позволяют считать основным источником когнитивных ошибок неспособность потребителя мемического сигнала актуализировать релевантные для понимания юмора скрипты (или их части). Подобный подход позволяет в перспективе применить данный метод к анализу любого мультимодального юмора.

¹ Sad Keanu – KnowYourMeme.com 15 September 2023.

Ключевые слова: морфная единица, когнитивная ошибка, мем, скрипт, культурная грамотность, аллюзия

Для цитирования:

Агеев С.В., Пушкарев Е.А., Антоненко Н.В. Когнитивные механизмы ошибочной интерпретации юмора морфных единиц. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 415–438. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-36029>

1. Введение

Интернет-мемы являются распространенным видом цифровой коммуникации и самовыражения вовлеченных в интернет-дискурс (Laineste & Voolaid 2017, Yus 2018), что, безусловно, привлекает внимание лингвистов. Мемология – наука о мемах – охватывает различные аспекты функционирования и генезиса мемов, вопросы возникновения и развития культуры интернет-мемов (Börzsei 2013, Shifman 2012, 2013), мемическую виральность (Burgess 2014), прагматическое воздействие мема на эмоционально-психическое состояние потребителя мема (Paciello et al. 2020), в том числе механизмы воздействия на получателя в политическом дискурсе (Way 2021), юмористические паттерны, реализуемые через мем (Taecharungroj & Nueangjamnong 2015, Dynel 2016, 2020, Yus 2021), взаимодействие мультимодального творчества и лингвистического юмора (Dancygier & Vandelanotte 2017, Vásquez & Aslan 2021), социо-семиотический подход к анализу мемов (Kavitha 2018, Hussein & Aljamili 2020, Канашина 2018a). Кроме этого, в фокусе ряда исследователей оказываются вопросы понимания и смысла мемов, фоновых знаний и пресуппозиций при интерпретации мемов потребителем (Канашина 2018b, Никитина и др. 2018, Щурина 2013).

Вместе с тем есть отдельные аспекты функционирования мема, которые требуют дальнейшей проработки. К ним относятся, в частности, ситуации, когда юмористический мем по каким-то причинам не воспринимается потребителем как смешной. В статье для восполнения данной лакуны ставится вопрос об описании когнитивных механизмов, которые могли бы объяснить, почему подобные мемы не вызывают задуманной юмористической реакции. Целью работы является выявление и классификация причин когнитивных ошибок восприятия и неудач в интерпретации комического в эпизодах так называемого «морфного юмора», представленных в виде интернет-мемов, включая фотожабы – мема, созданного с помощью фотомонтажа и обычно не содержащего панчлайн². Для ее достижения мы проанализировали понятие мультимодальности, ввели термин «морфная единица» и дали определение мема как морфной (часто мультимодальной) структуры. Также нами была рассмотрена возможность применения существующих подходов к изучению юмора,

---

² Под панчлайном, вслед за Е.В. Терентьевой и Е.Б. Павловой (2023), понимается непрогнозируемая финальная фраза, которая могла бы определить ход интерпретации юмористической ситуации индивидом.

и, прежде всего, семантической теории юмора, основанной на оппозиции скриптов, для объяснения ошибок интерпретации мемов потребителем. Кроме этого, в работе был произведен разбор собственно примеров ошибок восприятия комического с применением скрипт-анализа, что позволило классифицировать неудачи, возникающие при потреблении юмора, созданного морфными инструментами.

2. Структурно-семантические особенности юмористической морфной единицы

Понятие мультимодальности не ново в контексте семиотических лингвистических исследований; это во многом объяснимо ростом объема вербально-визуального дискурса, что стало возможным благодаря распространению интернета. Вслед за Naciscione (2010), авторы считают уместным определить *мультимодальность* как атрибут коммуникативной ситуации, характеризующейся наличием более чем одного семиотического способа представления сигналов. Наиболее типичным видом мультимодального интернет-дискурса является мемическая единица. По определению Börzsei (2013), интернет-мем может проявляться в таких модальностях, как неподвижное изображение (текст, отдельное изображение или изображение, сопровождаемое текстом), анимированный GIF (движущееся изображение) или видео. Наиболее распространенной формой интернет-мемов является *имидж-макро*, который представляет собой реконтекстуализированную картинку (например, скриншот), сопровождаемую рамкой в виде текста сверху и/или снизу (см., напр., Vázquez & Aslan 2021). Однако мем может выступать не только как мультимодальная единица, то есть включать в себя разнородные сигналы, но и конструироваться на основе сигналов одной модальности (например, фотожабы, состоящие из элементов двух и более скриншотов). Таким образом, целесообразно ввести понятие *морфной единицы (МЕ)*, которая, в отличие от мультимодальной, допускает сигналы как одной модальности (например, только изображение, или только текст, или только аудио), так и разных модальностей; следовательно, вводимое понятие шире и включает в себя моно- и мультимодальные формы.

В мемологии различают мем вообще и мем, эксплуатирующий комическое (Lankshear & Knobel 2019). Представляется, что только часть (возможно, большая) мемов направлена на реализацию некоего комического потенциала. Комическое, будучи свойством, присущим человеку, всегда было в фокусе внимания философов и лингвистов. Представляется целесообразным начать исследования комического мема с анализа природы комического и обзора центральных категорий теории юмора. Описания эволюции теории юмора, важные с точки зрения истории науки (см., напр., Larkin-Galiñanes 2017, Lintott 2016, McGhee 1979), однако находящиеся вне фокуса настоящего исследования, уравниваются более современными теориями с разветвленным тематическим/понятийным аппаратом.

Для целей данного исследования наиболее релевантными являются два подхода к анализу комического. *Семантическая теория юмора, основанная на оппозиции скриптов (в дальнейшем – SSTH)*, представленная В. Раскиным (Raskin 1984, Attardo & Raskin 1991), рассматривает случаи вербальных шуток, содержащих панчлайн. Как отмечает исследователь, шутка строится на идее несоответствия ожиданий (incongruity) потребителя шутки в отношении развития скриптов, которые по сути являются обобщенным представлением индивида о какой-либо ситуации. Эта теория, базируясь на элементах фреймовой семантики (см. Minsky 1975, Fillmore 1977), представляет юмор как конфликт, возникающий при столкновении двух (или более) скриптов и требующий разрешения. Следует отметить, что В. Раскин экстраполирует свою теорию исключительно на образцы вербального юмора и оперирует текстовыми манифестациями шуток, которые содержат отдельные лексемы, выступающие в качестве сигналов, активирующих скрипты в сознании индивида. Авторы данной статьи выдвигают гипотезу, что сигналами-активаторами скриптов, вступающих в оппозицию в шутке, могут быть и невербальные элементы, например, картинка интернет-мема. Такой подход позволяет использовать теорию В. Раскина для анализа механизмов комического в морфных единицах, которые могут носить в том числе невербальный характер.

Еще один подход к анализу юмора, известный как *теория превосходства (the superiority theory)*, отталкивается от античной традиции. В основе теории находится постулат, удачно сформулированный Bain (2006), о том, что человеку смешным кажется не только и не столько какой-либо дефект в объекте шутки, но скорее ощущение некоего морального превосходства над высмеиваемым объектом, что может позволить автору шутки и ее потребителю воспринимать такой объект (чаще всего другого человека) «поверженным». Figueroa-Dorrego и Larkin-Galiñanes (2009) интерпретируют подобное поведение разделяющих шутку не только как форму психологической защиты, но и как способ выражения удовлетворенностью самими собой, позволяющий скрыть собственное незнание, зависть и т.д. В рамках этой теории демонстрацию юмора возможно расценивать, с одной стороны, как маркер социального взаимодействия вообще, и, с другой стороны, как маркер принадлежности индивида, прибегающего к высмеиванию, к определенной социально-возрастной группе, которая готова разделять шутку и способы высмеивания с ее автором. Подобное взаимодействие между автором и потребителем возможно только в том случае, если последний обладает некоторым культурно-социальным опытом, позволяющим ему увидеть/понять/осознать аллюзию на культурные феномены в шутке, иными словами, демонстрировать свою культурную грамотность, что может быть описано в терминах интертекстуальности (см., напр., Tsakona 2018).

Интертекстуальность традиционно в терминах формальной лингвистики предполагает наличие сложных связей между текстами и жанрами (Kristeva

1980, Bakhtin 1986). В широком понимании интертекстуальность пронизывает все, что мы говорим или пишем, каждый текст является отсылкой к более ранним текстам (Gasparov 2010). Tsakona и Chovanec (2020: 2) считают, что интертекстуальность в той или иной форме находится в центре любой шутки. В то же время необходимо акцентировать внимание на том, что «связь между текстами» в подобных определениях интертекстуальности не более чем метафора, поскольку эти связи не существуют *per se*, а создаются в сознании интерпретатора на основе его опыта взаимодействия со средой, включающей в себя в том числе и собственно сингалы-тексты.

Исследователи (de Beaugrande & Dressler 2016) выделяют два типа интертекстуальности: жанровая, которая помогает объединить разные тексты в самостоятельный жанр на основании сходных признаков, и референциальная, которая возникает в процессе интерпретации текста в виде аллюзий на предыдущие тексты, события, артефакты. В приложении к анализу МЕ, состоящих из картинки и подписи к ней, можно выделить особый жанр *имидж-макро*, в отличие, например, от фотожабы, которая строится на фотомонтаже нескольких изображений, часто без текста; в качестве же примеров референциальной интертекстуальности могут служить интернет-мемы, содержащие библейские аллюзии, аллюзии на исторические события и т. п.

Tsakona (2020) анализирует важность интертекстуальности в процессе потребления шуток, основанных на несоответствии или оппозиции скриптов, и приходит к выводу, что получатель не может увидеть несоответствие или оппозицию скриптов без обращения к предыдущим (кон)текстам, которые считаются в какой-то мере ожидаемыми, привычными, соотносящимися с нормой. Следовательно, именно установление интертекстуальных связей с предыдущими (кон)текстами определяет, *что именно* является несовместимым или несоответствующим данному (кон)тексту.

В идеальной модели отношений АВТОР :: ПОТРЕБИТЕЛЬ автором мема словно задумывается «верное», «корректное» и ожидаемое от воспринимающего (мультимодальный) сигнал толкование шутки. При этом такая идеальная ситуация означала бы и то, что у обеих сторон должен быть некий общий, инвариантный опыт, включающий культурную грамотность (*cultural literacy* в терминах Tsakona (2020)). С когнитивной точки зрения опыт представляется результатом взаимодействия человека со средой и фактически является неким состоянием организма (прежде всего, в виде возбуждений его нервной системы). По мнению исследователей (Pushkarev & Rastvorova 2022), минимальные единицы опыта – коги – образуют более крупные когнитивные формы, ассоциируемые с опытом, так называемые идеализированные когнитивные модели. Являясь, по сути, паттернами возбуждений нейросети индивида, различные идеализированные когнитивные модели *совокупно* в причинно-следственной последовательности могут ассоциироваться с еще более крупной формой опыта – скриптом, включая его статическую разновидность фрейм. Таким образом, и культурная грамотность, и способность интерпретатора

распознавать аллюзии подразумевают наличие у индивида некоего опыта, который, в свою очередь, может иметь характер скрипта.

В данной работе постулируется идея отношений включенности в опыт индивида вообще его культурной грамотности (как совокупности специфических разновидностей опыта, получаемых во взаимодействии индивида с социумом) с дальнейшей активацией участков опыта, необходимых для корректного понимания аллюзий (в работе предлагается называть такой опыт *аллюзивным*), что возможно только при наличии необходимой культурной грамотности (см. рис. 1). Это также означает, что способность к прочтению аллюзии с когнитивной точки зрения предполагает и способность к ассоциированию друг с другом различных скриптов, образующих культурную грамотность индивида.

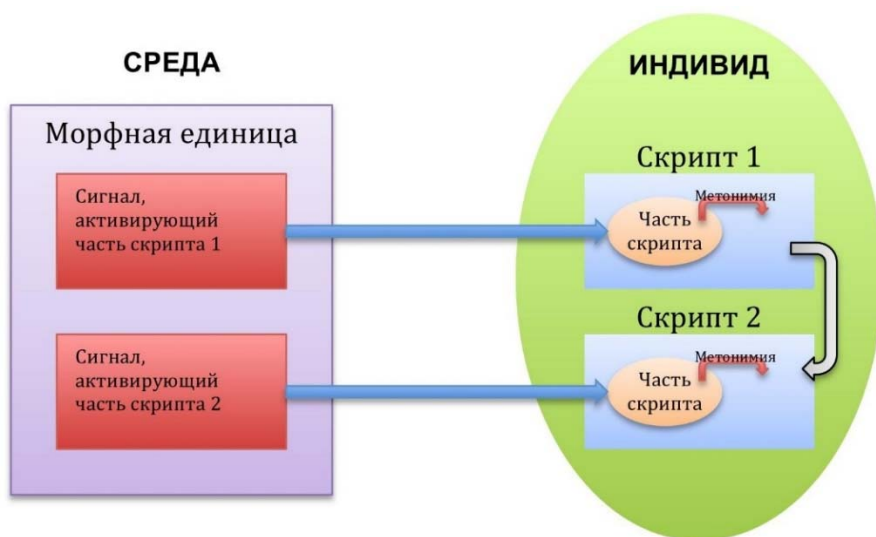

Рис. 1. Некоторые формы опыта индивида в их взаимосвязи /
Figure 1. Different forms of individual experience in their interrelation

Соотношение внешних сигналов в МЕ и активируемых ими скриптов можно представить следующим образом (см. рис. 2). МЕ, являясь визуальным или визуально-звуковым конструктом вне потребителя, содержит сигналы, ассоциируемые посредством возбуждения релевантных сенсомоторных и когнитивных зон мозга, как минимум, с двумя скриптами, где репрезентации этих сигналов (оранжевые области на схеме) по *метонимии* (красные стрелки) концептуализируют иные структуры, связанные с данными скриптами. Ощущение конфликта скриптов (серая стрелка), то есть когда ситуация, по мнению индивида, разворачивается неожиданным образом, или, иными словами, неконгруэнтно, приводит к возникновению юмористического эффекта через разрешение данного конфликта скриптов.

Таким образом, учитывая моно- и мультимодальную природу сигналов, которые могут служить триггерами для (частей) скрипта, в рамках исследования авторы отходят от термина *мультимодальность* в пользу *морфности*, что позволяет охватить те мемические единицы, которые состоят из сигналов одной модальности, и что дает возможность адаптировать SSTH к случаям невербального юмора. Кроме этого, для полноценной активации скриптов, яв-

ляющихся основой шутки, необходим некий аллюзивный опыт, который может реализовываться в том числе посредством интертекстуальных связей. Наличие такого опыта в рамках теории превосходства свидетельствует о возможности включения потребителя мема в круг «избранных», способных оценить шутку. Также логично предположить, что наиболее очевидными причинами интерпретационных ошибок могут являться, с одной стороны, неспособность потребителя распознать моно-/мультимодальные сигналы, служащие толчком к активации скриптов или их частей по метонимии, а с другой, отсутствие у потребителя релевантных скриптов, что объясняется его недостаточной культурной грамотностью. Следует однако отметить, что в фокусе исследования находятся когнитивные ошибки в восприятии юмора, а не ошибки, вызванные качеством стимульного изображения (размытая картинка, неудачные настройки экрана и иные подобные помехи).

Рис. 2. МЕ как совокупность сигналов, активирующих скрипты /
Figure 2. A morphed unit as a script-triggering signal

3. Материал, методика и организация исследования

Поставленная задача, а именно выявление возможных причин интерпретационных ошибок при восприятии морфного юмора, решается путем проведения опроса и качественного анализа ответов респондентов, которым было предложено ответить на ряд вопросов, связанных с восприятием мема SAD KEANU (Charlotte A. 20 March 2024). Отметим при этом, что в связи с тем, что в качестве стимула предложена МЕ, не содержащая текст, владение иностранным языком не является релевантным параметром для исследования. Выбор фотожабы, а не креолизованного текста (в виде имидж-макро, то есть самого распространенного вида мемов, представляющего собой картинку с надпи-

сю на ней) в качестве стимула в опросе объясняется возможностью для исследователей (1) экстраполировать положения SSTH на случаи невербального юмора; (2) избежать ограничения, связанные с языковой компетенцией респондентов; (3) сосредоточиться на оппозиции (культурно обусловленных) скриптов, не подкрепленных эксплицирующей их текстовой частью; (4) приблизиться к пониманию механизмов мышления, участвующих в процессе восприятия и интерпретации, в частности, бестекстовых МЕ.

МЕ из цикла SAD KEANU основана на прецедентном изображении, сделанном в 2010 году папарацци³. На фотографии (рис. 3) грустящий актер Киану Ривз с сэндвичем в руке сидит на скамейке.

**Рис 3. Прецедентное изображение (слева) и МЕ-стимул из цикла SAD KEANU /
Figure 3. The precedent image (left) and the stimulus morphed unit from the SAD KEANU
meme cycle**

На момент написания статьи интернет-ресурсом KnowYourMeme.com зафиксировано более 700 МЕ, составляющих данный мемический цикл (см. некоторые примеры на рис 4). Такое количество МЕ косвенно свидетельствует о вирусности цикла и его способности решать прагматические цели создателей мема (например, насмешить, высмеять, привлечь внимание и т. п.).

**Рис 4. Примеры фотожаб из мемического цикла SAD KEANU /
Figure 4. Examples of photoshopped images from the SAD KEANU meme cycle**

³ Sad Keanu – KnowYourMeme.com 15 September 2023.

Мем-стимул (рис. 3) является морфом двух изображений: отредактированное прецедентное фото Киану Ривза наложено на кадр из кинофильма «Форрест Гамп» / *Forrest Gump* (Zemeckis 1994). Фрагмент из фильма отсылает к известному монологу главного героя *My momma always said life was like a box of chocolates, you never know what you're gonna get* (Моя мама всегда говорила, что жизнь похожа на коробку шоколадных конфет, никогда не знаешь, какая тебе попадет).

Выбор именно этого мема обусловлен тем, что в нем отсутствует ожидаемый текстовый панчлайн, который обычно поддерживает один из скриптов, и таким образом, задает вектор интерпретации. Также вероятно, что осведомленность участников опроса и их способность воспринимать аллюзии может быть довольно низкой, поскольку фильм вышел около 30 лет назад. Это допущение важно в контексте проводимого исследования, имеющего цель выявить в том числе и роль культурной грамотности для юмористического понимания МЕ, предполагающей знания о событиях как конкретной (родной) культуры, так и глобальной. Использование в качестве стимула МЕ, которая содержит графические аллюзии на элементы глобальной поп-культуры, представляется оправданным, поскольку респонденты, тем не менее, потенциально могут быть знакомы с данными феноменами мировой культуры. В частности, фильм «Форрест Гамп» был всемирно популярным в момент выхода на экраны, а актер Киану Ривз – мировая кинозвезда.

Как представляется, идеальный интерпретатор данного мема должен распознать сигналы, отсылающие к двум скриптам S_1 КИАНУ ГРУСТИТ и S_2 ФОРРЕСТ ПРОИЗНОСИТ МОТИВИРУЮЩУЮ РЕЧЬ. В дополнение необходимо отметить, что сам акт потребления МЕ разворачивается в рамках метаскрипта (МС) Я ПОТРЕБЛЯЮ МЕ, который отражает опыт взаимодействия потребителя с любимыми МЕ. S_1 подразумевает знание интерпретатором прецедентной ситуации, связанной с появлением фотографии. Для возникновения юмористического эффекта важен не только набор аллюзий, который данное событие (фотография) вызывает в памяти потребителя, но и знание того, что исходное изображение стало вирусным в том числе и в силу конфликта между популярностью и статусностью актера и его «приземленным» внешним видом. В мемическом цикле S_1 носит инвариантный характер и в идеале должен быть знаком потребителю мема, при этом необходимо, чтобы S_2 (вариативная часть МЕ) был максимально неожиданным для данного контекста, возможно, абсурдным.

В анонимном онлайн-опросе, проводимом с использованием Google-формы, добровольно приняли участие 80 человек в возрасте от 17 до 27 лет с различным уровнем образования (среднее – 34, неоконченное высшее – 24 и высшее – 22), из них 22 мужчины и 58 женщин. Выбор данной возрастной группы был обусловлен двумя факторами. Во-первых, интерпретация любых мультимодальных текстов, к которым, наряду с карикатурами, можно отнести

и мемы, строится, по мнению С.Ю. Павлиной (2022), на известном коммуниканту релевантном широком культурном контексте, носящем характер пресуппозиции. Поскольку целью настоящего исследования является объяснить, почему МЕ может не вызывать юмористической реакции, для опроса намеренно была выбрана та социальная группа, которая в виду своего возраста маловероятно знакома с нюансами социально-исторического контекста, связанного с появлением МЕ, используемого в качестве стимула. Во-вторых, представители молодого поколения обладают более широким опытом взаимодействия с компьютерными семиотическими практиками, а значит, легко определяют формальные признаки МЕ (Zappettinni et al. 2021).

Применение Google-форм в качестве способа проведения опроса продиктовано желанием исследователей приблизить процесс анкетирования к естественному способу потребления мема (непринужденная обстановка, использование удобных девайсов и т. д.). Помимо идентификационных вопросов, направленных на определение социо-демографического профиля респондентов (пол, возраст, уровень образования), опросник для самостоятельного заполнения состоял из стимула-мема и вопросов открытого типа к нему: (1) Посмотрите на картинку. Кажется она вам смешной? (2) Кратко опишите происходящее на картинке (место, действие, события). (3) Как бы вы описали людей на картинке? (4) Какие ассоциации вызывает у вас эта картинка? (5) Если эта картинка кажется вам смешной, что именно вас смешит? Вопросы сформулированы простым языком, без использования терминов и направлены на определение возможной корреляции между культурной грамотностью респондентов (а значит, наличием необходимого опыта, соотносимого с соответствующими скриптами) и способностью индивидов видеть юмор в МЕ. Именно поэтому участникам опроса не сообщалось, что стимул является юмористическим мемом.

Проведенный опрос позволил получить эмпирический материал, который был качественно описан и систематизирован. Количественные данные были намеренно проигнорированы, поскольку для исследования ключевым является не то, сколько респондентов допустили какое-то число интерпретационных ошибок, а сам факт и специфика их возникновения. Более того, количественные данные о типах ошибок в процентном соотношении вряд ли могут быть экстраполированы на другие группы респондентов, а значит, они не будут качественно выявлять новые типы ошибок. На следующем этапе данные были проинтерпретированы с целью выявления, на каком этапе мыслительной обработки морфа потребителем возможны интерпретационные сбои и какого они рода.

Ключевым методологическим принципом для настоящего исследования является допущение того, что цепочки лексических единиц, ассоциируемых с каким-то когнитивным событием, могут косвенно указывать на особенности опыта, приобретенного индивидом, либо на отсутствие релевантного опыта. Анализ высказываний респондентов позволяет судить об удерживаемым

памятью индивида участке опыта, являющегося «структурированной репрезентацией, которая ассоциируется со стереотипной последовательностью событий в контексте» (Schank & Abelson 1977: 41), следовательно, является скриптом. Таким образом, встает вопрос о формализованной записи полученного эмпирического материала. Авторы исходят из положения, что опыт может иметь пропозициональную структуру (см., напр., Lakoff 1987), которую в рамках обыденного сознания можно было бы представить как «кто-то где-то как-то что-то делает» и которую формально же можно соотнести с предикатом/признаком и аргументами. Наличие или значимое отсутствие тех или иных лексем, соотносимых с подобной пропозициональной структурой, может сигнализировать о том, активируются ли у участников опроса в ответ на стимул релевантные скрипты, необходимые для понимания юмора в данной МЕ.

В качестве примера анализа эмпирического материала рассмотрим разбор высказываний одного из респондентов (Таблица 1).

Таблица 1. Вопросы (В) анкеты и ответы (О) респондента на них

В1: Кратко опишите происходящее на картинке (место действия, события).	О1: Три человека сидят на одной лавке.
В2: Как бы Вы описали людей на картинке?	О2: Люди с угрюмым настроением.
В3: Какие ассоциации вызывает у Вас эта картинка?	О3: Обычная картина в парке любого города.
В4: Если эта картинка кажется Вам смешной, что именно Вас смешит?	О4: Мне эта картинка кажется самой обычной.

Table 1. The questions (B) in the survey and the respondent's answers (O)

B1: Briefly describe what is going on in the picture (place, events).	O1: Three people are sitting on the same bench.
B2: How would you describe the people in the picture?	O2: People in a gloomy mood.
B3: What associations does this picture evoke in you?	O3: An ordinary picture in a park in any city.
B4: If this picture seems funny to you, what exactly makes you laugh?	O4: This picture seems very ordinary to me.

На первом этапе в ответах определяются те лексемы, которые можно считать маркерами слотов скриптов (субъект S, предикат P, признак A, объект O). Далее, на основании заполненных слотов делается предположение относительно содержания скриптов, активизируемых сознанием респондента. Затем такие *идиосинкратические* скрипты (C_i и MC_i) соотносятся со скриптами в *идеальной* интерпретации стимула (C_1 , C_2 , MC), то есть такой, которой должно быть достаточно для осмысления МЕ как шутки (табл. 2).

Таблица 2. Выделяемые идеальные (C₁, C₂, MC) и идиосинкратические (C_i, MC_i) скрипты

Идеальные скрипты	Идиосинкратические скрипты
C ₁ КИАНУ (S ₁) ГРУСТИТ (A ₁)	C _i УГРЮМЫЕ (A _i) ЛЮДИ (S _i) СИДЯТ (P _i) НА ЛАВКЕ (A _i) В ПАРКЕ (A _i)
C ₂ ФОРРЕСТ ГАМП (S ₂) ПРОИЗНОСИТ (P ₂) МОТИВИРУЮЩУЮ (A ₂) РЕЧЬ (O ₂)	
MC Я (S _{MC}) ПОТРЕБЛЯЮ (P _{MC}) МЕМ (O _{MC})	MC _i Я (S _{MC}) РАССМАТРИВАЮ (P _{IMC}) ОБЫЧНУЮ (A _{IMC}) КАРТИНКУ (O _{IMC})

Table 2. The ideal (C₁, C₂, MC) and idiosyncratic (C_i, MC_i) scripts in juxtaposition

The ideal scripts	The idiosyncratic scripts
C ₁ SAD (A ₁) KEANU (S ₁)	C _i MOODY (A _i) PEOPLE (S _i) ARE SITTING (P _i) ON A BENCH (A _i) IN A PARK (A _i)
C ₂ FORREST GUMP (S ₂) IS GIVING (P ₂) A PEP (A ₂) TALK (O ₂)	
MC I (S _{MC}) CONSUME (P _{MC}) A MEME (O _{MC})	MC _i I (S _{MC}) AM VIEWING (P _{IMC}) AN ORDINARY (A _{IMC}) PICTURE (O _{IMC})

В данном случае респондент не распознал ни актера Киану Ривза, ни персонажей из х/ф «Форрест Гамп». Это позволяет сделать вывод, что оба скрипта (C₁, C₂), связанные с прецедентными событиями не апроприированы (то есть не усвоены, не стали частью опыта) рассматриваемым участником опроса. Ответы респондента недвусмысленно указывают на то, что вместо оппозиции этих двух скриптов им выделяется единственный скрипт C_i ЛЮДИ СИДЯТ НА СКАМЕЙКЕ. Несмотря на то, что некоторые слоты (A₁, S_{MC}) оказываются заполненными, слоты релевантных скриптов (S₁, S₂, P₂, A₂, O₂, P_{MC}, O_{MC}) остаются пустыми или заполненными некорректно; иными словами, опыт индивида не является достаточным для выявления задуманной создателем МЕ оппозиции скриптов, что приводит к возникновению интерпретационной ошибки и отсутствию юмористической реакции. Также обращалось внимание, идентифицируют ли опрошенные стимул как МЕ. Это важно, поскольку акт потребления мема, обладающего своей жанровой спецификой, тоже может быть представлен в виде MC, в каком-то смысле направляющего поведение потребителя. Представляется, что в анализируемом ответе респондент не смог идентифицировать изображение как фотожабу, на что указывает многократное употребление лексем «обычная», «картинка» вместо ожидаемых «мем», «фотожаба», «фотошоп» и т. п. Таким образом, в рассматриваемом примере возникают ошибки интерпретации как на уровне оппозиции скриптов, так и на уровне MC.

4. Результаты исследования

Поскольку возникновение юмористического эффекта напрямую связано с оппозицией скриптов и разрешением несоответствия между ними, все вопросы анкеты были составлены таким образом, чтобы обнаруживать в ответах респондентов прямые или косвенные отсылки к скриптам и/или их частям (в том числе в форме культурно-обусловленных аллюзий), релевантным для понимания юмора.

Результаты качественного анализа ответов на вопрос анкеты «Кратко опишите происходящее на картинке (место действия, события)» позволяют говорить о том, что ряд респондентов не смогли соотнести один или оба скрипта со своим опытом. При этом в рамках своего культурного опыта (грамотности) в ответ на стимул они склонны индуцировать вместо С₁ и/или С₂ иные скрипты, например ДРУЗЬЯ ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМУ, ЛЮДИ ЖДУТ АВТОБУС, МУЖЧИНА с бородой НЕ МОЖЕТ ОТВЕТИТЬ НА ГЛУПЫЙ ВОПРОС, КОТОРЫЙ ЗАДАЛ САМ, НЕЗНАКОМЫЕ ПЕРЕГЛЯДЫВАЮТСЯ, и т.д. Подобные ответы подтверждают, что такие респонденты обычно оказываются не способны интерпретировать мем в юмористическом ключе, как то, вероятно, задумывал автор мема, поскольку они не видят наличия нескольких скриптов и контраста между ними, и замещают их одним нерелевантным скриптом.

Следует отметить, что поскольку в тексте вопросов анкеты термины «мем», «юмористический мем» и их синонимы не фигурировали, это могло помешать участникам анкетирования выявить жанровую принадлежность стимула. Согласно В.И. Карасику (2018: 904), для определения жанра сообщения в случае затруднения индивид ориентируется на «ситуативную привязку речи и [свой] жизненный опыт». Действительно, анализ ответов подтвердил, что обычно культурной грамотности респондентов оказалось достаточно, чтобы распознать данное изображение как мем и ожидать юмористический подтекст. Испытывая трудности в идентификации контрастирующих скриптов, ведущих к возникновению юмористического эффекта, отдельные респонденты включаются в игру, описывают картинку через призму своего повседневного опыта и продуцируют собственные панчлайны: «сделка провалена», «интеллектуальный процесс», «мое состояние после 4 пар в вузе», «когда друг пригласил на встречу и пришел с девушкой». Логично предположить, что данные ответы, с одной стороны, можно рассматривать как попытку потребителя смягчить коммуникативную неудачу, что вполне согласуется с прагматической стратегией сохранения лица. С другой стороны, поскольку культурная грамотность имеет элитистское измерение (Tsakona 2020), знание некоторой прецедентной ситуации (а значит и соотносящихся с ней скриптов) позволяет интерпретатору быть включенным в ограниченную группу «избранных». Таким образом, часто не желая показывать, что конкретный юмор ему непонятен, интерпретатор пытается завуалировать это, обратив ситуацию в собственную шутку, которая может не совпадать с авторской задумкой, но быть не менее удачной с точки зрения создаваемого юмористического эффекта. Очевидно, что подобное поведение согласуется с постулатами теории превосходства, когда потребитель шутки пытается заручиться поддержкой значимых для него других.

Если первый вопрос анкеты был нацелен на идентификацию опрашиваемыми обоих скриптов, актуализируемых МЕ, то второй вопрос «Как бы Вы описали людей на картинке?» является детализирующим и позволяет увидеть, могут ли респонденты вычленить более мелкие элементы скрипта (например, субъектов-актантов), которые способны актуализировать скрипты

целиком. Субъект С₁ может быть описан как ГРУСТНЫЙ КИАНУ, субъект С₂ ФОРРЕСТ ГАМП. Результаты анализа показали, что изображения обоих субъектов были идентифицированы незначительной частью участников опроса, тогда как большая часть узнала одного из субъектов, что является еще одним источником интерпретационной ошибки.

Наблюдается большой разброс в ответах опрашиваемых на вопрос о том, кого же они видят в роли участников ситуации на картинке. В фокус некоторых респондентов попадают признаки, которые не позволяют однозначно идентифицировать предлагаемые описания с Киану Ривзом и Форрестом Гампом: «Харизматичная девушка с эмоцией, выражающей недоумение. Задумчивый мужчина. Мужчина с заинтересованным взглядом»; «черный в белом и белый в черном»; «Черная женщина средних лет, короткая стрижка, одета в белое короткое платье и розовый кардиган, неформальный стиль, с собой сумка через плечо, на левой руке часы; белый мужчина средних лет с щетиной, волосы растрепанные темные, одет в джинсы, черную футболку и пиджак, выглядит расстроенным/потерянным; белый мужчина средних лет с очень короткими волосами, он в светлом костюме, голубая рубашка в клетку не подходит под костюм, на коленях держит плоскую белую коробку»; «Мужчина в белом справа не вызывает доверия» и т. д. Очевидно, у некоторых респондентов визуальный стимул актуализирует ложные скрипты/части скриптов, а, следовательно, у них концептуализируются иные структуры, отличные от ожидаемых С₁ и С₂.

Цель следующего вопроса «Какие ассоциации вызывает у вас эта картинка?» выявить через анализ ассоциативных связей тех респондентов, которые продуцируют однозначно ложные скрипты. Если исходить из того, что ассоциации могут отражать связь между концептуализациями событий, явлений, фактов и т. п., составляющих опыт индивида, то это позволяет судить о характере опыта, усвоенного человеком в виде фреймов/скриптов и его релевантности для интерпретации конкретной шутки. Ассоциации типа «грусть», «уныние», «Форрест», «Киану» свидетельствуют о том, что опрашиваемые интерпретируют визуальный стимул в ожидаемом ключе. Однако их же ассоциации «свежесть», «Крамской», «туристы», «студенты», «рок-группа», «зависть» сигнализируют о том, что респондент, *вероятно*, строит ложный скрипт/скрипты, что закономерно не позволяет индивиду понять задуманную создателем МЕ шутку.

Цель последнего вопроса «Если эта картинка кажется вам смешной, что именно вас смешит?» заключалась в побуждении тех участников, которые утверждают, что данная МЕ вызывает юмористическую реакцию, попытаться вербализовать шутку, чтобы на следующем этапе проанализировать, присутствует ли в их описании некая (в идеале – задуманная создателем МЕ) оппозиция скриптов С₁ и С₂. Лишь некоторые участники сумели нащупать оппозицию скриптов по универсальной линии РЕАЛЬНОЕ :: НЕРЕАЛЬНОЕ и попытались описать ее: «персонажи из двух разных фильмов, которые очень отличаются друг от друга»; «меня смешит, что персонажи из разных фильмов

находятся вместе»; «Киану Ривз, он не принадлежит этому месту»; «то, что Киану Ривза не должно быть здесь». Под оппозицией РЕАЛЬНОЕ :: НЕРЕАЛЬНОЕ следует понимать принадлежность субъектов соответствующих скриптов к реальному (актер Киану Ривз обедает в парке) и вымышленному (персонаж художественного произведения Форрест Гамп) мирам. Представляется, что данная модель оппозиции является популярным способом создания комического эффекта (см., напр., Raskin 1984, Стефанкова 2014, Карасик 2018).

Ряд респондентов дал ответы смешные, однако базирующиеся на иных скриптах, например, оппозиция ДРУЗЬЯ СМЕШАТ :: ДРУГ ПРОДОЛЖАЕТ ГРУСТИТЬ: «У всех разные эмоции и свое настроение, надо поддерживать печального друга/знакомого, но у всех свои события и эмоции»; «возможно, сама ситуация, поскольку похоже на момент, когда один из друзей грустит, а двое переговариваются, чтобы его подбодрить и показывают друг другу знаки. Кажалось бы, ничего смешного, но что-то забавное в этом есть». Другие участники в ходе опроса включаются в языковую игру, основанную на знании поп-культурных аллюзий, и вовлекают интервьюеров в нее, развивая шутку, то есть добавляя сигналы-отсылки к S_1 или S_2 , например, «Лес, который бежит» является отсылкой к фразе из фильма “Run, Forrest, run!” или «Форест Гамп предлагает конфеты Эвану», где Эван – персонаж в исполнении Киану Ривза из нерелевантного фильма. Подобную стратегию можно интерпретировать желанием респондента следовать модели поведения идеального потребителя мема, которая подразумевает способность реципиента понять, оценить задумку автора и, таким образом, включить себя в круг понимающих шутку «избранных», что коррелирует с постулатами теории превосходства в исследованиях юмора (см., напр., Tsakona 2020).

Следует отметить, что некоторые ответы на вопросы анкеты указывают, что ряд респондентов имеет опыт взаимодействия с МЕ. Характер подобного взаимодействия может быть представлен в виде МС Я ПОТРЕБЛЯЮ МЕ, которую можно считать одной из «моделей смехового поведения» (Карасик 2018: 895). Это значит, что есть некая идеальная последовательность действий и предполагаемых реакций потребителя на мем. Нарушение этой последовательности приводит к двум возможным исходам. Во-первых, потребитель отказывается видеть/искать смешное в МЕ, потому что ему не хватает опорных слотов МС (например, панчлайна): «Она не смешная для меня, возможно, потому, что я не знаю контекста фотки с Ривзом. Она могла бы быть более смешной, если добавить какую-то типичную подпись типа «Когда друг сказал, что больше не будет пить/звонить бывшей/ругаться с отцом/откладывать все до дедлайна». Во-вторых, нарушение ожидания потребителя в отношении первичной реакции на стимул (меня не смешит) толкает его к рефлексии, почему так произошло, что, в свою очередь, вызывает вторичную реакцию (мне смешно) на сам сбой в МС в акте потребления МЕ: «Как раз таки смешно именно оттого, что это вообще не смешно... постирония». Таким образом, анализ ответов позволяет выявить две глобальные группы интерпретационных ошибок, (а) связанных с собственно актом потребления стимульной

единицы на уровне МС, и (б) возникающих в результате когнитивного сбоя при актуализации скриптов, составляющих юмористическую оппозицию, если необходимые скрипты вообще когнитивно усвоены индивидом.

5. Дискуссия

В работе предложен термин МЕ (морфная единица), под которым понимается комплекс сигналов, в том числе разной модальности, активизирующих скрипты в сознании потребителя посредством ассоциативной связи между разными концептуализациями опыта индивида. Введение понятия МЕ позволяет сделать выводы относительно того, как человек категоризирует/воспринимает мир, в том числе помогает понять роль аллюзии как когнитивного феномена, составляющего опыт индивида. Под опытом, обретаемым человеком в ходе взаимодействия с окружающим миром, видится совокупность психофизиологических состояний и процессов, возникающих в организме индивида в ответ на внешний раздражитель. Понятия *скрипт* и *фрейм* являются, по сути, способами представить опыт в виде дискретных единиц в научном дискурсе. Столкновение скриптов и последующее разрешение возникающего когнитивного конфликта необходимо для ощущения смешного (Raskin 1984, Vandaele 2002). МЕ также позволяет по-новому взглянуть на возможные источники ошибок восприятия юмора и предпринять попытку их классификации.

Типология возможных ошибок взаимодействия потребителя с МЕ должна принципиально коррелировать с процессом восприятия и интерпретации этой МЕ индивидом (типы 1–5). Вне фокуса данного исследования находятся те ошибки, которые обусловлены средой, например, вызванные качеством самого сигнала (тип 1), а также помехами, мешающими перцепции сигнала (тип 2). В центре внимания исследователей оказываются ошибки, связанные с особенностями когнитивных процессов в акте потребления МЕ. Поскольку «комическим для человека может быть что-то, во-первых, легко узнаваемое (т. е. имеющее знакомый образ) и, во-вторых, хорошо ему известное (понятное)» (Кошелев 2007: 283), в работе предлагается классификация ошибок, основанная на степени культурной грамотности индивидов (типы 3–5).

Наиболее очевидной причиной ошибок в процессе интерпретации МЕ можно считать *полное отсутствие* культурно-специфического релевантного опыта (тип 3), что не позволяет должным образом интерпретировать сигналы в составе МЕ, а значит, активизировать значимые скрипты, то есть коррелирующие с опытом, необходимым для разгадки задумки создателя МЕ. Вариантом такого типа ошибок являются случаи, когда потребитель видит вместо оппозиции двух релевантных скриптов один нерелевантный. В этом случае индивид не улавливает «юмористическую тональность» (см., Карасик 2018: 899) и интерпретирует МЕ в ином, часто прямом, смысле.

Следующей разновидностью ошибок будем считать два случая, когда индивид имеет *ограниченную* культурную грамотность (тип 4). Во-первых, из

двух скриптов только один оказывается «верным», при этом оппозиция теоретически возможна (и она может привести к возникновению комического эффекта), но не задуманная автором. Во-вторых, имеющаяся культурная грамотность позволяет индивиду «заполнить» лишь часть слотов скрипта, но оппозиция не возникает, поскольку ключевые для понимания шутки слоты оказываются пустыми или заполненными неверно.

Наконец, не следует упускать случаи, когда когнитивных ошибок восприятия как таковых нет (то есть интерпретатор обладает необходимой культурной грамотностью, чтобы увидеть оппозицию между корректно сформированными скриптами), но в силу разных социопрагматических причин оппозиция скриптов не приводит к искомой смеховой реакции (тип 5). Такими причинами, например, могут быть иные морально-ценностные установки потребителя, его принадлежность к отличной социальной, возрастной, гендерной и др. группе; например, мемы про представителей какой-либо нации могут показаться оскорбительными/унизительными представителям данной нации.

Главный методологический принцип в работе – расчленение анализируемого процесса восприятия и интерпретации МЕ индивидом на естественные, продиктованные психофизиологическими особенностями восприятия сигналов человеком, этапы. Проведенный анализ процесса восприятия МЕ потребителем позволяет сделать ряд обобщений не только относительно того, как можно классифицировать ошибки интерпретации в актах потребления бестекстовых МЕ, но и приблизиться к описанию механизмов мышления в целом, что, несомненно, вызывает научный междисциплинарный интерес (Щербакова 2009).

Во-первых, несмотря на существующее сомнение о возможности приложения теории вербального юмора, основанной на оппозиции скриптов (Raskin 1984, Norrick 2004), данное исследование доказывает, что теория применима и к случаям невербального юмора, примеры которого можно найти в МЕ. Очевидно, что фотожаба и имидж-макро для интерпретатора являются такими же сигналами-стимулами, как и текст. Они активизируют те или иные когнитивные структуры мозга, связанные с репрезентацией и концептуализацией опыта, в том числе в виде фреймов/скриптов (см., напр., Pushkarev & Rastvorova 2022).

Во-вторых, помимо классификации ошибок восприятия юмора в реакции на МЕ важным является то, что значение не реифицировано, и тем более не передается сигналом (каким бы он ни был), и что следует избегать приписывать сигналу значение (в том числе неязыковое). Значение следует понимать как динамический когнитивный акт, коррелирующий с определенными паттернами (цепочек) нейронных возбуждений мозга и предполагающий мэппинг некоего субъективного концептуализированного опыта на другой интернализированный опыт и обратно (см., напр., Sinha 1999, Pushkarev & Rastvorova 2022). При этом, естественно, такой опыт может быть весьма разнообразный (напр., визуальный, звуковой, языковой) и существовать на

разных уровнях абстрагирования (напр., идеализированные когнитивные модели, фреймы, скрипты, сценарии и т. п.). Анализ МЕ позволяет выявить, что мышление не всегда является языковым и что мы не можем поставить знак равенства между когницией и языком. МЕ, таким образом, лишь инструмент общения, которое «возможно только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность» (Выготский 2016: 32). Важно понимать, что МЕ, как и текст, не содержит значения, значение продуцируется индивидом в ответ на внутренний или внешний стимул. Наконец, следует отметить, что, как и со словом в речи, отношения между коммуникантами, опосредованными МЕ, и средой образуют, в терминах Sinha (1999), экологическую систему: в результате взаимодействия с социальной средой создатель мема продуцирует значение и интенционально формирует сигнал, который, в свою очередь, сам является частью экосистемы; потребитель, взаимодействуя с сигналом-МЕ, продуцирует свои смыслы в актах значения. Таким образом, экосистема замыкается на коммуникантах, будучи опосредована МЕ.

В-третьих, следует избегать приписывания текстам и прочим сигналам то, чего в них нет, а значит, и следует избегать в когнитивном научном дискурсе формулировок типа «интертекстуальные связи между текстами», но рассматривать аллюзию как исключительно когнитивный процесс, который возможен только внутри человека, но не во внешнем мире. В этом смысле заслуживает внимания утверждение И.К. Архипова (2007: 116), что «мир вокруг нас сам по себе ни серьезен, ни важен, ни смешон, ни трагичен, он – никакой с эмоциональной точки зрения; ее привносит только сам человек под диктовку своих внутренних потребностей, которые он сам же для себя устанавливает». Иными словами, следует признать, что аллюзивной связи между текстами (включая МЕ) вне сознания потребителя не существует.

6. Заключение

В статье была предпринята попытка выявить и классифицировать типичные случаи когнитивных ошибок восприятия юмора на примере анализа МЕ. Авторы экстраполируют SSTH В. Раскина на случаи невербального юмора и исходят из того, что основным источником когнитивных ошибок является неспособность потребителя мемического сигнала актуализировать релевантные для понимания юмора скрипты или их части. Принимая во внимание, что фреймы и скрипты являются опытом, концептуализированным индивидом, наличие культурно-специфического опыта оказывается необходимым условием для юмористической интерпретации МЕ.

Проведенный качественный анализ собранных в ходе опроса эмпирических данных относительно восприятия МЕ позволил сделать вывод о том, что фрагменты визуального стимула могут активировать соотносящиеся с ними части скрипта, отраженные в сознании индивида, которые, в свою очередь, через когнитивную метонимию способны задействовать недостающие части скрипта в объеме, достаточном для понимания юмора МЕ.

Предложенная в работе классификация ошибок коррелирует с наличием или отсутствием у индивида культурной грамотности, которая подразумевает концептуализацию специфического опыта о родной и неродной культурах. В связи с тем, что выделяемые ошибки анализируются с позиции восприятия МЕ интерпретатором, перспективы дальнейшего исследования видятся в необходимости рассмотрения МЕ с точки зрения многосторонней коммуникации, в том числе в акте порождения МЕ создателем, что предполагает расширение исследования социопрагматическим измерением.

Использованные сокращения: SSTH – семантическая теория юмора, основанная на оппозиции скриптов; МЕ – морфная единица; МС – метаскрипт; С – скрипт; i – идиосинкратический; S – субъект; P – предикат; A – признак; O – объект.

Abbreviations: SSTH – Semantic Script-based Theory of Humor; ME – morphed unit; MC – metascript; C – script; i – idiosyncratic; S – subject; P – predicate; A – attribute; O – object.

Список литературы / References

- Архипов И.К. Делу – время, потехе – час. О смешном и несмешном // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 112–120. [Arkhipov, Igor K. 2007. Delu – vremya, potekhe – chas. O smeshnom i nesmeshnom (Work done, time for fun. What is funny and what is not). In Nina D. Arutiunova (resp. ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma (Logical Analysis of the language. Linguistic Mechanisms of Comicism)*, 112–120. Moscow: Indrik. (In Russ.)].
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Национальное образование, 2016. [Vygotsky, Lev S. 2016. Myshlenie i rech' (*Thinking and Speech*). Moscow: Natsional'noe obrazovanie. (In Russ.)].
- Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018а. №4 (193). С. 122–127. [Kanashina, Svetlana V. 2018а. Internet meme and precedent phenomenon. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin* 4 (193). 122–127. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>
- Канашина С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018б. №16 (811). С. 74–80. [Kanashina, Svetlana V. 2018б. Semantic aspects of internet meme as a multimodal discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities* 16 (811). 74–80. (In Russ.)].
- Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 4. С. 895–918. [Karasik, Vladimir I. 2018. Algorithms of comic texts construction. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 895–918. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918>
- Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха // *Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина* / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 277–326. [Koshelev, Aleksey D. 2007. O prirode komicheskogo i funktsii smekha (About the nature of the comic and the function of laughter). In Elena A. Zemskaya, Mariya L. Kalenchuk (resp. eds.), *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L. P. Krysina*

(*Language in action. On the 70th anniversary of Krysin L. P.*), 277–326. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).

- Никитина О.А., Гудкова О.А., Зандер Ф. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса // *Язык и культура*. 2018. № 43. С. 74–87. [Nikitina, Olga A. & Olga A. Gudkova & Sander Ferdinand. 2018. Internet meme as a multimodal phenomenon of the German Internet-discourse. *Yazyk i kul'tura* 43. 74–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/43/5>
- Павлина С.Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19 // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. № 26 (1). С. 162–193. [Pavlina, Svetlana Y. 2022. Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 162–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>
- Стефанкова Л.Н. Скрипты и их оппозиция как способ моделирования комического эффекта в коротком рассказе // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2014. №16. С. 334–338. [Stefankova, Larisa N. 2014. Scripts and their oppositions as a way of comic effect modeling in short story. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics* 16. 334–338. (In Russ.).]
- Терентьева Е.В., Павлова Е.Б. Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов // *Научный диалог*. 2023. № 12 (9). С. 184–206. [Terentyeva, Elena V., Pavlova, Elena B. 2023. Semiotic Organization of Russian Environmental Internet Memes. *Nauchnyi Dialog* 12 (9). 184–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-184-206>
- Щербак О.В. Когнитивные механизмы понимания комического: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. [Shcherbakova, Olga V. 2009. *Kognitivnye mekhanizmy ponimaniya komicheskogo (Cognitive mechanisms of understanding the comic)*: Thesis. Saint Petersburg State University. (In Russ.). <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22854.16963>
- Щурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013. № 6 (81). С. 34–39. [Shchurina, Yuliya V. 2013. Internet-memy kak sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii (Internet memes as a means of intercultural communication). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* 6 (81). 34–39. (In Russ.).]
- Attardo, Salvatore & Victor Raskin. 1991. Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model. *Humor: International Journal of Humor Research* 4 (3/4). 293–347. <https://doi.org/10.1515/humr.1991.4.3-4.293>
- Bain, Alexander. 2006. *The Emotions and the Will*. Replica of the completely revised 1888 third ed. New York: Cosimo Classics.
- Bakhtin, Mikhail Mikhailovich, Vern W. McGee, Caryl Emerson & Michael Holquist. 1986. *Speech Genres and Other Late Essays*. Austin: University of Texas.
- Beaugrande, Robert de & Wolfgang U. Dressler. 2016. *Introduction to Text Linguistics*. London: Routledge.
- Börzsei, Linda K. 2013. Makes a meme instead: A concise history of Internet memes. *New Media Studies Magazine* 7. 1–25.
- Burgess, Jean. 2014. ‘All your chocolate rain are belonging to us?’: Viral video, YouTube and the dynamics of participatory culture. *Art in the Global Present*. 86–96. <https://doi.org/10.5130/978-0-9872369-9-9.e>
- Dancygier, Barbara & Vandelanotte Lieven. 2017. Internet memes as multimodal constructions. *Cognitive Linguistics* 28 (3). 565–598. <https://doi.org/10.1515/cog-2017-0074>
- Dynel, Marta. 2016. “I has seen image macros!” Advice animals memes as visual-verbal jokes. *International Journal of Communication* 10. 660–688.

- Dynel, Marta. 2020. Covid-19 memes going viral: On the multiple multimodal voices behind face masks. *Discourse & Society* 32 (2). 175–195. <https://doi.org/10.1177/0957926520970385>
- Figuroa-Dorrego, Jorge & Cristina Larkin-Galinanes. 2009. *A Source Book of Literary and Philosophical Writings about Humour and Laughter: The Seventy-Five Essential Texts from Antiquity to Modern Times*. Lewiston: The Edwin Mellen Press.
- Fillmore, Charles J. 1977. Scenes-and-frames semantics. In Antonip Zampolli (ed.), *Linguistics structures processing*, 55–81. Amsterdam/New York/Oxford: North Holland Publishing Company.
- Gasparov, Boris. 2010. *Speech, Memory, and Meaning: Intertextuality in Everyday Language*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Hussein, Ahmed T. & Lina Nabil Aljamili. 2020. Covid-19 humor in Jordanian social media: A socio-semiotic approach. *Heliyon* 6 (12). 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05696>
- Kavitha, Gopinath. 2018. A study of memes using semiotics. *Research Journal of Humanities and Social Sciences* 9 (1). 219–224. <https://doi.org/10.5958/2321-5828.2018.00039.6>
- Kristeva, Julia. 1980. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, trans. L. S. Roudiez. Oxford: Blackwell.
- Laineste, Liisi & Piret Voolaid. 2017. Laughing across borders: Intertextuality of internet memes. *The European Journal of Humour Research* 4 (4). 26–49. <https://doi.org/10.7592/ejhr2016.4.4.laineste>
- Lakoff, George. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. The University of Chicago Press.
- Lankshear, Colin & Michele Knobel. 2019. Memes, macros, meaning, and menace: Some trends in internet memes. *The Journal of Communication and Media Studies* 4 (4). 43–57. <https://doi.org/10.18848/2470-9247/cgp/v04i04/43-57>
- Larkin-Galiñanes, Cristina. 2017. An overview of humor theory. In Salvatore Attardo (ed.), *The Routledge Handbook of Language and Humor*, 4–16. 1st ed. Routledge.
- Lintott, Sheila. 2016. Superiority in humor theory. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism* 74 (4). 347–358. <https://doi.org/10.1111/jaac.12321>
- McGhee, Paul E. 1979. *Humor, its Origin and Development*. San Francisco: W. H. Freeman.
- Minsky, Marvin. 1975. A framework for representing knowledge. In P. Winston (ed.), *The Psychology of Computer Vision*, 55–81. McGraw-Hill.
- Naciscione, Anita. 2010. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co.
- Norrick, Neal R. 2004. Non-verbal humor and joke performance. *Humor – International Journal of Humor Research* 17 (4). 401–409. <https://doi.org/10.1515/humr.2004.17.4.401>
- Paciello, Marinella, Francesca D’Errico, Giorgia Saleri & Ernestina Lamponi. 2021. Online sexist meme and its effects on moral and emotional processes in social media. *Computers in Human Behavior* 116. 106655. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106655>
- Pushkarev, Evgeny A. & Julia S. Rastvorova. 2022. States of idiosyncratic idealized cognitive models in acts of pragmatic meaning. *Language Sciences* 93. 101498. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2022.101498>
- Raskin, Victor. 1984. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Springer Netherlands. <https://doi.org/10.1007/978-94-009-6472-3>
- Shank, Roger C. & Robert P. Abelson. 1977. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Shifman, Limor. 2012. An anatomy of a YouTube meme. *New Media & Society* 14 (2). 187–203. <https://doi.org/10.1177/1461444811412160>
- Shifman, Limor. 2013. *Memes in Digital Culture*. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>

- Sinha, Chris. 1999. Grounding, mapping, and acts of meaning. In Theo Janssen & Gisela Redeker (eds.), *Cognitive Linguistics*, 223–256. Berlin/New York: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110803464.223>
- Taecharungroj, Viriya & Pitchanut Nueangjamnong. 2015. Humour 2.0: Styles and types of humour and virality of memes on Facebook. *Journal of Creative Communications* 10 (3). 288–302. <https://doi.org/10.1177/0973258615614420>
- Terentyeva, Elena V. & Elena B. Pavlova. 2023. Semiotic organization of Russian environmental Internet memes. *Nauchnyi Dialog* 12 (9). 184–206. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-184-206>
- Tsakona, Villy. 2018. Intertextuality and cultural literacy in contemporary political jokes. In Arie Sover (ed.), *The Languages of humor: Verbal, visual, and physical humor*, 86–104. <https://doi.org/10.5040/9781350062320.0012>
- Tsakona, Villy. 2020. Scrutinising intertextuality in humour: Moving beyond cultural literacy and towards critical literacy. *The European Journal of Humour Research* 8 (3). 40–59. <https://doi.org/10.7592/EJHR2020.8.3.Tsakona2>
- Tsakona, Villy & Jan Chovanec. 2020. Revisiting intertextuality and humour: Fresh perspectives on a classic topic. *The European Journal of Humour Research* 8 (3). 1–15. <https://doi.org/10.7592/EJHR2020.8.3.Tsakona>
- Vandaele, Jeroen. 2002. Introduction: (Re-)constructing humour: Meanings and means. *The Translator* 8 (2). 149–172. <https://doi.org/10.1080/13556509.2002.10799130>
- Vásquez, Camilla & Erhan Aslan. 2021. “Cats be outside, how about meow”: Multimodal humor and creativity in an internet meme. *Journal of Pragmatics* 171. 101–117. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.10.006>
- Yus, Francisco. 2018. Identity-related issues in meme communication. *Internet Pragmatics* 1 (1). 113–133. <https://doi.org/10.1075/ip.00006.yus>
- Yus, Francisco. 2021. Incongruity-resolution humorous strategies in image macro memes. *Internet Pragmatics* 4 (1). 131–149. <https://doi.org/10.1075/ip.00058.yus>
- Way, Lyndon C. S. 2021. Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 789–809. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809>
- Zappettini, Franco, Douglas. M. Ponton & Tatiana V. Larina 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 586–610. (In Russ.).

Источники примеров (рисунков)

- Sad Keanu – Internet Meme Database | Know Your Meme, Literally Media [Site]. (<https://knowyourmeme.com/memes/sad-keanu>) (accessed 15 September 2023).
- Charlotte A. Sad Keanu connaît aussi Forrest Gump [Digital image]. (<https://www.flickr.com/photos/sixticha/5458469347/in/photolist-9jm5Lt>) (accessed 20 March 2024).
- Zemeckis, Robert. (Director). 1994. *Forrest Gump* [Film]. Paramount Pictures.

Article history:

Received: 29 September 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionotes:

Sergei V. AGEEV is Associate Professor at Saint Petersburg State University of Economics, Russia. His research interests have evolved from the genre-specific study of metaphor and neologisms to broader areas of cognitive linguistics, semiotics and pragmatics.

e-mail: ageev.s@unecon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0121-994X>

Evgeny A. PUSHKAREV is Associate Professor of the Department of Foreign Languages at HSE University, Saint Petersburg. His research and teaching interests deal with cognitive linguistics, pragmatics, and the evolution of language and neurolinguistics. His current research focuses on the mechanisms of humor production in acts of memeiosis as well as the ways humorous memes can be interpreted by the viewers.

e-mail: epushkarev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8348-5805>

Natalia V. ANTONENKO is Associate Professor at Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Her research interests lie in the areas of cognitive linguistics, pragmatics, lexicology and EFL teaching.

e-mail: nantonenko@lan.spbgasu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9628-1040>

Сведения об авторах:

Сергей Валерьевич АГЕЕВ – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия. Его научные интересы относятся к вопросам исследования метафоры и неологизмов, а также более широких областей когнитивной лингвистики, семиотики и прагматики.

e-mail: ageev.s@unecon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0121-994X>

Евгений Александрович ПУШКАРЕВ – кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. В сферу его научных интересов входят когнитивная лингвистика, прагматика, эволюция языка и нейролингвистика. Его текущие работы посвящены изучению механизмов генезиса юмора в актах мемезиса, а также интерпретации юмористических мемов.

e-mail: epushkarev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8348-5805>

Наталья Владимировна АНТОНЕНКО – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Ее научные интересы связаны с когнитивной лингвистикой, прагматикой и лексикологией.

e-mail: nantonenko@lan.spbgasu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9628-1040>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>

EDN: DVZOQG

Review article / Обзорная статья

Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus

Svetlana L. KUSHNERUK

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

 svetlana_kush@mail.ru

Abstract

In the first quarter of the XXI century, world-modeling has been actively discussed in the theory of literature, text studies and discourse studies. The concept of world-modeling in linguistics significantly differs from that in literary studies, which determines the relevance of this research. The paper aims to review the publications by Russian scholars that raise the problems of world-modeling in communication, to highlight the dominant tendencies of research within the framework of the cognitive-discursive paradigm and to discuss their theoretical potential. The sample consists of 334 publications retrieved from eLibrary database. The paper argues that due to the influence of the dominant paradigm in linguistics, an independent cognitive and discursive trend of world-modeling research is being developed in Russia, and is becoming more specific, which leads to the emergence of discrete areas of research that accumulate their own system of concepts. The paper discusses the research potential of lingua-cognitive, conceptual, functional, axiological, semantic, stylistic, lingua-ideological, cognitive and pragmatic trends. The author argues that the logic of the development of discrete trends is determined by the inter-paradigm interaction, thanks to which knowledge about the representation of the world in communication is built on general paradigmatic principles as well as the achievements of particular disciplines. The paper concludes by drawing attention to the lingua-cultural, socio-semiotic, lingua-personological and psycholinguistic research trends observed in some recent publications. The interdisciplinary nature of modern linguistics makes it possible to combine several perspectives of the world-modeling analysis. The results of the study can contribute to the further development of the cognitive and discursive world-modeling theory in linguistics and social studies.

Keywords: *world-modeling, cognitive and discursive research, theoretical linguistics, methodology of linguistics, areas of linguistics*

© Svetlana L. Kushneruk, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Kushneruk, Svetlana L. 2024. Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 439–465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>

Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат

С.Л. КУШНЕРУК

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

 svetlana_kush@mail.ru

Аннотация

В первой четверти XXI века понятие миромоделирования вызывает большой интерес современных ученых и активно разрабатывается в теории литературы, текста и дискурса. Трактовка данного понятия в лингвистике существенно отличается от литературоведения, что определяет актуальность исследования этого сложного ментально-языкового феномена в рамках науки о языке. Цель настоящей статьи – провести обзор отечественных публикаций, в которых поднимаются проблемы моделирования мира в языке и коммуникации. Она конкретизируется задачами систематизировать направления исследования феномена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и обозначить в каждом из них потенциал научной проблематики. В статье представлены результаты осмысления новейших работ российских специалистов, обращающихся к феномену миромоделирования в речевых практиках. Выборка составляет 334 публикации, извлеченные из общенациональной информационно-аналитической системы eLIBRARY. Отстаивается идея о том, что под влиянием господствующей парадигмы в лингвистике оформляется самостоятельное когнитивно-дискурсивное направление исследования миромоделирования. Устанавливается, что метанаучная широта когнитивно-дискурсивного подхода к изучению миромоделирования получает конкретизацию, что ведет к появлению дискретных направлений исследования, аккумулирующих свою систему понятий. Обсуждается научный потенциал лингвокогнитивного, концептуального, функционального, аксиологического, семантико-стилистического, когнитивно-прагматического и лингвоидеологического направлений. Приводятся аргументы относительно того, что логика развития дискретных направлений определена межпарадигмальным взаимодействием, благодаря которому знание о репрезентации мира в коммуникации выстраивается на общих парадигмальных принципах, а также достижениях частных дисциплин. В заключительной части внимание уделяется возможностям разработки лингвокультурологического, социально-семиотического, лингвоперсонологического, психолингвистического направлений, которые начинают заявлять о себе в отдельных публикациях. Утверждается и объясняется, что междисциплинарность делает возможным сочетание нескольких векторов анализа миромоделирования. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования в лингвистике и ее применения в социогуманитарной сфере.

Ключевые слова: *миромоделирование, когнитивно-дискурсивные исследования, когнитивно-дискурсивное миромоделирование, теоретическая лингвистика, методология лингвистики, направления лингвистики*

Для цитирования:

Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат. *Russian Journal of Linguistics*. 2024. V. 28. № 2. P. 439–465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>

1. Введение

Статья содержит обзор российских публикаций первой четверти XXI в., посвященных проблеме миромоделирования в лингвистике. В широком смысле понятие миромоделирования соотносится с функцией языка, заключающейся в представлении образа мира и его фрагментов в речевой деятельности. В указанный период времени понятийный аппарат активно разрабатывается в теории литературы, текста и дискурса, что влечет за собой оформление двух магистральных линий исследования.

Художественное миромоделирование уходит корнями к работам филологов-классиков (Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, В.Е. Хализева), посвященным эстетике литературного творчества. Вслед за Ю.М. Лотманом художественное произведение рассматривается как модель мира (Лотман 2018), а специалисты обращаются к целому спектру проблем – художественному методу писателя (Гарипова 2020, Меркель, Тулушева 2020), принципам смыслообразования и миромоделирования (Ларина 2018), миромоделирующим категориям (Гильяно 2020), моделям пространства и времени как отражению результатов авторского миропонимания (Кулешова 2013). Понятие миромоделирования в этой области филологии преимущественно используется в значении способов и приемов, благодаря которым конструируются художественные миромодели, передающие концепцию писателя. Системно-структурный анализ составляющих авторских миромоделей способствует закреплению понятий миропроектирования, мироконструирования, мироструктурирования, которые используются для обозначения аспектов «образного умопредставления» в пределах «возможного мира», реализуемого на уровне структур художественного текста (Гарипова 2020). В теоретико-методологическом плане литературоведческая традиция опирается на трактовку модели мира В.Н. Топорова: «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах <...> Само понятие «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке» (Топоров 1980: 161).

Фундаментальное для неклассической парадигмы художественности понятие модели мира выходит за пределы теории литературы и в начале нынешнего столетия занимает позиции в постнеклассической науке о языке (Цивьян 2009: 5). Такая преемственность, по нашему мнению, обусловлена несколькими факторами, главные из них – дифференциация филологии (Лихачёв

1989), смена «языкоцентричных» изысканий текстоцентричными и дискурсивными и расширение диапазона лингвистических исследований за счет включения в их орбиту ментальных и коммуникативных факторов.

Последний из названных, по всей видимости, объясняет востребованность термина «языковая картина мира» (Вежбицкая 2000, Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005). Конкурирование в научном пространстве смежных, но не тождественных понятию миромоделирования терминов происходит под влиянием господствующей в языкознании когнитивно-дискурсивной парадигмы с ядром в виде дискурс-анализа, интегрирующего разнородные подходы, аналитические инструменты и методологии (Била, Иванова 2020, Иванова, Хакимова 2020, Понтон, Ларина 2017). Понимание того, что в речевых практиках объективируются фрагменты картины мира, оказывающие регулирующее воздействие на мировидение адресата в различных сферах коммуникации, стимулирует развитие когнитивно-дискурсивного миромоделирования.

В парадигмальных условиях лингвистики понятие миромоделирования трактуется иначе, чем в литературоведении, что требует осмысления, определяет актуальность настоящей работы и ее цель – произвести обзор отечественных научных публикаций, выделить дискретные направления исследования феномена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и обозначить в каждом из них потенциал научной проблематики.

2. Парадигмальные рамки исследования миромоделирования

Под лингвистической парадигмой принято понимать совокупность идей и теорий, выдвинутых разными авторами и формирующих систему взглядов, в соответствии с которой в определенный момент истории объясняются языковые явления. Парадигмы отличаются гетерогенностью и выстраиваются в иерархию (Н.Ф. Алефиренко). По аналогии с идеями Э. Рош об уровнях категоризации можно определить место парадигмы в общей системе лингвистических парадигм ее нахождением на суперординатном, базовом и субординатном уровнях. Антропоцентрическая парадигма занимает положение суперпарадигмы, устанавливающей общий ход научной мысли, предопределенный В. фон Гумбольдтом, о единстве мира, человека и языка. На базовом уровне располагаются дисциплинарные макропарадигмы, из которых в настоящее время главенствует когнитивно-дискурсивная. Нижний ярус предоставлен парадигмам-спецификаторам, охватывающим частное дисциплинарное знание (парадигмы когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, лингвопрагматики и др.).

Развитие в лингвистике самостоятельного, отличного от художественного, направления исследования миромоделирования можно объяснить качеством полипарадигмального предпосылочного знания на основе следующих доказанных в науке фактов. Во-первых, когнитивно-дискурсивная парадигма

принимает постулат интегративности, то есть она синтезирует принципы антропоцентричности, функциональности, системоцентричности, при этом обязательным является рассмотрение языковых явлений в неразрывном единстве когниции (семантики) и коммуникации (прагматики) (Кубрякова 1995, 2004, 2009). Во-вторых, внутрипарадигмальные и межпарадигмальные связи способствуют полиаспектному исследованию обсуждаемого явления, что прогнозирует появление разных сосуществующих подходов, уживающихся в пределах научного поля. В-третьих, когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языковых явлений базируется на том, что в основе дискурсивной деятельности лежит концептуальная картина мира, существующая в сознании говорящих, а язык выступает инструментом ее овнешнения.

Обеспечивая таким образом теоретическую платформу для изучения миромоделирования в коммуникации, когнитивно-дискурсивная парадигма вместе с тем формирует «рамочную» конструкцию, которая широко, но ограничивает способы и образцы решения исследовательских задач. В ее пределах складывается обобщенный объект исследований – **миромоделирование как контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности в дискурсе средствами языка**. Его изучение определено рядом значимых положений об участии языка в моделировании социального взаимодействия, систематизированных С.Л. Кушнерук: 1) язык является средством осуществления дискурсивной деятельности, имеющей когнитивные основания; 2) язык выступает поверхностной формой, которая выражает концептуальные структуры, определяющие мировосприятие и поведение людей в социуме; 3) любое знание существует в виде ментальных репрезентаций, которые объективируются средствами языка, их анализ дает возможность установить дискурсивно-специфичные формы портретирования действительности, подчиненные целям коммуникации в конкретной сфере социального взаимодействия; 4) язык структурирует представление реальности и выступает инструментом социальной власти, которая ограничивается в дискурсе по причинам онтологического и институционального характера; 5) язык рассматривается как эффективное средство внедрения в когнитивную систему человека концептуальных конструктов, благодаря которым формируются, обновляются, прививаются социальные взгляды, мнения и оценки (Кушнерук 2019: 299).

В такой системе взглядов обозначены две стороны явления: когнитивный аспект миромоделирования обусловлен ментальными процессами обработки поступающей извне информации, а дискурсивный (языковой) связан с актуализацией знаний и представлений формами текстуальности в конкретных речевых практиках с учетом социального контекста. Чтобы подчеркнуть двуединство, используется терминосочетание «когнитивно-дискурсивное миромоделирование», которое обозначает переработку и структурирование информации о среде и человеке в дискурсе, приводящее к образованию ментально-языковых (репрезентационных) структур (Кушнерук 2019, 2023).

Обращает на себя внимание, что в настоящее время метанаучная широта когнитивно-дискурсивного подхода к изучению миромоделирования уточняется. Осмысление новейших разработок позволяет выделить в пространстве российского языкознания несколько сосуществующих направлений, кристаллизация которых происходит под влиянием аксиоматики когнитивно-дискурсивной парадигмы, акцентирующей ментальные и языковые факторы представления знаний и их роль в процессах понимания мира. Логика парадигмального развития мысли объясняет непротиворечивость того, что на переднем крае отечественной лингвистики оказываются исследования, разрабатывающие такие понятия, как концептуализация, категоризация, концептосфера, когнитивная база, картина мира, репрезентация, дискурс, коммуникация и др. Очевидно, что под эгидой функционализма эта тенденция является следствием междисциплинарной интеграции идей когнитивистики, прагматики, дискурсологии. Нельзя не заметить, что на фоне концептуальной «разомкнутости» лингвокогнитивных исследований в смежные области научное знание подвергается дискретизации, а в понятие миромоделирования вкладывается все более конкретное содержание.

3. Направления исследования миромоделирования в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы

В настоящее время дисциплинарную рамочную конструкцию для разработки проблематики миромоделирования преимущественно формируют когнитивная лингвистика, лингвистика текста и дискурса. Предметы исследований варьируются в зависимости от частных целей и задач при ее изучении в дискурсе: виртуальном (Л.М. Гриценко), диалектном (С.В. Волошина, Д.Н. Галимова, Т.А. Демешкина), рекламном (С.Л. Кушнерук, А.В. Проскурина, Т.Е. Цимбалова), военном (К.В. Волчок), политическом (А.В. Дмитриева, Е.С. Курукалова, А.П. Чудинов), научном (Е.А. Панасенко), учебном (А.В. Курьянович, Е.А. Серебренникова), песенном (Е.О. Васильева), интернет-дискурсе (М.Р. Бабилова, Л.М. Гриценко, О.В. Орлова, Ю.А. Эмер), телеграм-дискурсе (Э.В. Будаев, С.Л. Кушнерук, М.А. Курочкина), медиадискурсе (В.Н. Еремкина, Л.И. Ермоленкина, Д.Н. Никитина, В.В. Лабутина, О.В. Орлова, Е.О. Шевелева). Такое положение дел свидетельствует о том, что «под зонтиком» когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики появляются автономные направления, каждое из которых аккумулирует свою систему понятий. В нижеследующих разделах обсуждается научный потенциал работ, в которых развиваются лингвокогнитивное, концептуальное, функциональное, аксиологическое, семантико-стилистическое, когнитивно-прагматическое, лингвоидеологическое направления. В финальном подразделе объединены направления исследования миромоделирования, которые находятся на первоначальной стадии разработки и, фактически, представлены одной-двумя публикациями, но, вместе с тем, они содержат результаты, достаточные для установления приоритетов, открывающих научные перспективы.

3.1. Лингвокогнитивное направление

Лингвокогнитивное направление исследования миромоделирования зарождается в недрах когнитивной лингвистики, интерпретирующей язык как открытую систему, свойства которой определяются процессами концептуализации. Объектами изучения выступают концептуально-сложные понятия, такие как языковая картина мира, образ мира, метафорические модели, модели образной интерпретации. Понимание миромоделирования выстраивается на том, что воплощенная средствами языка картина мира задает систему ценностных ориентаций человека и оказывает регулирующее воздействие на его поведение. В соотношении двух понятий миромоделирование отождествляется с процессом, в результате которого появляется картина мира как ментально-языковой продукт.

Для становления данного направления наибольшей теоретической значимостью обладают публикации З.И. Резановой (Резанова 2010, 2011). Принятие идей функционализма с первичной ролью целеполагания в построении моделей языковой коммуникации приводит к отграничению языковой картины мира от дискурсивной. Первая, по мнению ученого, представляет собой «воплощение особого способа ментально-языкового членения действительности, объективированного в структурах внешней языковой формы» (Резанова 2010: 29), вторая интерпретируется как «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами, и моделируется она с использованием того же набора методов, что и языковая картина мира» (Картины русского мира 2007: 26). Принципиальное отличие здесь видится в выделенности смыслов. В первом определении очевиден акцент на когнитивной составляющей термина, то есть на содержании и значении, стоящими за совокупностью языковых форм. Во втором подчеркивается прагматический аспект – связь между объективированными средствами текстуальности содержанием и деятельностью человека в типовых социальных контекстах.

В большинстве публикаций, однако, языковая и дискурсивная картины мира не дифференцируются, а их влияние друг на друга не устанавливается. Внимание специалистов концентрируется на пространственных моделях мира и языковых моделях пространства (Картины русского мира 2007), а также отдельных способах представления информации о мире средствами языка (Галимова 2013, Катунин, Антонова 2010). В этом кругу особая роль отводится метафорическому миромоделированию. Отмечается, что в лингвокогнитивном плане метафора формирует ведущий принцип миромоделирования, сам механизм метафоризации рассматривается как ведущий объяснительный принцип явлений ментальной и языковой природы (Катунин, Антонова 2010). На основе специфики речевых единиц изучается отражение в метафоре практического опыта (Галимова 2013), а фрагменты языковой картины мира реконструируются за счет описания их миромоделирующего потенциала (Резанова 2011).

Отличительной чертой проводимых исследований миромоделирования считаем синтез частных дисциплинарных установок, придающий научному анализу многофакторность и позволяющий увидеть больше граней сложного феномена. Лингвокогнитивный анализ дополняется лингвокультурологическим для установления характеристик национальной картины мира. Так, миромоделирование связывается со свойством метафоры определять направления смыслового развития в процессах текстообразования, что способствует выявлению общих принципов метафорического моделирования в аспекте культурной специфики литературных и диалектных форм русского языка (Резанова 2010). Лингвокультурологический вектор прогрессирует в лингвокогнитивных исследованиях жанрового миромоделирования (Эмер 2013). Например, жанры небылицы, получающие реализацию в русской и китайской лингвокультурах, представляют собой источники информации о разном мировосприятии, а способы миромоделирования систематизируются специалистами через пропозициональные структуры (Беляева, Проскурина 2022). Сопоставительное изучение миромоделирования с точки зрения организации жанра и ограничений, накладываемых социумом, представляется весьма перспективным, поскольку пропозициональная структура выступает своеобразной линзой культурно-специфичного видения ситуаций.

Думается, что методология лингвокогнитивного исследования миромоделирования нуждается в совершенствовании ввиду динамической природы дискурса и его способности к порождению сложно организованных коммуникативных пространств со многими переменными. Следует признать, однако, что обоснование теоретически значимого понятия дискурсивной картины мира с учетом когнитивного, языкового, социального, культурного опыта и прагматических установок коммуникантов задает перспективный научный вектор, открывая путь изучению дискурсивно-специфичных миромоделей, определяющих понимание явлений действительности в разных лингвокультурах. Должное внимание к данной проблеме способно внести вклад в развитие теории языка и межкультурной коммуникации.

3.2. Концептуальное направление

Концептуальное направление, также как лингвокогнитивное, уходит корнями к постулатам когнитивной науки. Между двумя нет непроходимых границ. Фактически концептуальное направление уточняет границы применимости лингвокогнитивного в отношении более узкого предмета. Поскольку термин «концепт», обозначающий элемент ментального лексикона человека, отражающий его опыт и знания, относится к числу базовых в когнитивной лингвистике, во многих статьях миромоделирование осмысливается в связи с образованием концептуальных структур и их языковой объективацией. Понятийный аппарат направления включает термины, традиционные для дисциплины («концепт», «концептуализация», «концептуальная структура»),

а также те, которые раскрывают отдельные свойства миромоделирования («миромоделирующий потенциал концепта»).

Справедливости ради следует подчеркнуть, что необозримое число публикаций, посвященных концептам, находится за пределами настоящего обзора по причине того, что в них не рассматривается связь двух когнитивных явлений. В сухом остатке, как следствие, остаются работы, авторы которых включают понятия концепта и миромоделирования в проблематику ментально-языкового моделирования и с этих позиций обращаются к особенностям оязыковления концептов в языке (Потураева 2010), тексте (Курьянович, Серебренникова 2022), дискурсе (Орлова 2012), единичных жанрах (Никитина 2013). Нужно признать, однако, что соответствующие рабочие термины часто используются как само собой разумеющиеся и не требующие пояснений, а их соотношение, к сожалению, лишено ясности.

В самом первом приближении связь между двумя понятиями заключается в том, что они отличаются степенью концептуальной сложности и отражают разные аспекты ментально-языковой репрезентации знаний о мире. Единичные работы демонстрируют комплексность подхода. Так, предлагая полипараметрическую модель исследования концептов в дискурсе по критериям семиотической плотности, особенностей линейной реализации, образно-оценочных и ценностных репрезентаций и представлений, С.Л. Кушнерук доказывает, что концепт является дискурсивной единицей миромоделирования, многократная объективация которой в речевых практиках прогнозирует утрату и/или появление новых ассоциативных корреляций, что определяет характер репрезентации событий (Кушнерук 2019: 158–161). Предложенный вектор анализа позволяет переосмыслить то, что уже известно о статических признаках ментальных единиц (их системном потенциале) для изучения динамики концептов, получающих «оречевление» в дискурсе. Несколько лет ранее мысль о том, что при объективации ментальной структуры в дискурсе на первый план выходят ее вариативные составляющие, высказывается О.В. Орловой в терминах дискурсивной и стилистической маркированности концепта (Орлова 2012).

В обозначенном ракурсе когнитивные исследования все отчетливее приобретают качество коммуникативно-ориентированных, а приращение знаний о семантической эволюции ментальной единицы и ее трансформациях в дискурсивных практиках обнаруживает значимое свойство концепта – его миромоделирующий потенциал. Такой вывод обладает большой эвристической ценностью, хотя само понятие трактуется учеными по-разному. Например, раскрывая содержание термина «миромоделирующий потенциал», А.В. Курьянович, Е.А. Серебренникова указывают на способность концепта «участвовать в построении модели национальной картины мира на уровне конкретного фрагмента» (Курьянович, Серебренникова 2022: 327). Представляется, что такая формулировка довольно расплывчата, а акцент на динамике изменений концепта, предопределенной целями коммуникации, требует

уточнения с учетом структурно-содержательной целостности когнитивной единицы. В силу сказанного миромоделирующий потенциал концепта предлагается трактовать как способность ментальной единицы формировать фрагмент картины мира за счет актуализации понятийной, образной и ценностной составляющих когнитивной единицы в процессах ассоциативно-смыслового развертывания в дискурсе.

Предположительно, под таким углом анализ модификаций концептов (содержательного обогащения/обеднения) в текстовых совокупностях может обеспечить более глубокое проникновение в суть динамических факторов дискурсопорождения. Не менее перспективно, по нашему мнению, изучение миромоделирующего потенциала концептов в направлении от языка к культуре с учетом семантико-когнитивных (лексических и грамматических средств доступа к содержанию) и знаковых (вербальных, невербальных, паравербальных) особенностей их репрезентации в дискурсивной картине мира.

3.3. Функциональное направление

Поскольку когнитивно-дискурсивная парадигма является функциональной, закономерно стремление исследователей объяснять языковые формы их функциями. Изучение миромоделирования в этом направлении делает обязательным обращение к дискурсу, в котором язык функционирует в реальном времени. Дискурс интересует специалистов не сам по себе, но с точки зрения производства и воспроизводства речевых форм в текущий момент и понимания, какую роль они играют в репрезентации мира.

Методологической опорой этих публикаций являются идеи, заложенные в трудах В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова о дискурсе и мирозозидающей функции языка. Во-первых, дискурс определяется как форма «использования языка в реальном времени, которая отражает определенный тип социальной активности, создается в целях конструирования особого мира с помощью детального языкового описания и является частью процесса коммуникации между людьми» (Кубрякова 2004: 525). Во-вторых, утверждается, что язык выполняет мирозозидающую функцию, которая заключается в конструировании мира при его «портретировании» (интерпретации фрагментов мира в языке) (Кубрякова 2009: 5–12). Признание того, что представления о мире конструируются дискурсивно, разжигает интерес исследователей к речевым механизмам смыслогенерации.

При рассмотрении миромоделирования сквозь призму «языка в действии» в качестве обобщенного объекта современных исследований выступают функции разнотипных средств языка, жанров, концептуальных структур, метафор. Так, жанр как минимальная моделирующая динамическая система, зависящая от языка и социального контекста, изучен на примере частушки (Эмер 2013), загадки (Абдрашитова 2014), поздравления (Кашпур 2007). Установлен набором специфических функций, благодаря которым метафорическое миромоделирование воплощается в разных дискурсах. В задачи

ученых, работающих в этом русле, входит объяснение способов формирования смыслов о мире. Чтобы подчеркнуть ведущую роль языка в процессах репрезентации мира, используется термин «миромоделирующая функция», которая заложена «имманентным свойством языка» конструировать в текстовых формах фрагменты картины мира языковыми средствами (Волчок 2021, Кашпур 2007).

Особой ценностью, с нашей точки зрения, обладают публикации, в которых миромоделирование, толкуемое в свете функциональной вариативности языка, связывается с проблемой речевого воздействия. Отстаивается мнение, что намеренное и осознанное влияние, или речевое воздействие, «запускает» процесс миромоделирования, то есть язык целенаправленно используется для «навязывания» систем представлений говорящего, что неизбежно «конструирует модель мира». Согласно такой логике, к примеру, выполнено исследование А. В. Дмитриевой, утверждающей функциональную значимость топонимов как инструментов пространственного миромоделирования. Предложенный ею подход обеспечивает особенностей понимание картины мира, транслируемой избирателям в дискурсе российской политической рекламы (Дмитриева 2022).

Думается, что обсуждение проблемы миромоделирования в функциональной перспективе может оказаться продуктивным для углубления знаний о механизмах воздействия и убеждения в дискурсе, а признание социальной направленности дискурсивных практик делает перспективным исследование социального миромоделирования в аспекте формирования представлений об обществе, социальных группах, их ценностях и идеологических установках.

3.4. Аксиологическое направление

В начале нынешнего столетия под влиянием когнитивно-дискурсивной парадигмы формируется лингвоаксиология – научное направление, выявляющее ценностные ориентиры общества через изучение фактов языка, предмет которого составляют способы представления ценностей и оценок в языке и речи (Общая и русская лингвоаксиология 2022: 91). Обращенность к фиксации и воспроизводству ценностей при речевом «портретировании» мира выводит на первый план обобщенный объект исследований – фрагменты ценностной картины мира, отражающие наиболее значимые для представителей культуры смысловые доминанты. Понятийный аппарат обогащается терминами, закрепляющими ценностные характеристики процесса («аксиологическое миромоделирование») и результата миромоделирования («аксиологическая картина мира»).

Конкретные предметы изучения определяются научными предпочтениями авторов, которые в настоящее время концентрируются на аксиологии метафор, лексических средств вербализации концептов и когнитивно-коммуникативных особенностях речевого поведения (Ермоленкина 2014). Особую роль в рамках аксиологического миромоделирования играют разные типы

прецедентных феноменов, выступающие маркерами межтекстовых связей в виде крылатых фраз, пословиц, поговорок, цитат, афоризмов, изречений, регулярно воспроизводимых в дискурсе (Гриценко 2013, Еремкина 2017, Кушнерук, Васильева 2023, Эмер, Гриценко 2013). Интерес к указанным единицам не случаен и, очевидно, объясняется тем, что они обладают широким комплексом культурных и ценностных коннотаций и задают векторы смысловой интерпретации явлений за счет активации коллективного опыта.

Прецедентные единицы обеспечивают процесс ценностного миромоделирования и рассматриваются в качестве средств экспликации аксиологической картины мира. Движением вперед в этой перспективе является признание того, что в дискурсе они не столько отражают реальное положение дел, сколько воспроизводят бытующие представления о тех или иных ситуациях, и это способствует закреплению стереотипов (Еремкина 2017). Важным шагом развития направления можно считать разработку прецедентной основы аксиологического миромоделирования с учетом семантического критерия. Прецедентные имена, по определению, обладают двуплановостью, которая проявляется в их способности указывать на конкретное явление и одновременно обозначать объект (или некоторое множество объектов), выполняя дефинитивную функцию. На этом фоне оправданно введение в научный оборот понятия миромоделирующего потенциала прецедентного феномена – способности единицы индуцировать концептуально-сложные ментальные репрезентации посредством отсылок к хорошо известным явлениям, фактам, событиям, ситуациям, представления о которых имеют сверхличностный характер и хранятся в коллективном сознании представителей лингвокультуры (Кушнерук, Васильева 2023: 279). Эвристическую ценность имеет вывод о том, что свойство семантической двуплановости прецедентной единицы обеспечивает содержательную глубину миромоделирования за счет обогащения текстового мира признаками, которые входят в ассоциативное поле ценностно-значимого для представителей лингвокультуры концепта.

Знакомство с публикациями, посвященными исследованию миромоделирования в рамках обозначенного направления, способствует пониманию того, что «в чистом виде» аксиологических исследований нет, поскольку лингвоаксиология неоднородна, ее проблематика затрагивает философские, психологические, социальные вопросы, а аксиологические доминанты тесно связаны с культурными доминантами поведения людей (по В.И. Карасику). Предположительно, по этим причинам описание ценностных сторон миромоделирования осуществляется через обращение к достижениям нескольких внутрипарадигмальных областей знания, что, в целом, способствует понятийной гибридизации. Результатом соположения аксиологического и лингвокогнитивного подходов, к примеру, становится модель ценностно-концептного анализа, благодаря которой диагностируются аксиологически значимые миромоделирующие концепты. В работе Н.Б. Лебедевой показано, в частности, что они структурируют советскую эпоху и выстраивают особый мир,

погруженный в широкий социальный контекст (Лебедева 2015). В концепции ученого, очевидно, обозначены два важных свойства миромоделирующего концепта – его аксиологическая отмеченность и способность структурировать представления о среде и человеке. В дальнейшем такой подход может быть уточнен с позиций дискурсивной специфики ценностей в разных социальных условиях и их роли в организации миропорядка и общественного взаимодействия.

Перспективно, на наш взгляд, продолжать изучение миромоделирования, принимая во внимание единство ценности и оценки, благодаря которому обеспечивается разная «аксиологическая настройка» текстуальности в дискурсе. В научном поле уже существует некоторое единство мнений относительно того, что основой для реализации такой настройки являются лексико-семантические средства языка. В исследованиях миромоделирования они рассматриваются с точки зрения коммуникативного назначения и участия в процессах репрезентации знаний и преобразования представлений о мире. Это обеспечивает автономность семантико-стилистического направления, которое, на наш взгляд, целесообразно считать ответвлением аксиологического.

3.5. Семантико-стилистическое направление

Первостепенная задача исследователей заключается в анализе отношений между языковыми выражениями и передаваемой с их помощью информацией об окружающем мире. Наличие в естественном языке лексической базы служит неперемным условием процессов миромоделирования, которое в русле данного направления связывается с осмыслением механизмов кодирования и декодирования информации через описание содержательной многослойности слов. Объектно-предметную область проводимых изысканий составляют тематические и лексико-семантические группы в составе концептуальной и языковой картин мира. Подчеркнем, что авторы сохраняют все ценное, что накопила лексическая семантика о значении слова, его содержательной структуре, смысловых соотношениях, и вместе с тем, кроме традиционных терминов («лексическое значение», «оценочный компонент значения»), вводят в научный оборот потенциально продуктивные, но требующие дополнительной проработки понятия: «лексико-семантическое миромоделирование», «образное миромоделирование», «миромоделирующая активность лексем».

Наблюдение за функционированием лексических единиц как средств миромоделирования в речевых практиках отражает стремление специалистов установить нюансы смыслопорождения. Это имеет свое формальное и содержательное проявление. В номенклатурном плане изучаются разные группы апеллятивов – соматизмы (Ван 2021), образные слова (Шерина 2012), эвфемизмы, антосинонимы, пейоративы (Лабутина 2017), в структурном отношении анализируется оценочный компонент лексического значения (Бохонная,

Шерина 2019). Исследование апеллятивов с учетом семантической многомерности их функционирования в речи обуславливает востребованность понятия миромоделирующей активности слов, которое определяется как «регулярная и интенсивная реализация миромоделирующей функции – формирования определенного фрагмента картины мира в языке и тексте» (Ван 2021: 70). Общим местом этих публикаций является вывод, что миромоделирование осуществляется благодаря наличию в семантике лексических единиц ценностно-оценочного потенциала.

С точки зрения реализации миромоделирующей функции особняком стоят образные слова – «морфологически мотивированные лексические единицы с метафорической внутренней формой» (Юрина 2005: 37). В компонентном плане они включают информационный слой, содержащий представления об объекте в культурной среде, типичных ассоциациях и ценностных стереотипах (*подкаблучник, сорвиголова, лоботряс* и др.). Изучение образных лексем в аспекте миромоделирования представляется продуктивным, так как эти единицы языка не только называют объект, но передают отношение человека к именуемому явлению. Объяснением служит то, что наряду с денотативным и ассоциативно-образным компонентами значения в их семантической структуре можно выделить аксиологический компонент, отражающий субъективную оценку обозначенных феноменов (Шерина 2012). На таких рассуждениях выстраивается понятие образного миромоделирования. Очевидно, что лексическая система естественного языка располагает неисчерпаемыми семантическими ресурсами. Кроме названных объединений лексики средствами миромоделирования могут выступать иные функционально-семантические группы, такие как неологизмы, окказионализмы, онимы, слова-ярлыки, слова генерализующей семантики. Рассмотрение их в качестве предмета, со всей очевидностью, обещает расширить знание о лингвоаксиологических механизмах смыслопроизводства в речевых практиках.

Поскольку апелляция к эмоциям и чувствам адресата носит регулярный характер в коммуникации при формировании оценок окружающего мира, принципиально важную роль для исследования миромоделирования играет учет присутствующей в словах непредметной информации, которую содержат единицы, закрепленные за той или иной речевой средой (стилем). Акцент на стилистическом значении лексико-семантических единиц языка (эмоционально-экспрессивных коннотациях, исторически сложившихся характеристиках употребления, отношении говорящего к предмету речи, сфере общения, речевому жанру и др.) прогнозирует самостоятельность лингвостилистического направления, контуры которого только начинают очерчиваться (Кушнерук, Васильева 2023). В такой перспективе распознается попытка связать понятие миромоделирования с выразительностью как центральным качеством речи, которое ассоциируется с точностью, логичностью, непротиворечивостью, ясностью, экспрессивностью, обеспечивающими ее полноценное восприятие адресатом. Представляется, что выявление выразительно-

изобразительных эффектов миромоделирования в разных сферах коммуникации может добавить еще один «концентрический круг» (по Л.В. Щербе) к основному стилистическому и обогатить раздел экспрессивной стилистики.

3.6. Когнитивно-прагматическое направление

Внутрипарадигмальное взаимодействие когнитивной лингвистики с лингвопрагматикой делает все более устойчивыми позиции когнитивно-прагматического направления исследования миромоделирования. Усилия ученых направлены на выяснение прагматических аспектов ментально-языкового представления среды и человека в разных сферах коммуникации. Методологическим фундаментом этих работ являются положения о ментальных репрезентациях, воплощающих символическое отражение окружающего мира (когнитивный аспект), и определяющей роли языка в регулировании и конструировании социальных процессов (прагматический аспект). Ожидается, что понятийный аппарат формирующегося направления объединяет когнитивные («репрезентация», «ментальная репрезентация») и прагматические категории («адресант», «адресат», «ситуация», «речевая стратегия», «тактика», «прием», «ход»). Его расширение происходит за счет введения в оборот терминов, обозначающих концептуально-сложные структуры интегрированного знания, представляющие реальность и ее «части» («репрезентационная структура», «дискурсивный мир», «когнитивно-прагматическая ментальная репрезентация»).

Специальные наблюдения позволяют утверждать, что обсуждаемый подход в настоящее время более-менее полно разработан применительно к коммерческой рекламе. В частности, дискурс трактуется как «сплав» языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации (Кушнерук, Чудинов 2013). Избранный ракурс анализа рекламного дискурса во взаимодействии когнитивных факторов и целей коммуникантов делает логичным обращение к специфике разнотипных средств языка, определяющих характер ментальных репрезентаций и задающих качество прагматических миромоделей в интересах рекламиста. Наиболее ярко это демонстрируют метафоры, которые интегрируются в рекламное произведение, благодаря чему в текстовом мире создается прагматический «эффект двойного видения» (Кушнерук 2019: 286–287). В свете теории метафорического моделирования (Дж. Лакофф, М. Джонсон) не вызывает возражений заключение о том, что в когнитивном плане миромоделирование усложняет концептуальную архитектуру ментальной репрезентации, обеспечивая двухмерность восприятия объекта речи (рекламируемого товара) за счет способности метафоры структурировать область цели по образцу источника, а в прагматическом плане происходит конструирование рассчитанного на целевую аудиторию «гибридного мира» (когнитивного конструкта), содержащего исключительно положительную оценку товара или услуги, что способствует продвижению идеологии потребления.

Бережное отношение к когнитивным и прагматическим факторам со стороны современных ученых постепенно приводит к пониманию того, что миромоделирование в социальной сфере часто носит стратегический характер. Это значит, еще более заметная роль в конструировании систем значений отводится целеустановкам отправителя речи и его ориентации на реципиента. Двигаясь по намеченной траектории, специалисты делают первые шаги в понимании того, как факторы адресанта, адресата и целеполагания обуславливают качество «портретирования» мира в конкретной разновидности дискурса. Объектами выступают стратегии, тактики и приемы, определяющие характер интерпретации отдельных сторон действительности. Прагматическая специфика миромоделирования, к примеру, обнаруживается в функциях, которые выполняют тексты в политической коммуникации (Волчок 2021). Вывод о том, что в военном интернет-дискурсе реализуются речевые стратегии дезинформации и дискредитации, свидетельствующие о расшатывании государственных устоев и попытке создания новой национальной картины мира, выводит лингвистическое исследование на уровень социального взаимодействия, организованного намеренно сконструированными миромоделями. Показательно в этом случае, что когнитивно-прагматический аспект находится в неразрывном единстве с аксиологическим, функциональным и идеологическим.

Имеющиеся в распоряжении исследования миромоделирования базируются на признании тесной связи языка с деятельностью человека. Включение в орбиту познания ментальных факторов не только обогащает традиционные для лингвопрагматики категории, но открывает широкие перспективы установлению закономерностей между задачами решения проблем в сферах практической деятельности и эффективными способами работы с массовым сознанием, что все заметнее ставит лингвистику на службу обществу. Дальнейшее развитие заявленных идей способно создать прочный теоретический остов для изучения дискурсов социальной сферы в терминах репрезентационных структур, и выявить новые грани в понимании когнитивно-прагматических механизмов регулирования общественного взаимодействия.

3.7. Лингвоидеологическое направление

Линия лингвоидеологического исследования миромоделирования в российском языкознании начинает визуализироваться сравнительно недавно, что связано с повсеместным распространением дискурс-анализа. Она формируется под влиянием идей дискурсологии и критической лингвистики о языке, обществе, дискурсивном производстве и воспроизводстве идеологии, власти и доминирования (Р. Водак, М. Мейер, Т. ван Дейк). Как в большинстве современных зарубежных и отечественных концепций дискурса, центром притяжения авторов являются дискурсивные практики, в которых язык, идеология и культура тесно переплетены (Дейк 2014). Отправным можно признать

положение о том, что дискурс, встроенный в культурно-исторический контекст, участвует в конструировании социальной реальности, а «в дискурсивных исследованиях говорящие приобретают “осязаемость” и конкретность как биологические, социальные, культурные, этнические, профессиональные идентичности» (Биля, Иванова 2020: 232).

Такая позиция полностью согласуется с социально-конструкционистскими принципами дискурс-анализа (В. Бурр, М. Йоргенсен, Л. Филлипс, В.Е. Чернявская), которые в русле лингвоидеологического направления «прочитываются» на новом уровне. В фокус внимания специалистов попадает понятие идеологии, используемое в значении комплексной когнитивной системы, контролирующей формирование социальных знаний (Дейк 2014: 54). Складывается некоторое единство мнений вокруг того, что идеология выступает «энергией» дискурса, приводящей в движение картину мира в ее функционально обусловленном варианте, «специфика которого определяется коммуникацией автора и адресата на основе общности ментальных конструктов, оценочных интерпретационных моделей и форм речевого поведения» (Ермоленкина 2014: 145). Социкогнитивные идеи (Дейк 2014), наложенные на положения критического дискурс-анализа, используются в рамках складывающегося направления для более точного определения научного объекта с учетом социальных факторов. В свете этого миромоделирование предстает в аспектах репрезентации явлений и событий посредством включения в ментально-языковое пространство текста и дискурса идеологических смыслов и установок, отражающих интересы групп влияния (Ермоленкина 2014, Кушнерук 2020, 2023). Развиваемый подход вполне доказателен в отношении того, что в дискурсе «осязаемы» как отдельные аспекты общества и человека (представления, социальные идентичности, образы), так и целостные картины, различающиеся характером идеологических смыслов и, вследствие этого, представляющие разные «версии» реальности (Кушнерук 2020).

В границах направления теоретическое обоснование получает понятие идеологического миромоделирования, представленное в монографии С.Л. Кушнерук: «структурирование информации о действительности в дискурсе, осуществляемое посредством актуализации интерпретационных схем, которые устанавливают связь между объектами репрезентации (люди, события, ситуации) и идеологией, кристаллизующейся в политических, правовых, этических, религиозных и иных квантах смысла, что способствует объяснению явлений в желательном для социального актора направлении и формированию идеологизированного мировидения» (Кушнерук 2023: 111). Заметно, что содержание понятия миромоделирования в этом случае раскрывается и одновременно расширяется представлениями о форматировании информации за счет интерпретационных схем (метасообщений), получающих объективацию в дискурсе, в связи с воспроизводством идеологии.

Развитие данного направления прогнозирует получение данных о роли ментально-языковых структур в организации социальной реальности в интересах «символических элит» в политике, управлении, бизнесе, образовании, рекламе и др., что представляет ценность для прикладных коммуникаций (PR, реклама, политическая пропаганда, конфликтология). Набор векторов исследования идеологического миромоделирования принципиально открыт перед лицом глобальных вызовов времени, а разработка обозначенной проблемы с использованием новейших методов лингвистики становится насущной необходимостью на фоне внешних информационных угроз национальной безопасности России.

3.8. Другие направления

Задача выделения дискретных направлений исследования миромоделирования решается нами с учетом мнений множества специалистов. Их рассуждения отличаются разной глубиной проработки вопроса. Очевидно, что многие авторы только «нащупывают» свои пути, что, однако, не дает право игнорировать имеющиеся результаты, которые, с нашей точки зрения, можно рассматривать как предпосылки формирования нескольких научных линий.

Во-первых, проблема взаимодействия языка и культуры прогнозирует развитие **лингвокультурологического** направления, которое, как было отмечено выше, заявлено в некоторых публикациях в связи с лингвокультурологическим потенциалом создаваемых в текстах моделей мира (Беляева, Проскурина 2022). Представляется, что наличие в каждом сообществе разнородных культурно-отмеченных языковых, речевых, семиотических, фольклорных, мифологических, символических единиц открывает доступ к изучению миромоделирования в национально-культурных условиях. В этом случае специфика феномена может проявляться на разных уровнях организации речевых практик – пространственно-композиционном, когнитивно-смысловом, культурно-ценностном и семиотическом. Движением вперед по намеченному пути считаем решение задач системного анализа разнотипных единиц, которые имеют символическое, эталонное и образное значение, хорошо известное представителям лингвокультуры, благодаря чему формируется «особая» картина мира в дискурсе. В это число, конечно, входит «своя» для каждого народа безэквивалентная лексика (*high tea, afternoon tea, meat eat* в Британии), стереотипы, эталоны, ритуалы и пр. Они обладают историко-культурной ценностью в пределах сообщества и характеризуются прецедентностью. Ср.: реалии (*bearskin* – меховой кивер у английских гвардейцев, *ceilidh* – вечеринка с музыкой и танцами в Шотландии и Ирландии); историзмы, сохранившие культурную память об объекте (*mosstrooper* – разбойник в Шотландии в XVII в.). Кроме того, большой интерес представляют социолекты (школьный жаргон, уголовный жаргон, воровское арг, арг хиппи и др.). В таком случае лингвокультурологический аспект неотъемлем от лексико-семантического. В самом первом приближении криминальный мир в русском

языке и культуре можно представить моделью: субъект (*браток, авторитет*) – объект (*бытовуха, мокруха*) – действие (*мочить, заметить*) – место (*ментура*). На примере такого рода языковых данных в разных культурах перспективной представляется не только реконструкция фрагментов картины мира как сетки координат, накладываемой на восприятие действительности, но выделение лингвокультурологических доминант, подчеркивающих идиоэтническую специфику мировидения сообщества и его отдельных субкультур (ЗОЖ, рэперы, k-pop и др.).

Во-вторых, акцент на использовании семиотических систем в социокультурных практиках (М. Халлидей, Р. Ходж, Г. Кресс, Т. Лёйвен) может стать платформой развития **социально-семиотического** направления исследования миромоделирования. Социальная семиотика – новое междисциплинарное направление, которое анализирует «способы, с помощью которых люди используют семиотические ресурсы как для создания артефактов и коммуникативных событий, так и для их интерпретации в определенных ситуациях социального взаимодействия» (Гаврилова 2016: 106). В рамках подхода важность имеет не столько то, что стоит за знаком, сколько то, как он применяется в культуре. При этом знаки не ограничиваются речевыми, но охватывают вербальные, визуальные и звуковые коды, которые интегрируются в текст, что фактически выводит на первый план мультимодальные аспекты миромоделирования.

В настоящее время триада «социальность – семиотика – культура» только начинает привлекать лингвистов. К примеру, положено начало изучению конфигураций мироустройства на фоне экономических, политических и культурных аспектов социума (Уланович, Карпушенко 2022). Своеобразие «кода» миромоделирования, согласно результатам, проявляется в том, что старые символы и элементы попадают в новый контекст, в котором они отчасти утрачивают первоначальное значение, но обретают новые смыслы. Хотя в упомянутой работе не дано определение мультимодального кода миромоделирования, идеи о соположении разнотипных семиотических средств, обеспечивающих кодирование и декодирование информации в дискурсе, принципиально значимы. Их развитие, по нашему мнению, делает перспективным изучение вербального и невербального кодов коммуникации как ресурсной базы миромоделирования. Думается, что структурно-содержательная классификация мультимодальных средств (символы, аудиовизуальная образность, кинемы, такемы, сенсемы, проксеми, хронемы, параграфемные средства), а также систематизация моделей их соотношения в разных типах дискурса могут обеспечить понимание смыслопорождения и вариативности репрезентаций мира и социальности.

В-третьих, миромоделирование в дискурсе языковой личности способствует прогрессии **лингвоперсонологического** направления. На первый план выходит специфика вербального поведения человека в разных сферах коммуникации. Анализируются средства языка, которые использует персона

в осмыслении окружающего мира, экспликации подвержены ее когнитивные, социо-психолингвистические характеристики и их роль в организации коммуникации (Гынгазова 2010). Начатая работа имеет перспективы, которые мы видим в изучении речевых портретов лидеров мнений (политиков, блогеров, инфлюенсеров и др.) с учетом соотношения личностного и институционального факторов. Это может оказаться продуктивным для выявления ментально-языковых особенностей, отражающих специфику мировосприятия статусной личности и участвующих в создании индивидуального имиджа.

В-четвертых, в условиях порождения и восприятия речевого высказывания исследование миромоделирования приобретает **психолингвистический** вектор. В настоящее время описаны лингвистические модели процессов восприятия, отраженные в разных формах русского национального языка (Демешкина и др. 2006). На наш взгляд, применение психолингвистических методик к изучению миромоделирования может способствовать реконструкции фрагментов картин мира, существующих в сознании самых разных носителей языка. Они потенциально «богаче» или «беднее» тех, которые восстанавливаются на основе языковых данных, закрепленных лексикографией.

4. Заключение

Проведенный обзор новейших российских публикаций, посвященных проблемам миромоделирования, позволяет заключить, что в пространстве отечественной лингвистики развиваются лингвокогнитивное, концептуальное, функциональное, аксиологическое, семантико-стилистическое, когнитивно-прагматическое, лингвоидеологическое направления. Их можно отнести к ядерной зоне научных исследований, поскольку они получают теоретико-методологическое оформление в трудах многих ученых, работающих в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Научная самостоятельность и логика развития автономных направлений определена парадигмальным статусом лингвистики в целом, а также межпарадигмальным взаимодействием, благодаря которому новое знание об особенностях репрезентации мира в коммуникации выстраивается на достижениях, имеющих в частных дисциплинах. В лингвистике обнаруживаются единичные наработки, которые остро нуждаются в системном подходе, но имеют научный потенциал для разработки лингвокультурологического, социально-семиотического, лингвоперсонологического и психолингвистического направлений исследования миромоделирования.

Названные линии научного поиска отличаются по характеру теоретических установок, методам и конкретным методикам анализа. Обобщенным объектом современных исследований выступает миромоделирование как процесс и результат представления фрагментов мира в языке и коммуникации. В рамках каждого дискретного направления объект специализируется.

Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистики охватывает широкий спектр задач, рассматриваемых в синтезе когниции (семантики)

и коммуникации (прагматики). По этой причине обозначенные траектории часто пересекаются. Междисциплинарность делает естественным сочетание нескольких векторов анализа миромоделирования. На практике регулярно происходит объединение концептуального направления с лингвокогнитивным и функциональным, лингвокогнитивного с лингвоидеологическим, лексико-семантического с аксиологическим и прагматическим, что объясняется плюралистичностью лингвистики.

Понятийный аппарат исследований миромоделирования находится в процессе активного становления. К актуальным нерешенным проблемам изучения миромоделирования в науке о языке следует отнести вопрос о предмете и единицах анализа, значимых для моделирования дискурса, понимания его смысловых доминант и характера репрезентации фрагментов действительности. Важной научной задачей считаем уточнение ключевых понятий и терминов, таких как «миромоделирующий потенциал» и «миромоделирующая функция», с учетом дисциплинарных и междисциплинарных установок.

Лингвистика, эволюционируя, дифференцируется все больше, поэтому представленная в статье систематизация не является исчерпывающей. Предлагаемый перечень научных направлений исследования миромоделирования, выделяемых в рамках господствующей парадигмы, принципиально открыт. Поднимаемая автором проблематика приглашает заинтересованных специалистов к ее дальнейшему обсуждению и обнаружению новых граней феномена в актуальных речевых практиках.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024.

Finance and acknowledgements

The study was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of ChelSU, 2024.

Список литературы / References

- Абдрашитова М.О. Трансформация миромоделирующих возможностей современного жанра загадки // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 2–1 (32). С. 13–15. [Abdrashitova, Mariya O. 2014. Transformatsiya miromodeliruyushchikh vozmozhnostei sovremennogo zhanra zagadki (Transformation of the world-modeling possibilities of the modern genre of riddles). *Philological sciences. Questions of theory and practice* 2–1 (32). 13–15. (In Russ.)].
- Беляева Д.А., Проскурина А.В. Своеобразие небылиц в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 6 (97). С. 565–567. [Belyaeva, Dar'ya. A. & Anastasiya Proscurina V. 2022. The originality of fables in Russian and Chinese linguocultures: A comparative aspect. *The World of Science, Culture, Education* 6 (97). 565–567. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-565-567>

- Била М., Иванова С.В. Язык, культура и идеология в дискурсивных практиках // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. №2. С. 219–252. [Bilá, Magdaléna & Svetlana Ivanova V. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Бохонная М.Е., Шерина Е.А. Единицы, называющие посуду, в языке среднеобской ча-стушки // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 6. С. 300–303. [Bokhonnaya, Marina. E. & Evgeniya A. Sherina. 2019. Units nominating dishes in the language of the middle Ob chastushka. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice* 12 (6). 300–303. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.63>
- Ван Х. Лексическая и миромоделирующая активность соматизмов и антропоморфизм языковой категоризации в пословице // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2021. № 3 (215). С. 69–75. [Wang, Hua. 2021. Lexical and world-modeling activity of somatisms and anthropomorphism of language categorization in the proverb. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University* 3 (215). 69–75. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-3-69-75>
- Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // *Вопросы языкознания*. 2000. № 6. С. 33–38. [Vezhbitskaya, Anna. 2000. Yazykovaya kartina mira kak osobyi sposob reprezentatsii obraza mira v soznanii cheloveka (The linguistic picture of the world as a special way of representing the image of the world in human consciousness). *Voprosy Yazykoznaniiya* 6. 33–38. (In Russ.)].
- Волчок К.В. Функционально-прагматические особенности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне // *Политическая лингвистика*. 2021. № 2 (86). С. 62–72. [Volchok, Konstantin. V. 2021. Functional and pragmatic features of conflictogenic texts about the Great Patriotic War. *Political Linguistics* 2 (86). 62–72. (In Russ.)]. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_02_05
- Гаврилова М.В. Социальная семиотика: теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 101–117. [Gavrilova, Marina. V. 2016. Social semiotics: Theoretical foundations and principles of analysis of multimodal texts. *Political Science* 3. 101–117. (In Russ.)].
- Галимова Д.Н. Метафорическое моделирование объектов мира природы в диалектном дискурсе // *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. 2013. № 10. С. 138–147. [Galimova, Dar'ya. N. 2013. Metaphorical modeling of objects of the natural world in dialect discourse. *Word: Folklore-dialectological Almanac* 10. 138–147. (In Russ.)].
- Гарипова Г.Т. Специфика художественного миромоделирования в прозе русского символизма: теория, тенденции, трансперсональные модели // *Вестник Российской государственной дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020. Т. 25. № 3. С. 399–423. [Garipova, Gulchira. T. 2020. The specifics of artistic world modeling in the prose of Russian Symbolism: Theory, trends, transpersonal models. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism* 25 (3). 399–423. (In Russ.)]. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-399-423>.
- Гильяно К.Е. Анализ миромоделирующих категорий художественного произведения // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2020. № 3. С. 115–121. [Gilyano, Karina. E. 2020. Analysis of the world-modeling categories of works of art. *Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School* 3. 115–121. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.20339/PhS.3-20.115>

- Гриценко Л.М. Прецедентный текст как средство формирования ценностной картины мира (на материале чатов) // *Язык и культура*. 2013. № 1 (21). С. 16–23. [Gritsenko, Lyubov' M. 2013. The precedent text as a means of formation of values picture of the world (based on the chat). *Language and Culture* 1 (21). 16–23. (In Russ.)].
- Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2010. № 1 (9). С. 7–11. [Gyngazova, Lyudmila. G. 2010. Metaphorical world modeling in the discourse of the language personality of a dialect speaker. *Bulletin of Tomsk State University. Philology* 1 (9). 7–11. (In Russ.)].
- Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2014. [Dijk, Teun. A. van. 2014. *Diskurs i vlast': Rezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii (Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication)*. Moscow. (In Russ.)].
- Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2006. [Demeshkina, Tat'yana. A, Nataliya A. Verkhoturova, Larisa B. Kriukova & Natal'ya V. Kurikova. 2006. *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiiskom diskurse (Linguistic Modeling of the Perception Situation in Regional and All-Russian Discourse)*. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russ.)].
- Дмитриева А.В. Функциональный и прагматический потенциал топонимов в видеотекстах российской политической рекламы // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 2. С. 206–218. [Dmitrieva, Anastasia. V. 2022. Functional and pragmatic potential of toponyms in Russian political advertising videotexts. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics* 2. 206–218. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-206-218>
- Еремкина В.Н. Роль прецедентных текстов в отражении ценностных ориентаций в текстах современных СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10–2 (76). С. 78–80. [Eremkina, Vera. N. 2017. The role of precedent texts in representing value orientations in modern mass media texts. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice* 10–2 (76). 78–80. (In Russ.)].
- Ермоленкина Л.И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы») // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014. № 10 (151) С. 145–152. [Yermolenkina, Larisa. I. 2014. Speech realization of the discourse ideology of a news radio station (the case of «Echo of Moscow»). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University* 10 (151). 145–152. (In Russ.)].
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zaliznyak Anna. A., Irina B. Levontina & Aleksei D. Shmelev. 2005. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira (Key Ideas of the Russian Language Picture of the World)*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)].
- Иванова С.В., Хакимова Г.Ш. Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 386–418. [Ivanova, Svetlana V. & Gulnara Sh. Khakimova. 2020. Celebrity gossip as a genre in English-language mass media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 386–418. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418>

- Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / под ред. З. И. Резановой. Томск: UFO-Plu, 2007. [Rezanova, Zoya. I. (ed.). 2007. *Pictures of the Russian World: Spatial Models in Language and Text*. Tomsk : UFO-Plus. (In Russ.)].
- Катунин Д.А., Антонова М.К. Метафорическое представление времени как воды/жидкости в русской языковой картине мира // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2010. № 1 (9). С. 12–16. [Katunin, Dmitrii. A. & Mariya K. Antonova. 2010. Metaphorical representation of time as water/liquid in Russian linguistic picture of the world. *Bulletin of Tomsk State University. Philology* 1 (9). 2–16. (In Russ.)].
- Кашпур В.В. Жанр «поздравление» в русском политическом дискурсе: к проблеме лингвокогнитивного моделирования // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 305. С. 11–14. [Kashpur, Valeriya. V. 2007. Genre «congratulation» in Russian political discourse: To the problem of linguistic cognitive model. *Bulletin of Tomsk State University* 305. 11–14. (In Russ.)].
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238. [Kubryakova, Elena. S. 1995. The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (The experience of paradigm analysis). *Language and Science of the late twentieth century*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 144–238. (In Russ.)].
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004. [Kubryakova, Elena. S. 2004. *Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World*. Moscow: Languages of the Slav. Culture, 2004. (In Russ.)].
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2009. № 1. С. 5–12. [Kubryakova, Elena. S. 2009. In search of the essence of the language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 1. 5–12. (In Russ.)].
- Кулешова С.В. Мифологическая модель мира в романе М. Павича «Ящик для письменных принадлежностей» // *Филология и литературоведение*. 2013. № 10 (25). С. 1. [Kuleshova, Svetlana. V. 2013. Mythological model of the world in the novel of M. Pavic “Box for writing utensils”. *Philology and Literary Studies* 10 (25). 1. (In Russ.)].
- Курьянович А.В., Серебренникова Е.А. Реализация миромоделирующего потенциала концепта ЯЗЫК в учебных текстах: опыт анализа дискурсивного варьирования лингвокультурного концепта // *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 2. С. 325–337. [Kuryanovich, Anna. V. & Elena A. Serebrennikova. 2022. Realization of the world-modeling potential of the language concept in educational texts: Analyzing the discursive variation of the linguistic and cultural concept. *Siberian Philological Journal* 2. 325–337. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/23>
- Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2019. [Kushneruk, Svetlana. L. 2019. *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoi kommunikatsii (Cognitive-discursive World Modeling: The Comparative Research of Advertising)*. Moscow: FLINTA. (In Russ.)].
- Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 92–111. [Kushneruk, Svetlana. L. 2020. Ideological world modeling in American media discourse. *Bulletin of Tomsk State University. Philology* 67. 92–111. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/19986645/67/5>

- Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны. М.: ФЛИНТА, 2023. [Kushneruk, Svetlana. L. 2023. Ideologicheskoe miromodelirovanie v kontekste informatsionno-psikhologicheskoi voyny. (*Ideological World-modeling in the Context of Information and Psychological War*). Moscow: FLINTA. (In Russ.)].
- Кушнерук С.Л., Васильева Е.О. Миромоделирующий потенциал прецедентных феноменов в песенном дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 1 (52). С. 272–281. [Kushneruk, Svetlana. L. & Elena O. Vasil'eva. 2023. World-modeling potential of precedent phenomena in song discourse. *Cognitive Studies of Language* 1 (52). 272–281. (In Russ.)].
- Кушнерук С.Л., Чудинов А.П. Прагматика миромоделирования: что стоит за рекламным слоганом? // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2013. Т. 113. № 2. С. 28–41. [Kushneruk, Svetlana. L. & Anatolii P. Chudinov. 2013. The pragmatics of world-modeling: What is behind the advertising slogan? *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture* 113 (2). 28–41. (In Russ.)].
- Лабутина В.В. Лексические средства миромоделирования в post-truth дискурсе // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2017. Т. 23. № 1–2. С. 96–100. [Labutina, Vera. V. 2017. Lexical means of world modeling in the post-truth discourse. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology* 23 (1–2). 96–100. (In Russ.)].
- Ларина Н.А. «Пространство катастрофы» как миромоделирующая категория в рассказах Л. Андреева // *Педагогическое образование и наука*. 2018. № 1. С. 118–120. [Larina, Nadezhda. A. 2018. «Space disaster» as a world modeling category in stories by L. Andreyev. *Pedagogical Education and Science* 1. 118–120. (In Russ.)].
- Лебедева Н.Б. Мемуары как письменно-речевой дискурс рядового носителя русского языка: ценностно-концептный анализ // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1–1 (61). С. 92–100. [Lebedeva, Natal'ya. B. 2015. Memoirs as written speech discourse of the Russian speaker: Value-concept analysis. *Bulletin of Kemerovo State University* 1–1 (61). 92–100. (In Russ.)].
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб., 2018. 220 с. [Lotman, Yurii M. 2018. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta (The Structure of a Literary Text. Analysis of the Poetic Text)*. St. Petersburg. (In Russ.)].
- Меркель Е.В., Тулушева Е.С. Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000-2010-х годов // *Научный диалог*. 2020. № 12. С. 185–195. [Merkel, Elena. V. & Elena S. Tulusheva. 2020. Character taxonomy in Dina Rubina's trilogies of the 2000s–2010s. *Scientific Dialogue* 12. 185–195. (In Russ.)]. <https://doi.oeg/10.24224/2227-1295-2020-12-185-195>
- Никитина Д.Н. Концепт «нефть» в дискурсе журналиста нефтяного моногорода // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 2 (130). С. 186–189. [Nikitina, Dar'ya. N. 2013. The concept «oil» in the discourse of an oil monotown journalist. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University* 2 (130). 186–189. (In Russ.)].
- Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.). М.–Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. [Milovanova, Marija S. (ed.). 2022. *General and Russian linguoaxiology: A collective monograph*. Moscow–Yaroslavl: Publishing House “Chancellor”. (In Russ.)].

- Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в интернет-дискурсе // *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 1. С. 163–169. [Orlova, Olga. V. 2012. The world-modeling potential of the media concept and precedence in internet discourse. *Siberian Philological Journal* 1. 163–169. (In Russ.)].
- Понтон Д., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (II) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 1. С. 7–21. [Ponton, Douglas & Tatiana V. Larina. 2017. Discourse Analysis in the 21st century: Theory and practice (II). *Russian Journal of Linguistics* 21 (1). 7–21. https://doi.org/10.22363/2312_9182_2017_21_1_7_21
- Потураева Е.А. Метафорические обозначения концепта «Дом» в русской языковой картине мира // *Язык и культура*. 2010. № 1 (9). С. 58–73. [Poturaeva, Evgeniya. 2010. A. Metaphorical designations of concept «house» in Russian language picture of the world. *Language and Culture* 1 (9). 58–73. (In Russ.)].
- Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // *Вестн. Томс. гос. ун-та. Филология*. 2010. № 1 (9). С. 26–43. [Rezanova, Zoya. I. 2010. A metaphorical fragment of the Russian language worldview: Ideas, methods, solutions. *Bulletin of Tomsk State University. Philology* 1 (9). 26–43 (In Russ.)].
- Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира: аспекты соотношений // *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 3. С. 184–194. [Rezanova, Zoya. I. 2011. The language and the discourse picture of the world. *Siberian Philological Journal* 3. 184–194 (In Russ.)].
- Сухомлина Т.А. Языковое своеобразие будущего времени в английском языке // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 1. С. 86–90. [Sukhomlina, Tatyana. A. 2014. Linguistic peculiarities of the future tense in the English language. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University* 1. 86–90. (In Russ.)].
- Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // *Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166. [Toporov, Vladimir N. 1980. The model of the world (mythopoeic). In *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 Volumes*. Moscow.: Soviet Encyclopedia. 161–166. (In Russ.)].*
- Уланович О.И., Карпушенко Ю.И. Постмодернизм: формы социальной рефлексии и художественного миромоделирования // *Искусствознание: теория, история, практика*. 2022. № 1 (33). С. 71–78. [Ulanovich, Oksana. I. & Yuliya I. Karpushenko. 2022. Postmodernism: Forms of social reflection and artistic modeling of the world. *Art Studies: Theory, History, Practice* 1 (33). 71–78. (In Russ.)].
- Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М. : КомКнига, 2006. [Tsiv'yan, Tatyana. V. 2006. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy (*The Model of the World and its Linguistic Foundations*). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].
- Шерина Е.А. Аксиологический компонент значения в семантической структуре собственно образных слов, характеризующих человека (на материале русского и английского языков) // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 6. С. 534–542. [Sherina, Evgeniya. A. 2012. Axiological component of the meaning in semantic structure of figurative words characterizing a person (in English and Russian languages). *Modern Problems of Science and Education* 6. 534–542. (In Russ.)].
- Эмер Ю.А. Миромоделирующая функция частушки в праздничном дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1 (34). С. 136–142. [Emer, Yuliya. A. 2013. World-modeling function of the chastooshka in festive discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* 1 (34). 136–142. (In Russ.)].

Эмер Ю.А., Гриценко Л.М. Прецедентный текст: жизнь и судьба // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2013. № 3 (11). С. 16–24. [Emer, Yuliya. A. & Lyubov' M. Gritsenko. 2013. Precedent text: Life and fate. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism* 3 (11). 16–24. (In Russ.)].

Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск, 2005. [Yurina E. A. 2005. *Obraznyi stroi yazyka (Figurative Structure of Language)*. Tomsk. (In Russ.)].

Article history:

Received: 25 August 2023

Accepted: 20 March 2024

Bionote:

Svetlana L. KUSHNERUK is Dr Habil. in Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language at Chelyabinsk State University, Russia. Her research interests focus on discourse analysis, cognitive linguistics, media linguistics and world-modeling in discourse.

e-mail: svetlana_kush@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

Сведения об авторе:

Светлана Леонидовна КУШНЕРУК – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета. Сфера ее научных интересов – дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, медиалингвистика, когнитивно-дискурсивное миромоделирование.

e-mail: svetlana_kush@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-37322>

EDN: DZHQTC

Review of Eleonora Esposito. 2021. *Politics, Ethnicity and the Postcolonial Nation: A Critical Analysis of Political Discourse in the Caribbean*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins

Reviewed by Yuqing FENG

Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

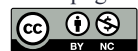
 fengyq@bfsu.edu.cn

In the 2010 General Election of Trinidad and Tobago, Persad-Bissessar successfully became the first East Indian female prime minister of the country. As two of the most influential strategies, discursive construction and multimodal resources in the election campaign come into researchers' eyes. In *Politics, Ethnicity and the Postcolonial Nation: A Critical Analysis of Political Discourse in the Caribbean*, Esposito critically examines how Persad-Bissessar adopts linguistic and visual strategies to construe the image and identity of a new leader, a new party and a new nation, resorting to critical discourse studies (CDS), discourse-historical approach (DHA), and multimodal approach. Methodologically, she combines social and historical aspects, linguistic aspects and multimodal aspects, to conduct a critical multimodal political discourse analysis. Aside from these, considering the research objectives, she sheds some light on the studies of the Caribbean, featuring as a postcolonial and multi-ethnic nation.

The book comprises seven chapters, beginning with an introduction. After briefly stating Persad-Bissessar's political success, Chapter 1 points out that there is a gap in the systematic critical studies of how discourses shape complex Caribbean postcolonial society. Therefore, Esposito discusses possibilities, necessities, and also challenges in combining CDS with postcolonial studies. Five key notions: discourse, critique, ideology, agency and power are reviewed in light of both CDS and postcolonial critique. Finally, the structure of the book is given, followed by a short explanation of terminologies.

© Yuqing Feng, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Chapter 2 outlines Trinidad and Tobago's complex and diverse socio-political environment shaped by colonialism. It overviews Afro-Indian relations during the British colonial and post-independence period; Trinidad and Tobago's political history to become independent; and more information on Persad-Bissessar's political success and the People's Partnership coalition she advocates. In addition, it defines the postcolonial Caribbean in view of pivotal social theories of ethnicity, identity and nationalism, emphasizing their possible connection with DHA to CDS (Reisigl & Wodak 2015). This background knowledge can facilitate the readers' better understanding of the main issues of the study.

Before moving to detailed analysis, Chapter 3 illustrates the theoretical bases, data collection and methodology of the study. It first overviews previous political discourse studies and indicates that since the media greatly influences the forms and functions of contemporary political discourses, it is necessary to analyze them from both critical and multimodal perspectives. Therefore, the theoretical bases of this study, DHA to CDS and Visual Grammar (Kress & van Leeuwen 2006), are addressed. Finally, the collection of textual and visual data and the critical multimodal discursive approach to analyzing them, combined with DHA and Visual Grammar are depicted.

The following three chapters switch the perspectives from theoretical frameworks to results and discussions. Chapter 4 separately illustrates two discursive strategies used by Persad-Bissessar to present herself as a new leader of the country during the 2010 Election Campaign. The first one is the construction of Persad-Bissessar's positive self-presentation as a winning image of a mother and angel leader of Trinidad and Tobago. For the second strategy, Persad-Bissessar constructs a negative other-presentation and discredits her opponent, Patrick Manning, as an emperor.

Chapter 5 investigates the image and identity construction of the brand-new party, People's Partnership coalition, through political speeches and advertising. In Trinidad and Tobago's history, any coalition was short-lived. In this case, People's Partnership coalition employs various discursive strategies to gain people's trust to defeat the longstanding People's National Movement and to occupy a definite identity space. Nomination and predication strategies construe this new party as a stable and united social actor in Trinidad. Meanwhile, the inclusive aspect of the deixis "we", the "coalition as a river" metaphor and visual strategies delineate the coalition as inclusive and multi-ethnic.

Chapter 6 explores the national identity construed by Persad-Bissessar in her speech in Chaguanas and other multimodal resources. Based on Wodak et al.'s (2009) and de Cillia et al.'s (1999) frameworks, Esposito analyzes four main discursive constructions, finding that Persad-Bissessar stresses Trinidadian diversity to highlight its multi-ethnic nature and correspondence to her party's appeals. Besides, through political rhetoric, Persad-Bissessar reproduces the common memory of colonialism and rebuilds a narration against slavery to become independent. Moreover, Persad-Bissessar establishes emotional ties by mentioning

national icons of different ethnic backgrounds and builds a common national body through interdiscursivity and intertextuality.

Chapter 7 summarizes the most important findings of the study; contributions to the postcolonial Caribbean political studies, to CDS, especially DHA, and the multimodal critical approach; and also, limitations of the study. This book ends with an epilogue on Persad-Bissessar and political events in her country from 2010 to 2015.

In a nutshell, this book contributes to a critical and multimodal discursive investigation of the postcolonial Caribbean political discourse. Implementing a case study of Persad-Bissessar's political discourses in the 2010 election, Esposito not only sheds light on the discursive strategies of winning the political election but also on how a female leader portrays her political image and identity to gain a firm foothold in the male power dominant country. In parallel, Esposito also provides insights into how political issues are negotiated in complex power, multi-ethnic and postcolonial settings. What's more, the book enriches the studies of critical political discourse analysis beyond Euro-America. Therefore, this monograph on Caribbean political discourse is comprehensive. Apart from these special research objectives, the methodologies are also notable. For one thing, except for the traditional critical discourse analysis of linguistic features, the study integrates social and historical dimensions through DHA to CDA. For another, the study fuels visual dimensions to see how political advertising delivers political thoughts. Moreover, the book gives analytical frameworks in diagram form (Figure 7 in p.75), showing clearly the dimensions of analysis to this case study, so it's more convenient for researchers to follow step by step in the later analysis and much clearer for readers to understand. Thus, the book appeals to researchers interested in Caribbean politics and ethnicity, postcolonial studies, political discourse analysis, CDS, DHA and multimodal analysis.

However, there are still some points that can be further improved. Due to the word restriction, this book doesn't provide ample background information on the Caribbean social and historical situation and detailed descriptions of each theoretical base, making it difficult to comprehend for novice readers or researchers in this field. Maybe some suggested books for further reading can be listed at the end of each chapter. Furthermore, some abbreviations may confuse readers. For instance, UDeCOTT (Urban Development Corporation of Trinidad and Tobago) first appears in abbreviated form on page 2 instead of its full name later appearing on page 35. To solve this problem, all abbreviations in this book can be summarized at the beginning for the convenience of reading.

References

- De Cillia, Rudolf, Martin Reisigl & Ruth Wodak. 1999. The discursive construction of national identities. *Discourse and Society* 10 (2). 149–173.
- Kress, Gunther & Theo van Leeuwen. 2006. *Reading Images: The Grammar of Visual Design* (2nd ed-n). New York: Routledge.

- Reisigl, Martin & Ruth Wodak. 2015. The discourse-historical approach. In Ruth Wodak & Michael Meyer (eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis (3rd revised ed-n)*, 23–61. London: SAGE.
- Wodak, Ruth, Rudolf de Cillia, Martin Reisigl & Karin Liebhart. 2009. *The Discursive Construction of National Identity (2nd revised ed-n)*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Review history:

Received: 02 January 2024

Accepted: 20 March 2024

Bionote:

Yuqing FENG is a PhD student at the School of English and International Studies, Beijing Foreign Studies University. Her research interests include cognitive linguistics, discourse analysis and functional linguistics.

e-mail: fengyq@bfsu.edu.cn

<https://orcid.org/0000-0001-5949-7013>

Сведения об авторе

Юцин ФЭН – докторант факультета английского языка и международных исследований Пекинского университета иностранных языков. Ее исследовательские интересы включают когнитивную лингвистику, дискурс-анализ и функциональную лингвистику.

e-mail: fengyq@bfsu.edu.cn

<https://orcid.org/0000-0001-5949-7013>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-37338>

EDN: FOTZYS

Review of Zhao Ming. 2023. Cultural Semantics in the Lexicon of Modern Chinese. Leiden: Brill

Reviewed by Rushengul URAYIM

Shanghai International Studies University, China

0214101648@shisu.edu.cn

Traditional semantics, both structuralist and functionalist, mainly investigates the internal mechanisms of language. However, research into the cultural motivation of semantic change remains limited. This book, which combines lexical semantics with cultural linguistics, examines the cultural influence on Chinese lexical semantics based on linguistic determinism.

Apart from the Introduction (Chapter 1) and Conclusion, the book can be divided into two sections: the theoretical bases of the study (Chapters 2–5) and its practical application (Chapters 6–7).

Chapter 1 comprises a literature review of the issues within Chinese lexicology and outlines research questions and the layout of the book. Chapter 2 delineates the relationship between semantics and culture by discussing the following topics: culture, language–culture, and lexicon–culture relations. By limiting culture in this book to “Culture” with a capital “C”, that is, culture in the broad sense, this chapter examines the relationship between language and culture. Regarding the relationship between lexicon and culture, the author exemplifies cultural factors in word formation, etymology, pragmatics and codability. It is pointed out that cultural semantics revolves around the influence of culture on the lexical system, and the above aspects are not included, thus defining the scope of cultural semantics. The author then elicits two types of cultural semantics: conceptual gap items and items with cultural meaning.

Further Chapter 3 delves into how to identify conceptual gap items. It is stressed that the latter include not only culturally reflective items but also those that contain unique cultural connotations within their lexical system. Besides, the author identifies these items according to whether their distinctive cultural background

---

© Rushengul Urayim, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

directly influences the co-occurrence of word meanings, and whether there is no correspondence between the interlingual word meanings due to socio-cultural factors. Additionally, it is crucial to differentiate between conceptual and lexical gaps, as illustrated by *serendipity* and its Chinese equivalent *ǒurán fāxiàn yǒuqù huò zhēngù zhīwù de jīyuán* 偶然发现有趣或珍贵之物的机缘. Subsequently, the characteristics of conceptual gap items have been elaborated with examples including Chinese *běnmìngnián* (referring to one's natal year). This chapter concludes by surveying conceptual gap items across different languages and dialects.

Chapter 4 focuses on definition and criteria of items with cultural meaning. Through specific instances, the author distinguishes items with cultural meaning from those with metaphorical and metonymic meaning. He then employs examples to discuss two types of items with cultural meaning: words with a shared conceptual meaning but different cultural meanings, such as the *hóng* 红 and *red*; and words with a shared conceptual meaning but unique cultural meaning, such as *sān* 三 and *three*.

Chapter 5 discusses cultural semantics analysis methods. Differing from the studies employing NSM (Goddard & Wierzbicka 2014, Levisen 2012, Wierzbicka 2021), this chapter adopts cultural sememe analysis and cultural seme analysis. The former one is suitable for assessing conceptual gaps and special cultural meanings at the macro level, while the second one is used for judging them at the micro level. The author highlighted the challenges of polysemy in the process of cultural sememe analysis and the difficulty in establishing the semantic categories during cultural seme analysis. The author also suggests that combining these two analytical methods can provide a more comprehensive understanding of the cultural semantics of words at both macro and micro levels. Furthermore, this chapter proposes the five-step process for analysis: establishing cultural semantic standards; selecting the meaning items; extracting semantic features; establishing semantic categories and uncovering the cultural semantics behind the meaning. The author then demonstrates the combination of cultural sememe analysis and cultural seme analysis with two examples aiming to provide a model for the cultural semantics analysis. The first example is the analysis of *wūyā* 乌鸦 'crow', *xǐquè* 喜鹊 'magpie', and *fènghuáng* 凤凰 'phoenix' while the second one is of *huángsè* 黄色 'yellow', *báisè* 白色 'white', and *hēisè* 黑色 'black'.

The practical application of the research is explored and exhibited in Chapter 6 by developing a conceptual gap items list. Special attention should be paid to several theoretical issues including the relationship between conceptual gap items and universal vocabulary, grammatical classification, semantic systems, morphological and lexical criteria, human intervention, and inclusion criteria. Additionally, the author claims that creating word lists requires four crucial issues: word selection, statistical word frequency, expert intervention, and the integration of meaning categories. Then, this chapter presents three sample lists of conceptual gap items: one list is based on grammatical classification, another on cultural

systems and the third one includes core conceptual gap items, such as the highly productive *xiào* 孝, *yì* 义 word series and less productive word series such as *huǒ* 火, *lóng* 龙. With these sample lists, obviously, it is essential to understand both lexical theory and analysis of cultural knowledge.

Chapter 7 investigates how the Commercial Press Learner's Dictionary of Contemporary Chinese interprets items with cultural meaning. Combining quantitative and qualitative analyses, this chapter demonstrates problems in interpreting cultural semantics in this dictionary, including the lack of the semantic category index for cultural semantic interpretations, insufficient categorization and explanation of conceptual gap items, and absence of annotations for special cultural meanings of certain words or explanations of the meaning of corresponding cultural semantics, which can be attributed to the unfamiliarity of the lexicographers with the characteristics and categories of cultural semantics. Accordingly, the author proposes targeted solutions such as establishing a semantic category index for cultural semantics annotations, defining different semantic parameters for conceptual gap items and items with a cultural meaning and focusing on word meaning in the annotation of cultural semantics.

The "Conclusion" part summarizes the book's three-fold contributions and provides directions for further research.

This book encompasses an overview of existing cultural semantic theories, elucidation of core concepts, such as conceptual gaps and items with cultural meaning, introduction of identification standards for these concepts, discussion of analytical methods and exploration of the practical value of these theories in applied linguistics. From my perspective, this monograph is characterized by the following distinctive features.

First, in terms of content, the book establishes the discipline of Chinese lexical cultural semantics and proposes a systematic approach with precise definitions, clear criteria, and step-by-step analysis procedures, thereby bridging the research gap in this field, laying a theoretical groundwork for investigation and application of cultural semantics. Besides, the well-defined criteria, concrete procedures and the systematic analytical framework could be exported to other languages, thus inspiring and enkindling research within this field whilst facilitating exploration and comprehension of the relationship between language, culture, and cognition.

Second, from the methodological perspective, this monograph offers three-fold contributions to the field of lexical semantics. One is its application of a cognitive approach instead of traditional structuralism and functionalism, thereby diversifying the methodology of lexicon studies. Another contribution is its combination of qualitative and quantitative analyses, including comparative methods and textbook corpora, which yields compelling investigations. And the last one is that the citation of examples from a wide range of languages and dialects enriches the language materials in this field. For instance, to enunciate the universality of two types of cultural semantics, the author provides examples from

various languages including Russian, Spanish, Thai, Mongolian, Bahasa Indonesia, Canadian English, Hong Kong Chinese, Singapore Chinese, and Chinese dialects.

Third, this book is reader-friendly. To begin with, it discusses key concepts step-by-step, thus enhancing understanding. For example, in Chapter 2, the relationship between semantics and culture is dissected, layer by layer, from the concept of culture, the relationship between language and culture, to the relationship between lexicon and culture. Additionally, for similar concepts, the author adduces more examples to assist readers in differentiating them more effectively, as evidenced in Chapter 3 and 4. For instance, rich examples are included to distinguish conceptual gaps from lexical gaps.

However, this book is not without flaws. First of all, it could be more academically rigorous. For example, the author refers to Chapter 8 in the layout of the book in Chapter 1, but the Contents section concludes with a section labelled as “Conclusion”. Also, in Chapter 2, after enumerating different academic classifications of culture, providing little justification, the author adopts “broad”, “capital C” culture classification as the type of culture discussed in this monograph. Besides, the author cites an inaccurate reference when adopting the aforementioned cultural classification.

Additionally, it would enhance the value of the book as a more comprehensible and accessible learning and teaching resource if the index would cover all the culturally relevant content addressed previously.

Overall, this monograph, distinguished by its clarity, concision, and coherence, explores the cultural semantics of modern Chinese. It sheds light on this subject from both theoretical and applied perspectives, thereby contributing significantly to the field of cultural semantics. Therefore, the book is highly recommended for readers interested in cultural semantics and Chinese lexicon. It is appropriate for learners of Chinese language as well as postgraduate students and experienced professionals in this field.

References

- Levisen, Carsten. 2012. *Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning* (Vol. 257). Walter de Gruyter.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2021. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 317–342. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>

Review history:

Received: 04 January 2024

Accepted: 20 March 2024

Bionote:

Rushengul URAYIM is a PhD student at the School of English Studies, Shanghai International Studies University, China. Her research interests include language, culture and cognition..

e-mail: 0214101648@shisu.edu.cn

<https://orcid.org/0009-0006-4683-1514>

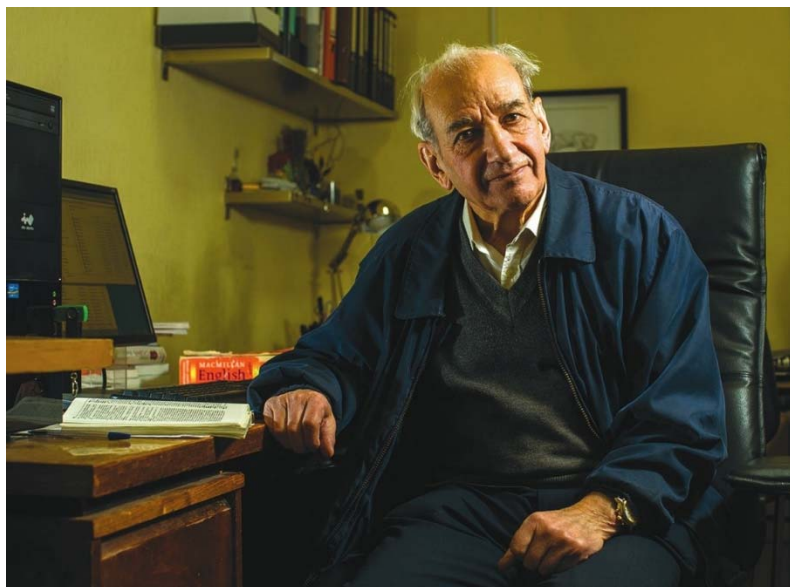
Сведения об авторе:

Рушенгул УРАИМ – докторант института английского языка Шанхайского университета иностранных языков, Шанхай, КНР. В сферу ее научных интересов входит соотношение между языком, культурой и сознанием.

e-mail: 0214101648@shisu.edu.cn

<https://orcid.org/0009-0006-4683-1514>

Памяти Юрия Дерениковича АПРЕСЯНА

12 мая 2024 г. на 95-м году жизни скончался выдающийся лингвист, лексикограф, автор множества словарей, основатель Московской семантической школы Юрий Дереникович Апресян.

Ю.Д. Апресян родился 2 февраля 1930 г. Его отец, родом из Армении, был мобилизован в НКВД, служил в Узбекистане, а в 1939 г. был арестован и расстрелян. Мать с двумя детьми приютили родственники в коммунальной квартире в Москве. В детстве Ю.Д. Апресян мечтал стать писателем; окончив школу, он подал документы в Московский университет, но не был принят как сын репрессированного. Тогда он, скрыв информацию об аресте отца, поступил в Институт иностранных языков, где защитил сразу две дипломные работы: по лексикологии и по методике преподавания языка. Обе работы рецензенты оценили как соответствующие уровню кандидатских диссертаций. Эта двойственность определит научную судьбу Ю.Д. Апресяна на всю последующую жизнь.

В 1958 г. Ю.Д. Апресян защитил диссертацию «Фразеологические синонимы в современном английском языке». Еще учась в аспирантуре, он одновременно преподавал английский и посещал семинар Объединения по машинному переводу, где познакомился и подружился с И. А. Мельчуком, создателем лингвистической теории «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», и увлекся идеями

строгого формального описания языка. В 1960 г. Ю.Д. Апресян переходит из Института иностранных языков в сектор структурной лингвистики Института русского языка Академии наук СССР и пишет книгу «Идеи и методы современной структурной лингвистики. Краткий очерк», вышедшую в 1966 г. и впоследствии переведенную на семь европейских языков и на японский язык. Через год выходит его новая книга: «Экспериментальное исследование семантики русского глагола». К началу 1970-х гг. Ю.Д. Апресян становится ведущим специалистом в области структурной лингвистики. Однако в 1972 г. его вынудили уйти из Института русского языка за письма в защиту А.И. Солженицына, диссидентов Даниэля и Синявского, Гинзбурга, Галанскова, а также его близкого друга Константина Бабицкого, который вместе с другими участниками демонстрации 25 августа 1968 г. был приговорен к ссылке.

С тех пор и до распада СССР официальная советская наука чинила разнообразные препятствия научной деятельности Ю.Д. Апресяна. Его вызывали в КГБ, отказывали в выезде за границу на конференции, запрещали читать лекции, не принимали к публикации его статьи, удаляли ссылки на его работы, уничтожили рукопись его книги «Лексическая семантика», которую чудом удалось восстановить и которая затем стала классическим учебником. Сам Ю.Д. Апресян подробно рассказывает и об этом, и о гонениях на других ученых в предисловии к «Избранным трудам» (М., 1995).

С 1972 по 1985 г. Ю.Д. Апресян работает в научно-исследовательском институте «Информэлектро» – единственном месте, куда его согласились взять, благодаря поддержке директора, С.Г. Малинина. Там он собирает и возглавляет группу из лингвистов и программистов, которой было поручено создать первую советскую систему машинного перевода. Затем группа стала лабораторией компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН, где Ю.Д. Апресян работал до последнего дня. Как вспоминал Юрий Дереникович, «работу над системой машинного перевода с французского языка на русский мы, однако, начали с разработки формальной модели синтаксиса своего родного языка. Точнее, с построения дерева зависимостей для предложения *По весне в Информэлектро потянулись подводы с мочеными яблоками*. Мы были молодые, веселые и во время работы постоянно хохотали». Хотя машинным переводом Ю.Д. Апресяну пришлось заняться вынужденно, позже он оценил этот поворот судьбы: «Благодаря машинному переводу мы научились одной вещи, без которой правильная лингвистическая работа просто невозможна, – интегральному описанию языка».

В интегральном описании две составляющих части любого языка – словарь и грамматика – полностью согласованы друг с другом по типам информации и по формальным способам ее записи. Это означает, во-первых, составление грамматики, в каждом правиле которой четко указан класс слов, к которым оно применимо, а во-вторых, отражение для каждого слова в словаре всех его свойств, обращения к которым могут потребовать лингвистические правила – семантических, синтаксических, сочетаемостных,

морфологических и других. Эти принципы предполагают полное словарное описание каждого значения каждого слова, которое должно включать не только принятые и в традиционной лексикографии толкование, стилистические и грамматические пометы и примеры употребления, но и новые типы информации: управляющие свойства лексем, синтаксические конструкции, в которых она может выступать, просодические особенности, прагматика, коннотации и др.

Толкования слов, в отличие от традиционных словарей, Ю.Д. Апресян предложил писать более формально, на специальном семантическом метаязыке. Разработанная им в самом начале его лексикографической деятельности концепция метаязыка, предполагает, что в него входят не только так называемые «семантические примитивы» – нетолкуемые базовые смыслы, – но и более сложные слова, разложение которых на отдельные компоненты хотя теоретически и возможно, но сделало бы толкования нечитаемыми и, следовательно, неприменимыми в практической лексикографии. С другой стороны, он обнаружил смыслы, еще более мелкие, чем семантические примитивы, для которых предложил меткое метафорическое название «семантических кварков». В аналитических толкованиях Ю.Д. Апресян предложил при необходимости выделять различные смысловые компоненты – пресуппозиции, асерции, модальные рамки, рамки наблюдения, в которых содержатся оценки говорящего и пространственное или временное положение наблюдателя относительно частей описываемой ситуации.

Важное свойство интегрального описания языка – выявление процессов взаимодействия языковых единиц. Ю.Д. Апресян выдвинул понятие нетривиального правила семантического взаимодействия и предложил типологию таких правил. По природе взаимодействующих единиц он выделяет правила взаимодействия лексических значений с грамматическими, лексических значений друг с другом и грамматических значений друг с другом; по механизмам взаимодействия – правила семантического согласования, семантической модификации и семантической области действия. В связи с правилами модификации было предложено различать сильные и слабые компоненты значений.

Все эти идеи были воплощены Ю.Д. Апресяном в нескольких словарях, сделавших его выдающимся лексикографом XX–XXI вв. Его первыми словарными опытами были «Русский глагол – венгерский глагол» (1982), «Англо-русский синонимический словарь» (1988) и «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» (1984) под редакцией И.А. Мельчука и А.К. Жолковского, в работе над которым он принял активное участие. «Новый большой англо-русский словарь» – трехтомный и самый большой из существующих англо-русских словарей, вышедший под его редакцией в 1994 г., спустя почти 20 лет был существенно переработан, расширен и выпущен в виде электронного приложения. Новое издание было подготовлено коллективом из четырех авторов (Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Л.Л. Иомдин,

Б.Л. Иомдин), и каждую страницу этого огромного словаря Юрий Дереникович перечитывал, пересматривал и обновлял.

В 1990 г. Ю.Д. Апресян смог вернуться в Институт русского языка и собрал там новый коллектив – сектор теоретической семантики, который за 14 лет подготовил и выпустил еще один новаторский лексикографический продукт – «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка». В 2004 г. за этот словарь ему была присуждена Золотая медаль имени В.И. Даля.

Работая над всем массивом русской лексики, Ю.Д. Апресян исходил из провозглашенного им принципа системной лексикографии, видя в языке не просто инвентарь лексических единиц, а сложно организованную систему. Выявляя и описывая эту систему, он предложил дополнять выделение лексикографических типов (множеств слов с одинаковыми свойствами) созданием лексикографических портретов (индивидуальных особенностей каждого слова). Ювелирная работа по сочетанию этих противонаправленных процедур делает лексикографические описания, выполненные Ю.Д. Апресяном, выдающимся образцом жанра. Читатели словарей Апресяна восхищаются их аналитической точностью, ясностью и одновременно безукоризненным стилем, достойным лучших образцов изящной словесности (Вот где воплотилась детская мечта стать писателем!).

Последние двадцать лет Юрий Дереникович, наряду с научными исследованиями, работал над «Активным словарем русского языка». Этот словарь призван впервые воплотить в себе идеи интегрального описания языка и системной лексикографии на обширном материале: словарь должен включить в себя полное описание всей лексики, которой активно владеет образованный носитель языка. Каждая словарная статья этого словаря содержит не только аналитические толкования и примеры из Национального корпуса русского языка, но и дополнительную информацию о расширенных употреблениях, ограниченной сфере использования некоторых лексем, управлении, сочетаемости, различиях в употреблении грамматических форм, синонимах, аналогах, антонимах, дериватах. В 2020-2021 годах, когда пандемия коронавируса замедлила и осложнила работу множества людей, в том числе и авторов словаря, именно Юрий Дереникович Апресян – в девяностолетнем возрасте! – был самым активным автором, ежемесячно создававшим новые словарные статьи. Последние статьи его авторства, на букву М, еще не опубликованы. Хочется надеяться, что начатое им дело будет доведено до конца и мир увидит полное издание «Активного словаря русского языка», над которым продолжает работать созданная Юрием Дерениковичем группа лексикографов.

Благодаря неиссякаемой энергии и трудолюбию Ю.Д. Апресян работал до самого конца в Институте русского языка РАН и в Институте проблем передачи информации РАН. Он успевал проживать две жизни, тесно переплетенные многочисленными научными и дружескими связями, стал учителем и духовным лидером обоих созданных им коллективов.

Вклад Ю.Д. Апресяна в науку о языке получил широкое признание как в России, так и за рубежом. В 1992 г. он был избран действительным членом Российской академии наук, в 1993 г. ему была присуждена премия Гумбольдта, с 2005 г. он Doctor Honoris Causa Софийского университета имени Святого Климента Охридского, с 2008 г. – иностранный член Национальной академии наук Республики Армения, с 2012 г. – Doctor Honoris Causa Варшавского университета (Польша). Его имя знают лингвисты и лексикографы во многих странах мира.

Юрий Дереникович Апресян ушел, но он навсегда останется в своих книгах и в памяти его коллег, друзей, учеников и последователей.

Друзья, коллеги, ученики

An Epoch Has Ended: to Apresjan's Dear Memory

Igor MEL'ČUK✉

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal, Canada

✉igor.melcuk@umontreal.ca

I beg your pardon: my heart is bleeding, and I am unable to find the proper words.

Even in normal circumstances it would be extremely difficult for me to write about Jurij Apresjan—the First Linguist of Russia, a famous scientist and scientific organizer, the author of hundreds of brilliant research works, renowned professor, member of the Russian Academy of Sciences, etc., etc., etc. Because for more than 60 years he has been for me just Jura—the closest colleague, the most intimate friend, the person whose life, thoughts and activities have been so inseparably interwoven with mine. How can I write about somebody who is so close? One cannot grasp with one's eyes a gigantic object from a minimal distance. And exactly what should I say about Jura at this tragic moment? Should I talk about Apresjan-linguist or about Apresjan-man?

No easy answer. Apresjan-linguist and Apresjan-man cannot be separated. The **amazing integrity**, the **wholeness** of Apresjan's personality is, I believe, his defining property and his major advantage.

It is this feature that allowed Apresjan to brilliantly develop a new branch of linguistics—lexical semantics. His book *Lexical Semantics: Synonymic Means of Language* (1974) determined for years the progress in this domain. Even today—half a century later—it still is a treasury of valuable ideas and interesting linguistic facts. In this book Apresjan has defined SYNONYMY—that is, PARAPHRASING—as the basic phenomenon in linguistic semantics, underlying all theories and descriptions. Synonymy has always been the focus of Apresjan's linguistic interest from the very beginning of his scientific career (he produced two dictionaries of synonyms—for English and for Russian).

Drastically simplifying the real picture, one can indicate the starting postulate and two interrelated principles that define Apresjan's linguistic approach reasonably well.

The postulate: The lexicon is at the center of linguistic endeavor. Lexicon-oriented linguistics in 1960s and 1970s? This opinion flew in the face of the approaches and theories that were dominating then. But in spite of ideological and practical difficulties Apresjan managed to swing Russian linguistics towards the lexicon. A very profound and multifaceted study of lexical stock became the main

content of the research activities of contemporary Russian linguists. This activity (in Apresjan's spirit) can be characterized in the following way.

Principle 1 The Language must be described as a whole; Saussure's slogan "La langue est un système où tout se tient" is to be taken literally. Hence Apresjan's call for an INTEGRAL language description, in which the lexicon is well tuned to the grammar and the grammar rules ($\approx$ syntax + morphology) are constructed with a meticulous regard for the lexicon. This orientation led to the theory of SYSTEMIC LEXICOGRAPHY: the lexical stock of a language has to be presented as a well-organized system.

Principle 2 Each lexical unit is in itself a complex world: it requires a "lexicographic portrait" (Apresjan's term!)—a detailed and formal description, which covers all particularities of its use; this description is a *sui generis* model of the lexical unit. Attaining this goal requires processing a huge bulk of language materials—not computer-statistical processing, but genuinely linguistic one, where the researcher's intuition, knowledge and logic play the central role.

It seems that with respect to the sheer mass of data he had gone through Jurij Apresjan is ahead of all linguists I know. In particular, he was a highest-class professional lexicographer; his 3-volume *New English-Russian Dictionary* is beyond any doubt the best dictionary of such type in Russia. In this sense Apresjan was unique: what other linguist of Apresjan's standing has a comparable experience of lexicographic work? This practical and theoretical exposure to lexicography allowed Apresjan to launch a study of Russian lexical stock like never before—colossal as far as its volume, its precision and its scientific-cultural significance are concerned: *Active Dictionary of Russian Language*. No wonder that Apresjan was propelled to the position of the universally acclaimed head of the Moscow Semantic School.

But Apresjan's important contribution to linguistics is by no means limited to the lexicography and dictionaries. Here are a few more specific results, each one of which would secure him a place in world's linguistics.

1. The notion of regular polysemy; Apresjan established practically all types of regular polysemy in Russian.

2. The notions of 'personal sphere' (necessary for the description of such meanings as 'reproach' or of the opposition of Rus. TY vs. polite VY) and 'Observer' (a fictitious person who the Speaker postulates to mark the beginning of coordinates in the situation under description; in the sentence *The road turned left* the word LEFT means 'left with respect to the eye orientation of the Observer').

3. Strict distinction between the meaning of a lexeme and its connotation. It was Apresjan who introduced into consideration the immortal contrast OŠEL ~ IŠAK: both lexemes mean 'donkey', but have different connotations: *rabotat' kak ošel* ('stupidly') vs. *rabotat' kak išak* ('too much and resignedly').

4. The deep link between linguistic anomaly and grammatical/semantic phenomena such as presupposition and locutional frame, which supplies the means to distinguish between linguistic anomaly and logical absurdity (**one books* is

linguistically bad, but *many books in quantity of one* is linguistically absolutely OK, although absurd).

5. The necessity to describe prosody in a lexicon. Thus, the following two Russian lexemes are formally distinguished by prosody: NASTOJAŠČIJ#I and NASTOJAŠČIJ#II (both translated ≈ ‘real’):

Èto nastojáščij̄ saxar ‘This is genuine sugar’ vs. *Èto nastojáščij̄ | sáxar* ‘This is quite similar to sugar’.

6. The Apresjan-Green criterion (first introduced by Georgia Green, but rigorously formulated by Apresjan) allows the researcher to check logical disjunction in a lexicographic definition: If the definition of lexeme L includes logical disjunction—a component of the form ‘ σ_1 or ‘ σ_2 ’, then it is possible to find a sentence containing L in which a lexeme L_1 is semantically related to ‘ σ_1 ’ and another lexeme L_2 , to ‘ σ_2 ’: e.g., ‘X cools down’ = ‘X becomes colder or cold’ in the sentence *The coffee cooled down first slightly_{L1}, and then completely_{L2}*; if such a sentence is impossible, L must be split into two lexemes.

7. The notion of semantic quark: this is a “portion” of meaning smaller than a semanteme (= the meaning of a lexeme of the language), such as ‘stativity’. The semantic difference between Russian verbs XOTET’ ‘to want’ and ŽELAT’ ‘to desire’ seems to be a semantic quark, as is the semantic component ‘kauzirovat’, widely used in Russian semantics (Russian has no lexeme expressing the meaning ‘to cause’).

And that is far from all: Apresjan produced a full-fledged theory of antonymy and successfully studied the semantics of Russian verbal aspect, revealed interesting communicative distinctions between close synonyms and...—but I have to stop, since it is impossible to list all Apresjan’s linguistic achievements.

Apresjan’s scientific style is characterized by extreme clarity, transparent purity (nothing spurious!) and artistic elegance. To read his texts is easy and pleasant, no matter how logically complex they are. One of preferred Apresjan’s words is NEPRINUŽDĚNNO ‘easily, effortlessly, naturally’: he wrote exactly *neprinuždĕnno*, which guarantees the reader’s admiration.

In the 1970s, during Brezhnevian “stagnation,” Apresjan was fired from the Institute of Russian language—because of his unflinching principled attitude with respect to an open letter he had signed in defense of two writers unjustly thrown in gulag (Sinjavskij and Daniel). Having refused to play in the Communist theater according to Communist rules, Apresjan went to work in an information-processing research center of the Ministry for Electric Machinery. An excellent organizer, he managed to create there a kind of shelter for a team of extra-class Russian linguists sacked previously from official research institutions for political reasons. This team was forced to develop two machine-translation systems (French and English to Russian), and as a result they discovered and described a huge mass of Russian

syntactic facts. Once again, by creating this quite unconventional and unimaginable linguistic research center, Apresjan demonstrated his strong and integer personality and his brilliant mind, as well as his incomparable human qualities.

With Gorbachev's "perestroika" Apresjan returned to the Academy of Sciences—to the Institute of Russian language; he was elected academician and headed a newly formed research team; the most ambitious and promising project was launched, mentioned above: *Active Dictionary of Russian*. The semantic and syntactic description of Russian lexicon was carried out with such precision and exhaustiveness that it seems impossible to do something like that any better or more complete. As everything that Apresjan has created, the *Active Dictionary* is irradiating boundless and unconditional love for Language, this necessary attribute of real linguistics. And Apresjan's instruction for the compilation of this dictionary—in point of fact, a brilliant detailed description of the format of a modern semantics-based dictionary—would alone be sufficient to make him one of the leading linguists of our times.

Apresjan "exegit monumentum aere perennius": his immense research work, his four grandchildren and an invisible kingdom of love and admiration in the hundreds of human hearts. On May 12, 2024 he completed his earthly journey, leaving behind such a rich inheritance.

2024.05.15